Chlěbnikov, Nikolaj Ivanovič

O Vlijanii obščestva na organizaciju gosudarstva v carskij period russkoj istorii

S.-Peterburg 1869

Russ. 228 c
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783772-0

Russ.
228
c

Отд. 947.
№ 828
[...]тральная Великолуцкая
[Н]ародная Библіотека.

9/591

Chlěbnikov

[R]uss.
228 c

9/12898

4122

auf 15

758

NX118

1437

B3g Weller

E

<36635001630017

<36635001630017

Bayer. Staatsbibliothek

6847

12

9
12898

О вліяніи общества

НА ОРГАНИЗАЦІЮ ГОСУДАРСТВА

ВЪ ЦАРСКІЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Соч. Н. Хлѣбникова.

ВЕЛИКОЛУЦКАЯ БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВЕННАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1869.

g.n-5170

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Типографія А. М. Котомина, Вознесен. пр., д. № 23/81.
Содержатель Типографіи жит. имѣетъ Коломен. части, 1 уч. по Фонтанкѣ, д. № 131, кв. № 2.

О ВЛІЯНІИ ОБЩЕСТВА
НА ОРГАНИЗАЦІЮ ГОСУДАРСТВА
ВЪ ЦАРСКІЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Pour juger le passé, il ne faut pas l'étudier avec la préocupation ou avec le dégoût du présent.

Laurent. Études sur l'histoire de l'humanité. T. VII, page 181.

ВЕЛИКОЛУЦКАЯ
БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВЕННАЯ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Царскій періодъ Русской исторіи есть одна изъ самыхъ интересныхъ эпохъ нашей жизни, къ которой еще многіе и многіе будутъ обращаться, чтобы уяснить наше настоящее. Но изученіе этого періода не могло быть столь плодотворнымъ до тѣхъ поръ, пока освобожденіе крестьянъ и всѣ другія, непосредственно связанныя съ нимъ реформы, не облили яркимъ свѣтомъ наше прошлое и не поставили историка настоящаго времени на такую высоту, съ которой онъ спокойно можетъ взирать на это прошлое. Въ самомъ дѣлѣ, 19 февраля 1861 года было завершеніемъ цѣлой эпохи Русской исторіи, эпохи, въ которую русское общество сознало себя несостоятельнымъ для образованія свободнаго государства и одно за другимъ закрѣпляло всѣ общественные классы, начиная отъ служилаго сословія и кончая городскимъ

классомъ. Въ настоящее время, когда одни за другими всѣ общественные классы освободились, пришла пора взглянуть безпристрастно на Старую Русь и осмыслить причины, приведшія ее къ крѣпостнымъ формамъ государственнаго устройства, потому что, можно сказать, сама жизнь даетъ въ руки историка факты и принципы, способствующіе къ уясненію этой задачи.

Избравъ предметомъ настоящаго сочиненія Царскій періодъ Русской исторіи, я далекъ отъ мысли, что могу исполнить удовлетворительно эту задачу, требующую, по моему мнѣнію, совмѣстной дѣятельности многихъ умовъ, долголѣтняго и внимательнаго изученія. Я думаю только, что не слѣдуетъ избѣгать задачи, которую навязываетъ время потому только, что нельзя быть увѣреннымъ въ удовлетворительномъ исполненіи ея. Я думаю, что я исполню свое дѣло, если ошибки моего труда дадутъ возможность будущимъ изслѣдователямъ избѣжать ихъ.

Въ настоящее время, я представляю только первую часть моего труда, обнимающую время отъ 1547 по 1676 годъ. Въ будущемъ я надѣюсь представить и вторую часть, которая обниметъ время отъ 1676 по 1721 годъ. Эту первую часть моего труда я дѣлю на три отдѣла, которые, по моему мнѣнію, рѣзко отличаются одинъ отъ другаго.

Первый отдѣлъ обнимаетъ собою время царствованія Іоанна IV, отъ 1547 по 1584 годъ, подъ общимъ названіемъ: „время политическаго и умственно-религіознаго движенія“.

Второй отдѣлъ отъ 1584 по 1613 годъ, подъ общимъ названіемъ: „время борьбы за крѣпостное право“.

Третій отдѣлъ отъ 1613 по 1676 годъ, подъ общимъ названіемъ: „время политической и религіозной реакціи“.

Въ первомъ и третьемъ отдѣлахъ я старался, на сколько это было въ моихъ силахъ и средствахъ, разсмотрѣть соотвѣтствующее имъ время жизни русскаго общества, сколь возможно многостороннѣе; я старался указать, какое вліяніе имѣли экономическія условія и умственно-религіозное направленіе нашего общества на государственную организацію и какое вліяніе эта послѣдняя, въ свою очередь, оказывала на экономическое благосостояніе и умственное развитіе общества. Экономическія условія общества наиболѣе занимали меня, потому что я думаю, что они многое объясняютъ въ жизни народа.

При изученіи разныхъ сторонъ нашей прежней жизни, я часто прибѣгалъ къ сравненію съ соотвѣтственными сторонами европейской жизни, потому что я думаю, что во многихъ отношеніяхъ всѣ народы шли по одному и тому же пути, боролись съ тѣми же препятствіями; даже очень полезно сравненіе тѣхъ сторонъ жизни одного народа, которыя, повидимому, имѣютъ мало сходства съ соотвѣтствующими сторонами жизни другаго народа, потому что исключенія и особенности даютъ иногда возможность лучше понять общіе законы.

Въ заключеніе я еще разъ считаю долгомъ сказать, что

буду считать себя удовлетвореннымъ, если мои ошибки поведутъ другихъ къ лучшему пониманію законовъ нашего развитія и мы когда нибудь будемъ разсуждать о нашемъ прошломъ и настоящемъ безъ нелѣпаго самоуничиженія и безъ самовосхваленія, еще болѣе нелѣпаго.

Авторъ.

Могилевъ.
6-го іюня 1869 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ВРЕМЯ ПОЛИТИЧЕСКАГО И УМСТВЕННО-РЕЛИГІОЗНАГО БРОЖЕНІЯ.

ГЛАВА I.

Царская власть и служилый классъ.

Причины возвышенія царской власти: неспособность сѣверныхъ республикъ объединить государство; потребность сильной власти для общества, вслѣдствіе географическаго положенія страны; соціальное положеніе высшихъ классовъ.— Почему на Западѣ развилась могущественная аристократія и почему такой не образовалось у насъ до и послѣ Іоанна III.—Составъ служилаго сословія.—Вотчинное и помѣстное право.—Количество собственности, бывшее во владѣніи высшей аристократіи.—Цѣнность имѣній и доходъ ихъ.—Положеніе дѣтей боярскихъ. — Сравненіе европейскаго конника и сына боярскаго. — Цѣнность вооруженія конника.—Его годовое содержаніе.—Доходъ съ обыкновеннаго участка земли, принадлежащаго сыну боярскому.—Почему аристократія этого времени не имѣла корпоративнаго духа и не стремилась оградить свои права.—Придворныя должности и ихъ доходы. — Кормленіе. — Нравы высшей и низшей аристократіи . . 1

ГЛАВА II.

Крестьяне.

Аристократія обыкновенно стремится образовать крѣпостное право, а монархія, напротивъ, стремится къ равенству.— Почему у насъ не образовалось крѣпостное право въ древнѣйшей Руси.—Что такое крестьянскій участокъ земли.—Бюджетъ крестьянина.—Крестьяне, живущіе на черныхъ земляхъ.— Привлекательныя стороны быта монастырскихъ крестьянъ.—Крестьяне, живущіе на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ.—Отношеніе царской власти къ крестьянамъ разныхъ видовъ.— Способъ управленія черносошныхъ крестьянъ и крестьянъ владѣльческихъ.— Общія черты крестьянскаго быта 44

ГЛАВА III.

Города.

Почему наши города не развивались такъ быстро, какъ города въ Европѣ.—Условія нашей торговли.—Торговыя области.—Торговыя пошлины.—Кто пользовался ими и какъ онѣ взимались.— Хотя вся торговля производилась по преимуществу крестьянскими товарами, но крестьянинъ рѣдко могъ рѣшиться ѣхать въ городъ, чтобы продать товаръ.—Составъ городскаго народонаселенія: дворы дѣтей боярскихъ, монастырскіе дворы, гости, гостиныя сотни, категоріи посадскихъ.—На чьихъ земляхъ строились города и въ какихъ отношеніяхъ они были къ владѣльцамъ.—Черная городская община.—На какія суммы производилась торговля.—Народонаселеніе въ городахъ.— Характеръ торговли.— Городскіе дворы и ихъ цѣнность . 69

ГЛАВА IV.

Областныя учрежденія XVI вѣка.

Способъ образованія государствъ опредѣляетъ будущій характеръ мѣстнаго управленія.—Областное управленіе во Франціи и

въ Англіи въ періодъ господства частнаго права.—Административное дѣленіе Руси во время Іоанна IV.—Характеръ управленія намѣстниковъ и волостелей.—Возникновеніе общинъ въ XV вѣкѣ.—Уѣздные общины пріобрѣтаютъ участіе въ судѣ, право раскладки податей, губное право, но разрозненность общественныхъ элементовъ уѣзда мѣшаетъ имъ прочно организоваться.— Нѣкоторые города отдѣляются отъ уѣздовъ и образуютъ отдѣльные округи.—Почему наше городское самоуправленіе не могло развиться такъ широко, какъ въ Англіи и Франціи.—Указаніе на причину паденія нашего самоуправленія.—Управленіе нѣкоторыми пограничными городами имѣло другой характеръ . . . 83

ГЛАВА V.

Отношеніе церкви къ обществу и государству.

Какое религіозное направленіе способствуетъ развитію государства, и какое дѣлается тормазомъ общественнаго и государственнаго движенія. — Борьба церкви съ варварскимъ обществомъ.— Характеръ религіозности.— Недостатокъ нравственно-религіознаго просвѣщенія и печальныя слѣдствія этого.—Монастыри. — Причина ихъ быстраго умноженія. — Польза, которую они приносили обществу.—Ихъ внутреннее устройство и управленіе.—Нравы.—Церковное устройство и управленіе. — Центральныя учрежденія епархій.—Провинціальныя учрежденія епархій.—Приходы.—Церковное устройство измѣняется, вмѣстѣ съ государственнымъ устройствомъ.—Способъ избранія и содержанія властей и бѣлаго духовенства.—Образованность священниковъ.—Отношеніе государственной власти къ церкви 110

ГЛАВА VI.

Умственно-религіозное движеніе XVI вѣка.

Іоаннъ IV подъ вліяніемъ новыхъ религіозныхъ идей стремится къ исправленію церкви на Стоглавомъ соборѣ.— Ученіе Зхарія произвело умственное движеніе въ обществѣ самаго разнообразнаго характера.—Борьба между внѣшне-обрядовымъ почитаніемъ христіанства и новымъ ученіемъ, стремящимся дойти до пони-

манія его духа. — Максимъ Грекъ и его ученіе. — Вассіанъ Косой. — Новое появленіе ереси. — Θеодосій Косой. — Матвѣй Башкинъ. — Великія слѣдствія этого движенія для общественной и государственной жизни 135

ГЛАВА VII.

Отношеніе Царской власти къ обществу.

Русскій человѣкъ XVI вѣка находился въ борьбѣ между двумя противуположностями: съ одной стороны инстинкты дикой натуры, съ другой церковные идеалы. — Характеръ Іоанна IV есть полное выраженіе хорошихъ и дурныхъ сторонъ вѣка. — Попытки теократической организація государства. — Попытки церковной реформы не принесли плодовъ. — Общественные классы и ихъ интересы. — Необходимость самодержавія. — Взглядъ Іоанна IV на свою власть. — Іоаннъ покровительствуетъ и защищаетъ низшіе классы. — Боярская Дума и ее значеніе. — Приказы и ихъ значенія. — Государственные доходы и войско. 150

ОТДѢЛЪ II.

Съ 1583—1613 г.

ГЛАВА VIII.

Время борьбы за крѣпостное право.

Связь между политической исторіей и исторіей законодательства въ смутное время. — Борисъ, желая войти на тронъ, ищетъ опоры въ духовенствѣ и служиломъ сословіи. — Прикрѣпленіе крестьянъ, вытекавшее изъ политическихъ и экономическихъ причинъ, въ то же время совпадало съ личнымъ интересомъ Бориса. — Земскій соборъ и возшествіе на престолъ Бориса. — Интриги аристократіи и мѣры противъ нея Бориса. — Борисъ ищетъ опоры въ

крестьянствѣ.—Причины его паденія.—Лжедимитріи I, причины его быстраго успѣха и паденія.—Боярскій Царь Василій и его запись.—Сравненіе ея съ англійской хартіей.—Недостатки характера Василія.—Появленіе втораго самозванца и причины его быстраго успѣха, вслѣдствіе демократической программы.—Эта программа была не исполнима.—Василій и самозванецъ въ разгарѣ борьбы измѣняютъ тактику.—Успѣхъ Василія и паденіе самозванца. — Появленіе поляковъ. — Сверженіе Василія и причины его.—Присяга боярамъ.—Фактъ сверженія Василія наиболѣе поразилъ духовенство и Гермогена.—Призваніе Владислава.—Договорная грамота съ нимъ.—Недовольство народа новымъ актомъ боярскагопроизвола.— Возстаніе народа имѣетъ религіозно-демократическій характеръ 183

ОТДѢЛЪ III.

ВРЕМЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И РЕЛИГІОЗНОЙ РЕАКЦІИ.

отъ 1613 по 1676 годъ.

ГЛАВА IX.

Служилое сословіе.

Послѣ смутнаго времени общество снова сознало необходимость царской власти, но она возвышается на другихъ началахъ.—Все служилое сословіе естественно дѣлится на четыре класса.—Чины и должности принадлежащіе по родовому праву знатнѣйшимъ родамъ: боярство, окольничество, конюшество, дворечество.—Среднія придворныя должности. — Преобладаніе родоваго начала порождаетъ страшное мѣстничество. — Мѣры противъ него.—Низшіе придворные чины и должности и ихъ назначеніе. — Дворяне и дѣти боярскіе.—Верстанье дѣтей боярскихъ. — Измѣненія помѣстнаго и вотчиннаго права, какъ слѣдствіе новыхъ началъ нашей исторіи. — Общество, сдѣлавъ большія успѣхи въ вотчинномъ правѣ, не сдѣлало почти ничего въ огражденіе права лич-

наго.—Нравы и обычаи служилаго класса измѣнялись медленно, потому что медленно измѣнялись политическія и экономическія условія нашей жизни. — Значеніе этого періода 556

ГЛАВА X.

Крестьяне.

При Михаилѣ Өедоровичѣ укрѣпленіе крестьянъ за помѣщиками идетъ медленно.—Откуда происходило различіе въ характерѣ прикрѣпленія черносошныхъ крестьянъ отъ помѣстныхъ и вотчинныхъ?—Существованіе вольныхъ крестьянъ на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, живущихъ по ряднымъ записямъ, и причины этого факта.—Характеръ управленія монастырскими имѣніями.—Монастырскій соборъ поддерживаетъ крестьянскую общину.—Общій интересъ крестьянъ всѣхъ родовъ—государственныя повинности и губное дѣло поддерживаетъ участіе даже прикрѣпленныхъ крестьянъ въ управленіи уѣздомъ.—Полное прикрѣпленіе крестьянъ при Алексѣѣ Михайловичѣ и слѣдствія его.—Особенность нашего крѣпостнаго права.—Крестьяне дворцовые и черныя слободы при Алексѣѣ Михайловичѣ.—Выпускъ мѣдныхъ денегъ и неразрывно съ нимъ связанныя страшныя финансовыя мѣры были главною причиною бунта Степана Разина 253

ГЛАВА XI.

Города.

Городской классъ есть точно такой же служилый классъ, какъ дворяне и дѣти боярскіе.—Монополіи, казенныя службы и налоги дѣлаютъ положеніе посадскаго человѣка весьма тяжелымъ.—Незначительное число посадскихъ въ городахъ.—Начало великихъ реформъ въ городскомъ устройствѣ, измѣняющее совершенно отношеніе правительства къ городамъ.—Составъ городскаго населенія . 282

ГЛАВА XII.

Областное управленіе.

Измѣненіе соціальныхъ условій влекло за собою измѣненіе областнаго управленія. — Правительство старается только косвенно оградить общество отъ воеводскихъ злоупотребленій, не уменьшая власть воеводы. — Власть воеводы и его разнообразныя права. — Государство смотрѣло на личность, какъ на податную единицу или рабочую силу. — Характеръ управленія воеводъ въ Сибири . 297

ГЛАВА XIII.

Отношеніе церкви къ обществу и государству.

Въ XVII столѣтіи произошло важное измѣненіе какъ во внутренней религіозной жизни общества, въ области религіозныхъ идей, такъ и въ характерѣ церковнаго устройства и управленія.— Умственное движеніе прошлаго вѣка произвело три религіозныя направленія въ обществѣ: немногочисленный классъ религіозныхъ радикаловъ, умѣренныхъ религіозныхъ новаторовъ и партію безусловныхъ приверженцовъ старины.—Существенная необходимость и великое значеніе Никоновой реформы.—Устройство и управленіе церковью: соборы и ихъ значеніе, центральные патріаршіе приказы, мѣстные епархіальные приказы и десятинники.—Состояніе монастырей.—Приходскія церкви и бѣлое духовенство.—Отношеніе царской власти къ церкви. 321

ГЛАВА XIV.

Отношеніе царской власти къ центральному управленію.

Избраніе на царство Михаила Ѳедоровича Романова. — Какія причины заставили вновь избраннаго Царя созывать соборы.—

Почему общество не могло воспользоваться этими соборами, чтобы навсегда увѣковѣчить свое участіе въ дѣлахъ государства.—Земскіе Соборы царствованія Михаила и Алексѣя Михайловича и ихъ результаты.—Боярская Дума, ея составъ и предметы вѣдѣнія.—Административные приказы и характеръ управленія государствомъ.—Финансовые приказы и государственный бюджетъ.—Войско и военные приказы.—Судебные приказы.—Полицейскіе приказы . 251

ОТДѢЛЪ I.

ГЛАВА I.

Царская власть и служилый классъ.

Причины возвышенія царской власти: неспособность сѣверныхъ республикъ объединить государство; потребность сильной власти для общества, вслѣдствіе географическаго положенія страны; соціальное положеніе высшихъ классовъ.—Почему на Западѣ развилась могущественная аристократія и почему такой не образовалось у насъ до и послѣ Іоанна III.—Составъ служилаго сословія. — Вотчинное и помѣстное право. — Количество собственности, бывшее во владѣніи высшей аристократіи. — Цѣнность имѣній и доходъ ихъ.—Положеніе дѣтей боярскихъ. — Сравненіе европейскаго конника и сына боярскаго. — Цѣнность вооруженія конника. — Его годовое содержаніе. — Доходъ съ обыкновеннаго участка земли, принадлежащаго сыну боярскому. — Почему аристократія этого времени не имѣла крѣпостнаго духа и не стремилась оградить свои права. — Придворныя должности и ихъ доходы. — Кормленіе. — Нравы высшей и низшей аристократіи.

При вступленіи въ Царскій періодъ Русской исторіи, первый фактъ, который поражаетъ наше вниманіе,—это быстро возросшее въ два предшествующихъ великокняжескихъ періода, Московское государство и, вмѣстѣ съ нимъ еще болѣе растущая и крѣпнущая власть Московскаго Государя. Она быстро уничтожаетъ маленькихъ самостоятельныхъ князей, наслѣдство удѣльнаго періода, и побѣдоносно выходитъ изъ борьбы съ сѣверными республиками. Гдѣ же объясненіе этого великаго явленія? Оно заключается въ томъ, что Московскій Государь явился

выразителемъ стремленій русскаго общества, сознававшаго необходимость образовать сильное и могучее государство, чтобы съ успѣхомъ бороться съ своими врагами. Великое дѣло объединенія могла совершить только монархія, а потому не только маленькія удѣльныя княжества, но и сѣверныя республики должны были преклониться предъ ней, потому что онѣ, по своему устройству, не могли совершить это національное дѣло. Бросимъ бѣглый взглядъ на устройство городскихъ республикъ, чтобы убѣдиться въ этомъ несомнѣнномъ фактѣ.

Городская республика и княжество — вотъ самыя простыя формы, въ которыя выливается жизнь организующагося племени. Обѣ эти формы, вслѣдствіе ихъ простоты, мы находимъ у колыбели развитія всѣхъ народовъ. Чрезвычайно просты формы городской республики: немногочисленные жители города сходятся на площадь, чтобы рѣшать немногосложныя дѣла города и прилегающей къ нему территоріи. Для этой цѣли форма городской республики очень легка и пригодна. Но эта форма дѣлается весьма неудовлетворительной, когда молодая республика растетъ и покоряетъ себѣ большую територію, образуя подчиненные себѣ города. Вся трудность состоитъ въ управленіи подчиненными городами. Для управленія подчиненныхъ городовъ, главная республика можетъ прибѣгнуть къ тремъ формамъ: 1) пригороды будутъ управляться чиновниками, посылаемыми вѣчемъ главнаго города; 2) главная республика можетъ допустить самостоятельность вѣча пригородовъ въ извѣстныхъ границахъ; 3) главная республика вмѣстѣ съ пригородомъ составитъ федерацію городскихъ республикъ. Центральная республика не можетъ допустить вполнѣ самостоятельныя вѣча въ подчиненныхъ городахъ или пригородахъ, потому что тогда теряется вся власть главнаго города. При управленіе подчиненными городами посредствомъ чиновниковъ, посылаемыхъ отъ вѣча главнаго города, чрезвычайныя трудности возникаютъ изъ противорѣчія принциповъ, потому что, въ этомъ случаѣ подчиненныя республики будутъ управляться монархически, тогда какъ главный

городъ управляется республикански. Такое противорѣчіе будетъ вызывать постоянную вражду пригородовъ. Если-же центральная республика, не уничтожая совершенно вѣча пригородовъ, захочетъ соединить и то и другое начало, т. е. будетъ посылать въ пригороды чиновниковъ отъ главнаго вѣча и дозволитъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, самостоятельность ихъ собственнымъ вѣчамъ, то эта двойственность неминуемо вызоветъ борьбу между жителями подчиненныхъ городовъ и администраціей царствующаго города. Одна только городская республика, — Римъ, съумѣла нѣкоторое время выходить побѣдоносно изъ этихъ противорѣчій; но и она должна была пасть, не смотря на громадные политическіе таланты Римлянъ. Уже Монтескьё (Causes de la grandeur et de la dècadence des Romains) паденіе римской республики приписывалъ ея громаднымъ завоеваніямъ. Союзническія войны лучше всего показываютъ, что Римъ, покоривши міръ, не могъ остаться въ формѣ городской республики. Третій выходъ изъ этого положенія былъ бы союзъ республикъ, федерація. Но эта форма—одна изъ самыхъ несчастныхъ. Если каждая республика, посылая депутатовъ въ центральный городъ, сохранитъ свои права верховной власти, то тогда всѣ государственныя предпріятія разобьются, сталкиваясь съ мѣстнымъ эгоизмомъ республикъ. Древній ахейскій союзъ, попытки средне-вѣковыхъ итальянскихъ городовъ, доказываетъ это, какъ нельзя лучше. Отъ этихъ неразрѣшимыхъ противорѣчій разбились всѣ попытки городскихъ республикъ, стремящихся образовать большое государство. Исторія Новгорода и Пскова представляетъ тысячу первый примѣръ безполезныхъ попытокъ — образовать изъ республикъ большое государство. Слабый пунктъ Новгорода и Пскова были подчиненные города, п. ч. они управлялись на основаніи всѣмъ извѣстнаго положенія: „на чемъ старшіе положатъ, на томъ пригороды станутъ“. Между пригородами и главнымъ городомъ шли вѣчные раздоры. Какъ скоро пригородъ дѣлался богатъ, онъ спѣшилъ отдѣлиться отъ главнаго города. Нечего было и думать, чтобы Новгородъ и Псковъ могли объединить Россію, а ме-

жду тѣмъ это единство было политической задачей, которую, во что бы то ни стало, мы должны были разрѣшить или погубить на всегда свою національную самобытность. Эту народную идею выставила на своемъ знамени Московская Монархія.

На сколько форма городской республики препятствуетъ образованію большаго національнаго тѣла, на столько же благопріятна для этой цѣли монархія. Главное преимущество ея состоитъ въ единствѣ дѣйствія, въ возможности дѣйствовать быстро. Въ монархіи власть, сосредоточенная въ однѣхъ рукахъ, легко связываетъ разрозненные интересы общества и даетъ имъ одно направленіе. Все государство управляется однообразно, а потому одни города не могутъ питать зависть къ другимъ. Аристократія всей территоріи легко примыкаетъ къ монархіи, какъ къ ея естественному центру, низшіе классы видятъ въ ней своего защитника.

Какъ скоро въ Россіи общество, наученное татарскимъ игомъ, узнало тяжелымъ опытомъ необходимость образовать большое тѣло, то судьба сѣверныхъ городовъ была рѣшена. Ихъ покорилъ не Іоаннъ III, или Василій, но ихъ покорилъ Дмитрій Донской, поднявъ знамя борьбы съ татарами.

Какъ скоро Москва подняла знамя борьбы, общественное мнѣніе въ старой Руси сдѣлалось монархическимъ. Всѣ увидѣли въ монархіи спасеніе политической самостоятельности народа. Но если предъ идеей народнаго единства не могли устоять республики, то еще менѣе могли держаться маленькіе, самостоятельные владѣтели. Они не могли удовлетворять ни интересамъ аристократіи, ни интересамъ низшихъ классовъ. Маленькій дворъ маленькаго государства тяжелѣе ложится на жителей, чѣмъ содержаніе двора и администраціи большаго государства. Не удовлетворяя мѣстныхъ жителей, маленькіе владѣтели представлялись только препятствіемъ для велико-національной цѣли. Они пали безъ борьбы, ни кѣмъ не оплакиваемые, не оставляя послѣ себя воспоминаній, которыя могли бы быть вредны центральной монархіи.

Созданная борьбой съ татарами, самодержавная власть

Московскаго Государя не уменьшалась, но увеличивалась, потому что политическое положеніе наше въ это время было таково, что Московское государство скорѣе похоже было на военный лагерь, чѣмъ на мирное общество людей, соединенныхъ во имя гражданскаго преуспѣванія. Существованію только что родившагося государства враги угрожали со всѣхъ сторонъ. Самая жизнь въ немъ носила совершенно военный характеръ. Каждый годъ ждали нападенія, говорили о войнѣ. Почти всѣ экономическія средства государства уходили на его защиту. Южныя границы тогдашней Руси тянулись въ нынѣшней Тульской, Калужской, Рязанской, Тамбовской, Орловской и Черниговской губерніяхъ. По этимъ границамъ шли засѣки, были построены острожки, города, имѣющіе исключительно военное населеніе и назначеніе. Такихъ городовъ было семь въ нынѣшней Тульской губерніи: Тула, Веневъ, Одоевъ, Бѣлевъ, Кошира, Александровъ, Чернь; шесть въ Рязанской губерніи: Рязань, Данковъ, Пронскъ, Михайловъ, Ряжскъ, Зарайскъ; семь въ Орловской губерніи: Орелъ, Болховъ, Корачевъ, Мценскъ, Брянскъ, Лихвинъ; въ нынѣшней Курской губерніи: Рыльскъ и Путивль; въ Черниговской губерніи: Новгородъ-Сѣверскъ, Стародубъ, Почепъ; въ Смоленской губерніи: Рославль, Красный; въ Тамбовской губерніи: Шацкъ (Д. Р. В. т. XIV и XV. Разряды). Въ большей части этихъ городовъ совсѣмъ не было посадскихъ даже въ XVII ст., что же касается до второй половины шестнадцатаго столѣтія, которое мы будемъ теперь разсматривать, то едва-ли можно думать, что хотя въ двухъ или трехъ городахъ, были торговые, городскіе жители. (Разряды, Т. I. ист. Соловьева т. XIII. Приложеніе). Жизнь сельскаго народонаселенія проходила въ вѣчной тревогѣ, въ вѣчной борьбѣ. Скачетъ вѣстникъ съ извѣстіемъ, что идутъ крымцы и крестьяне должны собираться въ городки, прятать въ землю хлѣбъ, уводить скотъ. Рѣдкій годъ проходилъ безъ набѣга, пожара и опустошенія. Плѣнъ былъ дѣломъ столь обыкновеннымъ, что государство ежегодно собирало суммы на выкупъ. Въ теченіи 20 лѣтъ, отъ 1556 до 1576 г., крымцы

сдѣлали 5 большихъ, не говоря уже о малыхъ нападеніяхъ (Д. Р. В., т. XIII и XIV. Разряды).

Едва-ли менѣе безопасна была наша Западная граница. Со стороны польской Украйны было 9, а со стороны нѣмецкой 22 города съ тѣмъ же назначеніемъ, какъ и южные города и съ тѣмъ же характеромъ. Я не перечисляю ихъ, чтобы не утомить читателя. Въ продолженіе тѣхъ-же 20 лѣтъ было 5 походовъ на нѣмцевъ и Литву (Разр., т. XIII и XIV, Д. Р. В.). Точно тоже самое было и на Востокѣ. Покореніе царства Казанскаго вызвало необходимость построить городки и въ этой странѣ какъ Свіяжскъ, Чебоксары, Василь, Тетюши, Ланшевъ, Арскъ, Алаторъ, Курмышъ. Въ теченіи этихъ же двадцати лѣтъ были два похода на Черемисъ въ 1573 и 1574 году. Маленькіе татарскіе князьки, жившіе на Волгѣ, дѣлали тоже безпрестанные набѣги.

Переносясь мыслію въ это тяжелое для насъ время, едва вѣришь тѣмъ усиліямъ, которыя должно было дѣлать молодое общество для своей защиты. Понятное дѣло, что общество смотрѣло, какъ на свое спасеніе, на ту власть, которая уже однажды спасла его отъ татаръ и теперь, сознавая свою силу, уже готовилась напасть и на другихъ враговъ, которые еще недавно были страшны.

Что такова была главная причина возвышенія царской власти, это можно доказать еще обратнымъ образомъ, указавъ на главныя причины развитія силы феодальныхъ бароновъ и паденія королевской власти въ Западной Европѣ. Съ перваго раза кажется, что главною причиной образованія феодальной аристократіи — было завоеваніе Германцевъ. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи фактовъ, Европейскіе ученые пришли къ убѣжденію, что завоеваніе имѣло лишь косвенное вліяніе на образованіе феодальной аристократіи. У Франковъ, въ продолженіи двухъ первыхъ столѣтій, не было аристократіи, существовали только свободные люди, пользующіеся всѣ одинаковыми правами (Laurent, T. V, ст. 212). Даже многіе изъ побѣжденныхъ достигли степени бенефиціаріевъ и графовъ; даже рабы возвышались до

первыхъ ранговъ общества. Время образованія аристократіи было послѣ раздачи помѣстій; оно относится къ VIII вѣку. Главныя причины феодализма заключаются не въ раздачѣ королемъ земель, но въ томъ, что получившіе эти земли успѣли присвоить себѣ наслѣдственную власть въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ они были первоначально просто чиновниками короля. Первоначально Франки тянули къ королю; обязанности къ феодаламъ развились только впослѣдствіи, когда большіе бароны, сдѣлавшись сильными въ провинціи, какъ наслѣдственные графы, стали раздавать ихъ аристократіи. Весь вопросъ заключается въ томъ, почему король, раздавъ большія владѣнія въ помѣстья баронамъ, не могъ удержать за собой власти отнять ихъ, когда сила бароновъ страшно росла. Главная причина слабости королевской власти, давшей усилиться феодализму, заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что европейскіе народы были безопасны отъ новаго нашествія. Въ силу этой безопасности, общественное мнѣніе не вызывало укрѣпленія центральной власти. Границъ не нужно было охранять, опасность грозила только отъ покореннаго населенія, а потому король долженъ былъ усиливать власть графовъ, какъ центровъ военной силы, на случай возмущенія. При отсутствіи національныхъ войнъ графы могли постоянно жить въ своихъ провинціяхъ, вслѣдствіе чего, естественно, сила ихъ увеличилась, тогда какъ отъ бездѣйствія королевская власть слабѣла и народъ забывалъ о ея существованіи. Мало по малу графы стали смотрѣть на всѣхъ поселенныхъ на ихъ землѣ, какъ на рабовъ; большинство завоевателей обратились въ крѣпостныхъ. (Gizot. L'his de gouv. répr).

Изъ всего вышеприведеннаго, мнѣ кажется, можно понять съ достаточной ясностью, почему быстро развилась наша монархія. Но все это для насъ будетъ еще болѣе ясно, если мы разсмотримъ подробно положеніе нашего служилаго сословія и его отношенія къ царской власти.

Въ древнѣйшемъ періодѣ Русской исторіи до Ивана III у насъ не могла образоваться аристократія по двумъ причи-

намъ, на которыя очень основательно указалъ г. Соловьевъ. Причины эти заключались: во-первыхъ, въ томъ, что наша дружина сохранила подвижный характеръ, вслѣдствіе удѣльной системы, и переходила вмѣстѣ съ своими князьями; во-вторыхъ, въ томъ, что, при малочисленности населенія и при огромномъ количествѣ земель, земли не имѣли цѣны (Солов. I, XIII, стр. 14 и слѣд.). Все это справедливо, но справедливо только до временъ Ивана III. Съ этого времени обстоятельства совершенно измѣнились: Москва, присоединивъ къ своимъ владѣніямъ большинство владѣній удѣльныхъ князей, тѣмъ самымъ, образовала около трона много фамилій, которыя имѣли наслѣдственныя земли. Самъ царь началъ раздавать земли въ помѣстья и образовалъ огромное количество поземельныхъ владѣльцевъ. Наконецъ, въ концѣ XVI вѣка, произошло прикрѣпленіе крестьянъ, слѣдовательно былъ готовъ и послѣдній элементъ, необходимый для образованія независимой аристократіи. Почему-же изъ всѣхъ этихъ элементовъ не выработалась независимая аристократія? Всѣ эти факты требуютъ, мнѣ кажется, новыхъ объясненій, которыя, по моему мнѣнію, заключаются: 1) въ военно-политическихъ обстоятельствахъ, сдѣлавшихъ дворъ Московскаго Государя центромъ національной жизни—а аристократію, военно-придворнымъ сословіемъ; 2) въ составѣ и имущественныхъ средствахъ аристократіи; 3) въ составѣ и имущественныхъ средствахъ дѣтей боярскихъ и низшей аристократіи. Разсмотримъ одну за другою всѣ эти причины.

Въ западной Европѣ служба аристократіи была тоже военная, но тамъ національныя войны были рѣдки. Аристократія жила въ провинціяхъ и пріобрѣтала вліяніе, въ силу своего административнаго значенія. У насъ, какъ я уже говорилъ, почти каждый годъ была война; военная служба была главной и исключительной службой аристократіи. Административная дѣятельность была отдыхомъ, который давался на время, до похода или престарѣлымъ воинамъ за ихъ негодность къ военнымъ обязанностямъ. Государь каждый моментъ могъ потребовать къ себѣ служилыхъ людей высшаго

и низшаго разряда и никто не могъ отказаться, потому что эта служба была потребностію общества. Когда мысли всѣхъ устремлены только на защиту общества, когда Государь является представителемъ этой національной идеи, тогда отказъ отъ службы дѣлается національнымъ преступленіемъ. Всѣ сознаютъ, что если откажется одинъ, то можетъ отказаться другой, третій и тогда государство погибнетъ. По необходимости нужно поручить Государю власть принужденія и покориться ей безпрекословно. Дворъ Московскаго Царя является центромъ всей національной жизни; здѣсь кипитъ вѣчная дѣятельность, пишутся разряды служилыхъ людей, назначаемыхъ для защиты сѣверныхъ, южныхъ или западныхъ границъ. Въ провинціяхъ остаются лишь неспособные къ службѣ или люди безъ значенія, какъ крестьяне, посадскіе. При такихъ условіяхъ жизни, опредѣленіе военныхъ повинностей и срока службы было невозможно. Москва, сдѣлавшись, такимъ образомъ, военнымъ центромъ, дѣлается центромъ административной и придворной жизни. Этимъ благопріятнымъ положеніемъ Московскіе государи съ отличнымъ умѣньемъ воспользовались для реорганизаціи государства въ монархическомъ духѣ. Полтора вѣка отъ царствованія Іоанна III до Михаила, Московскіе Цари употребляютъ на организацію государства, сообразно новому монархическому началу. Они стремятся сдѣлать дворцовыя должности и чины необходимымъ условіемъ всякаго политическаго значенія въ государствѣ; стремятся устроить цѣлую лѣстницу чиновъ и отличій, опредѣляя рангъ каждому лицу; и, наконецъ, всю правительственную и административную дѣятельность они сосредоточиваютъ въ московскихъ приказахъ, которые всѣ дѣйствуютъ подъ личнымъ наблюденіемъ Царя, отъ его имени. Вся эта система построена такъ прочно, организована такъ умно, что при ней не можетъ образоваться независимая аристократія.

Удѣльная Русь до Іоанна III не выработала никакой прочной государственной организаціи. Рядомъ съ властью удѣльныхъ князей стояла дружина, старшіе члены которыхъ были

думцами князя, а младшіе составляли военную силу. Отношенія между князьями и дружиною были просты, какъ это бываетъ между лицами разнаго достоинства, но одинаковаго происхожденія. Не существовало ни чиновъ, ни придворнаго этикета. Управленіе было также просто: подчиненные города и волости отдавались въ управленіе старшимъ членамъ дружины, которые сбирали въ свою пользу судебныя и другія пошлины. Дворцовыя имѣнія управлялись княземъ, которому былъ подчиненъ единственный чиновникъ — дворецкій, какъ помощникъ въ управленіи дворцовыхъ имѣній. Принципъ рода, противоположность способностямъ и заслугамъ, былъ такъ прочно установленъ, что даже въ царской періодъ не встрѣчается ни одного пожалованія титулами князя. Московскимъ Государямъ предстояло разпланировать общество въ монархическомъ духѣ. Самымъ сильнымъ препятствіемъ для полноты и силы власти Московскаго Царя были прочныя аристократическія преданія, полученныя въ наслѣдство отъ древней Руси. Московскіе князья прежде всего стремятся уничтожить древнюю простоту отношеній и сдѣлать аристократическіе роды своими служителями въ массѣ придворныхъ должностей, а чинъ придворнаго—условіемъ для полученія всякой военной или административной должности.

До Іоанна III у насъ существовали бояре, какъ знатнѣйшіе, приближенные лица князя: окольничій, котораго значеніе до сихъ поръ не выяснено, но, вѣроятно, это названіе происходитъ отъ бытія этихъ лицъ около князя; дворецкій, завѣдывавшій дворцовыми имѣньями и ловчій, завѣдывавшій охотой. Въ великокняженіе Іоанна III возникаютъ четыре новыхъ должности. Въ 1495 году назначены: казначей, постельничій, ясельничій; въ 1496 году, конюшій бояринъ. Въ княженіе Василія появляются должности: оружничего въ 1511, кравчаго въ 1514 году. Въ царствованіе Іоанна IV появляются должности: думнаго дворянина въ 1573, сокольничаго въ 1576 году (Д. Р. В. Т. XX, стар. чинов.). Вѣроятно, въ концѣ царствованія Іоанна IV и въ царствованіе Ѳеодора возникли низшіе придворные чины и должности: думнаго

дьяка, стольниковъ, дворянъ, стряпчихъ съ платьемъ, дворцовыхъ ключниковъ и жильцовъ. Такъ постепенно образовались высшіе придворные чины и должности (А. А. Э., т. II, № 7). Всѣ они составляли лѣстницу отличій въ слѣдующемъ порядкѣ:

Высшіе придворные чины:

1) Бояринъ.
2) Конюшій.
3) Окольничій.
4) Дворецкій.
5) Кравчій.
6) Казначей.
7) Дворяне въ Думѣ.
8) Оружничій.
9) Постельничій.
10) Ясельничій.
11) Сокольничій.
12) Ловчій.

Низшіе придворные чины:

13) Думный дьякъ.
14) Стольники.
15) Дьяки по приказамъ.
16) Дворяне.
17) Стряпчіе.
18) Дворцовые ключники.
19) Жильцы. (А. А Э., т. II. № 7).

Ниже придворно-служебной аристократіи стояли дѣти боярскіе, которые также начинаютъ дѣлиться на ранги:

20) По выбору.
21) Дворовые.
22) Городовые.

Какъ принципы рода есть принципъ аристократизма, такъ же точно принципъ чина, ранга есть принципъ монархическій. Чинъ, рангъ даютъ въ руки монарха власть возвышать и унижать значеніе личности; все честолюбіе людей обра-

щается на полученіе чина и отдаетъ ихъ въ руки власти, раздающей чины. Между всѣми, выше перечисленными рангами, званіе боярина, окольничаго, стольника, стряпчаго, дворянина московскаго и жильца дѣлаются чинами, пріобрѣтеніе которыхъ необходимо для полученія административной должности. Эти чины занимаютъ всѣ государственныя должности. Они назначаются воеводами въ полки, товарищами воеводъ, намѣстниками, начальниками приказовъ и ихъ товарищами, послами. Такимъ образомъ, придворныя должности дѣлаются условіемъ всѣхъ другихъ должностей.

Если-бы Московскіе Цари вполнѣ достигли того, чтобы придворные чины и должности сдѣлались единственнымъ отличіемъ, тогда принципъ рода исчезъ бы совершенно. Но этого идеала Московскіе Цари достигли только при Петрѣ Великомъ, въ табели о рангахъ. Принципъ рода, принципъ аристократіи, созданный предшествовавшимъ періодамъ, не могъ быть такъ легко подавленъ. Въ настоящее время, оба эти начала только сливаются и примирятся во взаимныхъ уступкахъ. Аристократія князей уступаетъ первенствующее значеніе придворнымъ чинамъ, но лучшія ея фамиліи успѣваютъ сдѣлать высшіе придворные чины своимъ единственнымъ достояніемъ.

Такимъ образомъ, Московскіе Государи только на половину достигли своей цѣли, уничтоженія принципа родовой аристократіи. Для того, чтобы привести это дѣло къ концу, нужно было еще полтора вѣка. Только смѣлый Іоаннъ IV пытался возвысить людей незнатныхъ родовъ. Извѣстно, что онъ сказалъ Адашеву при его возвышеніи:—„Алексѣй! взялъ я тебя отъ самыхъ нищихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей, а нынѣ взыскалъ тебя высше мѣры твоея, ради помощи души моея, хотя и твоего желанія на сіе нѣтъ, но обаче *азъ возжелахъ не токмо тебѣ, но иныхъ такихъ*, хтобъ печаль мою утолилъ и на люди, Богомъ врученныя намъ, призрилъ" (С. Г. Г. и Д., т. II., № 37).

Но если не успѣли вполнѣ Московскіе Цари, устройствомъ ранговъ и чиновъ, уничтожить аристократическую гордость,

то, централизируя всю административную власть въ средѣ московскихъ приказовъ, они не дали средствъ аристократіи возвыситься. Аристократія въ государствѣ есть элементъ малочисленный, котораго сила и значеніи основываются на полновластіи въ областномъ управленіи и поземельномъ богатствѣ. Аристократія, съумѣвшая прочно захватить управленіе провинціями, съумѣвшая утвердиться въ нихъ наслѣдственно, пріобрѣсть къ себѣ расположеніе жителей, создала себѣ прочное господство и сдѣлалась силой въ государствѣ. Но, та же аристократія, завѣдующая всѣмъ управленіемъ въ столицѣ, на глазахъ Государя, ничтожна, потому что, во всякій моментъ, у ней можетъ быть вырвана власть. Московскіе Государи это отлично понимали. Можетъ быть, даже одною изъ главныхъ причинъ мирскаго самоуправленія, даннаго обществамъ при Іоаннѣ IV, было желаніе окончательно убить аристократію, тѣмъ болѣе, что это самоуправленіе почти нисколько ни убавляло центральной власти, которая сосредоточивалась въ приказахъ.

Перейдемъ теперь ко второй причинѣ зависимости нашей аристократіи, а именно: къ ея составу, и ея имущественнымъ средствамъ.

Наша высшая аристократія составилась изъ 4-хъ элементовъ: 1) удѣльныхъ князей, переселившихся въ Москву; 2) пріѣзжихъ иностранныхъ родовъ; 3) покоренныхъ татарскихъ князей; 4) приближенныхъ ко двору. При Іоаннѣ Грозномъ упоминается 57 фамилій, которыя въ разное время достигали боярства. Изъ нихъ 22 рода произошли отъ удѣльныхъ князей, 6 изъ Литвы и Полоцка, 13 изъ Нѣмцевъ и Пруссовъ, 3 изъ Орды, а остальные изъ другихъ мѣстъ. Главную силу аристократіи составляли роды, происшедшіе отъ удѣльныхъ князей. Отъ потомковъ удѣльныхъ князей произошло до 60 родовъ, изъ которыхъ только не многіе сдѣлались боярскими. Князья Черниговскіе дали 34 рода, изъ которыхъ 10 *) боярскихъ; отъ князей Стародубскихъ произошло 15 фамилій,

*) Бѣльскіе, Воротынскіе, Оболенскіе, Одоевскіе, Горенскіе, Курлятевы, Кашины, Лыковы, Репнины, Серебрянные.

изъ которыхъ 3 *) боярскихъ; отъ князей Ярославскихъ 38 княжескихъ фамилій, изъ которыхъ 5 боярскихъ **); отъ князей Ростовскихъ произошло 12 фамилій, изъ которыхъ 3 боярскихъ; отъ князей Пронскихъ произошелъ боярскій родъ Пронскихъ (Д. Р. В. 1. извѣст. о двор).

Другіе знатные боярскіе роды происходили изъ выходцевъ Литовскихъ; такъ, отъ князей Галицкихъ произошло 12 фамилій, изъ которыхъ 5 боярскихъ ***). Отъ Сабуровыхъ, выѣхавшихъ изъ Орды, 5 фамилій, изъ которыхъ 1 боярская, (Годуновыхъ): отъ Векентьевыхъ, выѣхавшихъ изъ Орды, 9 фамилій, изъ которыхъ одна боярская (Хобаровыхъ); отъ Чеглоковыхъ, выѣхавшихъ изъ Пруссіи, происходятъ 3 боярскихъ фамиліи (Морозовыхъ, Салтыковыхъ и Шейныхъ).

(Извѣстіе о дворянахъ Россійскихъ). Изъ всѣхъ этихъ 57 родовъ, достигавшихъ боярства при Іоаннѣ IV, только 10 упоминаются между боярскими родами Іоанна III: Сабуровы, Заблоцкіе, Морозовы, Хромые, Холмскіе, Щенятевы, Воронцовы, Микулины, Телятевы, Чеботовы (Д. Р. В. т. XX).

Сила и значеніе нашей аристократіи основывалась на вотчинномъ правѣ, лучшемъ наслѣдствѣ предшествующаго періода. Въ западной Европѣ типомъ полной собственности былъ аллöдъ,—земля, доставшаяся послѣ покоренія. Съ этой земли, какъ добытой копьемъ и мечомъ, не должны были взиматься никакіе налоги. Наоборотъ, типомъ служебной земли были—помѣстья (бенефиціи), земли пожалованныя, которыхъ владѣльцы были подчинены опредѣленнымъ, личнымъ и имущественнымъ повинностямъ. Съ теченіемъ времени, на Западѣ аллодіальныя владѣнія почти изчезаютъ и превращаются въ бенефиціи (помѣстья). Когда сила феодаловъ увеличилась, то владѣльцы аллöдовъ спѣшатъ поклониться своей землею сильному графу и получить отъ него обратно въ видѣ

*) Отъ Стародубскихъ: Палецкіе, Хилковы, Татевы.

**) Отъ Ярославскихъ: Кубенскіе, Курбскіе, Сицкіе, Траскуновы, Шестуновы.

***) Куракины, Трубецкіе, Мстиславскіе, Щенятьевы. Палецкіе, Хилковы, Татевы.

бенефиціи. Но, съ другой стороны, когда нопосредственные вассалы короля сдѣлались независимыми, они стремятся превратить свои бенефиціи въ аллоды (Gizot. L'histoire de gouv répres, t. 1), то есть полную независимую собственность. Исторія нашей поземельной собственности проходитъ тѣже ступени развитія въ промежутокъ времени отъ Василія I до Петра I, причемъ періодъ отъ Василія до Михаила представляетъ собою первую половину этого движенія. Развивающаяся царская власть стремится уничтожить независимую собственность, которую принесли съ собою въ Москву удѣльные князья, а въ царствованіе Михаила и Алексѣя совершается обратное движеніе, завершенное Петромъ Великимъ.

Право владѣть вотчиной у насъ сначала принадлежало всѣмъ, потому что въ Русской Исторіи не было завоеванія, присвоившаго земли въ исключительную собственность князя и дружины. Такое право въ Новгородскихъ владѣніяхъ долго сохранялось, но въ средней Россіи, со времени Монгольскаго завоеванія, вотчинами владѣли только служилые люди и гости (Ист. Рос. Зак. Невол. III., ст. 135). Съ древнѣйшихъ временъ въ Москвѣ владѣніе вотчиной соединялось со службою Великому Князю. Понятіе вотчины Неволинъ опредѣляетъ такимъ образомъ: „вотчиною была и называлась земля безоброчная, бѣлая; владѣлецъ ея вмѣсто платежа съ нея оброка, долженъ былъ отправлять службу для князя, или, какъ потомъ было, для Царя“. Но понятіе безоброчности вотчинъ весьма неопредѣленно и его нужно понимать лишь относительно. Нѣкоторыя жалованныя грамоты Іоанна III, правда, освобождаютъ отъ всѣхъ повинностей (А. А. Э. т. I. № 111; 120, 215); но большинство грамотъ освобождаетъ владѣльца только на время отъ даней, какъ напримѣръ на одинъ годъ; (Д. Р. В., т. XV., стр. 8.) нѣкоторые освобождаются на 15 лѣтъ (ib., стр. 163). Наоборотъ, это–то и составляетъ отличительную черту нашей вотчины, въ отношеніи къ аллодіальнымъ владѣніямъ, что понятіе вотчины у насъ никогда не достигало понятія аллода, потому что наши вотчинныя владѣнія основывались не на завоеваніи, а на пожалованіи или

усвоеніи себѣ владѣнія личной работой. Въ обоихъ случаяхъ, вотчина должна была нести многіе налоги, вмѣстѣ со всѣми землями въ государствѣ, и была свободна только отъ нѣкоторыхъ налоговъ. Съ владѣніемъ вотчиной соединялась служба государству, но не въ замѣнъ налога, а какъ новый налогъ. Понятіе безоброчности вотчины развивается впослѣдствіи, не ранѣе Михаила и Алексѣя и типомъ для этого служатъ, вѣроятно, земли, принадлежащія духовенству. Въ большей части случаевъ освобождались отъ дани только переселенные изъ другихъ княжествъ (ibid. А. А. Э., т. I., № 379, 385). Въ жалованныхъ грамотахъ царствованія Ивана IV, вовсе не встрѣчается освобожденія отъ повинностей (ibid. №№ 280, 290, 304). Наоборотъ, одна льготная грамота освобождаетъ отъ даней только на 4 года, слѣдовательно освобождаетъ только временно. Владѣльцы вотчинъ должны были нести службу, но эта служба была неопредѣленна до Іоанна IV. Бергъ думаетъ, что въ прежнее время до Іоанна IV вотчинники не несли никакой службы, а могли посылать съ своихъ земель ратниковъ (И. Р. Г. и Г. З., с. 246). Но это едва-ли справедливо, потому что мы не встрѣчаемъ служилыхъ людей, живущихъ независимо въ помѣстьяхъ, а всѣ они живутъ при дворѣ Государя, а слѣдовательно и идутъ съ нимъ въ нарядъ. При Іоаннѣ IV встрѣчается опредѣленіе службы съ земель, но это опредѣленіе указываетъ только количественно: съ какого числа четвертей, сколько нужно выставлять ратниковъ; съ вотчинъ и помѣстій установлено служить службу: со ста четвертей доброй угожей земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣхѣ полномъ, а въ дальней походъ на двухъ коняхъ" (Накоп. VII. 258). Время службы никогда не было опредѣлено, какъ была опредѣлена служба европейскихъ феодаловъ.

Посмотримъ, въ чемъ состояло наше вотчинное и помѣстное право. Вотчины раздѣлялись на родовыя, выслуженныя и пріобрѣтенныя покупкой. Съ каждой изъ этихъ категорій вотчинъ соединялись особыя права и обязанности, но всѣ роды вотчинъ имѣли ту общую черту, что они предоставляли

владѣльцу право полнаго распоряженія, и почти всегда переходили по наслѣдству. Всякая вотчина, владѣтель которой разъ передалъ ее дѣтямъ своимъ, становится вотчиною родовой (Суд. ст. 85). Вдовыя вотчины давали потомкамъ вотчинника право выкупа въ теченіи сорока лѣтъ (Суд. ст. 85). Но выкупившій вотчину долженъ былъ отказать ее въ родъ одному изъ тѣхъ родственниковъ, которые не были свидѣтелями при покупкѣ. Онъ не можетъ ни продать, ни заложить ее. Выкупать родовую вотчину имѣли право только братья и племянники, незаписанные въ свидѣтеляхъ; дѣти и внуки не имѣли этого права (Суд. ст. 85). Но на дареніе и завѣщаніе нигдѣ не высказано полнаго запрещенія (Ист. Р. З. Неволинъ, т. II, стр. 162, 3). Выслуженныя вотчины разнились отъ родовыхъ правами на наслѣдство. На соборѣ 1572 года, было опредѣлено, что выслуженныя вотчины наслѣдуютъ только тѣ лица, которыя записаны въ жалованной грамотѣ; „а у котораго въ грамотѣ будетъ ему одному вотчина написана, а послѣ его, та вотчина на государя". Купленныя вотчины въ Московскомъ государствѣ образовались, вѣроятно, (А. И. т. 1. ст. 270) въ 1572 г., когда Іоаннъ IV допустилъ продажу порозжихъ земель, бывшихъ въ Московскомъ уѣздѣ, князьямъ и дѣтямъ боярскимъ. Эти земли переходили только дѣтямъ. Въ случаѣ смерти, бездѣтная вотчина переходила на Государя. (Указы Царя Мих. Ѳед. въ Рус. Вѣст. 1842 г.). Вотчинное право было наслѣдіемъ удѣльнаго періода. Возвышающаяся царская власть выставляетъ другое начало,—помѣстное, которое, начинаетъ развиваться со времени Іоанна III. Почему помѣстное право не развивалось прежде, это кажется зависѣло отъ тѣхъ же причинъ, почему не могло развиваться и вотчинное право. Дружинники, переходя отъ одного удѣльнаго князя къ другому, не могли брать помѣстій и сами удѣльныя князья переходя изъ одного удѣла въ другой, не могли раздавать ихъ. Да и самыя помѣстья не могли быть привлекательны, потому что дружинники еще сохраняли бродячій характеръ. Второй причиной, мѣшавшей этому развитію, было то, что при маленькихъ кня-

женьяхъ не могло быть у князей большаго количества порожихъ земель, которыя они могли раздавать помѣщикамъ. Наконецъ, самое понятіе о принадлежности земель Великому Князю могло развиться не ранѣе этого времени. Въ Европѣ помѣстное право развивается также значительно позднѣе вотчиннаго, система бенефицій развивается не ранѣе VIII столѣтія, тогда какъ вотчинное начало (аллодъ) было первымъ типомъ поземельнаго владѣнія. Европейскіе дружинники тоже долго сохраняли бродячій характеръ, вслѣдствіе чего поземельная собственность не была для нихъ привлекательна.

Отличительный характеръ нашего, какъ и европейскаго, помѣстнаго права отъ вотчиннаго состоитъ въ преобладаніи въ помѣстномъ правѣ элемента обязанности, тогда какъ въ вотчинномъ преобладала идея права. Если вотчинникъ обязанъ былъ государственной службой, то эта обязанность носила характеръ государственной повинности, которую обязанъ нести всякій членъ государства. Помѣщикъ былъ обязанъ нести государственную службу въ силу какъ бы договора съ государствомъ и его права на владѣніе помѣстьемъ оканчивались вмѣстѣ со службой. Если государство давало помѣстье его сыновьямъ, то не по обязанности, но только потому, что для него было все равно, нужно же кому нибудь передать помѣстье, вмѣстѣ съ обязательной службой.

Такимъ образомъ, помѣстное право имѣетъ характеръ жалованья за заслуги, тогда какъ служба съ вотчинъ имѣетъ только характеръ повинности. Этотъ характеръ помѣстнаго права вполнѣ сохраняется во весь изучаемый нами періодъ.

Когда у отца—помѣщика поспѣвали въ службу сыновья, тогда обыкновенно они просили, чтобы къ отцовскому помѣстью было прибавлено еще помѣстной земли. Но если помѣстья отца были обширны, то и его сына „припускали“ къ отцовскому помѣстью, т. е. отецъ и сынъ должны были служить съ одного и того же помѣстья (Д. А. И. т. I. № 52. ст. 1). Послѣ смерти отца-помѣщика, если не оставалось взрослаго сына, который бы могъ служить, то помѣстье пе-

реходило въ казну; его вдовѣ давался небольшой участокъ земли напрожитокъ до замужества или постриженія въ монастырь и давался участокъ дочери до 15–ти лѣтняго возраста *) (ib. ст. II. IV. IX, XXIV, XXVI). Если нѣсколько братьевъ владѣли сообща помѣстьемъ и изъ нихъ одинъ умиралъ, то остальные братья должны просить, чтобы за ними осталось помѣстье и выставить какую нибудь причину этого (ib. ст. XVI). Но обыкновенно, они отбирались въ казну, (ib. ст. XVII). Съ нѣкоторыми должностями соединялось опредѣленное количество помѣстной земли, такъ что, при переходѣ отъ этой должности на другую, помѣщику убавляли или прибавляли земли, сообразно съ должностью. У поступающаго въ городовые прикащики отбиралось все помѣстье, исключая 5 вытей, если у него не было сыновей. Если же у него были только малолѣтніе дѣти, то имущество отбиралось на Государя, до возраста дѣтей (ib. ст. XXVII. и. сл.) Это были земскія должности, которыя сами давали доходъ; слѣдовательно правительство смотрѣло на нихъ какъ на должности, о которыхъ ему не нужно заботиться (ib. XXXIII). Правительство допускало мѣну помѣстьями, если мѣновые участки были равны стоимостью; но эта мѣна не имѣла характера распоряженія собственностью, потому что она дѣлалась только съ позволенія правительства и оба мѣняющіяся лица должны были нести службу въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ они несли ее прежде. Слѣдовательно, правительство допускало эту мѣну, потому что отношенія помѣщиковъ къ правительству и ихъ служебныя обязанности отъ этого не измѣнялись (ib. ст. V, XXII). При этой мѣнѣ правительство строго наблюдало, „чтобы, одноличво, живущими на пустыя обжи и худыми на лучшія обжи, наддачи для не мѣняли“ (ib. ст. XXII).

Помѣщикъ съ своей земли долженъ былъ служить до тѣхъ поръ, пока его неотставятъ за старостью или болѣзнію; если

*) Помѣстье сейчасъ же отбиралось въ казну, такъ что нужно было просить даже о съемѣ посѣяннаго хлѣба во время жизни покойника. Т. XXIV).

*

отца отставляли, то помѣстье передавали взрослому сыну, а если такого не было, то оставлялся отцу на прокормленіе только небольшой участокъ. (ib. VII). Для поверстанія помѣстными землями обыкновенно посылались довѣренныя лица изъ Москвы, которые производили осмотръ помѣщикамъ и прибавляли или убавляли помѣстье, сообразно тому, какъ коненъ, люденъ и оруженъ сынъ боярскій являлся на смотръ. Для такого помѣстнаго верстанья былъ посланъ бояринъ Морозовъ въ 1551 году. Эти верстанія производились отъ времени до времени: такъ въ Торопцахъ они были въ 1492, 1551, (ib. ст. VII); въ Новгородѣ помѣстное верстанье было въ 1538 г. (ib. ст. IV).

Прибавки помѣстій производились, если помѣщикъ всегда исправно являлся на службу, былъ хорошо вооруженъ, смотря по величинѣ помѣстья (ib. ст. III).

Но если помѣщикъ не исполнялъ службы, то у него убавлялось помѣстной земли и даже его совсѣмъ лишали ея (ib. ст. VIII, XIX, XXV). Если помѣстье запустѣло отъ какихъ нибудь общихъ причинъ, а не по винѣ помѣщика, то ему давалось новое, съ котораго бы онъ могъ отправлять службу; но если оно запустѣло по винѣ самаго помѣщика, то оно оставалось за нимъ по прежнему и съ него требовалась такая же служба (ib. ст. VIII, XIV).

Помѣстная земля также подлежала повинностямъ, какъ и вотчинная; по крайней мѣрѣ ямскія и приметныя деньги съ нея взыскивались точно также, какъ и съ вотчинной (ib. ст. XXI).

Такимъ образомъ, въ этотъ періодъ времени, помѣстье рѣзко отдѣляется отъ вотчины и вполнѣ сохраняетъ свой, исключительно–служебный, характеръ.

Опредѣливъ характеръ вотчиннаго и помѣстнаго владѣнія, самымъ важнымъ вопросомъ становится — опредѣлить количество вотчинной и помѣстной земли, которыя были въ пользованіи служилаго сословія, и разсмотрѣть, какъ она распредѣлялась по отдѣльнымъ родамъ и лицамъ. Но это послѣднее опредѣленіе было бы не достаточно, еслибъ мы не уяснили себѣ экономическихъ условій общества, которыя одни

въ состояніи дать надлежащее понятіе объ относительномъ богатствѣ служилаго сословія. На этотъ предметъ въ источникахъ нѣтъ прямыхъ указаній; но господство закона, по которому вотчинныя земли должны были раздѣляться по ровну между всѣми наслѣдниками, указываетъ, что не могло быть скопленія значительной собственности въ однѣхъ рукахъ. Если собственность удѣльныхъ князей была раздѣлена на 60 родовъ, не говоря уже о подраздѣленіяхъ ея на отдѣльные члены семей, то каждый владѣлецъ долженъ былъ имѣть незначительный участокъ. Вотъ причина, по которой мы, въ рядахъ помѣщиковъ, находимъ дѣтей самыхъ знатныхъ фамилій, потомковъ удѣльныхъ князей (Д. Р. В. т. VIII стр. 1 и слѣд.).

Чтобы понять размѣръ богатыхъ владѣній, посмотримъ, какъ они были обширны у князей Голицыныхъ, однихъ изъ самыхъ богатыхъ княжескихъ родовъ, считавшихся „столбами боярства". Количество его имѣній покажетъ высшее количество земли, которое скоплялось тогда въ однѣхъ рукахъ. Духовное завѣщаніе князя Юрія Голицына (Д. Р. В. т. XVII) указываетъ, что князь Юрій владѣлъ 45 селами. Если принять среднимъ числомъ, что къ селу тянуло до 15 деревень, то, при бѣдности тогдашняго населенія, въ селѣ съ деревнями было не болѣе 60 дворовъ, слѣдовательно все имѣніе простиралось до 2,540 дворовъ. Въ 1655 году доходъ съ 3 обежъ составлялъ $3^3/_4$ рубля (Д. А. И. т. 1 № 51, ст. VII), слѣдовательно $1^1/_4$ руб. на обжу, къ которой въ это время селилось отъ одного до двухъ и даже трехъ дворовъ; слѣдовательно доходъ князя Голицына былъ не болѣе 3,000 руб. Такой князь, конечно, могъ бы содержать до 200 дѣтей боярскихъ, еслибы отдалъ имъ всю свою землю. Но я уже говорилъ, что князь Голицынъ былъ почти единственный магнатъ, котораго имѣнія были такъ обширны.

Объ имуществѣ другихъ бояръ и вообще служилаго сословія нѣтъ точныхъ данныхъ. Чтобы имѣть объ этомъ какое нибудь понятіе, я воспользуюсь поручными записями для этой цѣли. Уже Василій, чтобы стѣснять фактически отъѣздъ

бояръ, началъ прибѣгать къ поручительству, въ которомъ поручители обязывались платить отъ 2-хъ до 20-ти тысячъ изъ своихъ имѣній, въ случаѣ еслибы поручаемое лицо отъѣхало изъ Москвы. Иванъ IV, послѣ 1560 года, преслѣдовалъ систематически эту цѣль и взялъ поручныя записи по всѣмъ боярамъ, которымъ онъ мало довѣрялъ. Такимъ образомъ, были взяты поручныя: по Ив. Ѳед. Мстиславскомъ въ 20 тысячахъ; Ив. Дм. Бѣльскомъ въ 10 тысячахъ; Ал. Ив. Воротынскомъ въ 15 тыс.; Иванѣ Васильевичѣ Шереметьевѣ–Большомъ въ 10 тыс.; Ив. Петровичѣ Яковлевѣ 10 т.; Алек. Алек. Салтыковѣ въ 5 т; Вас. Сем. Серебряномъ въ 24 т.; Мих. Ив. Воротынскомъ въ 15 т.; Ив. Петр. Охлябининѣ въ 2 т.; Зах. Ив. Плещеевѣ въ 4 т.; Ив. Ив. Пронскомъ въ 10 т. *).

Но, царь Іоаннъ не ограничился только порукой бояръ: онъ потребовалъ поручителей по поручителямъ. Вслѣдствіе этого требованіе къ порукѣ бояръ, были притянуты всѣ классы служилаго сословія. Эти поручныя грамоты могутъ дать нѣкоторое понятіе объ имуществѣ родовъ, не принадлежащихъ къ боярскимъ. Если мы сложимъ количество лицъ, имѣющихъ болѣе или менѣе одинаковое состояніе, то получимъ слѣдующую таблицу, которая можетъ дать приблизительное понятіе о состояніи служилаго класса.

Три лица имѣли около 7,000 рублей (Морозовъ, Одоевъ,

*) Главныя богатства этого времени, при отсутствіи городской промышленности, сосредоточивались въ поземельной собственности. Какова была стоимость ея? Село и 10 деревень въ 1508 г. стоили 30 р. (А. Ю. № 13); 2 села и 9 деревень въ 1526 г. стоили 100 р. (А. Ю. № 78). Въ 1550 г. за деревню заплачено 10 р.; въ 1565 г. 3 деревни продано за 30 руб. (А. Ю. № 243). Село и 22 деревни стоятъ 700 р. Въ 1574 г. село и 3 деревни 354 р.; четверть стоитъ 100 р., слѣдовательно четверть земли стоитъ 56 денегъ, а десятина 112 денегъ. Въ 1575 г. село и 22 деревни стоили 600 р. (А. Ю.). Однимъ словомъ, стоимость деревни въ это время не превышала 10 руб. и не была ниже 3 руб. Имѣнье въ то время давало 20% дохода, потому что очень часто встрѣчаются договоры о займѣ, гдѣ сказано: «а за ростъ пахать». Обыкновенный ростъ этого времени былъ 20%

Хворостъ). Эта сумма равняется, приблизительно, 10 селамъ и 21 или 22 деревнямъ при каждомъ.

12 лицъ отъ 2,000 до 4,000 рублей (Рѣпнины, Федоровы и др.). Это равняется 4 селамъ съ 20 деревнями при каждомъ.

70 лицъ отъ 300 до 500 руб. (За стоимость 500 руб. въ это время можно было купить 1 село и 10 деревень. (А. Ю. № 241).

250 лицъ отъ 200 до 250 рублей (1 село и 10 деревень). (А. Ю. № 80).

150 лицъ отъ 130 до 160 рублей (1 село и 5 деревень; 8 дерев.). (А. Ю. № 243, 79).

600 лицъ отъ 75 до 120 (1 село 3 деревни). (А. Э. т. I, № 281).

200 лицъ отъ 50 до 70 (Д. Д. Р. В. т. VI и VII).

Конечно, эти цифры нельзя принять за статистическія данныя (многихъ именъ совсѣмъ нѣтъ въ числѣ поручителей); нѣкоторыя лица могли поручиться на большую сумму, чѣмъ было ихъ имущество, если они довѣряли чести боярина. Но, изъ всего хода этого дѣла видно, что это поручительство было весьма серьезнымъ дѣломъ, потому что, какъ съ одной стороны легко было ожидать, что тѣ бояре, которымъ угрожаетъ смерть, постараются бѣжать, такъ, вѣрно съ другой стороны, и то, что Іоаннъ Грозный воспользовался бы благопріянымъ случаемъ для конфискаціи имуществъ. Серьезность дѣла видна также изъ того факта, что по первымъ боярамъ есть поручители бояре и есть поручители на поручителей, а о другихъ боярахъ, по которыхъ порука собиралась позднѣе, вовсе нѣтъ поручителей бояръ, слѣдовательно, тогда уже нельзя было найти бояръ поручителей, такъ какъ многіе поручились за другихъ. Прогрессивное увеличеніе числа лицъ, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ стоимости имуществъ, также доказываетъ, что поручительство означало не фиктивныя, но естественныя богатства; даже тотъ фактъ, что число лицъ, имѣющихъ отъ 50 до 70 рублей, менѣе класса, имѣющаго 100 рублей, не противорѣчитъ, а болѣе подтверждаетъ вѣр-

ность этого предположенія. Это произошло оттого, что всякое лицо сстественно обращалось сначала къ богатымъ, чтобы скорѣе собрать поручителей, а потомъ уже, когда такихъ поручителей уже не доставало, то, по необходимости, обращались къ лицамъ, сравнительно бѣднымъ. Но чѣмъ обезпечивали свое поручительство подписавшіеся лица? Поручившіеся въ большихъ случаяхъ, естественно, должны были обезпечивать ихъ вотчинами; поручившіеся въ меньшихъ суммахъ могли обезпечивать уплату за поруку доходомъ съ помѣстій. Нѣкоторые поручители обозначили, чѣмъ они обезпечивали платежъ въ самыхъ займахъ, помѣстьемъ или вотчиной.

Попробуемъ, на основаніи этихъ данныхъ, опредѣлить количество имущества служилаго сословія.

Вся сумма поручительства бояръ равняется 80 тысячамъ; если мы допустимъ, что все поручительство бояръ основывалось на имѣніи вотчинъ, хотя, вѣроятно, многіе имѣли только помѣстья, то приблизительно ихъ имущество равнялось бы 133 селамъ съ 22 деревнями при каждомъ. Допуская, при тогдашней бѣдности населенія, что въ 1 селѣ съ 22 деревнями было не болѣе 80 или 100 душъ, мы получимъ цифру отъ 10,000 до 13,000 населенія боярскихъ имѣній! Владѣніе другихъ лицъ служилаго класса простирается до 115 тысячъ, если мы возьмемъ поручителей по поручителямъ, то эта цифра не можетъ быть вѣрной, потому что мелкихъ владѣльцевъ, которыхъ должно быть естественно въ большемъ числѣ, указано было менѣе дѣйствительнаго, по выше изложенной причинѣ. Но, во всякомъ случаѣ, и послѣднее указаніе очень важно, потому что оно вѣрно указываетъ владѣтелей имуществъ съ цѣнностію болѣе 100 руб. Это имущество равнялось приблизительно 100,000 рублей, слѣдовательно, по тому же расчету, 166 селамъ съ 22 деревнями при каждомъ съ населеніемъ отъ 13 до 16 тысячъ *)!

*) Цифры эти такъ малы, что они кажутся намъ почти невѣроят-

Но, и такое количество земель въ рукахъ высшаго класса казалось уже опаснымъ нашимъ князьямъ. Самыми главными представителями вотчинъ, само собою разумѣется, были удѣльныя князья. Ихъ владѣнія были на столько обширны, что начинали казаться опасными уже Іоанну III и Василію, по законамъ которыхъ князьямъ Суздальскимъ, Ярославскимъ, Стародубскимъ, запрещено было продавать свои земли мимо вотчичей и отдавать ихъ по душамъ въ монастыри (А. А. Э. Т. I, стр. 219). Еще рѣшительнѣе и смѣлѣе началъ дѣйствовать Іоаннъ во вторую половину своего царствованія. Всѣ законы этой половины клонятся къ ограниченію вотчиннаго права. Даже въ отношеніи пожалованныхъ вотчинъ Іоаннъ IV стремится ограничить право вотчинниковъ строгимъ толкованіемъ опредѣленій грамоты, въ явное противорѣчіе съ самимъ институтомъ вотчинъ (см. выше). Но въ отношеніи князей вотчинниковъ, онъ идетъ гораздо далѣе. Въ 1562 г. Царь приговорилъ съ бояры, что вотчины Князей: Ярославскихъ (общее названіе 10 родовъ, о которыхъ говорено выше), Стародубскихъ (6 родовъ), Суздальскихъ (14 родовъ), Ростовскихъ (12 родовъ), Тверскихъ, Оболенскихъ (14 родовъ) и другихъ служилыхъ князей, не могутъ быть ни проданы, ни заложены, ни промѣняны, ни отданы за дочерями и сестрами въ приданое. Если послѣ князя не остается прямаго потомства, то собственность переходитъ къ государю (А. И. Т. I. стр. 268 и слѣд.).

Такимъ образомъ, около 60-ти знаменитѣйшихъ родовъ были на столько ограничены въ пользованіи своими вотчинами, что при такомъ ограниченіи самое право ихъ на свои земли едва можетъ назваться вотчиннымъ. Изъ этихъ 60 родовъ было, какъ мы видѣли, до 20 родовъ боярскихъ. Что этотъ законъ не былъ простой угрозою, а былъ приво-

ными, но, если мы примемъ во вниманіе, что было 20,000 дѣтей боярскихъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ владѣть, по крайней мѣрѣ, 10 крестьянами, то намъ станетъ понятно, что при бѣдности тогдашняго населенія, высшіе классы не могли владѣть большимъ количествомъ.

димъ въ исполненіе, это видно изъ того, что въ завѣщаніи Іоанна показано до 34 селъ съ деревнями, которыя были отняты у князей: Гундуровыхъ, Пожарскихъ, Тулуповыхъ, Ромодановскихъ, Ковровыхъ, Кривозерскихъ, Нечаевыхъ, Стародубскихъ, Морозовыхъ, Воротынскихъ, Мезецкихъ (Д. А. И. т. I. № 222).

Чтобы лучше понять экономическое положеніе нашей аристократіи въ сравненіи съ европейской, я приведу цыфры, указывающія распредѣленіе богатствъ въ Англіи, при завоеваніи ея Норманами. Въ Англіи, при Вильгельмѣ было 60,205 рыцарскихъ леновъ, изъ которыхъ 20 т. принадлежало духовенству и 30,000 свѣтскимъ лицамъ. Съ каждаго рыцарскаго лена долженъ былъ ставиться одинъ тяжело вооруженный ратникъ. Въ это время считалось 600 бароновъ, tenentes in capite и 7,871 подвассаловъ. Отъ 20 до 40 бароновъ имѣли большее число рыцарскихъ леновъ и назывались barones majores. Между богатѣйшими собственниками Англіи были такіе, которые, какъ графъ Моретонъ представлялъ 793 ратника, графъ Ричмондъ 442, Вареннъ 298, Ферресъ 222, Кларъ 171; 6 другихъ болѣе 150 каждый; 3 болѣе 100 чел. каждый; 7 отъ 40 до 90 чел. и 2 по 25 чел. (Geschichte und heutige Gestalt der englischen Communal-Verfassung. Dr. Gneist, т. I. стр. 5 и 66). Къ концу среднихъ вѣковъ 11 лордовъ и одинъ эскваэръ выставляли: 46 владѣтелей леновъ или ихъ сыновей, 157 копьеносцевъ, 155 конниковъ, 538 пѣшихъ воиновъ. 14 рыцарей выставляли: 26 владѣтелей рыцарскихъ леновъ, 68 копьеносцевъ, 190 конниковъ, 432 пѣхотинца (ib. стр. 158).

Обратимся къ третьей причинѣ слабости нашей аристократіи, къ положенію дѣтей боярскихъ и ихъ отношенію къ высшимъ классамъ.

Всякое военно-служилое сословіе естественно дѣлится на два класса, высшій и низшій, которые носятъ различныя названія, какъ бароны и рыцари, магнаты и шляхта, высшій служилый классъ и дѣти боярскія. Одинъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ, имѣющихъ огромное вліяніе на всю исторію

народа, составляетъ характеръ обоюдныхъ отношеній между высшей и низшей аристократіей. Посмотримъ на составъ дѣтей боярскихъ и ихъ отношенія къ высшему боярству.

Мы видѣли уже, что въ число боярскихъ родовъ вошло нѣсколько лицъ татарскаго происхожденія. Немногіе изъ татарскихъ родовъ сдѣлались боярскими, но многіе стояли въ первыхъ рядахъ низшей аристократіи. Завѣщаніе Іоанна упоминаетъ татарскихъ, мордовскихъ и черемизскихъ князей, имѣющихъ волости въ нижегородскомъ, въ балахнинскомъ, въ алотырскомъ и вятскомъ уѣздахъ (Д. А. И. Т. I № 222). Между дѣтьми боярскими этотъ элементъ былъ значительно силенъ.

Русское Государство этого времени руссифицировало массами покоренныхъ татарскихъ князей и ихъ приближенныхъ мурзъ, имѣвшихъ у татаръ значеніе начатковъ привиллегированнаго сословія. Конечно, основу дѣтей боярскихъ составляли потомки младшей дружины; масса дѣтей боярскихъ постоянно пополнялась изъ потомковъ знатнѣйшихъ родовъ русской аристократіи и, вѣроятно, всѣми лицами, которыя успѣли въ прежнее время пріобрѣсти земли, потому что еще по уложенію всѣ владѣльцы должны были или продать свои земли, или сдѣлаться дѣтьми боярскими (Улож., гл. XVII ст. 57). Но элементъ татарскій игралъ здѣсь весьма значительную роль. Въ 1578 г. войско Іоанна IV состояло изъ слѣдующихъ группъ:

Князей служилыхъ и черкасскихъ и выборныхъ дворянъ	212
Дворянъ и дѣтей боярскихъ Московской земли	9,211
Новгородскихъ и юрьевскихъ помѣщиковъ . .	1,109
Новокрещеновъ изъ татаръ, ногайскихъ татаръ, царева двора князей, мурзъ и казаковъ съ мордвою и бортниками, цнепенскихъ людей съ мордвою, темниковскихъ людей, алаторскихъ мурзъ и татаръ, казанскихъ татаръ и ногайцевъ . .	6,461
Итого . .	16,993

(Д. Р В т. XI, разрядъ).

Вѣроятно, здѣсь выставляются не всѣ дѣти боярскіе, потому что бо́льшая часть ихъ должна была остаться для обороны южныхъ границъ.

Въ 1616 году, по разрядамъ (т. I. Разр. 1616 г.) дѣтей боярскихъ числилось:

въ Смоленскѣ	1,327
„ полкахъ противъ Лисовскаго . . .	4,215
„ Брянскѣ	1,967
„ послахъ	386
„ Устюжнѣ желѣзнопольской	880
„ 3-хъ полкахъ отъ крымскихъ людей .	2,427
„ южныхъ городахъ.	10,227
„ сѣверныхъ городахъ	2,524
Итого. .	23,949

Герберштейнъ (стр. 76) полагаетъ число дѣтей боярскихъ при Василіи въ 20,000 человѣкъ.

Дѣти боярскіе раздѣлялись, какъ я уже говорилъ, на нѣсколько степеней: первую степень составляли дворяне, затѣмъ дѣти боярскіе выборные и, наконецъ, городовые. Дворяне городовые произошли, по объясненію Рейца (Ист. Рус. Гос. и гражд. зак. стр. 246) изъ придворныхъ удѣльныхъ князей, по уничтоженіи удѣловъ. Дѣти боярскіе выборные, вѣроятно, составлялись изъ лучшихъ княжескихъ фамилій, какъ это мы увидимъ въ слѣдующій періодъ. Слово „выборные“ здѣсь имѣетъ значеніе избранныхъ, но не назначенныхъ выборомъ. Даже въ числѣ дворовыхъ были изъ княжескихъ фамилій. Такъ, напримѣръ, въ родословной князей Солнцевыхъ, мы находимъ, что князь Дмитрій былъ записанъ въ 1584 г. въ числѣ дворовыхъ (Д. Р. В., т. IX, стр. 205). Раздѣленіе дѣтей боярскихъ на статьи, какъ это было въ слѣдующемъ періодѣ, мы находимъ только въ приложеніи къ дѣтямъ боярскимъ — лучшимъ слугамъ, которымъ были назначены помѣстья въ Москвѣ. Недастаточность указаній по этому предмету доказываетъ, какъ мнѣ кажется, только то, что всѣ эти подраздѣленія только начали форми-

роваться, но еще не установились въ постоянной формѣ. Въ дополненіяхъ къ актамъ историческимъ въ № 52, собрано до 39 грамотъ, касающихся дѣтей боярскихъ отъ самыхъ знатныхъ фамилій до самыхъ простыхъ; но о раздѣленіи дѣтей боярскихъ на классы ничего не упоминается.

Какъ форма вотчиннаго владѣнія преобладала въ высшихъ аристократическихъ слояхъ, такъ помѣстныя владѣнія составляли исключительныя средства къ жизни дѣтей боярскихъ. Обыкновенный размѣръ участка, съ котораго несли феодальную службу, опредѣлялся какъ у насъ, такъ и въ Европѣ, minimum'омъ возможности. Обыкновенный участокъ, достаточный для прокормленія одного семейства, называвшійся въ Европѣ hida familia, а у насъ обжа, не могъ нести служебныхъ обязанностей, потому что онъ могъ давать средства только для прокормленія одной семьи, такъ какъ содержаніе конника требовало большихъ расходовъ. Обязанности феодальнаго войска какъ у насъ, такъ и въ Европѣ, было 3-хъ родовъ: 1) обязанность слѣдовать за войскомъ; 2) быть вооруженнымъ на свой счетъ; 3) содержать себя во время похода. Полное вооруженіе въ Европѣ стоило 33 solidi или стоимость одной гуфы земли (гуфа составляла нѣсколько болѣе 7 десятинъ, около 15 четвертей). Феодальный конникъ поставлялся въ 5 гуфовъ, что равняется 75 четвертямъ (Gneist, т. I, стр. 4 и 10). У насъ меньшая норма была, какъ я уже говорилъ, 100 четвертей; но кажется, на практикѣ нормальный участокъ равнялся 5 обжамъ, т. е. 150 четвертямъ, потому что дѣтей боярскихъ иногда называли пятиобежниками (Д. А., т. I., № 67). Слѣдовательно, наша феодальная служба предполагала вдвое большій участокъ земли, что и должно было быть, потому что земля у насъ цѣнилась еще менѣе, чѣмъ вдвое противъ англійской земли. Цѣнность вооруженія нашего ратника можно указать въ слѣдующихъ цыфрахъ:

Лошадь стоила отъ 1 до 3 руб.
(А. А. Э. т. I, № 230, А. Ю. стр. 219)

Доспѣхи 3 руб.
(Судебн. Іоанна IV.)
Сѣдло ½ р.
Узда 4 алт.
Оружіе. 1 руб.
(А. А. Э. II. № 123)
Самопалъ 20 алт.
(Разр. т. I. стр. 682)

Вся стоимость вооруженія = 5 руб. 4 алт.
или стоимость 17 четвертей (А. А. Э. т. I. 281).

На содержаніе ратника и лошади нужно было:

24 четверти овса, отъ 10 до 50 денегъ четв. 1 до 6 руб.
(Лѣтоп. № 4, подъ 1543 г.; А. Ю. № 231)
12 возовъ сѣна, по 8 денегъ 96 денегъ
(А. А. Э. т. I. № 183—230)
Однорядка отъ 2 до 3 р.
Кафтанъ. отъ 1½ до 2 р.
Шапка 20 алтынъ
Рубашка, портки и сапоги 2 р.
(А. И. т. II. 22 №)
4 четверти хлѣба. 30 д. четверть
(Лѣт. № 4, 15 и 43)

Вся стоимость годоваго содержанія отъ 7 до 13 р.

Такимъ образомъ, вооруженіе коннаго ратника стоило до 5 руб., а его содержаніе до 7 рублей въ годъ. Нормальный участокъ сына боярскаго былъ, какъ я уже говорилъ, въ 5 обежъ. Но, дѣти боярскіе изъ знатныхъ фамилій имѣли гораздо больше. Распредѣленіе поземельныхъ участковъ между этими дѣтьми боярскими было различно, смотря по знатности рода и по количеству вооруженныхъ людей, съ которыми ратникъ являлся на войну или на смотры.

Нижегородскія помѣстья нѣкоторыхъ знатныхъ дѣтей боярскихъ простирались отъ 5½ до 50 обежъ, т. е. отъ 150

четвертей до 1500 четвертей. Такія владѣнія въ 1500 четв. считались за княземъ Корецкимъ, за Зеленымъ и нѣкоторыми другими (Д. А. И. № 52, ст. XVI, IX, XIII, XXXIX). Изъ 39 новгородскихъ грамотъ, въ которыхъ обозначаются владѣнія дѣтей боярскихъ, 7 лицъ владѣютъ отъ 5 до 10 обжей, 10 — отъ 10 до 15 обжей, 6 — отъ 15 до 20 обежъ, 6 — отъ 20 до 30 обежъ, 6 — отъ 30 до 50 обежъ (тамъ же № 52, различн. ст.). Но, разумѣется, такіе надѣлы были достояніемъ лишь немногихъ, которые сами могли доходить до Царя. На оборотъ, въ низшихъ рядахъ дѣтей боярскихъ были и такіе, и, вѣроятно, такихъ было не мало, которые имѣли всего 20 четвертей или 10 десятинъ (Извѣстія о дворянахъ россійскихъ, изъ книгъ гор. Володиміра). Лица имѣющія 250 четвертей, должны были являться на конѣ, доспѣхѣ, въ шлемѣ, съ саблею и саадакомъ, и должны были имѣть еще за собою человѣка на конѣ. Лица, имѣющія отъ 20, 30 и до 40 четвертей, являлись на мѣринѣ, съ саблей и саадакомъ; они рѣдко имѣли запаснаго коня (тамъ же). Никита Сабуровъ, ходатайствуя, чтобъ ему дали 11 обжей (330 четв.), явился въ доспѣхѣ съ двумя лошадьми и съ человѣкомъ безъ доспѣха (Д. А. И. т. I, и 52 №, ст. 1). Чтобы вполнѣ понять условіе быта дѣтей боярскихъ, ознакомимся нѣсколько съ доходами, которые можно было получить отъ имѣній въ 200, 100, 50 и 25 четвертей.

Участокъ земли въ 200 четвертей, или въ 100 десятинъ (А. И. т. 1, № 286), содержалъ въ себѣ $6^{2}/_{3}$ обжи, считая 30 десятинъ средней земли за обжу (А. И. т. I, № 222). На обжѣ земли въ концѣ XVI вѣка садилось отъ 4 до 8 лицъ (А. Ю. отъ 177 до 188 №), слѣдовательно, если мы примемъ среднюю цифру въ 6 четв., то такое имѣніе состояло не болѣе, какъ изъ 20 дворовъ.

Въ 1490 г., имѣніе въ 20 дворовъ давало помѣщику 49 денегъ, 11 коробовъ ржи, $11^{1}/_{4}$ коробовъ овса. (Пис. кн. т. I, стр. 123). Если коробъ ржи класть въ 20 денегъ, а овса въ 6 денегъ (А. А. Э. т. I, стр. 181), то владѣлецъ получалъ всего 225 денегъ. Это примѣръ мало доходнаго

имѣнія. Возьмемъ другой примѣръ: имѣніе въ 19 дворовъ давало 136 денегъ и пятину хлѣба; пятина хлѣба, при посѣвѣ въ 3 короба ржи и овса на крестьянскій участокъ, считая урожай самъ шесть, дастъ 342/5 коробовъ ржи и овса или 68 2/5 короба ржи и овса, что стоитъ, приблизительно, около 7 руб. (Пис. кн. т. I, стр. 303); имѣніе въ 28 дворовъ давало 3 руб. и, кромѣ того, 29 коробовъ ржи, 35 коробовъ овса, 3 1/4 короба пшеницы, 7 3/4 короба ячменя, 3 сыра, 2 ставца масла (Пис. кн. т. II, стр. 615). Всѣ эти цифры указываютъ, что въ концѣ XV столѣтія имѣніе въ 100 десятинъ или 200 четвертей давало отъ 5 до 7 рублей. Въ концѣ XVI столѣтія такое имѣніе могло давать нѣсколько болѣе. По одному условію, заключенному двумя крестьянами съ помѣщикомъ на 1/2 выти земли (А. И. № 228), слѣдовательно на 8 десятинъ, крестьянинъ долженъ былъ отдать помѣщику 1/4 часть продуктовъ; на этомъ участкѣ было посѣяно 5 четвертей, считая урожай самъ шесть, мы получимъ 30 четв. ржи и 30 четвертей овса; считая рожь и овесъ кругомъ въ 25 денегъ, мы получимъ 150 денегъ съ участка. Такихъ участковъ, въ 100 десятинъ, было 12, слѣдовательно, имѣніе давало до 9 руб. Другой крестьянинъ за 1/6 часть обежи обязался платить 1 руб., что указываетъ на доходъ въ 20 руб. съ 3 1/3 обежъ. Вообще, въ концѣ XVI столѣтія нужно считать, что имѣніе въ 100 четвертей давало отъ 10 до 20 рублей дохода.

Но, принимая даже самыя благопріятныя цифры, можно быть убѣжденнымъ, что положеніе боярскихъ дѣтей было самое бѣдственное. Факты, какъ нельзя болѣе, подтверждаютъ это положеніе. Рѣдкій боярскій сынъ не оставлялъ послѣ своей служебной дѣятельности долга въ 50, 60 и даже 100 рублей (Д. А. И. т. I, № 52, стр. 16, 17, 20 и др.). Эти долги, при 20% роста, достигли въ царствованіе Іоанна IV такихъ громадныхъ размѣровъ, что Іоаннъ IV въ 1588 г. вынужденъ былъ уничтожить плату процентовъ на 5 лѣтъ (А. И. т. I, № 154, стр. 7). Зная имущественные средства нашей аристократіи и боярскихъ дѣтей, намъ будетъ легко

понять, въ какомъ положенiи они должны были находиться въ отношенiи къ царской власти.

Уже г. Соловьевъ замѣтилъ (Ист. т. VI, стр. 63), что у нашей аристократiи не было корпоративнаго духа и она удобное время мололѣтства Іоанна употребила на междоусобные раздоры. Вникая въ ея положенiе, намъ становится ясно, почему она не могла имѣть корпоративнаго духа. Корпоративный духъ является вмѣстѣ съ охранительными интересами; общество, которому нечего охранять и которое ждетъ всѣхъ благъ только отъ будущаго, естественно не имѣетъ корпоративнаго духа. Англiйская аристократiя могла твердо защищать свои интересы, потому что ея интересы въ существѣ своемъ были только охранительными. Она стремилась избавиться отъ налоговъ и во имя этой свободы она смѣло могла поднимать свое знамя, въ надеждѣ, что къ нему пристанутъ и горожане, и рыцари. Наша аристократiя не имѣла никакихъ общихъ интересовъ вплоть до прикрѣпленiя крестьянъ. Какъ скоро крестьяне были прикрѣплены, аристократiя разомъ почувствовала себя сословiемъ, имѣющимъ общiе интересы. Въ продолженiе всего смутнаго перiода, она дѣйствуетъ, какъ мы увидимъ ниже, какъ твердая сплошная корпорацiя. Во время малолѣтства Іоанна, каждый аристократъ думалъ только о томъ, что ему нужно захватить въ свои руки власть, чтобы нажиться лишь для своего семейства. Іоаннъ Грозный, въ письмахъ къ Курбскому, не упрекаетъ аристократiю въ покушенiяхъ на ограниченiе самодержавной власти, онъ упрекаетъ ее только въ томъ, что она взяла изъ дворца серебрянную посуду. Объ Иванѣ Шуйскомъ царь говоритъ, что при его матери у него была зеленая мурояровая шуба на куницахъ, да и та была вѣтха (Курб. стр. 182), а впослѣдствiе у него оказалась дворцовая серебряная посуда, съ перечеканенными на его имя вензелями. Вотъ третья причина, по которой наша аристократiя не могла думать о корпоративныхъ интересахъ сословiя, а, наоборотъ, въ ея интересахъ было поддержанiе власти Московскаго царя, отъ котораго каждый аристократъ

разсчитывалъ получить помѣстье, или въ кормленіе уѣздъ, или вотчину. Какъ должны были относиться, при этомъ положеніи вещей, дѣти боярскіе, младшіе братья нашей аристократіи, къ своимъ старшимъ братьямъ? Понятное дѣло, что эти отношенія должны были быть скорѣе враждебны, чѣмъ дружественны. Бѣдные, кругомъ запутанные въ долгахъ, дѣти боярскіе могли ожидать улучшенія своей участи только отъ короны, которая имѣла много земель, но не отъ аристократіи, которая ихъ не имѣла. Для дѣтей боярскихъ, высшая аристократія была соперницей, которая стремилась отнять у нихъ послѣдній кусокъ хлѣба; Іоаннъ Грозный упрекаетъ аристократію, что она, подъ предлогомъ раздачи денегъ и помѣстій дѣтямъ боярскимъ, прибирала къ рукамъ земли и деньги (Курб. стр. 182).

Совсѣмъ иначе положеніе дѣла было въ Англіи и Франціи. Во время борьбы аристократіи съ королевскою властью, при Генрихѣ III, аристократія съумѣла привлечь рыцарство на свою сторону не смотря на то, что король самъ объ этомъ старался (Gizot. hist. de gouv. repr. t. II, lect. II). При Эдуардахъ, въ XIV столѣтіи, когда всѣ феодальныя повинности перешли въ денежныя, войско составлялось изъ полковъ наемниковъ, составленіе которыхъ было поручено аристократамъ, а, такимъ образомъ, въ рукахъ аристократіи была всегда вооруженная сила, привыкшая сражаться подъ ея знаменами (Gneist, t. I, стр. 153).

Бѣдная поземельной собственностью, идя въ разладъ съ могущественнымъ классомъ дѣтей боярскихъ, наша аристократія могла только разсчитывать поживиться доходными должностями и помѣстьями, находящимися въ зависимости отъ короны. Въ западной Европѣ придворныя должности и соединенныя съ ними помѣстья послужили однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ силы аристократіи, потому что онѣ сдѣлались наслѣдственными въ рукахъ немногихъ аристократическихъ фамилій. У насъ точно также съ нѣкоторыми придворными должностями соединялось пользованіе доходомъ съ имѣній, которыя были приписаны къ этимъ должностямъ.

Такими должностями съ извѣстнымъ доходомъ были должности: дворецкаго, казначея, конюшаго, ясельничаго, стряпчаго съ ключемъ, ловчаго, сокольничаго, ключниковъ. Такія пожалованія имѣніями назывались у насъ пожалованіемъ „на путь“, вѣроятно потому, что самый главный доходъ кормлельщиковъ состоялъ въ отправленіи суда и сборѣ судебныхъ пошлинъ въ пожалованныхъ ему волостяхъ, для чего онъ долженъ былъ разъѣзжать по деревнямъ. Но у насъ эти должности не дѣлались наслѣдственными, а потому соединенныя съ ними имѣнія оставались казенною собственностью и поступали только во временное пользованіе. Когда смѣнялся придворный чиновникъ, села и деревни, принадлежащія ему по должности, переходили въ казну до назначенія новаго лица на эту должность. Іоаннъ IV писалъ новгородскимъ дьякамъ: „велѣли есмя съ своего жалованья, съ конюшаго пути, Григорію Иванову, сыну Дмитрева, ѣхать въ Москву. И вы бъ съ середохрестія конюшій путь въ Новгородъ вѣдали на меня, Царя и Великаго Князя“. (Д. А. И. т. I, № 108). Когда назначили новое лицо на эту должность, то тѣмъ же дьякамъ было написано: „чтобъ они ему дали списокъ съ книгъ, почему ему кормъ и всякія пошлины сбирати (Э. А. И. т. I, № 53), какъ давали и прежнимъ ясельничимъ“. Наслѣдственность придворныхъ должностей произошла на западѣ отъ слабости королевской власти; у насъ она не могла явиться отъ противуположной причины, а потому придворныя должности служили силой въ рукахъ монархіи, а не бѣдной аристократіи. Не только въ XVI, но и въ XVII столѣтіи должности и имѣнія были не наслѣдственны. Дворечество съ путемъ, въ 1645 году принадлежало Львову, въ 1654 г.—Бутурлину, въ 1676 г.—Хитрово (Д. Р. В. т. XV, ст. 218 и слѣд.). „На путь„ дворецкому или конюшему давалось нѣсколько даровыхъ селъ и кабаковъ, гдѣ они могли имѣть большой доторовый сборъ. Борисъ, когда былъ конюшимъ, а также его преемникъ въ этой должности, Дмитрій Годуновъ, получили „на путь“ Вагу, Чаронду, Тотьму,—области, которыя, по самому мень-

шему счету, давали 9,000 рублей годоваго дохода (А. И. т. II, № 307). Въ XVII столѣтіи, „на путь" дворецкому давались ловецкія слободы въ Ярославлѣ: Дрюлиная, Толчковая, Коровницкая, Благовѣщенская, Тверитская, Петровская, Кондаковская; въ самомъ Ярославлѣ слобода Ловецкая, дворы въ улицѣ Кисилихѣ; въ Ярославскомъ уѣздѣ ловецкія слободы: Норская, Борисоглѣбская, Рыбная; кромѣ того, кабакъ въ Горкахъ, за Ярославлемъ.

Со всѣхъ этихъ слободъ дворецкій собиралъ „тамгу" (т. е. пошлину при покупкѣ и продажѣ товаровъ); здѣсь дворецкій отправлялъ судъ и судебныя пошлины бралъ на себя. Кромѣ всего этого, дворецкій бралъ печатныя пошлины въ Приказѣ Большаго дворца, по гривнѣ съ челобитной, съ таможенныхъ и кабацкихъ откуповъ — по 3 деньги съ рубля (Д. Р. В. т. XV, стр. 218 и слѣд.).

Послѣ придворныхъ должностей, важнѣйшимъ доходомъ нашей аристократіи, въ древнѣйшія времена, были кормленія. Въ прежнее время все управленіе имѣло частный характеръ; принципы государственнаго и частнаго права не были разграничены. Если Великій Князь хотѣлъ кого нибудь пожаловать, то онъ давалъ ему въ управленіе городъ и волость съ тѣмъ, чтобы всѣ пошлины, которыя онъ будетъ сбирать съ суда, промысловъ и торговли, будутъ поступать въ его собственный доходъ, что и называлось кормленіемъ. Такой порядокъ мѣстнаго управленія существовалъ первоначально и въ западной Европѣ, но развивающаяся королевская власть и, вмѣстѣ съ нею, понятія государства мало-помалу уничтожили частный характеръ управленія волостями. Таковъ же ходъ исторіи былъ и у насъ. До Іоанна IV кормленія были всеобщимъ учрежденіемъ, но въ теченіе этого царствованія, въ этой области совершается полный переворотъ. Правда, кормленія еще встрѣчаются и въ это царствованіе; такъ, еще въ 1577 году Ивану Юрьевичу Морткину былъ данъ въ кормленіе городъ Корочевъ „со всѣмъ потому, какъ было и за прежними намѣстниками" (С. Г. Г. и Д. т. II, № 31). Въ 1656 году, князю Михаилу Глинскому были даны

судебныя пошлины съ половины Новгорода (Д. А. И. т. I, № 109). Но, какъ мы увидимъ ниже, въ главѣ о мѣстномъ управленіи, въ этой области совершился полный переворотъ и у нашей аристократіи былъ отнятъ одинъ изъ важнѣйшихъ ея доходовъ.

Въ рукахъ аристократіи осталось одно средство увеличивать свое благосостояніе—это помѣстья. Бояре, окольничіи, думные дворяне получали помѣстья, какъ и дѣти боярскіе. Какъ велики были эти помѣстья, это сказать трудно въ отношеніи къ этой эпохѣ. Мы видѣли, что нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ фамилій, какъ князья Корецкіе, Зеленые, имѣли до 1,500 четвертей (Д. А. И. т. I, № 52, XXXIX), но, каковъ былъ постоянный окладъ бояръ и окольничихъ — объ этомъ нельзя сказать ничего положительнаго.

Судя по слѣдующему періоду, помѣстные оклады не должны были переходить за 1,600 или даже 1,500 четвертей, а такимъ образомъ и этотъ послѣдній источникъ не могъ обогатить ихъ. Изъ всего сказаннаго, можно заключить, что наша аристократія была слишкомъ слаба, чтобы смѣло и открыто противупоставить себя королевской власти. На основаніи общихъ понятій о политическомъ и экономическомъ положеніи нашей аристократіи, можно представить болѣе или менѣе вѣрно ея общій характеръ, но только частная жизнь, домашняя обстановка, общественные нравы и интересы въ состояніи облечь плотью и кровью наши общія представленія, а потому я считаю необходимымъ коснуться и этой стороны нашего прошлаго, хотя, по размѣру сочиненія, только въ общихъ чертахъ.

Экономическая бѣдность общества и простота его быта выражаются, какъ нельзя болѣе, въ жизни нашихъ бояръ. Боярскій дворъ занималъ большое пространство земли, которое было огорожено тыномъ. Внутри этого двора стояло нѣсколько избъ, въ которыхъ помѣщалось жилье боярина, его прислуги, погреба, амбары. Изба, въ которой жилъ самъ бояринъ, отличалась отъ прочихъ только нѣкоторою чистотою. Она была похожа на избу богатаго мужика настоящаго

времени. Все въ ней было вымыто, выскребено, подмѣтено; на лѣстницѣ наложено сѣно для обтиранія ногъ; при входѣ въ избу, на видномъ мѣстѣ, лежала посуда, также чисто вымытая. Вслѣдствіе отсутствія городовъ и городскихъ промысловъ, каждый бояринъ имѣлъ на своемъ дворѣ мастеровыхъ всевозможныхъ родовъ. У князя Голицина было 177 человѣкъ дворни, между которыми было 14 поваровъ, 3 портныхъ, 6 садовниковъ, 2 хлѣбника, 2 пчельника и, кромѣ того, псари, сокольники, серебряные мастера и проч. (Д. Р. В. т. XVII, ст. 391).

Въ западной Европѣ духъ личной независимости, который всегда характеризуетъ героическій періодъ исторіи народовъ, не пропалъ вмѣстѣ съ образованіемъ государства, потому что въ поземельной собственности высшая и нисшая аристократія Европы нашла себѣ средства для поддержанія этого духа. Этотъ духъ, естественно выработался въ рыцарство, которое возвело на первый планъ сознаніе личнаго достоинства, личной чести. Всѣ отношенія рыцарей между собою, даже отношеніе подданныхъ къ государю, приняли характеръ галантности, при которой подчиняющійся подданный не утрачивалъ сознанія личной чести. Въ нашей исторіи этотъ духъ не могъ сохраниться, потому что наша аристократія не могла найдти ему поддержки въ экономической независимости. Европейскіе публицисты готовы поклоняться духу германскаго индивидуализма, какъ особенности чисто германскаго племени, но быстрое обращеніе массы свободныхъ германцевъ въ рабовъ, какъ скоро политическія обстоятельства сложились для нихъ неблагопріятно, доказываетъ, что этотъ духъ также исчезъ бы и въ высшихъ слояхъ, еслибы политическія условія были неблагопріятны. Мы уже видѣли, что всѣ обстоятельства нашей исторіи благопріятствовали образованію сильной монархической власти; экономическія условія поставили аристократію въ крайнюю зависимость отъ царской власти, а потому наша аристократія не могла найдти нигдѣ опоры для поддержанія духа личной гордости. Это чувство проявилось у насъ въ видѣ смѣшной и, въ выс-

шей степени, вредной для государства гордости родомъ, которая породила мѣстничество. Московскіе цари спокойно смотрѣли на это извращеніе чувства индивидуальной гордости, которое хотя было вредно государству, но было полезно для укрѣпленія власти, отвлекая силы аристократіи на другой предметъ и разъединяя ее.

Не находя выраженія во внѣшней политической дѣятельности, русскій аристократъ обратился къ семейной домашней жизни; какъ типомъ европейскаго аристократа служитъ рыцарь, такъ типомъ нашего аристократа служитъ домохозяинъ, скопидомъ. Какъ въ Европѣ отношенія независимыхъ людей развили извѣстнаго рода галантность, такъ у насъ подавленныя чувства индивидуальной гордости обратились въ семейный деспотизмъ, въ самодурство. Всѣ наслажденія человѣка сдѣлались чувственными, матеріальными, какъ его интересы. Посмотримъ на характеръ домашней жизни нашего высшаго общества.

Умный хозяинъ поучаетъ жену свою съ любовью благоразсуднымъ наказаніемъ. Онъ указываетъ ей, какъ домъ свой устроить и душу свою спасти. Онъ наблюдаетъ страхъ Божій и тѣлесную чистоту. Утромъ и вечеромъ самъ молится и призываетъ на молитву домочадцевъ. Прибѣгаетъ всегда съ вѣрою къ Божіимъ церквямъ; заутреню не проспитъ, повѣчерницу и полуночницу дома отслужитъ, церковниковъ и нищихъ приведетъ въ домъ свой и угоститъ ихъ (Сильвестра поуч. сыну). Добрый хозяинъ укажетъ женѣ, какъ и что она должна дѣлать; если жена потому поученію и наказанію не живетъ, то мужъ пользуетъ ея на единѣ, наказавъ пожалуетъ и примолвитъ. Если-же жена, сынъ или дочь, отца не послушаютъ, то онъ плетью постегаетъ, по винѣ смотря, но наединѣ, а не предъ людьми. А за великое ослушаніе, соймя рубашку, жену и плеткою вѣжливенько постегаетъ.

Умный хозяинъ знаетъ когда купить какой запасъ, потому что купишь въ пору—купишь дешево. Онъ самъ посмотритъ, да ключнику прикажетъ, чтобъ посмотрѣлъ не попортился-ли

тынъ, или городьба въ полѣ. Онъ досмотритъ самъ на палатяхъ, въ анбарахъ, въ погребахъ, чтобы все было въ порядкѣ. Призоветъ–ли гостей, онъ самъ распорядиться слугами и укажетъ каждому, гдѣ ему быть. Придя въ гости, не сядетъ на первое мѣсто, чтобы хозяинъ не посадилъ другихъ гостей выше его; кромѣ жены онъ не знаетъ другихъ женщинъ и болѣе всего бережется чтобы не напится, потому что въ пьянствѣ имѣнію тщета, да и домъ пустъ живетъ. Гостей къ себѣ призоветъ — накормитъ ихъ, а въ сосѣдствѣ съ знакомыми живетъ любовно, да ласкою поминая, что въ добрыхъ людяхъ хлѣбъ соль заемное дѣло. Пойдетъ куда въ гости, умный хозяинъ, поминки везетъ не дорогіе. Когда купитъ что нибудь, то купцу милая разласка, безъ волокиты платежъ, да еще хлѣбъ соль сверхъ, и подружба въ вѣкъ, мимо не продастъ. Умный хозиинъ не доведетъ дѣла до суда, а помиритъ все хлѣбомъ, да солью, питьемъ, да подачью. Съ добрыми людьми не богатствомъ жить, а правдою, да ласкою, любовью, да не гордостью.

Подстать такому умному скопидому жена—хозяйка. Умная хозяйка знаетъ какъ повести дѣло со слугами; хорошаго служку она примолвитъ и пожалуетъ, а лѣнивца накажетъ, побьетъ. Слуги у государыни вѣжливы; пустошныхъ или скоромныхъ рѣчей ни съ кѣмъ ни говоритъ. Ни торговокъ, ни бездѣльныхъ женокъ, она къ себѣ не пуститъ; всякій день, она спрашиваетъ у мужа и совѣтуется съ нимъ о всякомъ обиходѣ, вспоминая. что надобно. Въ гости она ходитъ и къ себѣ зоветъ тѣхъ, кого велитъ ей мужъ; когда случиться сама пойдетъ въ гости, она пьяной не напьется и платья свое за столомъ побережетъ. Съ гостями она будетъ бесѣдовать о рукодѣльи домашнемъ, какъ что сдѣлать, какъ за слугами смотрѣть. Спрашиваетъ она ласково, а кто что укажетъ, челомъ бьетъ. Есть ли у себя на подворьѣ, или гостяхъ услышетъ добрую пословицу, какъ добрыя жены живутъ, какъ порядокъ ведутъ, дѣтей и служекъ учатъ, мужей своихъ слушаются, то она все это мужу раскажетъ, ложась на покой. Умная жена сосѣдей не пересуживаетъ,

дурныхъ, пересмѣшныхъ и блудныхъ рѣчей не слушаетъ. Вставъ рано отъ ложа своего, помывшись и помолившись, она распредѣляетъ работу женкамъ и дѣвкамъ; она сама все знаетъ и сумѣетъ всему слугъ научить: добрая хозяйка будитъ слугъ, а не слуги хозяйку. Поутру, вставши, она надѣнетъ вѣтшаное платье и раздаетъ кому что шить, кому прясть, кому ткать. Портные, сапожники, сребренники, швейки, ни кто у нее не сидитъ безъ дѣла.

Таковы были идеалы, выработанные обществомъ. Но, разумѣется, дѣйствительность далеко оставляла за собой идеалъ. Не только образованіе, но даже грамотность не была поголовно распространена даже въ высшемъ классѣ. На избирательной грамотѣ Бориса Годунова, можно видѣть, какъ она была распространена между придворными: изъ 22-хъ бояръ, подписанныхъ въ грамотѣ, четверо не знали грамоты, а именно: оба князя Трубецкіе, князь Голицынъ и князь Черкаскій; изъ 15 окольничьихъ одинъ не зналъ грамоты; изъ 40 стольниковъ 8 было неграмотныхъ (А. А. Э. т. II. № 7). Еще менѣе грамотность была распространена между дворянами и дѣтьми боярскими; изъ 115 дѣтей боярскихъ, ручавшихся по Яковлевѣ, только 47 могли подписать свое имя къ поручной грамотѣ (С. Г. Г. и Д. т. I, № 184). Эта безграмотность породила въ обществѣ особое зло, о которомъ часто упоминается въ грамотахъ,—это подписчики, поддѣлыватели документовъ. Объ этомъ предметѣ до насъ дошло весьма любопытное дѣло князя Шереметева съ княземъ Ноздреватымъ.

Князь Ноздреватый заложилъ Шереметеву свое село, но, не желая платить занятые деньги, онъ пригласилъ подписчика, котораго заперъ въ особую комнату и предложилъ ему написать росписку въ уплатѣ Шереметеву денегъ. Шереметевъ, узнавъ о подписчикѣ запертомъ въ комнатѣ, успѣлъ поймать его съ понятыми на мѣстѣ преступленія съ фальшивой кабалой, перомъ и чернилицей. По показанію самого подписчика на судѣ, онъ не имѣетъ ни дома, ни занятія, а кормился перомъ, и уже сидѣлъ въ тюрьмѣ за под-

писку (А. О. до Ю. Б. т. I, стр. 191). Весьма любопытно для насъ то обстоятельство, показывающее нравственный уровень общества, что хотя Ноздреватый проигралъ процессъ, но за допущеніе подлога онъ не былъ наказанъ.

Каково было образованіе, такова была и нравственность. Въ 1573 году, осенью, сынъ боярскій, Романъ, ночью, со многими людьми напалъ на село Степановское и убилъ мужиковъ и женокъ, всего двадцать двѣ головы (А. О. до Ю. Б. т. I, стр. 668). По показанію Флетчера, которое можетъ быть преувеличенно, можно было встрѣтить на улицѣ какъ грабятъ запоздалаго человѣка и никто не отвѣтитъ на его крики и не переступитъ порога, чтобы помочь ему. Высшій классъ на помѣстничествахъ и разныхъ приказахъ до того привыкъ къ взяткамъ и грабежу, что, по показанію того-же Флетчера, горожанинъ съ боязнью рѣшался выставлять на базарѣ товары, чтобы ихъ не отнялъ первый проходящій дворянинъ. Въ послѣднемъ показаніи нѣтъ ничего удивительнаго, потому что даже въ концѣ семнадцатаго вѣка, какъ мы увидимъ далѣе, знатные люди позволяли себѣ дѣлать такія притѣсненія горожанамъ, что еслибы объ нихъ разсказывали только иностранцы, тогда бы мы имъ ни за что не повѣрили.

Бояры любили окружать себя азіатской пышностію. Герберштейнъ говоритъ, что простые люди не могли въѣхать верхомъ на дворъ боярина.

Въ домахъ бояръ проживали бѣдные дворяне, которые должны были провожать пѣшкомъ боярина, когда онъ ѣхалъ верхомъ къ дворцу; они же сопровождали его всюду, куда бы онъ не поѣхалъ. Поѣздъ боярина возвѣщался бубномъ, предъ которымъ всѣ должны были сторониться (Опытъ повѣств. о древн. русск. Успенскаго).

Дворы знатныхъ бояръ были наполнены неумытой и голодной челядью, которая даже во времена Олеарія дѣлала опаснымъ путешествіе по Москвѣ (Олеар.).

Жизнь и обстановка дворянъ и дѣтей боярскихъ была, напротивъ, очень бѣдна. Обыкновенно они жили въ лачу-

гахъ, крытыхъ соломой; но благородный, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, считалъ для себя порокомъ и безчестьемъ добывать хлѣбъ своими руками, а не считалъ безчестнымъ для себя, говоритъ Герберштейнъ, подбирать лимонныя корки и остатки дынь, которыя мы выбрасывали за окно (стр. 85).

Не смотря на страшную бѣдность, доступъ даже къ обыкновеннымъ дворянамъ былъ очень труденъ; они весьма рѣдко отправлялись публично съ тою цѣлью, чтобы сохранить болѣе вѣса и уваженія къ себѣ. Ни одинъ благородный не пройдетъ пѣшкомъ чрезъ четыре или пять домовъ, если за нимъ не ведутъ лошади (Герб. стр. 86). Какъ бы ни было бѣдно имѣніе благороднаго, но имъ непремѣнно управлялъ ключникъ, получающій отъ крестьянъ небольшое содержаніе. Обыкновенно эти помѣщики оставляли за собою два, и рѣдко, развѣ въ большомъ имѣніи, 3 крестьянскія участка, которые засѣвали собственными людьми. Во время походовъ дѣти боярскіе довольствовались скудной пищей; у каждаго сына боярскаго, говоритъ Герберштейнъ, есть не много проса въ мѣшечкѣ, длиною въ двѣ ладони; потомъ фунтовъ 8, или десять соленаго свинаго мяса, также соль въ мѣшечкѣ, смѣшанная, если они богаты, съ перцемъ; кромѣ того, всякій носитъ съ собой топоръ, трутъ, кострюлю, или мѣдный горшокъ и, если приходитъ въ такую мѣстность, гдѣ нѣтъ никакихъ плодовъ, ни чесноку, ни луку, то разводитъ огонь, наполняетъ горшокъ водой, въ которую кладетъ полную ложку проса, прибавляетъ соли и варитъ. Господа и холопы живутъ довольствуясь такой скудной пищей. Если господинъ хочетъ отобѣдать получше, то къ этому прибавятъ маленькую частицу свинины, или отправляется къ знатнымъ вождямъ, которые имѣютъ хорошіе запасы (стр. 80).

Самымъ страшнымъ домашнимъ порокомъ общества было: пьянство, развратъ и отсутствіе моральныхъ интересовъ. Домострой совѣтуетъ (стр. 14) уходить раньше съ пиру, потому что кто поздно сидитъ, тотъ дождется до брани, драки, кровопролитія, а домочадцы въ это время безпокоются. При отсутствіи образованія эти люди, сходясь, должны были

ограничиваться скоромными разговорами, смѣхотворствомъ и всякимъ глумленіемъ (Д. стр. 14).

ГЛАВА II.

Крестьяне.

Аристократія обыкновенно стремится образовать крѣпостное право, а монархія, напротивъ, стремится къ равенству. — Почему у насъ не образовалось крѣпостное право въ древнѣйшей Руси. — Что такое крестьянскій участокъ земли.—Бюджетъ крестьянина.—Крестьяне, живущіе на частныхъ земляхъ. — Привлекательныя стороны быта монастырскихъ крестьянъ. — Крестьяне, живущіе на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ. — Отношеніе царской власти къ крестьянамъ разныхъ видовъ.—Способъ управленія черносошныхъ крестьянъ и крестьянъ владѣльческихъ. — Общія черты крестьянскаго быта.

Если вглядываешься въ исторію человѣческихъ обществъ, то кажется, что господство сильнаго и соотвѣтствующее ему рабство слабыхъ—есть явленіе естественное, тогда какъ господство закона, обезпечивающее за каждой личностью свободу располагать собой — есть явленіе, выработываемое долгимъ трудомъ и усиленною борьбою подавленныхъ элементовъ. Трудъ кажется человѣку такимъ тяжелымъ бременемъ, что даже самую необходимость трудиться онъ объясняетъ наказаніемъ Божіемъ. Если у человѣка есть какая нибудь возможность освободиться отъ труда, взваливая всю тяжесть его на другихъ, то онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы освободиться отъ него. Голландцы и англичане, безспорно трудолюбивѣйшіе народы Европы, въ своихъ колоніяхъ считаютъ стыдомъ приложить руки къ работѣ, потому что они имѣютъ возможность сложить всю тяжесть труда на рабовъ (Comte

Traité de législation. t. III, pag. 505). Когда европейскій солдатъ на мысѣ Доброй Надежды получаетъ отставку, онъ работаетъ только до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ въ состояніи купить двухъ рабовъ, послѣ чего онъ перестаетъ трудиться. Происхожденіе рабства, кажется, объясняется самыми естественными побужденіями человѣческой натуры. Но весьма важно разсмотрѣть, какія политическія формы наиболѣе благопріятствуютъ образованію рабства. Сличая историческіе факты, мнѣ кажется, можно убѣдиться, что монархія болѣе благопріятствуетъ равноправности гражданъ, а господство аристократіи почти неизбѣжно ведетъ къ образованію рабства. Древній міръ никогда не могъ отдѣлаться отъ рабства, потому что даже древнія демократическія республики въ сущности были настоящими аристократіями. Въ Европѣ рабство развивалось параллельно съ развитіемъ феодализма. Наоборотъ, восточныя деспотическія государства не знаютъ крѣпостнаго права; его нѣтъ ни въ Китаѣ, ни въ Персіи *) Comte; Traite de législ. t. II, pag. 485, 520). Древніе персы имѣли только то преимущество передъ побѣжденными ими народами, что они составляли армію деспота и получали за военную службу хорошее вознагражденіе (Dunker. Gesch. des Alterthums. t. I., ст. 613). Это, съ перваго раза поражающее различіе, въ самомъ дѣлѣ, вытекаетъ изъ сущности монархическихъ и аристократическихъ интересовъ. Монархъ, возвышаясь надъ всѣми общественными классами, естественно стремится уравнять права своихъ подданныхъ, потому что такое равенство не только не уменьшаетъ силу монархіи, но, наоборотъ, увеличиваетъ ее. Аристократія естественно стремится сохранить рабство, потому что безъ этого института она потеряла бы свою точку опоры. Правда, монархія на первой ступени цивилизаціи иногда бываетъ принуждена создать аристократію, а съ нею вмѣстѣ и рабство, но такое направленіе дѣйствій монархіи не естествен-

*) Государства теократическія, правда, имѣютъ рабство, но сама теократія есть, въ сущности, ни что иное, какъ духовная аристократія.

ное, ненормальное, отъ котораго она старается освободиться при первой возможности. Европейскія монархіи неохотно и противъ воли допустили образованіе феодальной аристократіи и съ нею рабства, но какъ только королевская власть стала крѣпнуть, она тотчасъ же начинаетъ освобождать рабовъ и крѣпостныхъ; Людовикъ X, въ 1315 году, издавая знаменитый законъ о крѣпостныхъ, начинаетъ его такими словами: „comme selon le droit de nature chacun doit naistre franc“ (Schaeffner. Gesch. der Reichts-Verfassung Frankreichs. стр. 523). По цѣли и объему моего труда, я не могу далѣе развивать эти мысли, но я считалъ необходимымъ указать на общія причины крѣпостнаго права и на отношенія къ этому общественному явленію монархіи и аристократіи, потому что эти общія данныя могутъ намъ служить указаніемъ при изученіи нашей исторіи.

Изучая нашу древнюю исторію, я удивлялся не тому, что у насъ явилось крѣпостное право, но тому, что оно образовалось такъ поздно. Главною причиною отсутствія крѣпостнаго права въ древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи было, по моему мнѣнію, раннее образованіе удѣловъ. Образованіе удѣловъ, раздробивши Россію на маленькія независимыя области, не давало возможности всеобщаго и одновременнаго прикрѣпленія крестьянъ, а частныя законы въ отдѣльныхъ княжествахъ повели бы за собою ихъ обезлюдѣніе, такъ какъ сосѣди воспользовались бы ими, чтобы сманить прикрѣпленныхъ крестьянъ. Земель было много, а работниковъ мало, а потому всѣ удѣльныя князья не только не старались закрѣпить крестьянъ, но каждый на перерывъ старался давать льготы крестьянамъ, переманеннымъ изъ чужихъ удѣловъ. Мы постоянно читаемъ въ жалованныхъ грамотахъ князей, данныхъ монастырямъ и частнымъ лицамъ, что имъ дается право призывать себѣ людей изъ другихъ княженій, съ освобожденіемъ ихъ отъ всѣхъ налоговъ на 5, 10 и даже 15 лѣтъ (А. И. т. I, №№ 25, 36, 74, 88 и др.). Наоборотъ, тамъ, гдѣ было возможно, встрѣчаются попытки къ закрѣпленію. Жалованная грамота Іоанна III

Өедоровскому монастырю говоритъ: „а людей имъ въ то село моихъ, Великаго Князя, не принимати“ (А. И. т. I, № 87 и др.). Такимъ образомъ, обстоятельства, въ которыя была поставлена древняя Русь, рѣшительно не давали возможности прикрѣпить крестьянъ, а эта причина, въ свою очередь, не давала возможности образоваться удѣльной аристократіи.

Когда Москва, при Іоаннѣ III, достигла объединенія большей части русскихъ владѣній и начала стремиться къ полному объединенію, тогда она почувствовала потребность въ хорошо организованномъ войскѣ. Такое войско, при нашей тогдашней экономической бѣдности, могло быть образовано только при помощи помѣстной системы, какъ мы это увидимъ ниже. Но раздача въ помѣстья земель, безъ прикрѣпленія работника, не повела бы ни къ чему. Вотъ почему Іоаннъ III первый вводитъ нѣкоторыя препятствія къ полному и свободному переходу крестьянъ. Судебникъ Іоанна III дозволяетъ отказъ крестьянъ только въ предѣлахъ волости, изъ села въ село; онъ вводитъ пожилое въ одинъ рубль за четыре года (А. И. т. I, № 105, ст. 155). Мы приведемъ ниже годовой бюджетъ крестьянина, изъ котораго мы увидимъ, что годовой его доходъ простирался не болѣе рубля, а потому такое постановленіе на дѣлѣ должно было рѣшительно препятствовать переходу крестьянъ. Такова была первая мѣра, направленная противъ перехода крестьянъ, совершившаяся не задолго до наступленія царскаго періода, съ котораго мы начинаемъ изслѣдованіе.

Посмотримъ сперва изъ какихъ элементовъ состоялъ нашъ низшій классъ при Іоаннѣ IV. Онъ можетъ быть раздѣленъ на четыре главныя группы: 1) черносошные крестьяне; 2) крестьяне, живущіе на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ; 3) своеземцы и 4) холопы. Первые три разряда рѣзко отдѣляются отъ четвертаго правомъ личной свободы и образомъ занятій, потому что первыя три группы состоятъ изъ крестьянъ, живущихъ земледѣліемъ, тогда какъ четвертую группу составляютъ холопы, живущіе при дворахъ помѣщиковъ, для

личныхъ услугъ. Первые три класса, хотя значительно разнятся между собою въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но всѣ пользуются личной свободой и имѣютъ общіе политическіе интересы, тогда какъ холопы почти не пользуются личными и имущественными правами и составляютъ собственность владѣльцевъ.

Изъ числа первыхъ трехъ классовъ, крестьяне черносошные составляютъ сплошную однообразную массу, поставленную почти всюду въ одинаковыя условія суда и управленія. Крестьяне помѣстные и вотчинные раздѣляются на нѣсколько видовъ, разнящихся между собою, въ отношеніи управленія, суда и количества налоговъ. Они составляютъ четыре группы: 1) царскіе, дворцовыхъ селъ крестьяне; 2) монастырскіе; 3) крестьяне, принадлежащіе бѣлому духовенству и 4) крестьяне, живущіе на земляхъ служилаго сословія. Третій отдѣлъ, крестьянъ собственниковъ не многочисленъ и въ эту эпоху находится въ совершенномъ упадкѣ.

Посмотримъ сначала на общія экономическія условія крестьянъ, тогда намъ легче будетъ понять, какъ эти условія могли видоизмѣняться на земляхъ различныхъ владѣльцевъ.

Крестьянская земля раздѣлялась обыкновенно на обжи и выти. Обжа земли равнялась 30 четвертямъ (А. И. т. I, № 222), а четверть равнялась половинѣ десятины (А. И. т. II, № 236, т. III, № 139). Новгородцы такъ опредѣлили Іоанну значеніе обжи: „обжа, — одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ“ (Лѣт. 6, подъ 1478 г.).

Кромѣ дѣленія на обжи, земля дѣлилась еще на выти, которыя не имѣли опредѣленныхъ размѣровъ. Къ цѣлой выти обыкновенно отъ 7½ до 11 десятинъ въ трехъ поляхъ, т. е. отъ 22½ до 33 десятинъ земли, съ 30-ю или 50-ю копнами сѣна. На цѣлой выти обыкновенно считалось 5 дворовъ, но къ двору относилось иногда ⅓, ¼, ⅛ и, даже 1/16 доля выти; количество земли и сѣна, которое приходилось на дворъ, было очень разнообразно. Такъ напримѣръ:

на ⅓ выти считалось: 2 двора, пашни 7½ десят. 40 к. сѣна.

на $^1/_3$ выти считалось:	1	дворъ,	пашни	4	десят.,	15	к.	сѣна.
„ „ „	1	„	„	3	„	12	„	„
„ $^1/_8$ выти:	1	дворъ,	пашни	$4^1/_2$	десят.,	20	копенъ	сѣна.
„ „ „	1	„	„	$4^1/_2$	„	5	„	„
„ „ „	1	„	„	$2^1/_2$	„	20	„	„
„ $^1/_4$ „	1	„	„	5	„	5	„	„
„ „ „	1	„	„	6	„	10	„	„

(взято изъ А. Ю. № 228 и А. И. т. I, № 217).

Такимъ образомъ, мѣра выти была весьма неопредѣленна, тогда какъ мѣра обжи всегда опредѣленна. Это, мнѣ кажется, указываетъ на различныя назначенія той и другой мѣры земли. Мѣра обжею, четвертями, десятинами употреблялась при продажѣ земли, для обозначенія вообще ея количества, тогда какъ мѣра вытью употреблялась вообще для раскладки повинностей, а потому, вѣроятно, какъ цѣлая выть равнялась другой цѣлой выти, также и ея части равнялись между собою количествомъ получаемыхъ съ нихъ доходовъ.

Въ 1503 г., крестьянинъ, сжегшій деревню со скотомъ и хлѣбомъ, принужденъ былъ заплатить $9^1/_2$ рублей (А. Ю. № 10). Въ 1573 г., обжа съ третью земли, со всѣми строеніями, скотомъ и хлѣбомъ стоила отъ 8 до 10 рублей (А. Ю. № 23). Цѣна на трудъ всякаго рода была ничтожна; по подряду 1598 г., крестьяне обязались срубить, привести и положить бревно въ мостъ за $1^1/_2$ деньги. По этимъ цифрамъ можно сдѣлать заключеніе, что крестьянину нужно было имѣть не менѣе осьми, девяти и даже десяти рублей, чтобъ завести хозяйство, и для образованія такой суммы нужно было пять лѣтъ труда, если бы всѣ полученныя имъ въ это время деньги, онъ употребилъ на покупку хозяйства и ничего не издерживалъ самъ. Понятное дѣло, что большинство, или почти всѣ крестьяне должны были прибѣгнуть къ помощи помѣщика или монастыря, чтобы завести хозяйство.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, разсмотримъ подробнѣе цифры стоимости предметовъ, имѣющихъ значеніе въ крестьнскомъ

быту. Эта цифра распредѣлялась такимъ образомъ: домъ стоилъ 3 руб. (А. Ю. № 23); 4 коровы и 20 овецъ — 4 р. 16 алтынъ (А. Ю. № 17); лошадь отъ 1-го до 3-хъ рублей (А. Ю. № 19).

Обыкновенный участокъ земли, на которой садился крестьянинъ, простирался, какъ мы видѣли, отъ $3\frac{1}{2}$ до 5 десятинъ, или отъ 7 до 10 четв. Тогда существовало уже трехпольное хозяйство, при чемъ обыкновенно сѣялось на 1-ю четверть земли четв. ржи, на 2-ю—четверть овса, а третья оставалась подъ паромъ (А. А. Э. т. III, № 93). На основаніи этого, крестьянинъ сѣялъ на свой участокъ отъ $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ четвертей ржи и столько же овса. Предполагая хорошій урожай самъ шестъ, онъ получалъ отъ 14 до 20 четв. ржи и овса, а такъ какъ четв. ржи даже въ голодной годъ стоила 30 денегъ, овса 10 денегъ (Лѣт. 4 годъ 1543), слѣдовательно, доходъ крестьянина равнялся 3 или 4 рублямъ, еслибъ онъ въ такой годъ собралъ богатый урожай, а въ хорошій годъ его доходъ едвали простирался и до половины этой цифры. Судебникъ Іоанна IV, опредѣляя безчестье по доходу лица, безчестье крестьянина опредѣляетъ въ рубль, чему, вѣроятно, и равнялся его обыкновенный доходъ. Въ 1553 году крестьянинъ жаловался, что у него отняли $\frac{2}{3}$ обжи и владѣли этимъ участкомъ 2 года, отчего онъ получилъ убытокъ въ 5 р., т. е. $2\frac{1}{2}$ р. въ годъ (А. Ю. № 10). Полный костюмъ крестьянина стоилъ полъ-рубля: кафтанъ— 4 гривны, опояска — 4 алтына, рукавицы — $2\frac{1}{2}$ алтына (А. Ю. № 52).

При незначительности дохода, на крестьянинѣ громадною тяжестію лежали государственныя и общественныя повинности. Всѣ подати и повинности этого времени можно раздѣлить на четыре разряда. Къ первому разряду относятся повинности, употребляемыя на защиту государства: городовое дѣло, т. е. строеніе городскихъ стѣнъ и башенъ; пищальныя деньги, на покупку оружія; на содержаніе ратныхъ людей; посошная служба, т. е. выставленіе рекрута; зелейное дѣло, т. е. приготовленіе пороха; засѣчное дѣло устроивать

засѣки, чтобы помѣшать вступленію непріятелей. Ко второму разряду повинностей принадлежатъ сборы на содержаніе областнаго управленія: содержаніе яма и ямщиковъ; подмога ямскимъ охотникамъ; приметъ или прибавка къ ямскимъ доходамъ; строеніе мостовъ; дьячія писчія пошлины; кормъ и присуды, т. е. жалованье чиновникамъ мѣстнаго управленія и судебныя пошлины. Къ третьему разряду принадлежатъ подати, употребляемыя на содержаніе двора: оброкъ съ поженъ; поплужная пошлина; соколій оброкъ; поминочные черные соболи. Эти налоги въ 1555 году на черную обжу обходились не менѣе 3 р., слѣдовательно, черный крестьянинъ уплачивалъ отъ $^3/_4$ до 1 руб. въ налогахъ, т. е., по крайней мѣрѣ, половину дохода (А. Ю. № 202).

Таково было положеніе крестьянина вообще, или лучше крестьянина, живущаго на черныхъ земляхъ. Но, можно спросить, что лучшаго могли предложить крестьянину другіе владѣльцы помѣстныхъ и вотчинныхъ земель? Главная выгода крестьянъ, переходящихъ на помѣстныя и вотчинныя земли состояла: во 1–хъ въ томъ, что они получали ссуды отъ владѣльцевъ на обзаведеніе; во 2–хъ въ томъ, что въ голодные годы могли разсчитывать на помощь хлѣбомъ; въ 3–хъ, получали скотъ, въ случаѣ его падежа. Для крестьянина все это очень важно. Представители земскихъ общинъ тоже давали льготу крестьянамъ на 4, 6 и 8 лѣтъ (А. Ю. № 228), но они не могли предложить капиталовъ, потому что тогда не было у земства ссудныхъ кассъ; они не могли дать хлѣба въ голодный годъ, потому что земство не имѣло хлѣбныхъ магазиновъ. Крестьяне, садящіеся на монастырскія земли получали льготу отъ одного до четырехъ лѣтъ, получали ссуды для закупки необходимыхъ принадлежностей крестьянскаго хозяйства.

Перейдемъ къ условіямъ быта владѣльческихъ крестьянъ и начнемъ съ крестьянъ монастырскихъ, о положеніи которыхъ мы имѣемъ болѣе точныя свѣдѣнія. Договоры крестьянъ съ монастыремъ покажутъ намъ, что находилъ здѣсь крестьянинъ.

*

Первый примѣръ. Два крестьянина садятся на $^{1}/_{6}$ обжи земли, берутъ 2 рубля подмоги съ обязанностiю, въ теченiи двухъ льготныхъ лѣтъ, построить хлѣвъ, мыльню, починить старыя хоромы, огородить и распахать поле, а послѣ льготнаго срока они платятъ 1 руб. оброка и ходятъ на монастырское дѣло (А. Ю. № 118).

Второй примѣръ. Двое крестьянъ, съ двумя дѣтьми, взяли обжу земли и 5 рублей подмоги, за что обязываются въ пустой деревнѣ поставить дворъ, въ немъ избу 3-хъ саженъ, да хлѣвъ съ сѣнникомъ, въ $2^{1}/_{2}$ сажени, мшанникъ; они освобождаются отъ государевыхъ податей на три года и платятъ въ монастырь по 1 рублю въ первые два года, а въ 3-й два рубля; по прошествiи 3-хъ лѣтъ, они обязаны платить государевы подати и дѣлать монастырское дѣло (А. Ю. № 183).

Третiй примѣръ. Два крестьянина садятся на 5 лѣтъ льготы съ обязанностiю построить всѣ нужныя для хозяйствъ строенiя. Но есть еще и другiя выгоды (А. Ю. № 187).

За монастыремъ выгодно садиться, потому что монастырь лицо сильное, богатое. Онъ имѣетъ доступъ къ государю и готовъ отстоять за всякую обиду, нанесенную крестьянину. Въ монастырскiя волости запрещенъ въѣздъ намѣстникамъ, ихъ тiунамъ, доводчикамъ, всѣмъ сильнымъ людямъ, которымъ легко обидѣть слабаго человѣка, крестьянина. Въ вѣкъ варварства — это одни изъ сильнѣйшихъ приманокъ: въ Европѣ тоже огромное большинство собственниковъ добровольно отдавали свои земли, чтобы найти защиту у сильныхъ людей. „Кто у нихъ на той обжи на ихъ землѣ учнутъ жити слугъ и крестьянъ, пишется въ жалованныхъ грамотахъ, и наши новгородскiе, Великаго Новгорода, намѣстники, и дьяки, и намѣстничи тiуны, и всякiе ихъ пошлинные люди, и земскiе судьи тѣхъ ихъ слугъ и крестьянъ, которые живутъ на монастырской землѣ, не судятъ ни въ чемъ, опричъ душегубствъ, и разбоя, и татьбы съ поличнымъ, и приставовъ своихъ къ нимъ не всылаютъ, и кормовъ и пошлинъ своихъ на нихъ не емлютъ никакихъ, а

вѣдаетъ судомъ монастырскихъ слугъ и крестьянъ во всемъ того монастыря игуменъ и настоятель съ братіею, и наши князи и бояре, и воеводы ратные, и всякіе проѣзжіе люди съ ними всякіе посланники и гонцы, у нихъ въ монастырѣ и у ихъ слугъ и у крестьянъ подводъ и проводниковъ не емлютъ, и сильно не ставятся, и кормовъ своихъ конскихъ у нихъ не емлютъ же, а кому у нихъ случится стояти, и они у нихъ кормъ свой и конскій купятъ по цѣнѣ" (Д. А. И. т. I, № 132, 44 и 46; А. И. т. I, 441, 444; А. А. Э. т. I, №№ 292, 294 и 300). Въ это время вводятся земскіе судьи, какъ мы увидимъ ниже, на содержаніе которыхъ берутъ кормы, но монастырскихъ освобождаютъ и отъ этихъ кормовъ. Монастыри могли предложить крестьянамъ болѣе льготные условія, потому что нѣкоторые изъ нихъ не платили налоговъ (Д. А. т. I, №№ 122 и 141; А. И. т. I, 188 и 217); нѣкоторые имѣли право провоза соли и другихъ продуктовъ, нужныхъ для монастыря, безъ дани и пошлинъ при провозѣ и при покупкѣ, что давало возможность монастырю имѣть соль въ 2 или 3 раза дешевле рыночной цѣны, а извѣстное дѣло, что налогъ на соль есть все равно, что налогъ съ души (Д. А. И. т. I, №№ 48 и 141). Наконецъ, нѣкоторые монастыри имѣли свои дома въ городѣ, гдѣ могли останавливаться крестьяне, тогда какъ всѣ другіе должны были останавливаться на частномъ дворѣ и платить за это сумму, равную стоимости двухъ рабочихъ дней (А. А. Э. т. I, № 323; А. И. т. I, № 246).

Если только нѣкоторые монастыри были совершенно свободны отъ налоговъ, то всѣ они платили гораздо меньшую сумму налога, чѣмъ черныя волости. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить налогъ на монастырскую обжу и на черную обжу. Въ 1548 г., Спасскій монастырь платилъ по 60 денегъ съ обжи налога (А. Ю. № 209). Николаевскій Вижицкій въ 1570 г., по 22 алт. на обжу (А. Ю. № 209, III); Ѳедоровскій и Тереховъ монастыри въ 1589 г. платили однѣ только ямскія и полоняничныя деньги (А. Ю. № 209, V, VI); Вассіянова–Строкова пустыня платила только

дань, ямскія деньги и намѣстническій кормъ (А. И. т. I, стр. 147).

Но, если монастыри имѣли возможность дать крестьянамъ различныя выгоды, то они, съ своей стороны, старались выбрать изъ крестьянина все, что было можно. Въ монастыряхъ обыкновенно существовала барщина, характеристически называемая „страда“. Въ Бѣжецкомъ-Верху крестьяне обязывались вспахать и посѣять на монастырь по 1 четв. ржи и 2 четверти овса на выть, т. е. на 5 дворовъ; доставить съ выти 2 воза дровъ, доставить ежедневно по лошади съ выти для повоза, и, кромѣ всего этого, заплатить монастырю по 4 четверти ржи и овса тоже съ выти (А. А. Э. т. I, № 351). Въ Царево-Константиновскомъ монастырѣ крестьяне пахали по десятинѣ на выть, возили на монастырскую пашню по 80 возовъ навоза на выть; платили оброки, земскіе поборы, за поборы сыра, масла, яицъ и пр., по полтинѣ на выть; мололи на монастырь по 4 четв. овса или гречи, давали подъ архимандрита по подводѣ съ двора (А. О. до Ю. Б. т. I, стр. 137). Въ одномъ имѣніи Троицкаго монастыря положенъ былъ оброкъ по 3 рубля съ выти, т. е. по полтинѣ на дворъ (А. А. Э. т. I, № 308). Крестьяне должны были платить на содержаніе монастырскаго прикащика и пахать для него землю. Митрополиты и архіепископы могли предложить крестьянамъ, поселившимся на ихъ земляхъ, еще лучшія условія, на что они имѣли грамоты, освобождающія ихъ, крестьянъ, отъ всѣхъ налоговъ (А. И. т. I, №№ 215 и 217; Доп. А. И. № 148).

Но, я не имѣю грамотъ, чтобы опредѣлить каковы были на практикѣ, условія экономическаго быта митрополичьихъ крестьянъ.

Всего менѣе благопріятны должны были быть условія крестьянъ, поселившихся на земляхъ мелкопомѣстныхъ дѣтей боярскихъ, Новгородскія писцовыя книги 1495 г. даютъ объ этомъ точныя и подробныя данныя. Изъ этихъ данныхъ можно видѣть, что мѣлкопомѣстные дѣти боярскіе почти не имѣли своей запашки, потому что боярскія запашки обни-

иали такое ничтожное пространство, что они не могли давать хлѣба больше, чѣмъ нужно для содержанія самого боярскаго двора. Они заключали съ крестьянами условія, по которымъ они пользовались пятиной или четвертью урожая; кромѣ того, они уговаривались давать еще въ прибавку къ пятинѣ нѣсколько мѣръ хлѣба и овса; иногда ко всему этому прибавлялся поборъ льномъ, яйцами, масломъ, бараньими лопатками, курами, солодомъ, хмѣлемъ и пр. (Новгр. писц. книги). Кромѣ поборовъ продуктами, взималось отъ 4 до 10 денегъ съ обжи оброка. Иногда всѣ доходы переводились на деньги и тогда платилось отъ 2½ до 5 гривенъ съ обжи, т. е. до 70 денегъ (Новгр. Писц. книги, т. I, стр. 415), иногда хлѣбный оброкъ опредѣлялся прямо въ извѣстномъ количествѣ. Трудно предположить, чтобы дѣти боярскіе могли давать ссуды, потому что они сами были кругомъ въ долгахъ. Принимая все это въ соображеніе, должно быть почти увѣреннымъ, что деревни дѣтей боярскихъ, при свободѣ перехода, были весьма часто совершенно пусты, чему мы встрѣчаемъ множество примѣровъ (Д. А. И. т. I, № 52). Вслѣдствіе всего этого, рѣдкій крестьянинъ могъ разсчитывать, что онъ можетъ спокойно выйти изъ имѣнія сына боярскаго. Рѣдко такой переходъ не сопровождался грабежемъ его имущества, страшными налогами и даже побоями отходящему крестьянину (Д. А. И. т. I, № 51, ст. XVII и XXIV). Въ одной грамотѣ на это есть положительныя указанія: „А крестьянъ они (т. е. помѣщики) изъ за себя не выпущаютъ, да поймавъ де ихъ мучатъ и грабятъ и въ желѣза куютъ и пожилое съ нихъ емлютъ не по судебнику, рублей по 5 и по 10 (Д. А. И. т. I, № 56).

Большія помѣстныя имѣнія иногда были на оброкѣ: Одоевскій просилъ себѣ въ помѣстье Славетинскій погостъ, состоящій изъ 111 жилыхъ обежъ, съ 444 крестьянами и получалъ оброка 471 руб. 11 алт., слѣдовательно, по 4 руб. 21 алтыну на обжу и 1 руб. 4 алт. на участокъ, считая участокъ въ ¼ обжи. Впрочемъ, въ этомъ имѣніи нѣкоторые участки отдавались на льготу и, во время льготныхъ

лѣтъ съ нихъ взималось только 2 руб. съ обжи, или полтина съ участка (Д. А. И. т. I, № 160). Въ этомъ же имѣніи нѣсколько обежъ было пахано наѣздомъ. за четвертый снопъ.

Помѣстныя села рѣдко освобождались отъ налога. Если и освобождались, то только имѣнія особъ самыхъ приближенныхъ къ государю (А. А. Э. т. I, № 215; А. И. т. I, № 144).

Дворцовыхъ селъ крестьяне раздѣляются на 3 категоріи:

1) Села и деревни, съ которыхъ доходъ шелъ на дворецъ.

2) Оброчныя села и деревни.

3) Деревни и села, которыя постоянно отдавались на путь дворцовымъ чиновникамъ. Количество дворцовыхъ городовъ, селъ и деревень, было громадно въ этотъ періодъ. Въ завѣщаніи Іоанна, въ 1577 г., было перечислено болѣе 100 селъ съ деревнями, которыя принадлежали дворцу. Объ экономическомъ положеніи дворцовыхъ помѣстныхъ крестьянъ трудно сказать что нибудь положительное, за неимѣніемъ документовъ; но образованіе дворцовыхъ городовъ даетъ понять, что вѣроятно, онѣ были на оброкѣ, какъ это было и въ концѣ XIV столѣтія (Городецкій и Семеновскій погостъ; Новгор. Писцов. книги). Но иногда доходы съ этихъ селъ отдавались на откупъ (т. I, 99 стр.). Ко второму разряду дворцовыхъ крестьянъ принадлежатъ рыболовныя слободы, платившія на дворецъ рыбою или деньгами; бобровыя деревни, находившіяся въ такомъ же отношеніи,—а также бортники, т. е. занимающіеся пчеловодствомъ. Оброка съ этихъ деревень взималось отъ 9, 10 до 21 денг. на человѣка, кромѣ другихъ податей и повинностей (А. Ю. № 222; А. А. Э. т. I, № 261). Восемь бобровничьихъ деревень были освобождены отъ всѣхъ налоговъ за оброкъ въ 20 рублей; такъ какъ они составляли полусоху, то кладя 90 дворовъ въ соху (приблиз. по рыболов. сохѣ [А. А. Э. т. I, № 261]), придется 1 р. 4 алт. на дворъ, или нѣсколько болѣе половины рубля на душу (А. А. Э. т. I, № 265).

Таковы были экономическія условія крестьянъ всѣхъ именованій. Посмотримъ теперь, какимъ образомъ относилась къ нимъ государственная власть.

Сравнивая законоположенія о крестьянахъ въ обоихъ судебникахъ, прежде всего удивляешься тому, что оба судебника, чрезвычайно точно опредѣляя всѣ условія перехода съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, не говорятъ ничего объ условіяхъ перехода съ черныхъ земель. Существовало ли вообще право перехода съ черныхъ земель на помѣстныя и вотчинныя земли? Отсутствіе прямыхъ указаній въ судебникахъ и множество данныхъ въ другихъ грамотахъ, мнѣ кажется, даютъ право сдѣлать заключеніе, что прямое допущеніе подобныхъ переходовъ не было въ видахъ правительства.

Это оригинальное отношеніе царской власти къ крестьянамъ, живущимъ на черныхъ земляхъ, при Іоаннѣ III объясняется просто не желаніемъ уменьшить государственные доходы, а при Іоаннѣ IV всѣ эти мѣры вытекаютъ изъ систематическаго стремленія царской власти — не давать аристократіи возможности увеличивать свои богатства и силу. Эта цѣль достигалась двоякимъ путемъ: во-первыхъ, законодательство Іоанна IV ревниво ограждаетъ право перехода съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, во-вторыхъ, оно не допускаетъ перехода съ черныхъ земель на помѣстныя. Обѣ эти мѣры, не смотря на свою видимую противуположность, въ сущности ведутъ къ одной и той же цѣли. Чтобы убѣдиться въ этомъ, заглянемъ на законоположенія судебника, касающіяся крестьянскаго перехода, а потомъ посмотримъ на тѣ мѣста грамотъ, въ которыхъ говорится о переходѣ съ черныхъ земель.

Судебникъ Іоанна III говоритъ о переходѣ „изъ волости, изъ села въ село". Судебникъ Іоанна IV прибавляетъ: „изъ волости въ волость, изъ села въ село". Судебникъ старается защитить отъ притѣсненій помѣщика переходящаго крестьянина и опредѣляетъ пожилое съ воротъ, а за повозъ, прибавляетъ онъ, имати съ двора по 2 алтына, „а опричь того

на немъ пожилаго нѣтъ". Судебникъ опредѣляетъ размѣръ оброка при переходѣ крестьянина за сжатіе имъ остающагося хлѣба, въ объемѣ барана и двухъ. Онъ опредѣляетъ царскую подать размѣромъ посѣяннаго крестьяниномъ хлѣба и прибавляетъ: „а боярскаго ему дѣла за кѣмъ жилъ не дѣлати". Совершенно иначе Іоаннъ IV относится къ переходу съ черныхъ земель. Нѣкоторые ученые впрочемъ допускаютъ право перехода крестьянъ съ черныхъ земель. Г. Градовскій, для подтвержденія права отхода крестьянъ съ черныхъ земель, приводитъ важскую уставную грамоту, въ которой крестьяне говорятъ, что изъ-за общинъ многіе крестьяне разошлись за монастыри (Ж. М. Н. П. 1868 г., Май, стр. 433). Но это указываетъ только на фактъ, но не на право. Наоборотъ, во всѣхъ жалованныхъ грамотахъ, прежде и послѣ этого времени, дозволяющихъ призывать и селить крестьянъ, приводится исключеніе: „не письменныхъ и не тяглыхъ". Такъ говорятъ жалованныя грамоты 1540, 1547, 1556, 1564, 1584 г. (А. И. т. I, № 295, 147, 163; Д. А. И. т. I. №№ 117, 119; А. И. т. I, № 215). Въ жалованной грамотѣ Строгоновымъ (1564 г.) говорится прямо: „а пріѣдетъ кто къ Григорью изъ иныхъ городовъ нашаго Государства, или отъ волостей тяглые люди съ женами и съ дѣтьми, и станутъ о тѣхъ тяглыхъ людяхъ присылати намѣстники, или волостели, или выборные головы, и Григорью тѣхъ людей тяглыхъ съ женами и съ дѣтьми отъ себя отсылати опять въ тотъ-же городъ, изъ котораго города отпишутъ именно, а у себя тѣхъ людей не держати, и не принимати" (Д. А. И. т. I. № 117). Точно также въ жалованной грамотѣ митрополиту Діонисію сказано: людей моихъ изъ всѣхъ нашихъ городовъ и изъ селъ въ слободу не принимати (А. И. т. I, № 215). На право перехода съ черныхъ земель на помѣстныя есть, впрочемъ, одно прямое указаніе. Выборные головы изъ Пустыя Ржевы жалуются Іоанну въ 1556 году, „что дѣти боярскіе вывозятъ за себя во крестьяне жити нашихъ крестьянъ изъ черныхъ деревень не по сроку, по вся дни, безпошлинно". Но, это можно объяснить временнымъ послабленіемъ царской

политики, допустившей въ это время переходъ съ черныхъ земель. Очень вѣроятно, что царская власть не рѣшалась ни прямо запретить переходъ съ черныхъ земель, ни прямо и откровенно допустить его. Конечно, на фактѣ переходъ существовалъ, но едва ли онъ существовалъ по праву. Названію письменнаго и тяглаго можно противупоставить крестьянъ не тяглыхъ и тоже живущихъ на черныхъ земляхъ, какъ захребетниковъ, подсусѣдниковъ и, наконецъ, бобылей. Слово захребетникъ относится въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ къ работникамъ, живущимъ на участкахъ тяглыхъ крестьянъ. Подсусѣдникомъ, какъ показываетъ самое слово, назывался крестьянинъ, жившій на чужомъ дворѣ, но независимо отъ хозяина двора. Вѣроятно, такими „подсусѣдниками" были крестьяне не пашенные, т. е. ремесленники всѣхъ видовъ, которыхъ много было въ деревняхъ (А. Ю. № 46 Судеб. Іоан. IV). Такіе крестьяне, вѣроятно, имѣли свободу перехода даже изъ черныхъ земель, потому что это право за ними сохранилось и въ слѣдующій періодъ. Самое закрѣпленіе крестьянъ сначала было закрѣпленіемъ только крестьянъ тяглыхъ, оставляя свободу перехода крестьянамъ, еще не записавшимся въ тягла. Объ этомъ я еще поговорю въ главѣ о крестьянахъ слѣдующаго періода. Перейдемъ теперь къ способамъ управленія, суда и сбора повинностей въ крестьянскихъ обществахъ всѣхъ родовъ.

Черныя волости составляли самостоятельныя общины и пользовались полнымъ самоуправленіемъ. О существованіи и правахъ черной общины говоритъ множество документовъ, такъ что сомнѣваться въ ея существованіи, мнѣ кажется, нѣтъ возможности. Дѣятельность общины выказывалась въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Она выбирала себѣ представителей въ лицѣ выборныхъ головъ. Такіе выборные головы были представителями становъ и волостей, смотря по тому, на какія части дѣлился уѣздъ. Въ свою очередь, волости и станы дѣлились иногда на сотни и десятки, представителями которыхъ были сотскіе и десятскіе. 2) Выборные головы, отъ лица черной общины, ходатайствовали передъ правитель-

ствомъ, даже предъ государемъ, о мѣстныхъ нуждахъ (Д. А. т. I, №№ 56, 57, 51, ст. XV, XVII). Иногда даже старосты представляли просьбы государю (Д. А. И. т. I, 51, № XIV). 3) Черныя общины вывозили крестьянъ изъ-за дѣтей боярскихъ и для этой цѣли посылали къ нимъ откащиковъ, которые приглашали крестьянъ и платили за нихъ пожилое (Д. А. И. т. I, № 56). 4) Представители черныхъ общинъ защищали свои земли предъ судомъ (А. Ю. № 4, 7, 8. А. А. Э. т. I, № 109). 5) Мѣнялись своими землями съ другими владѣльцами. 6) Распредѣляли участки (А. Ю. 151) земли между крестьянами. 7) Распредѣляли повинности (А. Ю. № 6, 7, 187) по животамъ и промысламъ. 8) Выбирали мѣстныхъ священниковъ и причетъ. 9) Надзирали иногда даже за монастырской казной (А. А. Э. т. I, № 364). Но, разумѣется, совсѣмъ иной характеръ управленія былъ у помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянъ.

Во всѣхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ жили управляющіе, довѣренные лица отъ монастырей, владыкъ и владѣльцевъ. Они носили различныя названія: на монастырскихъ земляхъ они назывались прикащиками; въ царскихъ подклѣтныхъ селахъ — прикащиками, ключниками, посельскими, а иногда волостелями; въ помѣстныхъ—ключниками. Свое содержаніе они получали отъ крестьянъ, которое однакоже было опредѣлено владѣльцами. Въ монастырскихъ селахъ крестьяне пахали на прикащика нѣсколько десятинъ земли (А. А. Э. т. I, № 255). Кромѣ того, на большіе праздники Рождества, Пасхи, Петрова дня, крестьяне несли имъ деревенскіе продукты, какъ-то: хлѣбъ, масло, сыръ, бараньи лопатки, сѣно, овесъ (Писцов. книги). Въ бобровыхъ деревняхъ великаго князя жилъ волостель, тіунъ и доводчикъ. Размѣръ ихъ доходовъ былъ весьма разнообразенъ Въ Звенигородскомъ селѣ посельскій получалъ 6 денегъ съ выти, что составляло нѣсколько болѣе денегъ на дворъ. Въ монастырскомъ селѣ Пузыревѣ прикащикъ получалъ съ выти по 4 четв. ржи и овса, по сыру, пятидесяти яицъ, по хлѣбу и калачу (А. А. Э. т. I, № 258).

Права и обязанности этихъ довѣренныхъ лицъ отъ владѣльцевъ были разнообразны; но, самымъ замѣчательнымъ ихъ правомъ, въ которомъ выражается наиболѣе оригинальность тогдашняго общества, было право суда и расправы.

Всякій народъ, въ своемъ послѣдовательномъ развитіи, проходитъ три ступени: первую, когда отдѣльные сильные личности заправляютъ всѣмъ по праву сильнаго; вторую, когда народъ организуется въ государства и государственная власть стремится все подчинить себѣ и регулировать всѣ общественныя отношенія; наконецъ, третію ступень, которой достигаютъ не многіе народы, когда государство оставляетъ обществу возможность дѣйствовать самосостоятельно, въ извѣстныхъ предѣлахъ. Въ продолженіе всего перваго періода право суда и расправы принадлежитъ всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя успѣли, такъ или иначе, захватить землю въ свои руки. Тогда обыкновенно господствуетъ положеніе, что всякій владѣлецъ есть естественный судья всѣхъ живущихъ на его земляхъ. Такъ было въ Исторіи Англіи до завоеванія Нормановъ, въ Исторіи Франціи до Людовика IX, и у насъ до царствованія Іоанна Грознаго. Но, когда общество созрѣетъ для образованія государства, когда въ немъ успѣетъ организоваться сильная самодержавная власть, она обыкновенно начинаетъ стремиться отнять права суда и расправы у отдѣльныхъ лицъ и корпорацій и присвоить его себѣ. Такую-то переходную эпоху образуетъ въ нашей исторіи царствованіе Іоанна Грознаго. Въ это время еще огромное большинство монастырей имѣетъ несудимыя грамоты, по которымъ вся судебная власть, исключая татьбы и разбоя и грабежа съ поличнымъ, передается монастырямъ, а послѣднія передаются прикащикамъ, съ аппеляціею, въ значительныхъ случаяхъ, монастырскому совѣту (А. И. т. 1, №№ 166, 188, 202, 207, 246, 247; А. А. Э. т. I, №№ 200, 208, 215, 300 и т. д.). Въ царскихъ дворцовыхъ селахъ судебная власть также передается посельскимъ или волостелямъ съ исключеніемъ помѣстниковъ во всѣхъ случаяхъ, кромѣ татьбы и разбоя (А. А. Э. т. I, №№ 183, 201, 230, 324).

Служилое сословіе на своихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ также имѣетъ право суда, о чемъ можно судить по жалов. грамот. (А. И. т. I, №№ 145, 180, 226; А. А. Э. т. I, № 245). Судебная власть помѣщиковъ и вотчинниковъ, а слѣдовательно и ихъ прикащиковъ была обширна. Въ судебникѣ (ст. 71) тіунамъ бояръ и дѣтей боярскихъ запрещается только казнить или отпустить душегубца, а слѣдовательно имъ предоставляется право судить, иначе самое существо тіуновъ дѣтей боярскихъ не имѣло бы основанія. Кромѣ судебной власти, управители помѣстныхъ и вотчинныхъ земель имѣли еще слѣдующія права и обязанности:

1) Прикащики, ключники и посельскіе собирали пошлины; при выдачѣ замужъ крестьянами дочерей и при женитьбѣ крестьянъ, при покупкѣ и продажѣ лошадей, коровъ, скота.

2) Прикащики выгоняли на монастырскую работу крестьянъ, смотрѣли за работой, убирали въ анбары хлѣбъ, клали его въ скирды, наблюдали чтобъ его не подмочило дождемъ или снѣгомъ и пр. (А. А. Э. т. I, № 258).

3) Прикащики наблюдали, чтобы въ деревняхъ не ѣздили скоморохи, волхвы, бабы ворожеи; они оберегали крестьянъ отъ различныхъ „попрошатаевъ“, царскихъ конюховъ и псарей, которые ѣздили по деревнямъ, ставились насильно къ крестьянамъ и выпрашивали у нихъ разныхъ крестьянскихъ продуктовъ (А. А. Э. т. I, №№ 183, 201 и 240).

Существовала ли въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, рядомъ съ властію прикащика, крестьянская община, объ этомъ трудно сказать. Правда, въ грамотахъ встрѣчаются названія сотскихъ и десятскихъ, показывающія, что существовала нѣкоторая общинная жизнь, но въ чемъ она состояла, объ этомъ трудно судить. Едва ли не самую главную обязанность общины составляло наблюденіе, чтобы различные скоморохи, бабы ворожеи не ставились въ деревняхъ и не обирали крестьянъ. Монастырскій совѣтъ приказываетъ сотскимъ такихъ лицъ, бивъ да грабивъ, выслать вонъ (А. А. Э. т. I, № 344). Крестьянская община наблюдала, чтобы воры и разбойники не имѣли притона у кого либо изъ кре-

стьянъ; наблюдала, чтобы крестьяне не играли въ карты и зернь (А. А. Э. т. I, № 361). Хотя управленіе посредствомъ прикащика не противорѣчитъ существованію права внутренняго разложенія повинностей, права раздѣла земель, но существовало ли въ это время у владѣльческихъ общинъ такое право трудно сказать. Всего вѣроятнѣе, что оно существовало, потому что въ наказахъ прикащику не упоминается объ этихъ обязанностяхъ.

Въ дополненіе къ общимъ политическимъ и экономическимъ условіямъ быта крестьянъ, скажемъ нѣсколько словъ объ ихъ семейной и домашней жизни.

О внутренней жизни крестьянскаго общества можно составить только общее понятіе, отчасти потому, что мало документовъ, отчасти и по однообразію этого быта.

Когда крестьянинъ задумывалъ жениться, онъ дѣлалъ предложеніе родителямъ невѣсты и, если оно было принято, давалъ обязательство жениться, за не исполненіе котораго платилась огромная неустойка, простиравшаяся иногда до 10 рублей денегъ. Жена приносила съ собою приданое, которое соединялось съ имуществомъ мужа. Такая сговорная запись одного крестьянина, объ обязанности его жениться на богатой крестьянской вдовѣ весьма интересна, потому что она даетъ намъ возможность судить о состояніи зажиточнаго крестьянина. Вдова приносила съ собой полплуга земли съ дворомъ и поле съ посѣянною рожью; 40 четвертей ржанаго сухаго хлѣба, двѣ кобылы, жеребенка, семь овецъ, шесть свиней, корову и одинадцать рублей денегъ. Кромѣ того — платья: синее сукно на однорядку; пашенной шушунъ зеленаго сукна; подержаную однорядку; теплый шушунъ; жемчужное ожерелье, двое серегъ жемчужныхъ, вызолоченыхъ; двѣ женскихъ шапки, изъ которыхъ одна съ жемчужнымъ кружевомъ (А. Ю. № 395). Очень вѣроятно, что это было прежде имѣніе ея мужа, потому что эта вдова принесла съ собой 4-хъ дѣтей. Таково было состояніе богатаго крестьянина. Но, большинство крестьянъ было крайне бѣдно, почти

не ѣло чистаго хлѣба и ходило въ лохмотьяхъ (Максимъ Грека сочин.).

Грамотность между крестьянами въ этотъ періодъ была ничтожна, потому что большинство грамотъ писалось попомъ и очень рѣдко прикладывались руки самими крестьянами. Грамотѣ училъ обыкновенно пономарь; въ условіяхъ общины съ пономаремъ, относящимся впрочемъ къ слѣдующему періоду, говорится: „книгъ (церковныхъ) берегъ и малымъ ребятамъ въ кои дни доведется по книгамъ говорить и ему Архипу надъ ними смотрѣть и приказывать накрѣпко, что бы они, говоря по книгамъ, книгъ берегли и не драли и воскомъ слова не закапывали, и по домамъ изъ церкви книгъ безъ спросу и безъ вѣдома никто не бралъ (А. Ю. № 287). Необходимость учиться по церковнымъ книгамъ вытекала отъ страшной дороговизны книгъ, потому что четьминеи въ концѣ XVI столѣтія стоили 10 рублей; т. е. цѣнность цѣлой деревни. На Рождество, Пасху, мѣстные праздники, крестины, именины, крестьяне ставили пиво, квасъ, вино, на что нужно было испросить позволеніе прикащиковъ (А. А. Э. т. I, №№ 258 и 301). На такія праздники цѣлыя деревни пріѣзжали въ гости другъ къ другу, причемъ рѣдко обходилось безъ попоекъ до драки, кончавшихся иногда смертью. Въ грамотахъ очень часто повторяется, чтобы крестьяне чужихъ деревень незваны на пиры и на братчины не ѣздили, а если пріѣдутъ и случится какова гибель, то хозяева не отвѣчаютъ. Серьезное вниманіе, которое обращаютъ всѣ грамоты на скомороховъ, ворожей, волхвовъ указывало, къ чему наиболѣе склонно было это почти дѣтское общество. Объ этомъ говорилось даже на Стоглавомъ соборѣ, при чемъ Царь указывалъ, что такіе попрошатаи ходили сотнями и грабили села и деревни.

Перейдемъ теперь къ четвертому разряду низшаго класса — къ холопамъ, и посмотримъ на причины образованія этого общественнаго элемента. Я уже говорилъ, что въ варварскомъ обществѣ произволъ сильныхъ опредѣляетъ всѣ общественныя отношенія. Чувство свободы, стремленіе къ личной

независимости, если и встрѣчается въ варварскомъ обществѣ, какъ элементъ, могущій противудѣйствовать произволу сильныхъ, то одно это чувство слишкомъ слабо и немощно, чтобы бороться съ условіями жизни. Чтобы противоставить преграды сильнымъ, необходимъ союзъ слабыхъ, необходимо созданіе власти, которая бы оберегала ихъ отъ сильныхъ, или необходимо широкое образованіе, которое давало бы возможность всѣмъ заинтересованнымъ соединиться, чтобы дѣйствовать дружно. Всѣмъ этимъ условіямъ чрезвычайно трудно образоваться въ началѣ государственной организаціи народа, а потому въ это время мы всегда встрѣчаемся съ рабствомъ, какъ естественнымъ явленіемъ, вытекающимъ изъ отсутствія сильной государственной власти и слабой общественности.

Въ такомъ положеніи мы находимъ наше общество въ этотъ періодъ. Понятіе права личности на свободу до такой степени отсутствуетъ въ обществѣ, что оно не понимаетъ свободныхъ профессій, оно не понимаетъ возможности, чтобы одинъ человѣкъ, служа другому, не дѣлался его холопомъ. Судебникъ Іоанна III прямо объявляетъ, что по тіунству холопъ, по сельскому ключу — холопъ. Тіуномъ называлось лицо, которому намѣстникъ, получившій отъ Великаго Князя городъ въ кормленіе, т. е. право судить и брать судебные пошлины, передавалъ свое право суда въ какой нибудь отдаленной части своего намѣстничества, чтобы онъ, отправляя за него судъ, сбиралъ въ его пользу деньги: такимъ образомъ тіунъ былъ повѣренный намѣстника, дѣйствующій въ его интересахъ. Ключниками назывались, какъ мы видѣли, управители помѣщичьихъ имѣній. Изъ этого видно, что принятіе простаго порученія дѣлало человѣка холопомъ. Но, какъ скоро начала развиваться монархическая власть, она скоро начинаетъ понимать свою обязанность въ защитѣ слабыхъ. Тотъ же Судебникъ Іоанна III уничтожаетъ холопство по городскому ключу. Еще смѣлѣе и рѣшительнѣе поступаетъ Іоаннъ IV, какъ мы увидимъ ниже.

Но, не говоря уже о сознаніи обществомъ потребности

личной свободы, экономическія условія крестьянскаго быта необыкновенно способствовали быстрому развитію этого института. Живя на черныхъ или владѣльческихъ земляхъ, крестьянинъ за огромный трудъ получалъ, какъ мы видѣли, такое ничтожное вознагражденіе, котораго едва доставало на прожитокъ. Онъ былъ такъ слабъ, что каждый сынъ боярскій, царскій бобровникъ или охотникъ, или просто царскій посланникъ могъ отобрать у него безъ денегъ кормъ для себя и лошади, могъ даже взять, что нужно, не боясь власти, которая не могла его оградить. Если его обстоятельства хотя немного запутывались отъ неурожая, падежа скота, пожара, то крестьянину, живущему на черныхъ земляхъ, не оставалось инаго выхода, кромѣ холопства. Своей свободой ему нечего было дорожить, потому что она ни чѣмъ не обезпечивалась. Только лѣнивый развѣ не билъ и не грабилъ крестьянина. Переходя въ холопство, онъ получалъ кусокъ хлѣба безъ труда, потому что ему давалъ его баринъ, онъ же и защищалъ его отъ притѣсненій другихъ „сильныхъ людей". Вотъ почему цѣна холопа была ничтожна, даже относительно цѣнности денегъ въ то время. При Іоаннѣ III, рабъ стоилъ рубль, т. е. столько же, сколько стоила лошадь или двѣ коровы. При Іоаннѣ IV, эта цѣна возрасла до 3-хъ рублей (А. О. Д. Ю. Б. т. II, № 131; А. А. Э. т. I, № 237). За эту послѣднюю цѣну человѣкъ самъ продается въ рабство. Полученіе этихъ денегъ, вѣроятно, имѣло тотъ же смыслъ, какъ въ наше время деньги рекрутскому наемщику. Крестьянинъ, дѣлаясь холопомъ, хотѣлъ просто покутить, разставаясь съ свободою. Инаго смысла не можетъ имѣть это полученіе денегъ, такъ какъ вмѣстѣ съ холопствомъ, человѣкъ отдавалъ своему господину все, что имѣетъ.

Другой источникъ рабства, въ которомъ повторяются, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ тѣ же причины, былъ заемъ, кабала.

Крестьянское хозяйство пришло въ разстройство и, чтобы оправиться, крестьянину нужно занять денегъ на поправку; но деньги рѣдкость въ этомъ обществѣ: ихъ можно достать

только за 20%. Крестьянинъ, которому не хочется разстаться съ своей свободой, беретъ ихъ въ надеждѣ, что, при какихъ нибудь благопріятныхъ условіяхъ, онъ можетъ быть уплатитъ. Но эта надежда въ большинствѣ случаевъ, разумѣется, не оправдывается, потому что мы видѣли, какъ ничтожна была заработная плата и доходъ крестьянина съ земли. Не уплативъ, ему остается только поступить въ работники, чтобы, по крайней мѣрѣ, не увеличивать капитала громадными процентами, въ пять лѣтъ дающими капиталъ на капиталъ. Такіе договоры встрѣчаются часто въ актахъ этого времени.

Въ 1472 г., мужъ и жена взяли 2 руб., за проценты съ которыхъ обязались служить 10 лѣтъ; по прошествіи этого времени, они должны были заплатить 1 рубль (А. Ю. № 410). Въ 1596 г., отецъ съ тремя сыновьями и дочерью взяли восемь рублей и согласились служить за проценты съ капитала, а капиталъ возвратить (А. Ю. № 252).

Какъ относится царская власть къ тому и другому источнику холопства? Она стремится остановить, на сколько она въ силахъ, страшное развитіе холопства. Г. Градовскій (Общ. Ж. М. Н. П. май, стр. 449), справедливо замѣчаетъ, что это стремленіе къ холопству было такъ сильно въ обществѣ, что еслибъ не было крѣпостнаго права, то можетъ быть большая часть крестьянства ушла въ холопы. Законодательство Іоанна IV, не допускаетъ презумціи, что всякій живущій у барина есть его холопъ; она борется противъ нея всѣми силами. Судебникъ Іоанна IV объявляетъ, что по тіунству не холопъ, безъ полной и докладной грамоты. Даже, если рабъ дастъ полную и докладную грамоту то дѣти его, рожденные до рабства, остаются свободными. Еще сильнѣе и рѣшительнѣе Судебникъ идетъ противъ рабства, образовавшагося займомъ или кабалой, съ обязанностію служить за ростъ, чтобы не допустить даже презумпціи 15 руб. (Суд. ст. 78) холопства, вытекающей изъ факта долголѣтняго пребыванія въ домѣ кредитора. Судебникъ объявляетъ, что лица, взявшіе деньги должны жить отдѣльно;

*

если кредиторъ заставитъ должника жить у себя, то, чтобы онъ не укралъ и не унесъ, законъ не взыскиваетъ, даже не не разбираетъ этого дѣла (Судеб. ст. 82). Право давать полныя и докладныя грамоты, имѣли только намѣстники съ судомъ боярскимъ (Судеб. ст. 63), какъ намѣстники Новгорода и Пскова. Для того, чтобы пріобрѣсть раба, нужно съѣздить туда, что, разумѣется, значительно возвышало цѣну раба и уменьшало важность пріобрѣтенія. Правыя и бѣглыя грамоты можно было получить только въ Москвѣ, съ доклада дворецкаго, казначея или даже лицъ царской фамиліи (Суд. ст. 64, 34 и 39).

Холопы раздѣляются на 4 разряда: полные, старинные, кабальные и докладные (Суд. ст. 78). Что такое старинное холопство и какъ оно образовалось, — это трудно сказать. Очень вѣроятно, что это слово обозначало просто старинную службу во дворѣ своего господина, которая, по извѣстной презумпціи, дѣлала лицо холопомъ. Но, какъ скоро царская власть стала всѣми силами бороться противъ этой презумпціи и установила правило, что безъ полной и докладной грамотъ, нѣтъ холопства, то всѣ лица, на которыхъ у ихъ хозяевъ не было подобныхъ грамотъ, сдѣлались свободными. Это видно изъ того, что старинные холопы отъ своихъ же господъ, у которыхъ они жили, брали деньги по кабаламъ, съ обязанностію за ростъ служить (П. С. З. т. I, примѣч. къ стр. 120, двѣ грамоты).

Докладными и кабальными холопами назывались тѣ, которые продавались въ холопство только до смерти своего господина, а не наслѣдственно. Въ одной грамотѣ, которая приводится въ Полномъ Собран. Закон. (стр. 127) сказано: „а въ томъ кабальномъ холопствѣ у кого родится сынъ или дочь: и тѣ ихъ дѣти тѣмъ своимъ Государемъ въ холопи, противъ докладныхъ людей, по государей же ихъ смерть, какъ и отцы ихъ". Наконецъ, полными холопами назывались такія лица, которыя продавали себя со всѣмъ потомствомъ.

ГЛАВА III.

Города.

Почему наши города не развивались такъ быстро, какъ города въ Европѣ. — Условія нашей торговли. — Торговыя области. — Торговыя пошлины. — Кто пользовался ими и какъ онѣ взимались. — Хотя вся торговля производилась по преимуществу крестьянскими товарами, но крестьянинъ рѣдко могъ рѣшиться ѣхать въ городъ, чтобы продать товаръ. — Составъ городскаго населенія: дворы дѣтей боярскихъ, монастырскіе дворы, гости, гостиныя сотни, категоріи посадскія. — На чьихъ земляхъ строились города и въ какихъ отношеніяхъ они были къ владѣльцамъ. — Черная городская община. — На какія суммы производилась торговля.—Народонаселеніе въ городахъ.—Характеръ торговли. — Городскіе дворы и ихъ цѣнность.

Въ исторіи общества, города сначала имѣютъ значеніе только какъ передовые посты, которые вновь организующееся государство выдвигаетъ для защиты себя отъ племенъ, не примкнувшихъ къ его организаціи. Когда безопасность обезпечена въ значительной степени, тогда города начинаютъ играть другую роль, роль промышленныхъ и торговыхъ центровъ. Въ нашей исторіи, вслѣдствіе тѣхъ географическихъ условій, о которыхъ я говорилъ выше, города долго сохраняли исключительно военный характеръ. Въ этотъ періодъ, только нѣкоторые города можно назвать промышленными и торговыми центрами. Громадное большинство ихъ имѣетъ значеніе исключительно военныхъ аванпостовъ, въ которыхъ живутъ военные люди. Изъ массы этихъ городовъ выдвигаются только нѣкоторые торговые города, между ко-

торыми въ особенности замѣчательны: Новгородъ и Псковъ. Возвышеніе этихъ городовъ зависѣло отъ ихъ политическаго устройства и, что еще важнѣе, отъ ихъ географическаго положенія, которое сдѣлало ихъ главнымъ рынкомъ обмѣна нашихъ сырыхъ продуктовъ на выработанные заграничные продукты. Быстрое развитіе этихъ городовъ обусловливалось тѣми же географическими условіями, какъ въ наше время процвѣтаніе Одессы, Риги, Петербурга. Тогдашняя Европа въ отношеніи промышленности и торговли далеко ушла впередъ, въ сравненіи съ тогдашней Россіей, которая едва выучилась обработывать грубѣйшія ткани, а вся ея заводская промышленность ограничивалась вываркой соли. Новгородъ и Псковъ были рынкомъ заграничныхъ товаровъ для служилаго сословія, которое одно могло ихъ покупать. Всѣ матерьялы для одежды и обуви высшаго класса, какъ сукна, камка, тафта, шелкъ, кружева, пуговицы, наконецъ заграничныя издѣлія для украшеній, какъ золотыя и серебряныя вещи, бѣлила, румяна шли изъ Новгорода и Пскова. Отсутствіе обработывающей промышленности, бѣдность крестьянскаго сословія, наконецъ невыгодныя политико-экономическія условія сдѣлали наши города только мѣстомъ обоюднаго обмѣна простѣйшихъ продуктовъ крестьянскаго хозяйства. Для обмѣна простыхъ продуктовъ, необходимыхъ въ крестьянскомъ быту, также хорошо могли служить села, которыя и замѣняютъ въ этотъ періодъ роль городовъ. Села даже лучше удовлетворяли этой цѣли, потому что они ближе стояли къ деревнямъ и лучше могли служить центрами обмѣна простыхъ продуктовъ. Конечно, съ развитіемъ промышленности, при благопріятныхъ политическихъ условіяхъ, эти села могли бы сдѣлаться городами; но этихъ благопріятныхъ условій у насъ не было. Въ Европѣ, рядомъ съ возрастаніемъ городовъ, идетъ освобожденіе крестьянъ, тогда какъ у насъ исторія клонилась къ закрѣпленію крестьянъ. Въ Европѣ феодализмъ, раздѣлившій государства на множество мелкихъ, почти независимыхъ владѣній, былъ очень полезенъ для развитія городовъ. Сначала феодалы покрови-

тельствовали развитію промысловъ въ своихъ имѣніяхъ, потому что это было имъ выгодно; но, когда изъ промышленныхъ селеній возросли города, они сдѣлались на столько сильны, что могли оружіемъ освободиться отъ притѣсненій и невыносимыхъ налоговъ феодаловъ. Они заключали съ ними договоры, въ которыхъ сумма налоговъ была опредѣлена. Наша исторія, какъ мы видѣли выше, быстро указала необходимость образованію большаго государства съ сильною царскою властію. При неразвитости въ обществѣ экономическихъ понятій, царская власть смотрѣла на города, какъ на богатѣйшія селенія, отъ которыхъ всегда можно выжать болѣе, чѣмъ отъ селъ. Противъ такой односторонности пониманія экономическихъ истинъ европейскіе горожане могли защищаться оружіемъ, въ чемъ имъ помогали сами короли. Наши города были безпомощны, потому что налоги у насъ дѣлались не отъ имени слабыхъ феодаловъ, а отъ имени всемогущаго московскаго государя. Если мы разсмотримъ экономическія условія, въ которыя была поставлена наша торговля, то намъ будетъ понятно, почему наши города не только не возвышались, но падали болѣе и болѣе, такъ что въ слѣдующемъ періодѣ правительство вздумало принимать для удержанія городскаго населенія тѣ-же мѣры, которыя погубили Римскую Имперію.

Все государство раздѣлялось на маленькія торговыя области, которыя простирались на 10, 20 и 30 верстъ въ окружности отъ торговаго города и села, которые служили имъ центромъ. Въ границахъ этихъ областей торговля дозволялась только въ центральномъ городѣ или селѣ, чтобы никто не могъ ускользнуть отъ сбора торговыхъ налоговъ. Громадныя и чрезвычайно разнообразныя, какъ мы увидимъ, пошлины отдавались большею частію на откупъ, какъ привилегіи царской казны, казначеями; иногда ихъ собирали на царя выборные цѣловальники и иногда онѣ отдавались въ пользованіе приближеннымъ людямъ и монастырямъ. Это видно изъ многихъ таможенныхъ грамотъ, которыя остались отъ того времени. Дьякъ Щелкаловъ, прося сдѣлать его село

Рожественное центромъ новой торговой области и сбора въ свою пользу таможенныхъ доходовъ, выставляетъ слѣдующія причины: „Въ томъ селѣ Рожественномъ торгу нѣтъ, а отъ города Мещерска и иныхъ торговъ то село далеко, верстъ по 10, 15 и 20 и больше, и крестьянамъ въ Мещерскъ и иные торги трудно ѣздить для продажи и покупки, а къ мещерской тамгѣ то село не приписано и впередъ мещерской тамгѣ, и инымъ торжкамъ, и намѣстничу доходу отъ того убытка не будетъ". (А. А. Э. I, № 366).

Подобныя же выраженія употребляетъ крестьянинъ Антоновъ, прося открыть торгъ въ селѣ Ѳедоровскомъ, доказывая, что оно не приписано къ ярославской тамгѣ и отстоитъ далеко отъ всѣхъ торжковъ.

Взявъ на откупъ торговыя пошлины какой нибудь торговой области, откупщики преслѣдовали всякую торговлю внѣ центральнаго села или города. Въ селѣ Веси–Егонской таможенный сборъ съ ежедневнаго торга былъ на откупу. Прикащики села Прозоровскаго, принадлежащаго къ этой области, не обращая на это вниманіе, открыли торгъ въ селѣ Старомъ–Холопѣ, гдѣ они поставили и кабаки; тогда откупщики Весь–Егонской тамги обратились къ государю съ просьбою прекратить торговлю въ Старомъ–Холопѣ, потому что ихъ тамгѣ чинится недоборъ (А. А. Э. т. I, № 263). Весь–Егонскіе таможенники не только не хотѣли допустить такого формальнаго торга, но жаловались даже на то, что торговые люди, идя мимо Стараго–Холопья, пристаютъ къ берегу и выходятъ, чтобы помолиться въ церкви чудотворцевъ Бориса и Глѣба, а въ это время крестьяне торгуютъ холстами и мережею (А. А. Э. т. I, № 263).

Но, посмотримъ теперь, каковы были пошлины, которыя ложились всею свою тяжестію на торговлю. Прежде чѣмъ иногородный человѣкъ доберется до мѣста, гдѣ онъ надѣется сбыть свой товаръ, ему приходится переѣхать многіе перевозы и заставы. Въ 1596 г. Борисъ, стараясь уменьшить эти пошлины, рисуетъ ужасную картину положенія торговли. „Слухъ до насъ дошолъ, говоритъ онъ, что на-

шимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ, ратнымъ и торговымъ и всѣмъ проѣзжимъ людямъ чинятся продажи великія: съ пѣшаго человѣка берутъ на перевозахъ по гривнѣ, а съ нѣкоторыхъ по двѣ и по три гривны, а съ гонцовъ по полтинѣ и больше (А. А. Э. т. I, № 367). Изъ предыдущихъ главъ намъ извѣстно, что значитъ гривна для крестьянина! Такіе перевозы и мосты устровались всѣми, кто этого хотѣлъ (ib. № 367).

Въ городѣ или селѣ, гдѣ была торговля, выстраивался обыкновенно гостиный дворъ; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ селахъ, даже съ значительной торговлей, какъ напримѣръ въ Веси–Егонской, не упоминается гостинаго двора (А. А. Э. т. I, № 263). Когда пріѣзжалъ торговый человѣкъ, онъ долженъ былъ явиться таможеннику, не складывая свой товаръ съ воза, тюка или судна. Если торговецъ не являлся таможеннику, то долженъ былъ заплатить протаможья два рубля. Если городъ или торговое село стояли на большой рѣкѣ, куда отправлялись товары на различныхъ судахъ, то съ такихъ судовъ бралась пошлина съ товара, смотря по величинѣ судна, даже еслибы это судно только проплывало мимо таможни; такъ въ Чарондѣ бралась пошлина съ десяти–саженнаго судна въ рубль серебромъ (А. А. Э. т. I, № 356). Съ людей, плывшихъ на суднѣ, бралась особая пошлина отъ 2–хъ до 4–хъ денегъ. Вездѣ, гдѣ были гостиные дворы, проѣзжіе изъ всѣхъ городовъ должны были останавливаться исключительно въ гостиныхъ дворахъ (А. А. Э. т. I, № 262), гдѣ они платили гостиную и анбарную пошлины отъ одной до трехъ денегъ въ недѣлю. При продажѣ товаровъ сбиралась вѣсчая, помѣрная или таможенная пошлина, смотря по тому, какъ товары продавались на вѣсъ, мѣру или поштучно (ib. № 356). Дворовая, анбарная и поворотная пошлины сбирались со всѣхъ товаровъ, кромѣ вѣсчихъ, ставящихся на гостиномъ дворѣ (ib. № 338). При продажѣ лошадей сбиралась пятенная и писчія пошлины, отъ записи въ книгу проданной лошади (А. А. Э. т. I, № 332). Кромѣ того, сбиралась провозная пошлина, за про-

возъ скота. Всѣ эти пошлины на небольшихъ торгахъ отдавались на откупъ всѣ вмѣстѣ, а въ большихъ, какъ въ Новгородѣ, порознь.

Достаточно посмотрѣть на перечень товаровъ, привозимыхъ въ таможни, чтобы убѣдиться, что вездѣ, кромѣ Новгорода, всѣ товары состояли изъ необработанныхъ продуктовъ. На этихъ торжкахъ продавался скотъ, домашнія животныя и птицы, сыръ, яйца, простыя деревянныя издѣлія, какъ бочки, кадки, корыта, сани, тесъ, различнаго рода хлѣбъ и крупы, ягоды, огородныя овощи, соль, наконецъ рыба. Изъ обработанныхъ продуктовъ встрѣчаются только холстъ и сермяги (А. А. Э. т. I, №№ 338, 363 и др.)

Такимъ образомъ, главные продавцы и покупатели на этихъ торжкахъ были крестьяне. Но какъ трудно крестьянину было рѣшиться ѣхать на торжекъ! Еслибы съ него брали только закономъ положенныя пошлины, то и тогда онѣ были бы невыносимы. Идя пѣшкомъ, или ѣдучи на базаръ, онъ долженъ былъ заплатить мытную пошлину 7 денегъ и 1 деньгу головнаго сбора; обѣ эти пошлины уже превышали его дневную заработную плату, которая равнялась $1\frac{1}{2}$ денежкамъ. Если крестьянинъ везъ товара на рубль, то онъ платилъ разныхъ пошлинъ болѣе 15 денегъ. Но рубль, это была большая сумма; для этого нужно было продать лошадь, или двѣ коровы, или тридцать тетеревей, или 20 гусей, или 10 барановъ, или 4 четверти хлѣба, или четверо саней. Только въ нѣкоторыхъ грамотахъ крестьянинъ, продающій товара на сумму менѣе 6 алтынъ, избавлялся отъ пошлинъ (Д. А. И. т. I, № 116). Мытный и поголовный сборъ былъ такъ тяжелъ, что нѣкоторые монастыри выпрашивали освобожденія отъ него для своихъ крестьянъ (А. И. т. I, № 143) и, иногда, отъ него освобождались по жалованнымъ грамотамъ (Д. А. И. т. I, ст. 154). При продажѣ дровъ крестьяне платили пошлину въ $\frac{1}{10}$ товара. Но все это было бы еще ничего, еслибы пошлины брались только казенныя, чего, разумѣется, не было. Правительство, отдавая на откупъ торговыя пошлины, затѣмъ уже не обращало ни малѣйшаго вниманія на порядокъ сбора.

Оно даже уступило просьбамъ одного откупщика, который просилъ, чтобъ уничтожены были таможенные цѣловальники, лица, выбиравшіеся обществомъ, какъ гарантія законности сборовъ (Д. А. И. т. I, № 49).

Вдумываясь въ это положеніе городовъ, намъ будетъ легко понять, что народонаселеніе въ XVI столѣтіи стремилось не въ города, а изъ городовъ. Въ 1556 г., въ Муромѣ было 587 дворовъ, а въ 1574 г. всего 111, слѣдовательно менѣе, чѣмъ въ двадцать лѣтъ изъ Мурома вышло болѣе 4/5 населенія (А. Ю. № 229). Въ городѣ Бѣлоозеро на 228 посадскихъ было 112 дворовъ совершенно нищихъ (А. Ю. № 330). Жители нѣкогда богатаго Новгорода жаловались, что они совершенно оскудѣли (Д. А. И. т. I, № 146). Правительство, вмѣсто того, чтобы исправить экономическія погрѣшности большею легкостію налоговъ, считало возможнымъ удержать силою городское народонаселеніе и вводило круговую отвѣтственность членовъ, такъ что чѣмъ болѣе выбѣгало жителей изъ города, тѣмъ хуже становилось остальнымъ, такъ какъ они должны были отвѣчать за нихъ (А. А. Э. т. I, № 234; А. Ю. № 229). Только одинъ человѣкъ Старой Руси понималъ истинную причину бѣдности городовъ,—это былъ Борисъ Годуновъ. Въ 1598 г., онъ даетъ Новгороду жалованную грамоту, въ которой были уничтожены всѣ сборы съ лавокъ, прилавковъ, скамей и амбаровъ; были уничтожены откупа мелкихъ городскихъ промысловъ, какъ сусло, квасъ и другія (Д. А. И. т. I, № 146). Но эта мѣра была приложена только къ одному Новгороду и не распространялась на другіе города.

Посмотримъ теперь на составъ городскаго народонаселенія. Въ городахъ были дворы дѣтей боярскихъ, дворы монастырей и, наконецъ, дворы посадскихъ людей. Всѣ дворы раздѣлялись на бѣлые не тяглые и дворы черные—тяглые. Къ первой категоріи принадлежали дворы дѣтей боярскихъ, которые строились на случай осады, и дворы монастырей, которые имѣли особыя привилегіи.

Наше служилое сословіе рѣдко жило въ городахъ, кромѣ

Москвы, гдѣ всѣ знатныя фамиліи имѣли свои дворы. Въ прочихъ городахъ они жили только во время осады. Иногда, впрочемъ, на этихъ дворахъ дѣтей боярскихъ садились уѣздные люди и старались освободиться отъ тяжести налоговъ на томъ основаніи, что эти дворы стояли на бѣлой землѣ, но это не часто имъ удавалось (А. А. Э. т. I, № 148). Нѣкоторымъ городамъ удавалось испрашивать себѣ привилегіи, по которымъ всѣ дворы въ городѣ, не исключая и дворовъ дѣтей боярскихъ, должны быть тяглыми дворами. Гораздо счастливѣе были монастыри и церкви. Не было города, въ которомъ бы не было нѣсколькихъ монастырскихъ дворовъ, не платящихъ почти никакихъ налоговъ и совершенно независимыхъ отъ городскаго управленія. Монастыри имѣли не только простые дворы, въ которыхъ могли останавливаться пріѣзжающіе въ городъ монастырскіе крестьяне, не заѣзжая на гостиный дворъ, но они весьма часто имѣли безпошлинныя соляныя варницы, единственный промыслъ, извѣстный въ это время (А. И. т. I, №№ 144 и 246; А. Ю. №№ 81, 90, 94 и 117). Купивъ такой дворъ или варницу у частнаго лица, монастыри обращались съ слезными мольбами къ царю, чтобы онъ обѣлилъ ихъ дворъ или варницу отъ податей и избавилъ ихъ отъ суда намѣстниковъ, или выборныхъ представителей города. Царь соглашался на эти просьбы, потому что монастырь былъ силой въ этомъ грубомъ обществѣ. Монастырскій дворъ освобождался отъ всѣхъ, или большей части, налоговъ и, сверхъ того, монастырь получалъ неограниченное право судить всѣхъ, живущихъ на немъ. Въ немъ жилъ и распоряжался монастырскій прикащикъ, на котораго можно было жаловаться только царю (А. И. т. I, №№ 144, 162 и 246; А. А. Э. т. I, №№ 179, 202 и 323). Не довольствуясь тѣмъ, что почти всѣ монастыри имѣли независимые дворы въ городахъ, они дѣлали прямое нападеніе на городскую торговлю. Около самыхъ стѣнъ города, монастыри подстраивали слободки, жители которыхъ, разумѣется, занимались торговлей въ городѣ. Горожане, весьма справедливо, хотѣли обложить ихъ налогомъ; но они обращались къ царю и выпрашивали

себѣ право причислить слободку къ сельскимъ землямъ (А. И. т. I, №№ 148, 162 и 215; А. А. Э. т. I, № 343).

Бѣлая земля въ городѣ была отдѣлена особой гранью отъ черной земли. Иногда частные люди, построившіе домъ на бѣлой землѣ, освобождались отъ всѣхъ налоговъ (А. Ю. 90). Если попы строили домъ на черной землѣ, то они платили подать до тѣхъ поръ, пока земля обѣлпвалась (Е. А. И. т. I, № 77).

Горожане раздѣлялись на различные классы. Въ Новгородѣ они дѣлились на гостей, купцовъ и торговыхъ людей (Д. А. И. т. I, № 75); въ Москвѣ, въ концѣ этого періода, кромѣ гостей, явились гостиная и суконная сотни. Какъ въ Москвѣ, такъ и въ прочихъ городахъ, остальная масса городскаго населенія дѣлилась на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей.

Гостями назывались богатые купцы, которые вели заграничную и большую внутреннюю торговлю; они рѣзко выдѣляются отъ всѣхъ прочихъ торговыхъ людей по своему богатству и характеру своей торговли, такъ какъ они по большей части развозятъ товары, тогда какъ другіе купцы сидятъ въ своихъ городахъ. На это указываютъ грамоты, данныя гостямъ, и даже самое ихъ названіе. Во времена Судебника число ихъ было незначительно, но въ концѣ XVI вѣка они имѣли свою сотню въ Москвѣ. Какъ все, имѣющее силу въ старой Руси, стремилось сдѣлаться сословіемъ привилегированнымъ, точно также къ этой цѣли стремились и гости. Какъ монастырскій дворъ въ городѣ составляетъ особую провинцію, такъ гость съ своими племянниками и прикащиками, куда бы они ни поѣхали и гдѣ бы не оставливались, образовывали особую провинцію, подсудную только царю и боярамъ (Д. А. И. т. I, № 147). Въ ихъ грамотахъ писалось: „Въ которыхъ городахъ нашей отчины торговый человѣкъ (имя рекъ) начнетъ торговать какими либо товарами и наши бояре, намѣстники и приказные люди не должны взыскивать съ него никакихъ податей и пошлинъ“ (С. Г. Г. и Д. т. II, № 71; Д. А. И. т. П, № 147). Иногда къ этому прибавлялось: „также дозволяется ему ѣздить въ другія государства“ (С. Г. Г.

и Д. т. II, № 72). Гости выдѣлялись изъ черныхъ торговыхъ людей, потому что ихъ дворы и они сами освобождались отъ всѣхъ тяглъ, вмѣстѣ съ посадскими людьми (ib.). Кромѣ всего этого, они имѣли право курить для себя вино. По Судебнику, безчестье гостей опредѣлялось въ 50 рублей.

Во времена Судебника за гостями непосредственно слѣдовали категоріи посадскихъ; но въ концѣ столѣтія, вѣроятно вслѣдствіе торговли съ англичанами, которая началась въ 1553 г., въ Москвѣ образовалась гостиная и суконная сотни. Въ 1598 г. въ Москвѣ было нѣсколько сотенъ купцовъ. На соборѣ 1598 г. были представители Дмитровской, Ордынской, Ростовской, Ржевской, Новгородской, Стрѣтенской и Мясницкой сотенъ; Устюжской и Кожевенной полусотни; митрополичей, Арбатской и Черторской четверть-сотни. Одно это перечисленіе указываетъ, какъ быстро росла Москва. Но этотъ ростъ былъ неестественный, потому что Москва не жалѣла административныхъ средствъ, чтобы переселить туда богатыхъ купцовъ, что видно и изъ самаго названія сотенъ: Дмитровская, Ростовская, Ржевская, Новгородская, Устюжская.

За сотнями шли категоріи посадскихъ. Надобно думать, что во времена Судебника во всѣхъ городахъ, кромѣ Новгорода, были три категоріи посадскихъ: лучшихъ или гостей, среднихъ, или обыкновенныхъ посадскихъ, занимающихся торговлей и младшихъ или крестьянъ, которые жили въ городѣ и занимались земледѣліемъ или черной работой. На это указываетъ безчестіе, которое опредѣляетъ Судебникъ. Назначивъ гостямъ 50 рублей, онъ прямо переходитъ къ среднимъ господскимъ людямъ и назначаетъ имъ безчестья 5 рублей; послѣ чего опредѣляетъ безчестье младшимъ посадскимъ, которое опредѣляетъ на равнѣ съ пашенными крестьянами (Судеб. ст. 26). Это подраздѣленіе лучше всего доказываетъ, что во времена Судебника, кромѣ Новгорода, почти не было торговли и города ни чѣмъ не отличались отъ деревень, по народонаселенію. Классъ гостей существовалъ только въ Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ, но его не могло быть въ другихъ городахъ. Въ Важскомъ посадѣ по-

садскіе раздѣлялись на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей, но изъ грамоты не видно, что разумѣется подъ этими названіями (А. А. Э. т. I, № 234). Въ 1574 г., въ Муромѣ были только молодшіе люди.

Города и посады образовались на черныхъ, владѣльческихъ и монастырскихъ земляхъ. Сообразно принадлежности земли, горожане были поставлены въ различныя отношенія къ ихъ владѣльцамъ.

Города возникшіе на черныхъ земляхъ состояли почти въ тѣхъ же отношеніяхъ къ царю, какъ и черныя крестьянскія общины. Вмѣстѣ съ ростомъ царской власти, въ массу общества входило убѣжденіе, что черныя земли принадлежатъ царю, а сидящія на нихъ есть только вѣчные владѣльцы (А. Ю. № 86 и 87), съ правомъ продажи земли на тѣхъ же условіяхъ, какъ они сами владѣютъ. Въ Новгородѣ, гдѣ долго господствовали другія начала, городскія земли были собственностію владѣльцевъ (А. Ю. №№ 90, 91 и 94).

Владѣльческіе города были построены на собственныхъ земляхъ царя, на земляхъ его бояръ и духовныхъ владыкъ. Отношенія Царя къ этимъ городамъ носили тотъ же характеръ, какъ и отношенія его къ царскимъ подклѣтнымъ селамъ. Онъ былъ собственникъ земли и отдавалъ ее въ пользованіе частнымъ лицамъ или дарилъ ее боярамъ. Москва носила характеръ такого города Великаго Князя. Ея земли раздѣлялись по наслѣдству между сыновьями Великаго Князя (С. Г. Г. Д. т. I, стр. 135, 6). Въ завѣщаніи Іоанна IV говорится о дворахъ, принадлежащихъ Великому Князю только въ одной Москвѣ, хотя въ немъ перечислены и всѣ другія города. Изъ завѣщанія видно, что Царь раздавалъ московскую землю на правахъ помѣстныхъ своимъ боярамъ, приказнымъ людямъ, дѣтямъ боярскимъ и стрѣльцамъ. Только на нѣкоторые дворы онъ далъ купчія, на владѣніе по праву собственности вотчинной (Д. А. И. т. I, № 222). Нѣкоторые города принадлежали въ собственность удѣльнымъ князьямъ: такъ Воротынскіе владѣли третью Воротынска, Новосиля, Острова и Черни (тамъ же).

Владѣльцы такихъ городовъ, вѣроятно, имѣли въ отношеніи къ нимъ тѣ же права, какъ и въ отношеніи крестьянъ вотчинныхъ *). Имъ принадлежало право назначенія оброка, право суда и расправы; они управляли ими посредствомъ ключниковъ. Разумѣется, богатые города старались выдти изъ этого положенія и искали покровительства государя и получали жалованныя грамоты, по которымъ ихъ повинности къ владѣльцу были точно опредѣлены и они получали права собственнаго суда.

Въ такомъ же точно отношеніи находились и монастыри къ посадскимъ, поселившихся на ихъ земляхъ. Они принимали посадскихъ и заключали съ ними такія же условія, какъ и съ крестьянами. „Жити мнѣ на посадѣ съ посадскими людьми и тягло посадское и монастырское сдѣлье всякое дѣлати" (А. Ю. № 195). Монастыри имѣли право суда надъ ними (А. И. т. I. № 215), право заботиться о нравственности посадскихъ и выгонять изъ городовъ вредныхъ людей точно такимъ же образомъ, какъ и изъ своихъ деревень (А. Ю. № 64 и 69).

Города построенные на черныхъ земляхъ, составляли общины, какъ и крестьянское общество. Они выбирали своихъ представителей, старостъ, излюбленныхъ цѣловальниковъ, сотскихъ, десятскихъ и пр.; они раскладывали подати и повинности и составляли городскія кадастровыя книги (Судеб. ст. 48). Община имѣла право принимать новыхъ членовъ и распредѣлять имъ участки (А. А. Э. т. I, №№ 210 и 234). Но, такъ какъ города были богатѣйшими владѣльцами, то правительство само начало вторгаться въ предѣлы общинной власти, особенно въ дѣлѣ раздачи пустыхъ мѣстъ и оброчныхъ статей. Обѣленіе земли, отводъ бѣлыхъ осадныхъ дворовъ, наконецъ, отдача оброчныхъ статей, совершались чрезъ посредство дьяковъ (А. А. Э. т. I, № 84; Д. А. И. т. I, № 59 и 77).

*) Жалованные грамоты Строгановымъ на построеніе городовъ даютъ всѣ эти права (Д. А. И. т. I. №№ 117, 118 и 119).

Для раскладки податей города дѣлились также на сохи и выти, но только мѣрою сохъ служили дворы, а не выти. По муромской раскладкѣ 148 дворовъ молодшихъ людей составляли соху (А. Ю. № 229), а по соль-вычегодской 62 1/6 двора составляли соху (А. А. Э. т. I, № 343). Горожане несли тѣ же повинности, какъ и сельскіе жители, кромѣ налоговъ на лавки. Въ 1589 г., на дворъ въ Соль-Вычегодскѣ приходилось всѣхъ налоговъ 1 рубль и 8 денегъ (Тамъ же).

Обратимся теперь къ количеству городскаго народонаселенія, количеству торговли и заведеній для ея устройства. Въ большихъ торговыхъ центрахъ, какъ: Новгородѣ, Веси-Егонской, Бѣлоозерѣ торговля велась въ большихъ размѣрахъ по тому времени. Въ Веси-Егонской, при еженедѣльномъ базарѣ, таможенники платили 38 руб., слѣдовательно, торговля простиралась, считая кругомъ пошлину по 10 д. на рубль, на 865 рублей, или увеличивая въ 30 разъ, такъ какъ цѣнность всѣхъ предметовъ увеличилась въ 30 разъ, мы получимъ сумму въ 26,000 рублей. На Бѣлоозерѣ по тому же разсчету она простиралась на 2,664, или на 90 тысячъ на наши деньги. Въ Новгородѣ сборщики вѣсчей пошлины платили 106 рублей, слѣдовательно, тамъ продавалось всякаго товару на 10,000, или на 300,000 на наши деньги; помѣрной пошлины платилось здѣсь 400 рублей и, такъ какъ взималось 1 д. съ 4-хъ четвертей, то здѣсь продавалось до 350,000 четв. хлѣба.

Торговыя заведенія были тоже бѣдны, какъ бѣдна была торговля. Въ Новгородѣ и Псковѣ были гостиные дворы; кромѣ того были лавки, затворяющіяся и незатворяющіяся на ночь. Изъ послѣднихъ лавокъ товаръ сносился на ночь въ затворныя лавки, за что бралась особая пошлина. Товары въ лавкахъ лежали въ особыхъ коробахъ; въ новгородскихъ таможенныхъ грамотахъ упоминаются короба съ шелкомъ, румянами, бѣлилами, женскимъ платьемъ, красильными веществами. Сапоги и шапки были развѣшены на шестахъ. Эти шесты на ночь отдавались дворникамъ за особую пош-

лину (А. А. Э. т. I, №№ 248, 331, 332, 334, 335 и 338). Красные товары по цѣнѣ были доступны только высшимъ классамъ. Сукно скарлатное, въ 1570 г., стоило 13 руб. штука, но обыкновенно 4 руб. аршинъ; зуфь бѣлая 5 руб., (А. Ю. № 421), аршинъ атласу 4 руб. (А. Ю. № 423), косякъ тафты 8 руб., поставъ англійскихъ суконъ 6 руб., новгородскихъ 2 руб. (А. А. Э. т. I, № 331).

По количеству жителей, кромѣ Москвы, было только два населенныхъ города: Новгородъ и Псковъ. Въ Новгородѣ, въ 1545 г., было только 9124 дв., слѣдовательно не болѣе 40 тысячъ, такъ какъ тогда не знали еще каменныхъ домовъ. Во всѣхъ другихъ новгородскихъ городахъ было менѣе народонаселенія, чѣмъ въ одномъ Новгородѣ (А. А. Э. т. I, № 205). Въ Муромѣ, какъ мы видѣли, было 111 дворовъ (А. Ю. № 229); на Бѣлоозерѣ 340 дв. съ 960 человѣкъ жителей; Соль-Вычегодскѣ 334 двора (А. А. Э. т. I, № 343).

Всѣхъ городовъ по Судебнику Іоанна III считается 63, по Судебнику Іоанна IV — 68; въ 1610 г., ихъ было 138. Но все это были военные острожки, въ которыхъ не было посадскихъ и въ XVII столѣтіи (Соловьевъ, т. XIII примѣч.), или города съ крестьянскимъ населеніемъ, въ которыхъ почти совсѣмъ не было посадскихъ торговыхъ.

Въ привилегіи Вятчанамъ Шестакова городка дозволяется: „лѣсъ сѣчи и дворы ставити и пашню распахивати“ (А. А. Э. т. I, № 210). Къ Мурому прилегали пашни и перелогу 608 четвертей (А. Ю. № 229). Въ Бѣлоозерѣ народонаселеніе распадалось на слѣдующіе группы: 17 дворовъ поповскихъ, 6 дворовъ и 5 мѣстъ заняты воеводскими дворами и жильемъ подъячихъ, 6 дворовъ и 5 мѣстъ монастырскихъ, 17 дворовъ и 13 мѣстъ каменщиковъ, 3 двора пристава, 228 дворовъ посадскихъ тяглыхъ, 112 посадскихъ старыхъ и увѣчныхъ, 86 дворовъ нищихъ. Въ городѣ было 62 лавки, 4 кузницы, 4 анбара (А. Ю. № 229).

Дворъ въ городѣ стоилъ не особенно дорого. Въ 1562 г., въ Юрьевской слободѣ дворъ, въ которомъ была изба, мыльня,

повалуша, клѣть и лавка, стоилъ 14 рублей. Въ Новгородѣ, Важицкой монастырь купилъ дворъ за 40 рублей, въ которомъ было: горница столовая бѣлая, съ сѣньми на подклѣтяхъ, горница съ комнатой на подклѣтяхъ, сѣнникъ на подклѣтяхъ, повалуша на подклѣтяхъ, горенка съ сѣнями, сушило съ перерубомъ, а у сушила два двора, а подъ сушиломъ погребъ да ледникъ, мыльня на струбѣ, а передъ мыльней сѣни, да двои ворота большихъ на двѣ улицы.

Характеръ городской жизни едва ли имѣлъ какія нибудь особенности отъ сельскаго быта, а потому я объ немъ не буду говорить въ отдѣльности.

ГЛАВА IV.

Областныя учрежденія XVI вѣка.

Способъ образованія государствъ опредѣляетъ будущій характеръ мѣстнаго управленія.—Областное управленіе во Франціи и въ Англіи въ періодъ господства частнаго права.—Административное дѣленіе Руси во время Іоанна IV.—Характеръ управленія намѣстниковъ и волостелей.—Возникновеніе общинъ въ XV вѣкѣ.—Уѣздные общины пріобрѣтаютъ участіе въ судѣ, право раскладки податей, губное право, но разрозненность общественныхъ элементовъ уѣзда мѣшаетъ имъ прочно организоваться. — Нѣкоторые города отдѣляются отъ уѣздовъ и образуютъ отдѣльные округи.—Почему наше городское самоуправленіе не могло развиться такъ широко, какъ въ Англіи и Франціи.—Указаніе на причину паденія нашего самоуправленія.—Управленіе нѣкоторыми пограничными городами имѣло другой характеръ.

Всякое государство, заключающееся болѣе чѣмъ въ предѣлахъ одного города, естественно, должно дѣлиться на области или округи и имѣть особое управленіе, зависящее въ

большей или меньшей степени отъ верховной государственной власти. Области могутъ управляться бюрократически или коллегіально, посредствомъ особыхъ чиновниковъ, посылаемыхъ отъ верховной власти, безъ участія въ дѣлахъ мѣстнаго общества или, наконецъ, общество можетъ участвовать въ управленіи областью съ большею или меньшею зависимостію отъ правительства. Такова можетъ быть организація областнаго управленія у народа, который пережилъ время господства частнаго права и создалъ государство. Но не одинъ народъ не образовалъ сразу большое государство, съ крѣпко организованнымъ, центральнымъ и мѣстнымъ управленіемъ. Всѣ большія государства составились изъ маленькихъ племенныхъ союзовъ, посредствомъ покоренія однимъ счастливымъ племенемъ всѣхъ другихъ племенъ. Всѣ народы, прежде чѣмъ они организуютъ государство, на основаніи отвлеченныхъ понятій публпчнаго права, должны пережить время, когда государство разсматривается какъ частное имущество, принадлежащее князю, когда оно управляется не во имя общаго блага подданныхъ, но во имя фискальныхъ интересовъ князя и его дружины. Изученіе этой эпохи чрезвычайно важно для пониманія и послѣдующихъ временъ. Исторія образованія государствъ почти всегда опредѣляетъ организацію мѣстнаго управленія. Первоначально племена организуются въ маленькія общины съ княземъ во главѣ и съ участіемъ всѣхъ взрослыхъ членовъ въ общихъ дѣлахъ суда или администраціи. Я уже говорилъ, въ началѣ этого сочиненія, что вѣчевое управленіе, въ предѣлахъ незначительной области, есть одна изъ самыхъ первоначальныхъ формъ, доступныхъ всѣмъ народамъ по своей легкости. Изъ этихъ маленькихъ государствъ образуется большое государство, когда какой нибудь болѣе воинственный изъ маленькихъ князей успѣетъ завоевать маленькія племена и составитъ изъ нихъ одно цѣлое, какъ Клодвигъ, Экбертъ Великій въ Англіи, Русскіе князья, Литовскіе князья и т. д. Когда совершился фактъ завоеванія, тогда прежнія самостоятельныя государства обращаются въ провинціи новаго государства и

рѣшается важный вопросъ будущаго устройства областнаго управленія.

Первоначально князья не могутъ уничтожить участіе общества въ мѣстномъ управленіи; они оставляютъ его въ томъ же порядкѣ, какъ оно было въ моментъ завоеванія. Они посылаютъ въ области своихъ представитнлей графовъ, vice comes, намѣстниковъ, которые управляютъ областями съ участіемъ самого общества, хотя въ этомъ управленіи преобладаетъ фискальный элементъ частнаго права.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи вновь созданное государство можетъ остаться цѣлымъ или оно раздробится, вслѣдствіе двухъ причинъ: или по причинѣ господства частныхъ понятій князей, оно раздробится по наслѣдству между всѣмъ правящимъ родомъ князей, какъ было у насъ; или намѣстники, сдѣлавшись сильными, пріобрѣтаютъ себѣ независимость, какъ было въ Европѣ. Если государство не раздробляется послѣ этого момента, тогда провинціальное управленіе останется прежнее, то есть съ участіемъ общества. Если же государство раздробится и сами князья правители будутъ жить въ своей области или намѣстники, сдѣлавшись наслѣдственными, будутъ жить въ своей провинціи, тогда въ ихъ рукахъ сосредоточится такая сила, что общество рѣдко можетъ сохранить право участія въ общихъ дѣлахъ. Такія новыя маленькія самостоятельныя княжества будутъ управляться какъ помѣстья, по типу вотчиннаго права. Отношеніе между подданными и королемъ или его чиновниками становятся вполнѣ похожими на отношенія помѣщика къ крестьянамъ. Государь или его прикащикъ отравляетъ судъ и беретъ за это пошлины. На всѣ занятія налагаются фискальныя пошлины, потому что предполагается, что и то уже хорошо, если даютъ торговать, не отбирая все на князя. Прежній характеръ управленія можетъ сохраниться только въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ не живутъ сами князья, какъ въ Новгородѣ, въ отношеніи Русскихъ князей, швейцарскихъ городахъ и генеральныхъ штатахъ, въ отношеніи своихъ европейскихъ владѣльцевъ.

Всѣ европейскія государства, послѣ своего соединенія, снова дробились на части, кромѣ Англіи, а потому мѣстное самоуправленіе съ участіемъ общества почти нигдѣ не сохранилось въ Европѣ, кромѣ Англіи. Англія образовавшись, посредствомъ завоеванія маленькихъ княжествъ Экбертомъ Великимъ, (827 г.) не дѣлилась и сохранила участіе общества въ областномъ управленіи до завоеванія Норманов. По завоеваніи Норманами, государство не дѣлилось и Норманскіе короли старались всѣми силами не давать своимъ областнымъ правителямъ сильной власти въ провинціи, а потому участіе общества въ мѣстномъ управленіи такимъ образомъ на всегда сохранилось.

Таковъ въ общихъ чертахъ ходъ первоначальной исторіи народовъ въ тотъ періодъ времени, когда они находятся подъ вліяніемъ частныхъ воззрѣній.

Прежде чѣмъ обратиться къ нашей исторіи, коснемся нѣкоторыхъ подробностей провинціальнаго управленія Англіи и Франціи, въ періодъ господства частныхъ понятій.

Вся Франція съ средніе вѣка раздѣлялась на байлифства (bailivae, bailages), которыя, въ свою очередь, раздѣлялись на prevôtés. Prévôtés управлялись посредствомъ особыхъ чиновниковъ, которые назывались прево. Такіе прево были въ королевскихъ доменахъ и въ феодальныхъ владѣніяхъ; они жили, по большей части, въ селахъ, которыя вскорѣ сдѣлались городами. Сначала въ рукахъ прево заключалось все управленіе. Въ ихъ рукахъ была военная власть, что однако продолжалось не долго, въ ихъ рукахъ была полиція, сборъ доходовъ и отправленіе суда, въ полной мѣрѣ, въ отношеніи крестьянъ королевскихъ доменовъ и, ограниченно, въ отношеніи вассаловъ и ихъ крестьянъ. Байлифомъ назывался начальникъ области, въ которой было нѣсколько prévotés. Байлифы жили также въ мѣстечкахъ, которыя сдѣлались городами. Байлифы имѣли власть, распространяющуюся также на всѣ дѣла. Они имѣли военную власть и были предводителями вассаловъ и коммунъ, высшую полицейскую и

финансовую власть. (Gesch. der Rechtsverfass. Frank. Schaeffner. T. II, ст. 335—338).

Такимъ образомъ, Францiя управлялась посредствомъ prévôt, имѣвшихъ совершенно характеръ прикащиковъ, до XII вѣка; но, въ XII столѣтiи совершился поворотъ къ государственному началу. Мѣстечки, въ которыхъ жили prévôt, возрасли въ города, на которые короли стали обращать свое вниманiе. Филиппъ Августъ велѣлъ быть особымъ prudhommes на судѣ каждаго prévôt. Распредѣленiе податей совершалось сначала однимъ прево, но Людовикъ Святой дозволилъ каждой городской общинѣ выбирать особыхъ prudhommes, которымъ и было поручено это дѣло. Такъ возникли городскiя общины. Вмѣстѣ съ возникновенiемъ городскихъ общинъ начали возникать и сельскiя общины. Во Францiи, сельскiя общины начали возникать въ X и XI столѣтiи; они образовались очень просто: всѣ крѣпостные одного феодала садились вмѣстѣ и образовали деревеньки, въ которыхъ священникъ былъ главнымъ лицомъ. Мало по малу, эти общества начали получать отъ феодаловъ хартiи, въ которыхъ опредѣлялись нѣкоторыя права, какъ напримѣръ: здѣсь опредѣлялось количество барщины, личная свобода, опредѣлялось количество повинностей и давалось право призывать поселенцевъ (ib. стр. 524). Во главѣ этихъ общинъ стояли меры, которые выбирались изъ крѣпостныхъ и должны были блюсти интересы своихъ феодаловъ. Такимъ образомъ, въ XII столѣтiи во Францiи снова образуются общины; части общины, образованныя королемъ и феодалами, были только слабымъ подобiемъ общинъ, самостоятельно развившихся, потому что короли феодалы не давали имъ большаго простора.

Въ Англiи государство раздѣлялось на графства, которыя дѣлились на сотни. Во главѣ графства стоялъ Dux, Comes. Онъ былъ предводитель войскъ графства; онъ предсѣдательствовалъ въ судѣ графства, который собирался дважды въ мѣсяцъ и составлялся изъ всѣхъ свободныхъ: онъ имѣлъ полицейскую власть. Вторымъ лицемъ въ графствѣ былъ Ширгерефа. Слово Герефа было общимъ названiемъ управителя

имѣній. Герефы были въ частныхъ и королевскихъ имѣніяхъ. Ширъ-герефа былъ судьей, исполнялъ полицейскія обязанности. Кажется, (каждая) сотня имѣла своего герефу, назначавшагося королемъ. Герефа созывалъ и предсѣдательствовалъ въ собраніи сотенъ. Были особые городовые герефы, (Burfgerêfas): портовые герефы при гаваняхъ Wicgerêfa былъ королевскимъ фогтомъ въ маленькихъ деревняхъ. При завоеваніи Англіи Норманами, остались тѣ же званія и тѣ должности, только съ перемѣной названій. Должность графа осталась, но ей старались дать менѣе власти; вся сумма власти перешла къ vicecomes, которые были настоящіе наслѣдники герефъ. Общество продолжало принимать участіе въ судѣ и управленіи, какъ и въ первый періодъ.

Такимъ образомъ, первоначальный типъ управленія во Франціи посредствомъ прево, а въ Англіи, посредствомъ герефъ, носилъ совершенно частный характеръ. Такъ какъ во Франціи королевская власть почти пала во время феодальнаго періода, то королевскіе прево имѣли власть только въ королевскихъ земляхъ и тѣнь власти въ доменахъ феодаловъ. Но развивающаяся королевская власть вводитъ представителей общинъ въ судъ, даетъ общинамъ нѣкоторыя права. Феодалы подражаютъ этимъ стремленіямъ и развивается нѣкоторая общественная жизнь. Эта общинная жизнь въ городахъ принимаетъ широкіе размѣры, потому что они вполнѣ обезпечены отъ произвольныхъ поборовъ и имѣютъ судъ и управу.

Въ Англіи, рядомъ съ королевскими герефами, vicecomes, идутъ собранія народа для суда и полиціи, когда королевская власть стала посылать, съ XII столѣтія, особыхъ чиновниковъ, тогда участіе общинъ въ отправленіи суда преобразилось въ судъ присяжныхъ. Этотъ общій взглядъ поможетъ намъ, я надѣюсь, уяснить себѣ сходныя черты, а равно и особенности нашего областнаго управленія.

Русское государство составилось посредствомъ присоединенія удѣловъ, которые управлялись князьями Рюрикова дома, на основаніи частнаго права; только Новгородъ и Псковъ

были общинами, которыя сохранили и развили первоначальный общинный быть. Въ областномъ дѣленіи новаго государства сначала сохранялись всѣ особенности прежняго дѣленія этихъ областей, до присоединенія ихъ къ Москвѣ. По завѣщанію Іоанна IV наше государство дробилось на слѣдующія части:

1) Города съ подчиненными пригородами, способъ управленія, развившійся па почвѣ новгородской и псковской городовыхъ республикъ. Новгородъ образовалъ 11, а Псковъ 13 пригородовъ. Кромѣ того, пригороды были у Галича.

2) Города, къ которымъ примыкали волости и станы, составляли уѣзды. Такое административное дѣленіе составляло основу провинціальнаго дѣленія. Такихъ уѣздовъ было до 100.

3) Пограничные города съ военнымъ населеніемъ, служившіе аванпостами; къ такимъ городамъ не примыкали волости, потому что кругомъ не было сплошнаго населенія, но примыкало иногда нѣсколько селъ. Къ такимъ городамъ безъ волостей внутри Россіи принадлежали: Балахна, Заулусье.

4) Нѣкоторыя области назывались землями, какъ напримѣръ: земля Вятская, Онежская, Двинская.

5) Города и мѣстечки гдѣ жили Черемиссы, Мордва, которые еще не организовались въ волости.

6) Волости съ особымъ управленіемъ, не принадлежащіе ни къ какому городу (Д. А. И. т. I, № 222).

Такимъ образомъ, общимъ типомъ государственнаго раздѣленія былъ уѣздъ, который состоялъ изъ городовъ и примыкавшихъ къ нему селъ съ деревнями. Эти уѣзды, въ свою очередь, имѣли очень разнообразныя подраздѣленія. Нѣкоторые уѣзды дѣлились на станы, которые подраздѣлялись на волости, какъ Бѣжецкій Верхъ (А. А. Э. т. I, № 319). Нѣкоторые уѣзды дѣлились только на станы, какъ: угличскій, владимірскій (А. А. Э. т. I, №№ 290 и 329). Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ самостоятельныя единицы, были станы и волости, какъ въ костромскомъ и московскомъ уѣздѣ (ib.

№ 304). Нѣкоторые уѣзды дѣлились только на волости. Двинская земля дѣлилась на половины (ib. № 250). Вятскій уѣздъ дѣлился на четверти.

Для управленія уѣздомъ посылались намѣстники; а для управленія волостями — волостели (Судеб., введеніе). Эти намѣстники имѣли различный характеръ. Въ большіе пограничные уѣзды и важные военные пункты посылались бояра-воеводы. Такіе бояра-воеводы были въ Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Казани и Свіяжскѣ. Почти до 1560 г., намѣстники были во всѣхъ городахъ внутренней Россіи и даже въ нѣкоторыхъ южныхъ городахъ, вѣроятно, въ тѣхъ, къ которымъ примыкали волости. Во многихъ южныхъ городахъ, рядомъ съ намѣстниками, были воеводы, которые управляли отрядами войскъ, стоящими въ этихъ городахъ (Д. Р. В. т. XIII, Разр. 1556 г.). Съ 1574 г., для военныхъ и гражданскихъ дѣлъ въ южныхъ городахъ назначались одни и тѣ же лица, подъ названіемъ: „намѣстникъ и воевода". Такимъ образомъ, къ концу царствованія Грознаго, уже развивается особая должность воеводъ. Кромѣ намѣстниковъ и волостелей, въ городахъ были прикащики и даньщики, и, сверхъ того, въ города и уѣзды посылались приказные люди, по особымъ порученіямъ. Характеръ управленія бояръ намѣстниковъ и воеводъ въ пограничныхъ городахъ носилъ другія формы, отличныя отъ характера намѣстничаго управленія внутри Россіи, а потому мы изложимъ его въ концѣ этой главы, какъ переходную форму. Теперь обратимся къ общему типу намѣстничаго управленія.

Должность намѣстника и волостеля давалась для кормленія, какъ особое жалованье государя боярамъ. Въ Москвѣ были книги, въ которыхъ были приблизительно исчислены намѣстничьи доходы каждой мѣстности (Судеб. ст. 26). Намѣстникъ производилъ судъ и бралъ пошлины, которые поступали въ его частный доходъ. Этотъ судъ онъ отправлялъ самъ или посредствомъ тіуновъ, которые были часто его холопы (Судеб. ст. 65). Уѣзжалъ кормлельщикъ, онъ сводилъ своихъ людей (Д. А. И. т. I, № 85). Кромѣ тіуна, намѣст-

никъ имѣлъ еще доводчиковъ. Тіунъ и доводчики жили въ разныхъ частяхъ области, данной въ управленіе намѣстнику. Напримѣръ вагскіе намѣстники имѣли два города: важскій и шенкурскій посады, изъ которыхъ въ первомъ жилъ самъ намѣстникъ, а во второмъ его тіунъ. Въ онежскомъ намѣстничествѣ жилъ тіунъ и четыре доводчика въ различныхъ мѣстахъ намѣстничества; въ Каргополѣ, на устьѣ Мошп, на Маренгѣ и Тучтовѣ (А. А. Э. т. I, № 181). Тіунъ судилъ въ своемъ мѣстѣ тѣ же дѣла, которыя судилъ и самъ намѣстникъ. Обязанностью доводчика было ставить на судъ тяжущіяся стороны.

Намѣстники по Судебнику раздѣляются на два разряда: намѣстниковъ съ судомъ боярскимъ и намѣстниковъ безъ боярскаго суда. Намѣстники перваго разряда имѣли право давать полныя и докладныя грамоты на холопства, правыя и бѣглыя грамоты они давали только съ доклада, то есть съ позволенія высшей власти. Отпускныя грамоты имѣли право давать только бояра намѣстники Новгорода и Пскова (А. И. Судеб. ст. 77). Намѣстники, вѣроятно, неимѣющіе боярскаго суда не имѣли права казнить смертію (Суд. ст. 71), потому что нѣкоторымъ намѣстникамъ это дозволялось (Суд. ст. 59). Статья 60 Судебника даетъ это право даже и волостелямъ „если будетъ вѣдомый лихой человѣкъ". Тіуны намѣстниковъ и волостелей не имѣли права давать грамоты государю (т. е. господину) на холопа и обратно (Судебн. ст. 67).

Судъ намѣстника распространялся обыкновенно на уѣздный городъ и нѣсколько волостей или становъ. Намѣстнику были подчинены судомъ всѣ классы, живущіе въ уѣздѣ, даже дѣти боярскіе (Суд. ст. 64. Но судъ намѣстника ограничивался жалованными грамотами, которыя имѣли почти всѣ монастыри (См. Жалов. Грам. А. А. Э. и А. И.), вотчинники судили крестьянъ, живущихъ на ихъ земляхъ по жалованнымъ грамотамъ; въ царскихъ подклѣтныхъ селахъ судили ключники (А. И. т. I, № 165); въ рыболовныхъ селахъ судили волостели стольничя пути (А. А. Э. т. I,

№ 242); въ бобровыхъ деревняхъ судили ловчіе (А. А. Э. т. I, № 257). Судя по этимъ жалованнымъ грамотамъ, судъ намѣстника ограничивался городомъ и черными волостями. Въ судѣ вотчинныхъ и помѣстныхъ крестьянъ всѣхъ владѣльцевъ, намѣстники участвовали только въ смѣстныхъ искахъ, когда были замѣшаны черные крестьяне вмѣстѣ съ вотчинными и въ дѣлахъ душегубства и татьбы съ поличнымъ, которыя принадлежали имъ исключительно, по отношенію крестьянъ всѣхъ родовъ. При смѣстныхъ судахъ они судили вмѣстѣ съ вотчинниками и пошлинами дѣлились пополамъ.

Кромѣ намѣстника, въ уѣздѣ были еще волостели, которымъ давалась въ кормленіе одна или нѣсколько волостей. Такъ, напримѣръ, были волостели кривоѣдинскіе при намѣстникахъ владимірскихъ (А. И. т. I, № 97); волостели жили въ Едомѣ, одной изъ ярославскихъ волостей (А. А. Э. т. I, № 324); также въ Слободскомъ, ятскаго намѣстничества (А. А. Э. т. I, № 246). Волостели судили на томъ же частномъ правѣ и имѣли также своихъ тіуновъ. Они дѣйствовали совершенно независимо отъ намѣстниковъ, исключая дѣлъ по душегубству, которыя были изъяты изъ ихъ вѣдома (А. А. Э. т. I, № 183).

Кромѣ дохода, получаемаго отъ судебныхъ пошлинъ, они имѣли кормы отъ всѣхъ жителей уѣзда. Они получали въѣзжее „кто что принесетъ“ и подарки на три праздника. Всѣ могли приносить жалобу на намѣстника въ теченіи его управленія и въ продолженіи года, послѣ окончанія его (Судебн. ст. 34). По онежской грамотѣ 1536 г:, намѣстникъ бралъ кормъ со всѣхъ селъ, т. е. съ имѣній Великаго Князя, владычнихъ, монастырскихъ, боярскихъ, черныхъ и даже грамотчиковъ. Послѣдними назывались лица, получающія жалованныя грамоты, которыя давали имъ какія нибудь привилегіи, въ отношеніи податей, торговыхъ сборовъ, суда и проч. По онежской грамотѣ намѣстникъ получалъ на Рождество Христово съ 10-ти сохъ, содержащихъ по 3 обжи, т. е. съ 450 десятинъ, полоть мяса, десять хлѣбовъ, ко-

робье овса, возъ сѣна; на Великъ день: полоть мяса, 10 хлѣбовъ; на Петровъ день: баранъ, 10 хлѣбовъ. Вмѣсто этого, намѣстникъ могъ брать деньгами: за полоть мяса — 8 ден., баранъ — 6 д., возъ сѣна — 8 ден., всего 66 ден., что составляетъ 1 ден. на крестьянскій участокъ. Тіунъ получалъ половину корма намѣстника, доводчикъ еще менѣе, чѣмъ тіунъ (А. А. Э. т. I, № 181).

Рядомъ съ намѣстниками были прикащики, которые жили въ городахъ и назывались прикащиками городовыми, даньщики и писцы. Писцы отъ времени и до времени переписывали всѣхъ живущихъ въ уѣздѣ и опредѣляли количество дани; въ особыхъ писцовыхъ книгахъ, гдѣ подробно обозначалось, сколько крестьянинъ обработывалъ земли, сколько сѣялъ какого хлѣба и, сообразно этому, опредѣлялась дань (см. писцов. Новгор. книги). Въ жалованной грамотѣ Никольскому монастырю назначались извѣстные льготные годы, освобождающіе отъ платежа повинностей съ участка земли; „а какъ отойдутъ тѣ ихъ урочныя лѣта и Игумену Ефрему съ братіею съ того расолу давать мнѣ Великому Князю въ казну съ варницы по полуполтинѣ на годъ, до писцовъ, *чьмъ ихъ впредь писецъ нашъ опишетъ*" (А. И. т. I, № 144). Въ жалованной грамотѣ Вассіановской Строкинской пустынѣ сказано: „дань платить, по книгамъ, по старинѣ, но по расчету, а ямскія по указу" (ib 147). Прикащики и даньщики собирали дань и ямскія деньги (А. И. т. I, № 145). Они строили городскія стѣны и распредѣляли количество работъ между жителями уѣзда (А. А. Э. т. I, № 182). Въ нѣкоторыхъ селахъ они даже производили судъ, какъ напримѣръ въ волостяхъ Керсти и Ковуѣ (ib. № 196). Галицкіе городовые прикащики обкладывали рыболововъ данью (ib. № 286).

Когда и какъ образовалась наша сельская и городская общины, вотъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ. Изъ всего предыдущаго мы видѣли, что судъ и сборъ податей были въ рукахъ чиновниковъ великаго князя и отправлялись, кажется, безъ участія общины, во многихъ

мѣстахъ, даже въ XVI столѣтіи. Это долженъ былъ быть обыкновенный порядокъ вещей въ XIV столѣтіи. Въ договорныхъ грамотахъ великаго князя Дмитрія Іоанновича съ Владиміромъ Андреевичемъ говорится: „а въ твой ми удѣлъ даньщиковъ моихъ и приставовъ не всылати: тако же и тобѣ въ мой удѣлъ даньщиковъ своихъ ни приставовъ не всылати, ни во все мое великое княженье. А которые слуги потягли къ дворскому, а чорные люди къ сотникамъ, тѣхъ на службу не принимати, но блюсти ны ихъ съ одного, также и численныхъ людей" (С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 27 и 33). Подобныя же условія и въ другихъ грамотахъ Василія Дмитріевича (ib. №№ 35 и 40). Такой способъ сбора налоговъ заставляетъ предполагать, что въ Московской Руси развитіе общиннаго духа относится ко временамъ позднѣйшимъ, какъ это было и во Франціи. Если сборъ податей заключался въ рукахъ даньщиковъ, то трудно допустить, чтобъ общины принимали самостоятельное участіе въ ихъ раскладкѣ, хотя выраженіе „и тянуть къ сотнику" и намекаетъ на это. Самая организація въ сотни была слишкомъ дробной, чтобы такія общины имѣли большія права. Всего вѣроятнѣе, что эти сотни, какъ и въ западной Европѣ, имѣли только полицейскій характеръ. Въ XV столѣтіи начинаютъ появляться въ грамотахъ имена старостъ (А. А. Э. т. I, №№ 34 и 35); въ одной грамотѣ говорится: „ни къ дворскому, ни къ сотскому ни къ старостѣ волостному не тянуть ни во что" (ib. № 53). Но это образованіе волостныхъ старшинъ совершалось не вездѣ, даже во времена Судебника (Суд. ст. 68). Съ XV столѣтія общины развиваются и, мало по малу, получаютъ права участія въ судѣ, сборѣ и раскладкѣ податей, а въ XVI столѣтіи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, дѣлаются полными правителями во всѣхъ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ. Это широкое развитіе общиннаго начала указываетъ на поворотъ, который совершается въ это время отъ частныхъ къ государственнымъ понятіямъ. Государи начинаютъ смотрѣть на своихъ подданныхъ не только съ фискальной точки зрѣнія, но въ ихъ соображенія начинаетъ входить идея общаго блага. Въ этомъ

отношеніи измѣненія, происшедшія въ нашемъ областномъ управленіи, имѣютъ чрезвычайное сходство съ измѣненіями, происходящими во французскомъ областномъ управленіи, какъ это видно изъ начала этой главы.

Прежде всего общины получаютъ право участія въ судѣ. Въ первый разъ въ судъ намѣстниковъ вводятся лучшіе мужи, въ бѣлоозерской уставной грамотѣ 1488 г. Іоаннъ III запретилъ судить безъ сотскаго, дворскаго, старостъ и лучшихъ людей. Василій Ивановичъ дозволилъ жителямъ Новгорода избрать со всѣхъ улицъ 48 цѣловальниковъ, изъ которыхъ каждый-мѣсяцъ четверо судили съ тіунами. Подобная же привилегія была дана Пскову (Ист. Судеб. Инст. Дмитріева, стр. 42). Судебникъ Іоанна IV окончательно вводитъ вездѣ старостъ и лучшихъ людей и не дозволяетъ суда безъ ихъ участія.

Вмѣстѣ съ судебными правами общины начинаютъ, мало по малу, получать и многія другія права, такъ что во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія наша общинная жизнь развивается съ удивительной быстротой. Участіе общинъ въ областномъ управленіи проявляется:

1) въ судѣ намѣстниковъ, гдѣ она участвуетъ посредствомъ своихъ выборныхъ представителей и лучшихъ людей;

2) въ раскладкѣ дани и повинностей;

3) въ образованіи губнаго суда, которому принадлежатъ всѣ дѣла по разбоямъ и душегубству;

4) въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ представители общинъ судятъ всѣ дѣла и община сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ все управленіе уѣздомъ.

Такъ развивалось наше общинное управленіе и оно, вѣроятно, послужило бы основаніемъ всего послѣдующаго государственнаго устройства, еслибы наше общество шло постепенно къ освобожденію, а не закрѣпленію сословій. Но, такъ какъ наше общество шло по пути къ крѣпостному праву, то это участіе общинъ не могло долго держаться, потому что массы чернослободскихъ крестьянъ переходили въ владѣльческія, а слѣдовательно получали новыхъ судей. Правда, мо-

настыри тоже образовывали общины, вводили въ свои суды цѣловальниковъ (А. А. Э. т. I, № 268); но такія стремленія были противны духу вотчиннаго управленія. Правительство, какъ бы не обращая вниманія на развивающееся крѣпостное право, хотѣло соединить въ одной уѣздной общинѣ всѣ разнообразные элементы, выработанные обществомъ. Крестьяне чернослободскіе участвовали въ общинной жизни вмѣстѣ съ монастырскими, дворцовыми и помѣщичьими крестьянами. Но попытка создать общину изъ такихъ разнообразныхъ элементовъ была безполезна.

Разрозненность общества, разнообразіе его интересовъ мѣшали прочному развитію общинной жизни во всѣхъ отношеніяхъ. Сборъ и раскладка податей и повинностей во многихъ областяхъ перешла совершенно въ руки представителей общины. По Судебнику разметныя книги въ городѣ находятся у старостъ и цѣловальниковъ (Суд. ст. 72). Въ 1558 г., во Владимірѣ кормовыя деньги сбиралъ выборный староста (А. И. т. I, № 166). Въ Каргополѣ раскладкой податей занимались данные цѣловальники, посадскій староста, земскіе судьи (ib. № 202). Въ Чердынѣ раскладкою податей занимались старосты и цѣловальники (ib. № 207); точно также въ Тургасовѣ (ib. № 246). Но если, съ одной стороны, черныя общины стремились получить въ свои руки раскладку повинностей и освободиться отъ даньщиковъ и прикащиковъ, то, съ другой стороны, масса членовъ въ этихъ общинахъ стремилась выдти изъ нихъ и получить особое привилегированное положеніе.

Монастыри стараются получить привилегіи, чтобы „ни къ сотскимъ, ни къ пятидесятскимъ, ни къ десятскимъ и съ чорными людьми нашего тягла не тянуть (А. И. т. I, № 220; А. А. Э. т. I, №№ 200, 208, 215, 300 и 374). Если монастыри не успѣвали освободиться отъ всѣхъ налоговъ въ связи съ черной общиной, то они старались платить ихъ отдѣльно отъ черной общины въ Москвѣ. Они просили, „чтобы тѣ ихъ дворы, полянки и пожни отъ села отъ посаду опрочѣ отписати а наши бы оброчныя и данныя деньги со

тѣхъ дворовъ и съ пожень платить самимъ, опрично посадскихъ людей" (А. А. Э. т. I, №№ 273, 343 и 350).

Точно также стремились освободиться отъ общинъ крестьяне, живущіе на дворцовыхъ земляхъ и часто получающіе привилегіи, освобождающія ихъ отъ тягла вмѣстѣ съ общинами (А. А. Э. т. I, №№ 183 и 201).

Лица, владѣющія помѣстными землями, старались получить привилегіи, освобождающія ихъ отъ всѣхъ повинностей (А. И. т. IV, № 145, 226. А. А. Э. т. I, № 215).

Изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ видно, что черныя общины стремились захватить въ свою среду крестьянъ, жившихъ на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, въ интересѣ разложенія податей и повинностей, но, съ другой стороны, владѣльческіе крестьяне стремились освободиться отъ связей съ черной общиной, съ которой они могли раздѣлять только повинности, но не могли раздѣлять правъ. Живя на владѣльческихъ земляхъ, подъ управленіемъ довѣренныхъ лицъ отъ владѣльцевъ, они не имѣли ничего общаго съ черными волостями, кромѣ общаго тягла, отъ котораго они старались освободиться.

Судъ и преслѣдованіе воровъ и разбойниковъ представлялъ гораздо болѣе объединяющій интересъ для жителей уѣзда, чѣмъ разложеніе податей и повинностей, а потому въ немъ сначала приняли живое участіе всѣ сословія. Но и здѣсь разрозненность общества выказалась очень скоро и показала, какъ трудно составить одну общину изъ такихъ элементовъ. Въ развитіи общиннаго суда существуетъ два періода. Въ первомъ періодѣ, отъ 1539 по 1550 г., общины получаютъ только право суда надъ разбойниками, а судъ во всѣхъ другихъ дѣлахъ, отношеніяхъ, остается по прежнему въ рукахъ намѣстниковъ. Во второй періодъ, начинающійся съ 1550 года, общины получаютъ всю судебную власть въ свои руки; должности намѣстниковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно исчезаютъ.

Въ первый разъ общины получаютъ право суда и казни разбойниковъ въ 1539 году. Причину этого событія грамота

объясняетъ такимъ образомъ: „Били есте намъ челомъ, что у васъ въ тѣхъ вашихъ волостяхъ многіе села и деревни разбойники разбиваютъ и животы ваши разбиваютъ и грабятъ, и села и деревни жгутъ, и по дорогамъ многихъ людей грабятъ и разбиваютъ и убиваютъ многихъ людей до смерти; мы къ вамъ посылали обыщиковъ своихъ и отъ нашихъ обыщиковъ и недѣльщиковъ чинятся вамъ великіе убытки, а вы-де съ вашими общины лихихъ людей-разбойниковъ не имаете для того, что вамъ волокита велика, а сами вы разбойниковъ межъ себя безъ нашего вѣдома обыскивать не смѣете“. Царь дозволяетъ всѣмъ жителямъ Бѣлозерскаго уѣзда, вотчинникамъ, помѣщикамъ, крестьянамъ всѣхъ родовъ составить общину и выбирать изъ каждой волости по 3 человѣка дѣтей боярскихъ въ головы, „которые бы грамоте умѣли“, да съ ними старосты, цѣловальники и лучшіе люди, человѣкъ 5 или 6, должны сидѣть на судѣ, судить и казнить смертію разбойниковъ. Они должны только извѣстить въ Москву бояръ, которымъ приказано вѣдать разбойныя дѣла, о именахъ дѣтей боярскихъ, выбранныхъ въ головы (А. А. Э. т. 1, № 187). Совершенно такую же грамоту получилъ Каргопольскій уѣздъ (Доп. А. Ис. т. I, № 31).

Но и въ этомъ дѣлѣ скоро выказалась разрозненность элементовъ, составляющихъ уѣздное населеніе. Кириловъ и Троицкій монастыри выпросили себѣ право создать особыя общины для суда и казни разбойниковъ (А. А. Э., №№ 224, 194). Городъ Сольвычегодскъ получилъ отдѣльную губную грамоту (А. А. Э. т. I, № 192), Въ этихъ грамотахъ общинный судъ получаетъ болѣе опредѣленную организацію. Община дѣлится на сотни, полусотни и десятки, съ сотскими, пятидесятскими и десятскими. Въ Сольвычегодской грамотѣ является уже дьякъ, который записываетъ показанія. Вмѣсто головъ въ Соль-Галичѣ заступаютъ городовые прикащики, въ Троицкомъ монастырѣ — монастырскіе прикащики, а въ селахъ Кирилова монастыря—дѣти боярскія. Рядомъ съ губнымъ правомъ организуется полиція, которая передается сот-

скимъ, пятидесятскимъ и десятскимъ; они имѣютъ право осматривать всякаго подозрительнаго человѣка.

Но если разрозненность общества выказалась даже въ дѣлѣ губнаго права, то это дѣло составляло такой существенный интересъ общины, что губное устройство продержалось сто лѣтъ, хотя въ слѣдующій періодъ оно нѣсколько измѣнило свой характеръ.

Гораздо шире и блистательнѣе выказывается самостоятельность общинъ во второмъ періодѣ, когда всѣ права намѣстниковъ и волостелей переходятъ въ руки общинъ, съумѣвшихъ во время получить привиллегію. Въ жалованной грамотѣ Переяславскимъ рыболовамъ, Іоаннъ Грозный говоритъ: „Прежде этого мы, жалуя нашихъ бояръ, князей и дѣтей боярскихъ, давали имъ въ кормленіе города и области, но мы постоянно получали челобитные, что наши намѣстники и волостители, сверхъ нашего жалованья, чинятъ продажи и убытки великіе, отчего наши села и деревни приходятъ въ запустеніе и оброки платятся не сполна. А наши намѣстники и волостели жаловались на посадскихъ и волостныхъ людей, что они имъ подъ судъ не даются, не платятъ имъ кормовъ, а отъ этого между ними постоянныя тяжбы и поклепы великіе. Вслѣдствіе этого, мы, желая крестьянство освободить отъ всякихъ продажъ и убытковъ намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ отставили и за нихъ доходы, мы приказали пооброчить волости деньгами“ (А. А. Э. т. I, № 242). Еслибы всѣ жители уѣзда состояли изъ черносошныхъ крестьянъ, то общинамъ легко бы получить полное самоуправленіе, для этого достаточно было бы уничтожить намѣстниковъ и волостелей. Но, какъ мы видѣли выше, кромѣ черносошныхъ крестьянъ были рыболовныя слободы, имѣющія своихъ судей; царскіе подклѣтные села, судившіеся у ключниковъ; бобровники, судившіеся у ловчихъ; владѣльческіе крестьяне у помѣщиковъ и монастырей. Если правительство уничтожало намѣстниковъ, то оно этимъ давало самоуправленіе только черносошнымъ крестьянамъ. Чтобы расширить эти права и распространить ихъ на рыболововъ,

бобровниковъ и дворцовыхъ крестьянъ, правительство должно было уничтожить отдѣльныхъ судей каждаго класса и соединить ихъ въ дѣлѣ суда съ черными крестьянами; но рыболовы, бобровники и дворцовые крестьяне во всѣхъ отношеніяхъ имѣли такіе разнообразные интересы, что они стремились получить судъ совершенно отдѣльный и самостоятельный, независимо отъ черныхъ крестьянъ. Что же касается до владѣльческихъ крестьянъ, то, освобождая ихъ отъ суда монастырскихъ прикащиковъ и ключниковъ, правительству пришлось бы вмѣшиваться въ частные интересы и отнимать часть владѣльческихъ доходовъ. Вслѣдствіе такихъ затрудненій, благодѣтельные планы правительства нашли только частное и не полное приложеніе.

Важскій и Двинскій уѣзды получили полное самоуправленіе, организованное для цѣлыхъ уѣздовъ. Осуществленію полнаго самоуправленія для цѣлаго уѣзда способствовало здѣсь однородность элементовъ, потому что эти уѣзды состояли изъ однихъ черносошныхъ крестьянъ. Важскій уѣздъ имѣлъ два посада: Вельскій и Шенкурскій и семь становъ, а потому общины выбрали двадцать излюбленныхъ головъ: 10 для Шенкурья и 10 для Вельска. Каждый станъ, исключая одного, выбиралъ по 3 представителя. Въ рукахъ излюбленныхъ головъ сосредоточилась вся правительственная власть. Онѣ производили раскладку податей и повинностей, которая производилась или вмѣстѣ съ самимъ обществомъ, по животамъ и самымъ промысламъ; они призывали крестьянъ на пашни, свидѣтельствовали безпошлинно проданныхъ лошадей, имѣли губное право казни разбойниковъ и и, кромѣ того, право суда во всѣхъ другихъ дѣлахъ; они наблюдали, чтобы въ обыкновенное время не было продажи вина и давали разрѣшеніе варить пиво на праздники. Однимъ словомъ, въ ихъ рукахъ была вся власть, которую имѣли правительственные намѣстники и прикащики (А. А. Э. т. I, № 235). Подобныя же грамоты, съ тѣми же правами, получили жители Двинскаго уѣзда и крестьяне Устюженскаго уѣзда, жившіе на Усьѣ и Заячьей рѣкахъ (ib., № 243). Но

въ уѣздахъ, лежащихъ въ старыхъ удѣльныхъ княжествахъ, такая организація была невозможна по разнообразію элементовъ. Здѣсь правительство должно было давать отдѣльное самоуправленіе, напримѣръ, Переяславскимъ рыболовамъ (ib., № 242), освобождая ихъ отъ власти волостеля стольнича пути; царскимъ подклѣтнымъ селамъ, освобождая ихъ отъ власти ключниковъ (ib., № 245); бобровникамъ, освобождая ихъ отъ суда ловчаго (ib., № 256).

Если цѣлымъ уѣздамъ, вмѣстѣ съ своими городами, невозможно было организовать правильное самоуправленіе, то одни города, повидимому, гораздо легче могли пріобрѣсти его, потому что они состояли изъ однородныхъ элементовъ. Но развитію городскаго самоуправленія мѣшалъ чисто фискальный взглядъ на города средневѣковыхъ правительствъ. Стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ дозволило европейскимъ городамъ, на нѣкоторое время, освободиться отъ части налоговъ и пріобрѣсти богатство и силу, но у насъ этихъ благопріятныхъ условій не было, а потому отдѣльное отъ уѣздовъ самоуправленіе нашихъ городовъ не имѣло прочной экономической основы.

Бросимъ бѣглый взглядъ на положеніе городовъ въ эпоху феодализма.

Положеніе французскихъ городовъ въ эпоху феодализма было безотрадно; „самыми тяжелыми оковами, говоритъ Шефнеръ (Gesch. der Rechtsver. Frankr. т. II, стр. 177), которыя мѣшали внутреннимъ сношеніямъ гражданъ, были массы пошлинъ всѣхъ родовъ, которыя каждый синьоръ сбиралъ на своей землѣ. Югъ Франціи былъ не менѣе отягощенъ ими, какъ и сѣверъ; даже тамъ синьоры не довольствовались простыми налогами, въ границахъ своихъ областей, но почти на каждомъ мѣстѣ, чрезъ которое можно было пройти, повторялось взиманіе денегъ. Почти не было рода налоговъ, которые мы не нашли бы здѣсь, съ свойственными имъ стѣсненіями. Фискальный духъ феодализма былъ удивительно изобрѣтателенъ. Древній telonium сохранился подъ именемъ tonlieu, т. е., какъ пошлинъ за перевозку товаровъ,

vinagrum за право переѣзда чрезъ территорію, vientrage— мостовщина; всѣ эти пошлины означались словомъ treu или trevage, но обыкновенно назывались péage. Всѣ эти пошлины, и въ добавокъ множество другихъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ дѣйствительно шли на поддержку мостовъ и дорогъ. Свободой отъ этихъ повинностей пользовались только дворяне и духовенство, но и то только тогда, когда они не вели торговли". Опираясь на королевскую власть, города успѣли получить отъ своихъ феодаловъ хартіи, совершенно освобождающія ихъ отъ феодальныхъ налоговъ, и полное самоуправленіе. Эти права города сохранили только до тѣхъ поръ, пока королевская власть не почувствовала себя довольно сильною, чтобы уничтожить всѣ тѣ привилегіи, которыя они уступили по необходимости. Францъ I, въ 1535 году, регулируетъ городское управленіе; Генрихъ II, въ 1547 году, запрещаетъ жителямъ городовъ принимать мѣста мэровъ; въ царствованіе Карла IX, у большей части городовъ было отнято право суда; Людовикъ XIV совершенно уничтожилъ городскую свободу (ibid).

Исторія англійскихъ городовъ представляетъ туже борьбу противъ фискальнаго духа. Города Англіи, въ нормандскій періодъ, раздѣлялись на три рода: city, Borough, ferma burgi. Почетное имя city имѣлъ только Лондонъ. Города были построены на земляхъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣльцевъ, которые пользовались своимъ правомъ для взиманія tulagium, для чего дѣлалась ежегодная оцѣнка городскихъ имуществъ. Эти повинности взимались съ каждаго горожанина отдѣльно, или со всѣхъ вмѣстѣ. Государство, въ свою очередь, стремилось изъ всего извлечь деньги, а потому монополіи росли и росли, пока они не стали вызывать общихъ жалобъ. Города сначала стремились избавиться отъ монополіи за извѣстную плату, потомъ они стали дѣлать складки и, за наддачу предъ откупщиками, получали въ свои руки монопольные товары. Городъ обыкновенно представлялъ правительству зажиточнаго купца, который своимъ капиталомъ безопечивалъ ему правильный взносъ денегъ городомъ. Онъ

самъ дѣлался городскимъ фогтомъ, подъ именемъ bailif, provost или major. Такіе города получали право суда и администраціи и составляли отдѣльные судебные округа, съ названіемъ Borough; они были освобождены отъ судебной власти vicecomes. City есть только болѣе почетное названіе, безъ особенныхъ правъ. Firmaburg'ами назывались города, въ которыхъ всѣ жители города, собираясь вмѣстѣ, производили судъ и выбирали общаго откупщика, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и судьей; такіе города скоро стали называться коммунами. (Gneist T. 1. стр. 104 — 109). Такимъ образомъ, главный интересъ правительства въ отношеніи городовъ былъ сборъ пошлинъ; какъ скоро городъ добивался за извѣстную плату освобожденія отъ пошлинъ, онъ легко получалъ всѣ остальные привилегіи суда и полиціи. Въ дальнѣйшей исторіи привилегіи англійскихъ городовъ были обезнечены отъ произвольныхъ поборовъ развивающимся парламентскимъ устройствомъ.

Наше городское самоуправленіе, начавшее развиваться вмѣстѣ съ самоуправленіемъ областей, приносило мало пользы обществу, потому что наше правительство легко соглашалось освободить городъ отъ намѣстника, но оно почти никогда не соглашалось, въ этотъ періодъ, освободить его отъ власти откупщиковъ и городовыхъ прикащиковъ. Освобождаясь отъ намѣстника, горожанинъ, правда, освобождался отъ его поборовъ и притѣсненій, но у него оставались откупщики, которые имѣли еще болѣе средствъ притѣснить его, чѣмъ намѣстники.

Грамотъ, данныхъ отдѣльно городамъ, до насъ дошло не много, да едва ли ихъ и было много на самомъ дѣлѣ. Городъ и уѣздъ въ это время еще не имѣли совершенно разнородныхъ элементовъ, какъ впослѣдствіи, когда совершилось закрѣпленіе крестьянъ. Въ настоящее время городъ не выдѣляется отъ уѣзда по составу народонаселенія и занятіямъ жителей; въ мнѣніяхъ правительства городъ составлялъ нѣчто цѣлое съ своимъ уѣздомъ. Потому, какъ мы видѣли, правительство старалось организовать само-

управленіе города и уѣзда вмѣстѣ, за немногими исключеніями.

Въ 1546 г., Вятчанамъ Шестакова городка была дана привилегія, освобождающая ихъ на 10 лѣтъ, покуда они „будутъ копить на меня Великаго Князя слободу“, отъ всѣхъ даней и повинностей, отъ суда намѣстника и его пошлинныхъ людей, отъ мѣты и явки, если они отправяться молиться къ Николѣ Чудотворцу Великорѣцкому. Они выбираютъ себѣ слободчика, который судитъ ихъ во всемъ, кромѣ душегубства и татьбы съ поличнымъ. Община получила право и лѣсъ сѣчи, и дворы ставити, и пашню распахивати и людей призывати жати“ (А. А. Э. т. I, № 210). Такимъ образомъ, Шестаковская льготная грамота давала жителямъ слободы свободу отъ намѣстниковъ и право суда на десять лѣтъ. Гораздо болѣе полную грамоту и безъ срочнаго ограниченія получили жители Устюжны-Желѣзнопольской. „Устюжны-Желѣзнопольской посадскіе люди, старосты и цѣловальники и сотскіе и десятскіе и всѣ крестьяне лучшіе и середніе и молодшіе люди, отъ волостелина суда и отъ его пошлинныхъ людей отставлены; а быти у нихъ въ судьяхъ ихъ же посадскимъ людямъ, которыхъ себѣ выберутъ всѣмъ своимъ посадомъ; а судити имъ по нашей грамотѣ“. Разбойниковъ, ябедниковъ, пожигальщиковъ и всякихъ лихихъ людей выборные судьи, вмѣстѣ съ губными старостами, имѣли право казнить смертію. Ябедниковъ, клѣплющихъ другихъ людей въ разбоѣ и грабежѣ, горожане имѣли право, бивъ кнутомъ, выслать вонъ, не трогая ихъ животовъ“. А въ судѣ и у записки и у всякихъ дѣлъ, у губныхъ старостъ и у излюбленныхъ судей сидѣти посадскимъ лучшимъ крестьянамъ“. Пріѣзжихъ иногородцевъ они не имѣли права судить, но отсылали ихъ дѣла на разрѣшеніе въ Москву. Но и здѣсь финансовый вопросъ остался камнемъ преткновенія. Въ грамотѣ сказано: а будетъ пятно къ тамгѣ и инымъ нашимъ пошлинамъ не придано и кто на посадѣ купитъ лошадь... являютъ выборнымъ судьямъ. Слѣдовательно откупщики остались въ Устюжнѣ по прежнему (А. А. Э. т. Ш, № 36). Городъ

Чердынь, вѣроятно, имѣлъ жалованную грамоту, потому что царь обращается въ Чердынь не къ намѣстнику, но къ старостѣ, цѣловальнику и всѣмъ Чердынцамъ (А. И. т. I, № 207). Важскій уѣздъ съ двумя посадами были едва ли не единственными мѣстами, гдѣ не было откупщиковъ и тамги.

Но, даже такіе права достались на долю лишь немногихъ городовъ. Въ большей части остальныхъ городовъ жили намѣстники и городовые прикащики, правда съ ограниченіемъ власти посредствомъ старостъ и цѣловальниковъ; эти старосты и цѣловальники сидѣли у нихъ на судѣ и раскладывали повинности горожанъ, по животамъ и промысламъ (Судеб. ст. 72). Если намѣстникъ отдавалъ кого либо на поруки, то при этомъ должны были присутствовать: прикащикъ городовой, дворскій и староста. О должности дворскаго трудно составить себѣ опредѣленное понятіе. Въ XIV столѣтіи, дворскій, какъ кажется, управлялъ княжескими дворами, которые князья имѣли въ городахъ. „А которые слуги къ дворскому", писалось въ грамотѣ этого времени (С. Г. Г. и Д. т. I, № 27 и 33). Но, даже раскладка податей едва ли вездѣ была въ рукахъ старостъ и цѣловальниковъ. Суздальскіе городовые прикащики распоряжались въ Суздалѣ распредѣленіемъ налоговъ. Царь, освобождая слободу Спасо-Евфиміевскаго монастыря, писалъ имъ: „а и вы де ту ихъ монастырскую слободу тянете во всякія наши подати и дѣла съ городскими чорными людьми вмѣстѣ" (Д. А. И. т. I, № 148). Суздальскій городовой прикащикъ передаетъ монастырю села, пожалованныя ему царемъ (ib. № 177). Суздальскіе и Шуйскіе прикащики сбираютъ ямскія деньги (ib. № 145 и 195). Галицкіе городовые прикащики обкладываютъ деньгами рыболововъ (А. А. Э. т. I, № 286).

Городовые прикащики иногда были выборные. Такъ сына боярскаго Лопатина, выбрали на городовой приказъ всею Торопецкою землею (Д. А. И. т. I, № 52, ст. XXVI). Но это явленіе было не обыкновенное; самъ Лопатинъ жалуется, что его выбрали насильно, а онъ де о томъ самъ не билъ челомъ. Самъ Государь о городовыхъ прикащикахъ говоритъ:

„которымъ дѣтямъ боярскимъ велѣно быть въ городовыхъ прикащикахъ“, слѣдовательно, это была должность по назначенію. Вѣроятно, Торопчане выбрали Лопатина и государь утвердилъ выборъ, снисходя на просьбы горожанъ.

Многіе города были построены на земляхъ монастырей и частныхъ владѣльцевъ. Они управлялись намѣстниками и прикащиками, какъ владѣльческія села. Яковъ Строгоновъ получилъ право судить людей въ новопостроенныхъ имъ городахъ самому или чрезъ своихъ прикащиковъ (Д. А. И. т. I, № 117). Тихвинскій посадъ даже и въ слѣдующій періодъ управлялся монастырскими прикащиками. Но городу Романову, принадлежащему мурзамъ, была дана жалованная грамота, по которой они судились межъ себя сами и платили собственнику за право суда 33 руб. въ годъ; всѣ живущіе въ городѣ должны были нести городовое тягло (А. А. Э. т. III, № 14). Это былъ едва ли не единственный городъ, построенный на владѣльческихъ земляхъ, которому въ этотъ періодъ удалось получить жалованную грамоту.

Такъ развивалось областное и городское самоуправленіе въ царствованіе Грознаго царя. Въ его початкахъ было много здоровыхъ элементовъ, которые могли принести зрѣлые плоды. По мнѣнію многоуважаемаго профессора Чичерина, уничтоженіе самоуправленія и введеніе воеводъ было шагомъ впередъ, потому что „вмѣсто управленія разрозненнаго, разсѣяннаго по множеству разнородныхъ центровъ, вводится управленіе, единое, государственное, каждый уѣздъ собирается въ одно цѣлое, и каждый центръ управленія становится въ извѣстное отношеніе подчиненія къ центральной власти“.

„Общины не могли служить, говоритъ онъ далѣе, ни исходною точкою правительственной дѣятельности, ни органами центральной власти“ (Област. учрежд. Чичерина, стр. 338). Едва ли можно согласиться съ этимъ взглядомъ. Если уничтоживъ самоуправленіе, государство выигрывало въ единствѣ, то это единство было формальнымъ; внося всюду однообразный порядокъ, оно уничтожало тѣ жизненные элементы, для

которыхъ этотъ порядокъ создается. Всякое послѣдующее измѣненіе въ жизненныхъ формахъ не всегда бываетъ улучшеніемъ, прогрессомъ, но иногда бываетъ только необходимымъ зломъ, котораго вызывали неблагопріятныя обстоятельства. Въ этихъ то обстоятельствахъ и нужно искать разрѣшенія, почему наше самоуправленіе не могло держаться долго и исчезло, почти не оставивъ послѣ себя слѣда.

Главной причиной уничтоженія нашего самоуправленія было крѣпостное право, какъ мы это увидимъ ниже. Крѣпостное право и самоуправленіе — это были двѣ формы жизни, которыя не могли существовать вмѣстѣ, а потому первое убило послѣднее. Но если можно сознавать, что крѣпостное право, это необходимое зло старой Руси, помѣшало развиться самоуправленію, то надо сознаться, что уничтоженіе этой формы общественнаго устройства было новымъ зломъ, которое вело съ собою крѣпостное право. Только въ наше время, освободившись отъ крѣпостнаго права, мы можемъ снова возобновить эту форму.

Въ заключеніе этой главы я скажу о нѣкоторыхъ особенностяхъ управленія нѣкоторыми внутренними и пограничными городами.

Въ этотъ періодъ времени, Казанью, Астраханью, Пермью управляли военные и гражданскіе начальники или воеводы. Воеводы же управляли и большею частью Сибирскихъ городовъ. Въ Новгородѣ управляли дьяки и иногда намѣстники съ дьяками. При воеводскомъ управленіи въ ихъ рукахъ сосредоточивалось управленіе войсками и вся административная власть. При воеводѣ обыкновенно былъ товарищъ и дьякъ. Въ царскомъ наказѣ писалось: „что бы розни во всякихъ дѣлахъ у нихъ не было, что бы нашему и земскому дѣлу порухи не было“ (А. И. т. I, № 230; Д. А. И. т. I, № 127). Въ ихъ завѣдываніи былъ городъ, пушки и пищали, зелье, свинецъ и всякій пушечный запасъ (ib.). Всѣ военные люди, дѣти боярскіе, стрѣльцы, казаки, также и всѣ жители уѣзда были подчинены воеводѣ, который судилъ и наказывалъ ихъ. Онъ же выбиралъ стрѣльцовъ, давалъ имъ подможныя деньги

(А. И. т. II, № 24 и 26). Въ его рукахъ были писцовыя книги всего уѣзда, онъ распоряжался всѣми казенными землями, оброчными статьями; онъ собиралъ подати и ясаки отъ инородцевъ въ Сибири, раздавалъ оброчныя статьи, — денежное и хлѣбное жалованье; чрезъ него дѣлались отчужденія казенныхъ земель, освобожденіе отъ податей, раздача жалованья (А. И. т. I, № 192; А. И. т. II, № 24 и 26). Строеніе казенныхъ зданій, приготовленіе казенныхъ судовъ для доставки хлѣба въ Сибирскихъ городахъ, казенныя соляныя варницы, — все было на его рукахъ (А. И. т. II, № 39, 40 и 42). Онъ былъ защитникомъ церквей и монастырей и чрезъ него шла руга церквамъ и монастырямъ (А. И. т. II, № 37, 41, 47, 48 и 49). Онъ надзиралъ за торговлею и торговцами, чтобъ не было продажи инородцамъ запрещенныхъ товаровъ и что бы большія промышленники не отбивали торговли у меньшихъ.

Въ Нижнемъ–Новгородѣ все управленіе было въ ружахъ дьяковъ. Правда, иногда ихъ владычество прерывалось назначеніемъ намѣстниковъ, но ихъ правленіе продолжалось не долго, и при томъ дьяки и при управленіи намѣстниковъ не теряли своего вліянія. Даже, во время управленія намѣстниковъ, большая часть грамотъ идутъ на имя дьяковъ. Трудно опредѣлить съ точностію отношенія дьяковъ къ намѣстникамъ. Въ 1555 г., намѣстникомъ въ Новгородѣ былъ князь Полоцкій и товарищемъ его Петръ Щепотовъ, при чемъ дьякамъ было сказано: „что бы они ихъ слушались“— выраженіе, указывающее на подчиненіе. Но въ томъ же году Полоцкой ушолъ на нѣмцовъ, а въ Новгородъ пріѣхалъ Жулебинъ, которому было сказано, что бы онъ съ дьяками всякія дѣла дѣлалъ, какія дѣлали и прочіе намѣстники (Д. А. И. т. I, № 87). Но какъ при князѣ Полоцкомъ и Щеглетевѣ, такъ и при Жулебинѣ, большая часть грамотъ Царя была отправляема прямо къ дьякамъ. Изъ этихъ грамотъ видно, что судебная, административная и финансовая части были вь рукахъ дьяковъ. У нихъ находились писцовыя книги, въ которыхъ точно обозначалось количество и принадлеж-

ность земель въ уѣздѣ; у нихъ были платежныя книги сбора податей. Они сами выбирали сборщиковъ пошлинъ, или подъ ихъ надзоромъ выборные старосты и цѣловальники взыскивали подати и повинности (Д. А. И. т. I, № 57, 59, 83 и 85). Они отдавали на откупъ оброчныя статьи и пошлины при продажѣ товаровъ (ib. № 74 и 95). Выдача жалованья стрѣльцамъ, ямщикамъ шла чрезъ ихъ руки (ib. № 163); составленіе смѣтъ казенныхъ построекъ, приготовленіе и закупка военныхъ снарядовъ (ib. № 72, 82 и 112); отводъ помѣстной земли и былыхъ мѣстъ въ городѣ шелъ чрезъ дьяковъ (ib. № 52 и 101); они производили судъ и расправу по всѣмъ дѣламъ, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что тѣ дѣла, которыя они не могутъ вершить, присылать въ Москву. Такимъ образомъ, даже въ эпоху полнаго развитія самоуправленія, въ окрайныхъ городахъ появляются воеводы, долженствующіе въ слѣдующемъ періодѣ сосредоточить въ своихъ рукахъ все областное управленіе.

ГЛАВА V.

Отношеніе церкви къ обществу и государству.

Какое религіозное направленіе способствуетъ развитію государства, и какое дѣлается тормазомъ общественнаго и государственнаго движенія. — Борьба церкви съ варварскимъ обществомъ. — Характеръ религіозности. — Недостатокъ нравственно-религіознаго просвѣщенія и печальныя слѣдствія этого.—Монастыри.—Причина ихъ быстраго умноженія. — Польза, которую они приносили обществу. — Ихъ внутреннее устройство и управленіе. — Нравы.—Церковное устройство и управленіе. — Центральныя учрежденія епархій.—Провинціальныя учрежденія епархій. — Приходы. — Церковное устройство измѣняется, вмѣстѣ съ государственнымъ устройствомъ.—Способъ избранія и содержанія властей и бѣлаго духовенства.—Образованность священниковъ.—Отношеніе государственной власти къ церкви.

Въ предыдущихъ главахъ я старался показать, какое вліяніе имѣли экономическія условія общества на образованіе общественныхъ классовъ и отношенія ихъ къ верховной власти. Теперь мнѣ предстоитъ другая задача:—опредѣлить значеніе церковнаго вліянія на развитіе общества и государства.

Религіозныя понятія и убѣжденія имѣютъ такое же громадное вліяніе на государственную организацію, какъ и экономическія условія. Церковь, говоря одной изъ глубочайшихъ потребностей человѣческой натуры,—потребности божественнаго освященія формъ своей жизни, владѣетъ громадною нравственною силою. Она вноситъ въ жизнь общества начала, необходимыя для его существованія. Положенія, которыя мы находимъ сгруппированными въ заповѣдяхъ Моисея, также необходимы для существованія государства, какъ не-

обходима для него верховная власть. Самый бѣглый взглядъ на исторію народовъ достаточенъ для подтвержденія этой истины. Когда дикіе, говоритъ Кине, начинаютъ поклоняться одному общему фетишу, они начинаютъ сознавать себя народомъ отличнымъ отъ другихъ народовъ, которые ему не покланяются. Созданіе новой религіи въ древнемъ мірѣ было почти однозначущимъ съ созданіемъ новаго государства. Наконецъ, исторія новыхъ народовъ проходитъ чрезъ теократическій періодъ, когда общество воспитывается подъ исключительнымъ вліяніемъ церкви. Всѣ эти факты прямо показываютъ, что церковь удовлетворяетъ какой нибудь существенной потребности общества, иначе она никогда не достигла бы такого вліянія. И дѣйствительно, ея вліяніе въ первоначальную эпоху народнаго развитія имѣетъ свои законныя основанія. Въ этотъ періодъ варварства одна только церковь является представительницей умственныхъ и нравственныхъ интересовъ; она одна только говоритъ тогда во имя правды, среди общества, гдѣ господствуетъ грубая сила.

Но если церковь, во многихъ отношеніяхъ, является элементомъ просвѣтительнымъ, является представительницей прогресса, то все таки она не ставитъ прогрессъ и просвѣщеніе общества своею прямою цѣлью, въ чемъ ея вліяніе разнится отъ вліянія науки. Въ религіи всегда есть моральная доктрина, усвоеніе которой способствуетъ развитію общества, но, рядомъ съ моральными обязанностями, она выставляетъ и такія, исполненіе которыхъ нисколько не способствуетъ моральному совершенству общества. Если, съ одной стороны, ни одна религія не можетъ отказаться отъ моральнаго элемента, не переставъ быть религіей, то, съ другой стороны, она можетъ до такой степени выдвинуть на первый планъ исполненіе обязанностей, совершенно не имѣющихъ нравственнаго значенія, что за ними скроются нравственныя идеи, во имя которыхъ она создавалась. Въ отношеніи характера, вліяніе церкви на общество и государство, самое важное значеніе будетъ имѣть фактъ преобладанія той или другой стороны религіи. Объявляя нѣкоторыя идеи и дѣй-

ствія религіозно-обязательными, она имѣетъ прямое вліяніе на образованіе характера отдѣльныхъ лицъ и общества... Если религія будетъ требовать стремленія къ нравственному совершенству, какъ исполненію первой религіозной обязанности, то подъ вліяніемъ этой идеи преобразуется общество и государство; тогда религія сдѣлается пособницей общественнаго развитія, потому что, воспитанный подъ такимъ религіознымъ вліяніемъ, человѣкъ переноситъ тѣ-же требованія прогресса и справедливости въ государственной жизни. Но если, наоборотъ, общество, добросовѣстно исполняя внѣшнія религіозныя предписанія, изгоняетъ изъ своихъ религіозныхъ стремленій мысль о нравственномъ совершенствованіи, то такая религіозность гибельно отразится на общественномъ и государственномъ развитіи. Воспитываясь въ рабской зависимости буквы, а не смысла религіи, человѣкъ дѣлается робкимъ, боязливымъ; онъ не умѣетъ отличить, что требуетъ религія и что требуетъ обычай. Мало по малу вся обстановка его жизни принимаетъ религіозное освященіе; форма его одежды, борода, нравы и обычаи, принимаютъ характеръ религіознаго догмата. Если общество пойдетъ по этой гладкой дорогѣ, тогда все общественное и государственное развитіе должно остановиться; общество замираетъ навсегда, хотя бы оно просуществовало послѣ этого момента еще нѣсколько тысячелѣтій, какъ существовали Индія или Египетъ. Только европейскіе народы съумѣли преодолѣть это затрудненіе, тогда какъ азіятскіе народы погибли, не умѣя побѣдить его. Но, чѣмъ большая опасность грозила съ этой стороны, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ мы должны изучать явленія религіозно-нравственной жизни общества, чтобы эти явленія не повторялись. Обратимся къ изученію религіознаго направленія общества въ XVI вѣкѣ.

Христіанской церкви у насъ, какъ и вездѣ, предстояло бороться съ грубымъ, варварскимъ обществомъ. Грубая чувственность, обнаруживающаяся открытымъ развратомъ и многоженствомъ, самое дикое злоупотребленіе силой, воровство, грабежи, разбои были обыкновеннымъ явленіемъ. Митропо-

литъ Іоаннъ разсказываетъ въ своемъ посланіи къ Вятчанамъ ужасныя дѣянія: „Вы раззоряете церкви, говоритъ онъ, и грабите все церковное имущество, какъ колокола, книги, ризы; недавно вы напали на владѣнія Великаго Князя, людей его перебили и перемучили, переморили голодомъ, иныхъ бросили въ воду; старцевъ, мужей и дѣтей запирали въ избы и сожигали, дѣтей сажали на колъ и умерщвляли“ (А. И. т. I, № 261). Митрополитъ Макарій писалъ къ ратникамъ Казани: „Вы безумно преступаете законъ, живя и творя содомское, скаредное, богомерзкое дѣло съ молодыми юношами. Вы оскверняете освобожденныхъ плѣнниковъ, благообразныхъ женъ и дѣвицъ“ (А. И. т. I, № 159). При отсутствіи образованія, нравственныхъ идей, пьянство и срамословіе были единственными удовольствіями общества. Если мы поймемъ это состояніе общества, то безъ сомнѣнія мы увидимъ, что слова того же Макарія къ Казанцамъ, были исполнены идей, совершенно незнакомыхъ ему. „Внимайте, чада, чего Богъ отъ насъ требуетъ? Онъ не требуетъ ничего другаго, кромѣ соблюденія заповѣдей (заповѣди его не трудны), соблюденія правды и истины, теплой и непорочной вѣры къ Нему, милости, мира и нелицемѣрной любви ко всѣмъ, праведнаго суда, заступленія бѣдныхъ, освобожденія плѣнныхъ, душевной и тѣлесной чистоты. Соблюдайте всегда душевную и тѣлесную чистоту, вспоминая страшное пришествіе Христово; болѣе всего воздерживайтесь отъ объяденія и пьянства, отъ всякаго непотребнаго глумленія и не дѣлайте ничего, чтобы вамъ самимъ было не пріятно, если бы кто нибудь сдѣлалъ это“ (А. И. т. I, № 159).

Къ сожалѣнію, эти свѣтлыя идеи были недоступны большей части пастырей церкви. Члены церкви, взятые изъ того же грубаго общества, не въ состояніи были понять значенія нравственной стороны религіи и вносили въ жизнь узкія религіозныя понятія. Образованіе общества было исключительно богословскимъ, потому что свѣтская наука еще не появлялась и единственный классъ, имѣющій какое нибудь образованіе, былъ все–таки духовенство. Подъ его вліяніемъ воспи-

тались высшіе классы общества, которые по своимъ экономическимъ условіямъ могли пожертвовать частью времени и денежныхъ средствъ на свое образованіе. Заглянемъ въ Домострой и посмотримъ какой характеръ носило это религіозное образованіе.

Всякій христіанинъ, говоритъ Сильвестръ, долженъ имѣть иконы во всѣхъ комнатахъ и ставить ихъ на лавкахъ украсивъ благолѣпно и поставивъ передъ ними свѣтильники, которые нужно зажигать всегда, когда будешь славословить Господа. Послѣ пѣнія, свѣтильники загасить и образа завѣшать, чтобы предохранить ихъ отъ пыли и всякой нечистоты. Въ церковь Божію всегда приходить съ вѣрою и приношеніемъ, со свѣчею, просфорою, фиміамомъ, ладаномъ, кутьею и милостынею (Дом. стр. 8). Всякій день вечеромъ мужъ, жена и дѣти и домочадцы, собравшись вмѣстѣ, должны отпѣть вечерню, повечерницу, полуночницу съ молчаніемъ, вниманіемъ, поклонами и молитвою. Пѣть всѣмъ внятно и единогласно. Послѣ правила, отнюдь не пить и не ѣсть, ложась спать, всякому христіанину нужно положить по три земныхъ поклона. Всегда молиться за Царя, Царицу и дѣтей ихъ. Утромъ, вставши, отпѣть заутреню и часы, а въ праздникъ молебенъ. Всегда должно держать въ рукахъ четки и постоянно, въ церкви и дома, въ торгъ идя и стоя на всякомъ мѣстѣ, говорить молитву: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Эту молитву нужно сказать 600 разъ, а седьмое сто молитву Богородицѣ. Кто такъ дѣлаетъ, въ него вселяется въ первый годъ Іисусъ Христосъ, во 2-й—Духъ Святой, въ третій—Богъ Отецъ. Съ молитвой цѣлуй крестъ, чудотворные образа и многоцѣлебныя мощи; помолившись, поцѣлуй перекрестясь, стараясь удержать въ себѣ духъ, не открывая губъ. Если благословитъ Богъ причащаться Св. Тайнъ, то когда принимаешь лжицу отъ іерея, принимай ея бережно, не верти губами и сложи руки крестообразно. Если будешъ кушать просфору, то смотри чтобы не уронить на землю крохъ и, кушая ее, не трогай зубами, какъ простой хлѣбъ, но, раздѣли на маленькія

кусочки, ѣшь губами и не чавкай (Дом. стр. 4). Посты соблюдались съ удивительною строгостію. Въ продолженіи Великаго поста, нѣкоторые принимали пищу только въ субботу и воскресенье. Весьма многіе довольствовались кускомъ хлѣба въ понедѣльникъ, среду и пятницу (Герб. стр. 66). Самые образованные люди общества, какъ Курбскій, Іоаннъ IV, были постники. Святая вода имѣла важное значеніе въ жизни, отъ Богоявленія обыкновенно сохраняли воду для очищенія и омовенія самыхъ тяжкихъ грѣховъ (Гербер. стр. 63).

Казалось, съ этой стороны, религіозность такъ привилась къ высшему обществу, что ничего не оставалось желать. Но если мы обратимся къ нравственно-религіознымъ идеаламъ христіанской церкви, то намъ откроется совершенно другая сторона. Для самыхъ умныхъ и развитыхъ людей общества, нравственная сторона христіанства была не понятна. Сильвестръ разсказываетъ любопытные факты о своихъ сношеніяхъ съ Башкинымъ. Протопопъ Семенъ (священникъ Благовѣщенскаго собора послѣ Сильвестра), мнѣ сказывалъ, говоритъ онъ, на Петровъ постъ, во время заутрени: „приходитъ ко мнѣ сынъ духовный необыченъ и великими клятвами меня умолялъ себя исповѣдать въ великій постъ, задавалъ мнѣ многіе вопросы недоуменные и требовалъ отъ меня поученія. Я отвѣчалъ ему недоумѣвая и сомнѣваясь о немъ. Башкинъ ему говорилъ на исповѣди: „великое дѣло ваше, потому что написано, что нѣтъ болѣе любви, чѣмъ положить душу свою за други своя: въ Апостолѣ, продолжалъ Башкинъ, сказано: „весь законъ въ словеси скончевается: возлюби искренняго твоего, яко самъ себя“. Такіе вопросы были такъ необычайны для Благовѣщенскаго протопопа, что они ему показались развратны. Онъ отсылаетъ Башкина къ Сильвестру и говоритъ ему: „ты де, пожалуй, поговори съ Сильвестромъ и онъ тебѣ скажетъ, а ты тѣмъ пользуй душу свою; по правдѣ тебѣ сказать, мнѣ некогда съ тобой видаться; въ суетѣ мірской ни день ни ночь покоя не знаешь (А. А. Э. т. I, № 238, стр. III и IV). Въ цѣломъ Домостроѣ нѣтъ и помину объ этой нравственной сторонѣ хри-

*

стіанства. Большинство не только не понимало этой нравственной стороны христіанства, но оно боялось религіозной мысли, какъ ереси. (Гербер. стр. 17). На Стоглавомъ соборѣ было положено: „повѣстей бы излишнихъ и мірскихъ бесѣдъ въ церквахъ не говорить.“ (А. Ю. т. I, № 155, стр. 277).

Слѣдствія этого направленія не замедлили выказаться въ бѣдности религіозной мысли. Какой то Нифонтъ спрашиваетъ отвѣта у Кирила Новогородскаго на тѣ религіозные вопросы, которые ему кажутся важны: Что должно дѣлать по душѣ покойника? Отв. Должно дать одну гривну за 5 обѣденъ съ куреньемъ, хлѣбами и вареной пищей, что называется кутьей. Далѣе, шли слѣдующіе вопросы: можно ли въ праздники убивать птицъ; при освященіи кутьи сколько нужно зажигать свѣчей; какъ дѣлать кутью; можно ли входить въ жилище родильницы; можно ли хоронить послѣ заката солнца; можно ли ѣсть молоко коровы, когда она отелится; можно ли допустить къ Святому Таинству того, кто съ какой нибудь женщиной зачалъ съ одного раза; можно ли женщинѣ пользоваться совѣтомъ старухъ, чтобы имѣть плодъ (Герб. стр. 57 и 56).

Дойдя до такой бѣдности мысли, общество наконецъ начало считать религіозно-важными такіе предметы, которые совершенно къ религіи не относятся. Царь Иванъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей общества, спрашиваетъ на соборѣ, правильно ли дѣлаютъ нѣкоторые, зовущіе себя христіанами и, между тѣмъ, въ тридцать лѣтъ брѣютъ бороду, подкусываютъ усы и носятъ платье иновѣрныхъ земель. Соборъ отвѣчаетъ: Священное писаніе возбраняетъ брить бороду и подстригать усы, какъ дѣлаютъ не православные, а еретики католики; кто брѣетъ бороду и усы, тотъ недостоинъ, чтобы надъ нимъ служили панихиду и горѣли свѣчи (Стог. стр. 52). Ѣсть тетеревей и дѣлать колбасы было запрещено, подъ страхомъ отлученія отъ церкви. Ѣсть съ иновѣрцами величайшій грѣхъ. Купцы, отправляющіеся въ чужія страны, должны подвергаться покаянію (Гербер. стр. 54).

Если такова была религіозность высшихъ классовъ, можно себѣ представить, чѣмъ она дѣлалась у простаго народа. По погостамъ и селамъ, говоритъ Стоглавъ, бродятъ лживые пророки, мужики, женки, дѣвки, старыя бабы, распустивъ волосы. Они трясутся, истязаютъ себя и сказываютъ, что имъ является святая Пятница и велитъ имъ проповѣдывать, чтобы по средамъ и пятницамъ не дѣлали никто ручнаго дѣла. На канунѣ Рождества, Іоанна Предтечи и Богоявленія сходятся мужики, женки и дѣвки и начинается плясъ, богомерзкія дѣла, сопровождающіяся оскверненіемъ отроковъ и разстлѣніемъ дѣвъ (Ст. 4 г.).

Религія и суевѣріе шли рука объ руку, не думая противорѣчить. Напримѣръ, нашептывали на просфоры, сорочки новорожденныхъ клали подъ престолъ, въ Великій четвергъ палили солому, кликали мертвыхъ и т. д. Какъ мало въ крестьянскую среду проникалъ свѣтъ христіанской нравственности, можно судить по слѣдующему мѣсту Судебника: „Многіе люди лгутъ семьями и заговоры великими; иные говорятъ по ищеѣ, иные по отвѣтчикѣ, и по тѣмъ по лживымъ обыскомъ посылаютъ въ другорядь обыскивати, ино тѣ жъ люди говорятъ иныя рѣчи" (Судеб. А. И. т. I, стр. 254). Государь приказалъ прокликать по торгамъ, чтобы православные христіане во лжи не клялись и на кривѣ креста не цѣловали, и иными не подобными клятвами не клялись, и матерно бы не лаялись, и отцемъ и матерью скверными рѣчами другъ друга не упрекали, а бородъ не брили, усовъ не осѣкали, къ волхвамъ и чародѣямъ не ходили (А. И. т. I, № 134, стр. 252).

Идя по этому пути, расколъ былъ еще меньшее зло, которое насъ постигло. Если бы мы были въ такой мѣрѣ безопасны отъ сосѣдства другихъ народовъ, что могли бы ослабить элементъ государственной власти, тогда, быть можетъ, наше общество навсегда погибло бы, сдѣлавшись теократіей. Изъ него вышла бы, быть можетъ, новая Индія или Китай. Изъ этой нравственной пропасти насъ спасло умственно-религіозное движеніе, которое возникло, какъ реакція противъ

мертвящей обрядности. Церковь и государство подавили многія смѣлыя идеи, которыя были высказаны людьми новаго религіозно-нравственнаго направленія; но многія идеи, благотворно принятыя впослѣдствіи въ нѣдра церкви, были впервые высказаны обществу и церкви людьми, которые сами пострадали за смѣлость религіозной мысли.

Смѣлая рѣчь Грознаго Царя на Стоглавомъ соборѣ, религіозныя злоупотребленія, на которыя онъ указываетъ, были только повтореніемъ тѣхъ идей, которыя высказывали религіозные радикалы. Въ слѣдующей главѣ мы познакомимся съ ходомъ и значеніемъ этого умственно-религіознаго движенія. Мы увидимъ какъ близки были къ престолу эти радикалы, какъ откровенно и прямо они высказывали свои идеи. Теперь мы обратимся къ религіознымъ установленіямъ, устройству и управленію церковью и ея отношеніямъ къ государству.

Какъ трудно понять благодѣтельное вліяніе религіозныхъ идей отъ извращенія ихъ грубымъ обществомъ, это мы видѣли выше; таже трудность будетъ преслѣдовать насъ при изученіи религіозныхъ установленій, каковы были монастыри. Монастыри растутъ быстро въ это время; съ 1420 по 1500 г., было основано до 50 монастырей, а съ 1500 по 1588 г., было вновь воздвигнуто болѣе 65 монастырей (Ист. Цер. Филар. Отд. III, стр. 163, примѣч. 362). Созиданіе монастырей сдѣлалось модой. Іоаннъ IV жалуется на соборѣ, что монастыри создаются не Бога ради, но по тщеславію рода и гордости, изъ угожденія женамъ. Нѣкоторые строятъ монастыри отъ сновъ смущаемые (Стогл., стр. 246). Если какая нибудь идея сдѣлается модной, то это вѣрный признакъ, что она отвѣчаетъ потребностямъ времени. Дѣйствительно, уединяясь въ пустыни отъ варварскаго общества, предаваясь религіознымъ размышленіямъ, человѣкъ удовлетворялъ пробуждающимся нравственнымъ потребностямъ. Самая созерцательная жизнь была полезнымъ нововведеніемъ въ варварскомъ обществѣ, не говоря уже о томъ, что монастыри приносили съ собою въ глушь пустынь, куда не про-

никалъ лучъ мысли, религiозныя истины, грамотность, даже образованiе. Безъ монастырей жители отдаленныхъ отъ Москвы уѣздовъ были бы совершенно лишены цивилизующаго влiянiя религiозныхъ истинъ. Даже какъ хозяйственныя учрежденiя, монастыри приносили пользу, потому что несомнѣнно монастырскiе крестьяне управлялись лучше, чѣмъ крестьяне всѣхъ другихъ родовъ. Но, съ другой стороны, монастыри болѣе чѣмъ всякiя другiя религiозныя установленiя сталкивались съ грубостiю общества и его нравы здѣсь болѣе отражались въ ихъ жизни. Если нѣкоторыя личности въ состоянiи были отрѣшиться отъ той среды, изъ которой они вышли, то это было невозможно для цѣлой массы лицъ, изъ которыхъ состояли монастыри.

Эта масса должна была дѣйствовать подавляющимъ образомъ на тѣ немногiя личности, которыя безкорыстно увлекались аскетическими идеалами и не искали въ монастыряхъ роскошной жизни и почета. Такiя лица, мечтавшiя объ идеальныхъ монастыряхъ, какъ Максимъ Грекъ, Вассiанъ Косой, кончили жизнь въ темныхъ подвалахъ монастырей, безъ Св. Причастiя и духовнаго утѣшенiя.

Главными причинами быстраго роста монастырей было убѣжденiе общества, что монахамъ легче достигнуть царствiя небеснаго, чѣмъ мирянамъ. Главною причиною ихъ богатствъ было убѣжденiе, что поминовенiе по усопшимъ въ монастыряхъ облегчаетъ доступъ въ царство небесное. Въ монастыри стремятся цари и бояре предъ смертiю, чтобы принять иночество. Съ тою же цѣлiю строются монастыри въ отдаленныхъ уѣздахъ. Жители Хлынова просятъ основать монастырь, „потому что Вятскiе города отъ Москвы удалены, а монастыря у нихъ во всей землѣ нѣтъ и сверстнымъ и увѣчнымъ людямъ постричься негдѣ, а сверстные и увѣчные люди у насъ при смерти постричься желаютъ“ (А. А. Э т. 1, № 305).

Монастыри строились на владѣльческихъ и государственныхъ земляхъ и, сначала, принадлежность земли опредѣляла принадлежность монастыря. „Такъ у князя Василiя Яросла-

вича въ отчинѣ былъ Сергіевъ монастырь, а у князя у Александра Ѳедоровича Ярославскаго былъ въ вотчинѣ Каменскій монастырь, а у князей Засѣкиныхъ былъ въ вотчинѣ монастырь Пречистыя, иже на Тользѣ".

Также строились монастыри на земляхъ архіепископовъ (А. И. т. I, № 197).

Такіе собственники поступали иногда съ монастырями, какъ съ доходною статьей. Князь Ѳедоръ Борисовичъ Ярославскій вступался во все: иное бралъ даромъ, иное за полцѣны, а когда монахи возставали противъ этого грабежа, онъ выразилъ: „воленъ-де государь въ своихъ монастыряхъ, хочетъ жалуетъ, хочетъ грабитъ". Въ этихъ случаяхъ, монахи обращались съ просьбами о защитѣ къ государю и государь бралъ монастыри въ свое завѣдываніе (Д. Р. В. т. XIV, стр. 177 и слѣдующ.). Иные монастыри строились съ разрѣшенія государя и получали отъ него земли, съ правомъ призывать себѣ крестьянъ и судить ихъ (А. И. т. I, № 147: А. А. Э. т. I, № 208); нѣкоторые монастыри не имѣли земель, а жили доходами съ соляныхъ варницъ, рыбныхъ ловлей (А. А. Э. т. II, № 210). Муромскій Благовѣщенскій монастырь жилъ доходами съ двухъ озерковъ. Хотя земля, отданная для постройки монастыря, дѣлалась вотчиной, потому что къ монастырскому владѣнію нельзя было, безъ большихъ натяжекъ, приложить принципы помѣстнаго права, однако частыя вмѣшательства Царя въ жизнь монастыря, назначеніе настоятелей и архимандритовъ, описи монастырскихъ имуществъ, едва ли не вытекали изъ понятія верховной принадлежности монастырскихъ земель государю.

Владѣнія монастырей были чрезвычайно различны; начиная отъ огромнаго богатства, они доходили до крайней бѣдности. Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь имѣлъ 4 села и 469 деревень; въ немъ было 400 братьевъ (А. И. т. I, №№ 163 и 214). Важицкій монастырь 2²/₃ сохи, т. е. до 700 десятинъ (А. Ю. №№ 209, стр. 219); Костромскій Ипатьевскій 825 десятинъ (А. Ю. № 214); Ѳедоровскій 120 десятинъ (А. Ю. № 209, стр. 220). Но множество монастырей были совершенно бѣдны;

имъ давалась, какъ милость, мельница въ 1 рубль оброка или пожня въ $1\frac{1}{2}$ руб. оброка (А. А. Э. т. I, № 249). Число братьевъ въ такихъ монастыряхъ доходило до 2-хъ и 3-хъ человѣкъ, а иногда и всѣ монахи уходили въ болѣе богатые монастыри (А. И. т. I, № 233).

Многіе монастыри имѣли ругу. На Стоглавомъ соборѣ объ этомъ разсказывалъ самъ Царь: „Отецъ мой Великій Князь Василій Іоанновичъ ѣздилъ по богатымъ и убогимъ монастырямъ и давалъ милостыни: хлѣбъ, деньги, воскъ на свѣчи, медъ на кутью, пшеницу на просфоры. Послѣ сего мать моя дѣлала милости монастырямъ. Послѣ матери моей, во время моего малолѣтства, многіе монастыри поимали грамоты на полученіе руги, и такія грамоты часто получали такіе монастыри, у которыхъ есть села и иные доходы (Стогл.).

Монастырь починался очень просто. Какой нибудь пустынникъ закладывалъ церковь, и потомъ обращался съ просьбою къ Царю, боярамъ или просто богатымъ людямъ, чтобъ они дали ему земель, рыбныхъ ловлей, угодій. Дальнѣйшій ростъ монастыря, чѣмъ нибудь сдѣлавшагося знаменитымъ, идетъ неудержимо, помогаемый общею наклонностію общества. Всеобщее убѣжденіе въ громадной важности для спасенія души поминовенія послѣ смерти братіею монастыря, приноситъ монастырямъ громадные доходы. Жалованныя грамоты монастырю писались въ такомъ родѣ. Князь Юрій даетъ Срѣтенскому монастырю деревни, по душѣ, въ сорокоустъ, въ вѣчный поминокъ, въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ съ тѣмъ, чтобы поминали князя на литіяхъ и панихидахъ и за проскуромисаньемъ докуда міръ стоитъ, да кромѣ того давали бы четыре корма большихъ: на представленіе князя, его имянины и два Егорьина дни. Въ эти дни приглашали бы нищихъ, сколько ихъ ни случится (А. Ю. № 120 и 131).

Ѣдетъ Государь въ походъ и посылаетъ милостыни по монастырямъ, „чтобы они прилежно молили Господа Бога и Пречестную Его Богоматерь и Великихъ Чудотворцевъ въ церквахъ, молебны пѣли и обѣдни служили не по одинъ день, а въ кельяхъ особнѣ“ (А. А. Э. т. I, № 212).

Богатый монастырь ссужаетъ нуждающагося боярина или сына боярскаго деньгами за проценты, подъ залогъ имѣнія; если должникъ не вносилъ въ срокъ, то монастырь отбиралъ вотчины, а иногда даже и помѣстья, и называлъ ихъ своими (А. А. Э. т. I, № 227). Писцы, при перепискѣ тяглыхъ земель, норовили богатому монастырю и приписывали ему лишніе дворы.

Но богатства монастырей состояли не столько въ количествѣ земель, сколько въ привилегіяхъ, которыя удесятеряли эти богатства. Нѣкоторые монастыри были совершенно освобождены отъ даней и повинностей (А. И. т. I, № 188 и 222; А. А. Э. т. I, № 299 и др.). Большинство монастырей платило только нѣкоторые налоги, какъ ямскія, полоняничныя деньги и исполняло посошную службу (многоч. жал. гр. Акт. ист. и Арх. Эксп.). Многіе монастыри освобождались отъ пошлинъ при провозѣ монастырскихъ товаровъ (А. А. Э. т. I, №№ 222, 266, 272, 300 и др.), отъ пошлинъ при покупкѣ товаровъ на монастырскій обиходъ (А. А. Э. т. I, №№ 252, 271, 272 и 355); монастырямъ дозволялось строить свои анбары и дворы въ городахъ (А. А. Э. т. I, №№ 323, 328 и 352); имъ давались безпошлинныя рыбныя ловли (А. А. Э. т. I, № 339); сборъ таможенныхъ пошлинъ (ib. №№ 342 и 363). Монастыри управляли своими крестьянами и судили ихъ, какъ мы видѣли выше.

Видъ монастыря соотвѣтствовалъ его богатству и значенію. Монастырь бывалъ обнесенъ обыкновенно каменною или деревянною стѣною. Внутри стѣнъ стояли церкви, кельи монаховъ, погреба, ледники, поварни, сушильни, лошади на конюшемъ дворѣ, коровы на воловьемъ дворѣ, анбары съ разнымъ хлѣбомъ (А. А. Э. т. I, № 337). Въ церквахъ богатыхъ монастырей иконы были обложены золотомъ и жемчугомъ, а въ бѣдныхъ монастыряхъ даже церковные сосуды были деревянныя, а ризы холщевыя (А. И. т. I, № 158). Истиннымъ богатствомъ монастырей были библіотеки; даже въ бѣдномъ монастырѣ бывало до 50 книгъ (А. И. т. I, № 158).

Монастырь обыкновенно управлялся игуменомъ или архимандритомъ; кромѣ этого, въ немъ были слѣдующіе чиновники: казначей, завѣдывающій монастырской казной, келарь, завѣдывающій всѣмъ имуществомъ, подкеларникъ, его помощникъ, конюшій, чашникъ, поваренной, калачникъ, ризничій, библіотекарь, которыхъ обязанности видны изъ названія должности. Кромѣ этого, братья-клирошане, будильникъ, уставщикъ, служители больницъ. Вся братія раздѣлялась на соборныхъ старцевъ и рядовыхъ монаховъ (А. И. т. I, № 212). Соборными старцами назывались полноправные монахи, которые участвовали на совѣщаніяхъ о всѣхъ монастырскихъ дѣлахъ, гдѣ не присутствовали рядовые. Всѣ важныя дѣла рѣшались общимъ совѣтомъ (А. А. Э. т. I, № 268). На этихъ соборныхъ засѣданіяхъ опредѣлялись всѣ подробности управленія монастырскими селами; такъ, напримѣръ, здѣсь назначались прикащики, опредѣлялись судебныя пошлины, монастырская запашка, крестьянскіе оброки, льготы вновь поселяющимся крестьянамъ (Уст. гр. А. А. Э. т. I, №№ 221, 244, 255, 258, 268, 317 и др.).

Въ жизни монастыря, какъ я говорилъ выше, отражалась, какъ въ зеркалѣ, жизнь общества. Іоаннъ IV такъ рисуетъ идеалъ монашества, иронизируя жизнь монаховъ Кириллова монастыря. „Воспитавшись отъ младыхъ ногтей въ постѣ, отъ поста умираютъ; любя Бога, избѣгаютъ людей; проводя жизнь въ уединеніи и безмолвіи, удаляясь отъ городскихъ плитъ, удручая тѣло свое острымъ вретищемъ, связавъ жесткимъ поясомъ свои чреслы, вдавивъ свое тѣло внутрь, вы ослабили даже хребетныя кости; вы отвергли вкусныя явства, такъ что кожа вдавилась внутрь и прилипла къ бѣднымъ костямъ; вы оставили всякія земныя попеченія, неяденіемъ изсушили кости и придавили желудокъ ребреными костями, какъ будто кровомъ, осѣняющимъ нижнія части тѣла; молясь по ночамъ, вы въ слезахъ обмакиваете бороды свои“ (А. И. т. I, № 204). На Стоглавомъ соборѣ Царь мрачно рисуетъ настоящую монастырскую жизнь. Очень вѣроятно, что увлекаясь, Царь слишкомъ обобщаетъ факты и даетъ имъ

другую окраску, но во всякомъ случаѣ въ этой картинѣ должны быть дѣйствительныя черты. „Въ монастыряхъ, говоритъ онъ, чернецы и черницы постригаются не для спасенія души, но для покоя, чтобы всегда бражничать и ѣздить по селамъ для прохлады (см. стр. 44). По міру чернецы и черницы ходятъ по дворамъ съ образами и просятъ милостыни на торгу, по селамъ и улицамъ, да въ городахъ тягаются о монастырскихъ земляхъ (ib. ст. 45 и 48). По всѣмъ монастырямъ игумены и монахи безмѣрно пьянствуютъ. Какой нибудь старецъ поставитъ келью въ лѣсу, или срубитъ церковь и пойдетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе; у меня проситъ руги, а все что соберетъ пропиваетъ. У насъ на Москвѣ, да и во всѣхъ городахъ, есть отдѣльные монастыри, гдѣ живетъ игуменъ, да съ нимъ чернеца два или три, да тутъ же съ ними міряне съ женками; въ нѣкоторыхъ монастыряхъ даже чернецы и черницы живутъ вмѣстѣ, тогда какъ убогіе чернецы скитаются по міру, не находя себѣ пріюта“ (ст. 57).

Архимандриты и игумены тратятъ большія деньги, чтобы получить власть, а получивъ ее не отправляютъ божественной службы, не ходятъ за общія трепезы, а наслаждаются въ своихъ кельяхъ съ гостями; по кельямъ ходятъ женки и дѣвки; молодые ребята по всѣмъ кельямъ живутъ не возбранно и по селамъ ѣздятъ съ чернецами безъ всякаго стыда. Архимандриты помѣщаютъ по селамъ своихъ племянниковъ на всемъ монастырскомъ содержаніи, а они опустошаютъ монастыри да изводятъ старыхъ слугъ и вкладчиковъ. Монастырями управляютъ одни архимандриты и игумены безъ соборныхъ старцовъ, а подъ ихъ управленіемъ племянники и прикащики села и деревни чинятъ пусты. Священники и братія бѣдны, алчны, жадны, постоянно недовольны и полны желаній, истощаютъ монастырское богатство съ своей родней, племянниками и гостьми (ib. № 44).

На соборѣ было запрещено имѣть въ монастыряхъ водку, но если есть фряжское вино, то пить во славу Божію, а не въ пьянство. А то у насъ такой обычай, говоритъ Стоглавъ,

что если пьютъ вино, то не могутъ воздержаться и напиваются до пьяна, а не такъ какъ повелѣваютъ святые отцы, по одной или по двѣ чаши; у насъ одна только мѣра есть: пить, пока пьяны будемъ (Ст. стр. 176). Соборъ не рѣшался установить строгаго соблюденія общей трапезы, по просьбѣ митрополита Іосифа, ради богатыхъ вкладчиковъ, которыхъ было бы не ловко подводить подъ общую мѣрку. Такими богатыми вкладчиками были бояра, постригающіеся въ монастыри. Бояра Шереметьевъ и Хабаровъ, постригшись въ Кирилловъ монастырь, ввели, по выраженію Іоанна, свой уставъ. У Шереметьева за монастыремъ были выстроены свои поварни и анбары.

Отношенія игумена къ братіи были часто беззаконны выше мѣры, въ особенности, если они согласятся дѣйствовать за одно съ соборными старцами. Мостицкій игуменъ, которому Государь далъ 2,100 рублей, отдалъ эти деньги въ ростъ тайно отъ братіи, по совѣту съ соборными старцами. Одинъ чернецъ, отправляясь въ Москву за полученіемъ недоданной руги, въ количествѣ пятидесяти рублей, донесъ объ этомъ Государю, за то его въ монастырѣ посадили на цѣпь, пробитую сквозь стѣну, какъ видно изъ его доноса Государю; что въ этомъ доносѣ было справедливо и что ложно объ этомъ трудно судить, потому что чернецъ очевидно былъ золъ на игумена: онъ доносилъ, напримѣръ, что игуменъ держитъ въ коробѣ мощи и жемчугъ, не прикладываетъ къ образамъ, въ надеждѣ раздѣлить съ братіею (А. И. т. I, № 242). Конечно, между монахами было много настоящихъ постниковъ по идеалу Іоанна IV, но это были всетаки исключенія, не составляющія общаго правила. Уставы Троицкаго Сергіевскаго монастыря показываютъ что пища въ монастыряхъ была далеко лучше, чѣмъ та, которою въ это время могли пользоваться дѣти боярскіе. Въ праздники, которыхъ было въ сентябрѣ 12, ноябрѣ 13, декабрѣ 12, январѣ 13 и т. д. онѣ ѣли рыбу, калачи, икру, медъ, оладьи, пироги сиговые, лососи поджареные и т. д. Тоже было и въ Тихвинскомъ монастырѣ (А. И. т. I, № 135).

При такомъ богатствѣ нужно удивляться не тому, что число монаховъ возрастало, но что оно не возрастало еще быстрѣе. Это объясняется тѣмъ, что для постриженія въ монастырь нужно было вложить большой вкладъ, который иногда дѣлился между братіею (А. И. т. I, № 181). Вкладчики заключали съ монастыремъ условія, по которымъ монастырь обязывался принять вкладчика въ число монаховъ (А. Ю. № № 128, 124).

Приводя всѣ эти факты, я всетаки не думаю, что монастыри приносили мало пользы для этого общества. Какъ я уже говорилъ, значеніе общественныхъ явленій необходимо разсматривать въ связи съ исторіей общества. Монастыри естественно не могли разомъ измѣнить человѣка, воспитаннаго въ грубомъ обществѣ и разомъ навязать ему свои идеалы. На монастыряхъ должны были отразиться нравы общества. Если насъ поражаютъ пороки въ жизни монаховъ, гдѣ люди находились подъ вліяніемъ религіозной идеи, то можно себѣ представить, каковы они были за стѣнами монастыря. Я нисколько не согласенъ съ мнѣніемъ Прав. Макарія, который говоритъ, что это было временное уклоненіе въ жизни монастырей въ XVI вѣкѣ. Наоборотъ, я думаю, что XVI вѣкъ былъ вѣкомъ религіознаго возбужденія. Если въ предыдущіе вѣка не говорятъ такъ рѣзко объ уклоненіяхъ монастырской жизни, то это происходитъ не потому, что этихъ уклоненій не было, но просто потому, что общество не замѣчало ихъ, такъ какъ оно не отдавало себѣ отчета въ томъ, что требовало христіанство. Если теперь рѣзко выставляются недостатки монастырской жизни, то это только показываетъ, что религіозный духъ общества проснулся и началъ измѣрять дѣйствительность, сообразно идеалу. Смотря на вещи съ этой точки зрѣнія, естественно многое въ показаніяхъ Іоанна было преувеличеннымъ, потому что онѣ выставляются со страстію человѣка, который хотѣлъ бы измѣрять дѣйствительность, сообразно съ созданнымъ имъ идеаломъ.

Обратимся теперь къ управленію церкви и ея отношеніямъ къ государственной власти.

Церковь, какъ и всякое общественное учрежденіе, всегда находится подъ вліяніемъ тѣхъ идей и порядковъ, которыми живетъ и гражданское общество. Измѣненія въ идеяхъ общества и его гражданскихъ порядкахъ тотчасъ отражаются на организаціи и управленіи церкви, что мы и увидимъ на исторіи измѣненій церковной организаціи этого времени.

Какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ устройствѣ вторая половина XVI столѣтія рѣзко отличается отъ первой его половины, при чемъ церковное устройство какъ въ первой, такъ и во второй половинѣ имѣло разительное сходство съ гражданскимъ. Разсмотримъ сначала церковное устройство первой половины XVI вѣка.

Въ началѣ царствованія Іоанна IV, судя по лицамъ, явившимся на соборъ 1551 года, существовало 9 епархій съ престольными городами въ Москвѣ, Новгородѣ, Ростовѣ, Вологдѣ, Суздалѣ, Рязани, Смоленскѣ, Коломнѣ, Сарскѣ, Перми. Изъ числа всѣхъ этихъ епархій въ одной Москвѣ былъ митрополитъ, а въ прочихъ епископы.

Каждая епархія составляла какъ бы отдѣльное цѣлое и имѣла особыя центральныя и особыя мѣстныя учрежденія. Центральнымъ учрежденіемъ епархіи былъ епископскій приказъ, бывшій въ томъ городѣ, гдѣ жилъ епископъ. Въ областномъ отношеніи всякая епархія дѣлилась на десятины, состоящія подъ управленіемъ десятниковъ, недѣльщиковъ, тіуновъ.

Какъ гражданское управленіе этого времени было построено на частномъ правѣ и носило фискальный характеръ, точно также и церковное управленіе было его точнымъ снимкомъ.

Въ епископскомъ приказѣ засѣдали епископскіе бояре и дьяки, они судили и сбирали судебныя пошлины со всѣхъ священно- и церковно-служителей, которыхъ дѣло дошло до приказа. Въ этомъ же приказѣ раздавались мѣста и брались пошлины ставленыя и печатныя за выдачу ставленыхъ грамотъ и приложенія къ нимъ печати.

Въ десятинахъ жили десятинники, отправляя судъ и сбирая пошлины и повинности съ священниковъ и причта. Какъ

по отношенію къ Царю почти всѣ подданные несутъ тягло, такъ по отношенію къ епископу всѣ попы несутъ тягло. Епископскій десятинникъ, какъ царскій намѣстникъ, получаетъ рожественное, петровское и пасхальное. Дважды въ годъ онъ объѣзжаетъ епархію и собираетъ въ пользу епископа подати, подъ различными названіями: подъѣздъ, благословенная куница, дань, соборная куница, даньскія пошлины, явленая куница. Названіе этихъ податей указываетъ на еще болѣе отдаленную эпоху, когда самъ епископъ объѣзжалъ церкви и бралъ дани шкурками куницъ. При проѣздѣ десятинника, священники должны продовольствовать его, какъ крестьяне должны продовольствовать намѣстниковъ и царскихъ гонцовъ. Таково было центральное и областное управленіе епархій до Стоглаваго собора. Обратимся теперь къ третьему типу церковнаго устройства къ приходу.

Церковные приходы, вѣроятно, первоначально совпадали съ административнымъ дѣленіемъ уѣзда на погосты, станы и волости. Въ погостѣ, станѣ или волости обыкновенно былъ одинъ приходъ; для удобства поселянъ дѣлались иногда временныя „выставки" это первоначальное совпаденіе прихода съ станомъ, погостомъ или властію видно изъ того, что впослѣдствіи, когда количество церквей въ станахъ и погостахъ увеличилось, всѣ они вмѣстѣ всетаки составляли одинъ приходъ. Такъ напримѣръ, въ Остроченскомъ погостѣ и приходѣ было 147 обежъ; съ теченіемъ времени въ этомъ погостѣ образовалось 3 новыхъ церкви, изъ которыхъ къ первой было причислено 25 обежъ, ко 2—22, а за старою церковью осталось 80 обежъ; но, не смотря на это отдѣленіе, всѣ церкви составляли одинъ приходъ и платили вмѣстѣ всѣ епархіальныя пошлины (А. И. т. I, № 142). Въ Березовской волости считалось 300 обежъ, но она составляла одинъ приходъ въ три церкви (ib. № 148). Въ Софійскихъ дворцовыхъ волостяхъ была одна становая церковь, къ которой примыкали двѣ другихъ церкви (ib. № 208). Вмѣстѣ съ развитіемъ помѣстнаго права, тѣ же стремленія, которыя мы

видимъ въ помѣстныхъ и вотчинныхъ владѣльцахъ, въ отношеніи уѣздной общины, высказываются и въ отношеніи церковной общины. Каждый владѣлецъ стремился образовать свой приходъ и отдѣлить его совершенно отъ погостскаго или волостнаго храма, что достигалось посредствомъ особыхъ жалованныхъ грамотъ владыкъ. Это раздѣленіе приходовъ совершается мирно безъ борьбы, потому что здѣсь не нарушались ни чьи интересы. Черносошные крестьяне стараются образовать отдѣльные приходы (А. И. т. I, № 142; А. А. Э. т. I, № 294). Дѣти боярскіе, слагаясь вмѣстѣ, строятъ церковь и образуютъ особые приходы, выдѣляя его изъ становыхъ приходовъ (А. И. т. 1, № I, № 150, 199, 205, 232, 233 и 234). Точно также поступаютъ монастыри.

Таково было наше церковное устройство до половины XVI столѣтія. Великое умственное движеніе XVI столѣтія вызвавши реформу областнаго управленія въ государствѣ, отразилось и на церковномъ устройствѣ. Тѣ же начала, которыя были положены въ областное управленіе, были приложены и къ церковному управленію, хотя ихъ полное приложеніе встрѣтило здѣсь почву менѣе благопріятную и оставило послѣ себя менѣе слѣдовъ. Прежде всего было преобразовано центральное эпархіальное управленіе. Епископскій приказъ, управлявшій духовными и свѣтскими дѣлами, былъ раздѣленъ на два отдѣла, изъ которыхъ въ одномъ должны были засѣдать исключительно духовныя лица и судить бѣлое и черное духовенство епархіи по духовнымъ дѣламъ; во второмъ—свѣтскіе бояре епископа, долженствующіе судить всѣхъ лицъ епархіи по гражданскимъ дѣламъ. Въ этотъ второй отдѣлъ епископскаго суда вводятся городскіе старосты, цѣловальники и земскіе дьяки, на подобіе свѣтскаго суда намѣстниковъ, въ который въ то же время вводились старосты и цѣловальники (А. И. т. I, № 155, стр. 275). Такая же реформа совершается и въ областномъ управленіи епархіи. Правительство старается составить изъ бѣлаго духовенства общину, предоставивъ ей полное самоуправленіе, которое было введено въ уѣздныя общины. Всѣ 700 московскихъ церквей были раздѣ-

лены на 7 соборовъ. Каждыя 100 церквей образуютъ общину, которая избираетъ своего старосту. Этотъ выборный староста избираетъ десятскихъ. По всѣмъ духовнымъ дѣламъ собираются всѣ священники, принадлежащіе къ собору, гдѣ разсуждаютъ обо всѣхъ нуждахъ церкви. Точно такимъ же образомъ были устроены и уѣзды, гдѣ священники выбирали старостъ и десятниковъ (А. А. Э. т. I, №№ 231 и 232). При этомъ выборномъ управленіи власть десятниковъ почти исчезла, хотя она не была совершенно изгнана, какъ власть намѣстниковъ. Десятинники теперь не собирали уже болѣе налоговъ и даже не имѣли права ѣздить по уѣзду; они имѣли право дозирать ставленныя грамоты въ городахъ, вмѣстѣ съ поповскими старостами. Всѣ остальныя обязанности перешли къ поповскимъ старостамъ (А. И. т. I., № 155). Къ сожалѣнію, все это, преобразованное на новыхъ началахъ, управленіе, отчасти связанное съ областнымъ государственнымъ устройствомъ, просуществовало также не долго, какъ и областное самоуправленіе. Вмѣстѣ съ его паденіемъ, пало и церковное самоуправленіе, повторивши еще разъ тотъ же законъ отраженія общаго государственнаго устройства на организаціи церкви. Посмотримъ теперь на способъ назначенія властей бѣлаго духовенства и его содержаніе.

Всѣ епископы и митрополитъ назначались соборомъ высшаго духовенства, по выбору. Впрочемъ, выборное начало было очень слабо и, можно сказать, что всѣ власти назначались царемъ. Въ матеріальномъ отношеніи жизнь епископа была обезпечена великолѣпно. Къ каждой епархіи прилегало множество монастырей, доходъ съ которыхъ принадлежалъ правящему епископу, кромѣ огромныхъ сборовъ съ духовенства. Въ 1555 году, когда Псковъ принадлежалъ къ новгородской епархіи, архіерей новгородскій, въ свой пріѣздъ въ Псковъ, бралъ со всѣхъ священниковъ, діаконовъ, игуменовъ по полтинѣ съ души и, кромѣ того, по 50 денегъ въ день за хлѣбъ, по 40 гривенъ за мясо, по 40 гривенъ за рыбу, по полтинѣ за двѣ бочки меда и, кромѣ того, за просо, яицы, сыры, уксусъ, лукъ. Всякая поѣздка въ Псковъ доставляла

архіерею до 1,100 руб. (Д. Р. В. т. XV, стр. 15). Дворъ архіерея въ маломъ видѣ представлялъ царскій дворъ: въ домѣ архіерея были свои бояре, свой дворецкій, свои дѣти боярскіе.

Постановленіе священниковъ и причта въ черныхъ слободахъ и селахъ зависѣло отъ самыхъ крестьянъ, которые заключали съ священникомъ и причтомъ особыя условія, писавшіяся въ такой формѣ: "Се азъ Ильинскій попъ далъ ими на себя запись старостѣ Тавренскія волости и всему православію Тавренскія волости, Ильинскаго прихода" (А. Ю. № 185). Дьячки и пономари также заключали особыя условія. Въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, на земляхъ монастырей, на земляхъ владыкъ, постановленіе священниковъ зависѣло отъ владѣльцовъ земель; они же всегда являлись представителями этихъ приходовъ предъ мѣстнымъ епископомъ, получали на свое имя жалованныя грамоты, старались объ облегченіи и освобожденіи церквей отъ епархіальныхъ налоговъ и т. д. (А. И. т. I, №№ 150, 199, 205, 232, 233 и 234; А. А. Э. т. 1, №№ 202, 214 и 278).

Обыкновенно къ каждому приходу примыкали земли, освобожденныя отъ налоговъ. Въ волости Ивана Боракъ, къ церкви принадлежало, напримѣръ, 4 десятины и 40 копенъ сѣна (А. Ю. № 228). Герберштейнъ говоритъ, что въ Россіи священникамъ давались особые домики съ землей и лугами, отъ которыхъ они снискивали пропитаніе своими собственными руками или руками своихъ слугъ (Герб. стр. 47). Нѣкоторымъ соборамъ давались крестьяне, съ освобожденіемъ ихъ отъ подсудности намѣстниковъ и волостелей. Очень многія церкви получали царскую ругу, состоящую въ хлѣбѣ, деньгахъ, пшеницѣ на просфоры, молебныхъ, панахидныхъ и праздничныхъ деньгахъ (Стогл. стр. 54).

Сельское и городское духовенство не имѣло ни малѣйшаго образованія, даже рѣдко хорошо умѣло читать, что естественно и должно было быть, потому что общество почти не имѣло никакихъ школъ. Геннадій, архіепископъ новгородскій (1485—1505), писалъ такимъ образомъ объ образованности духовенства: „Вотъ приводятъ ко мнѣ мужика; я

приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтырь, и онъ и по той едва бредетъ. Я отказываю ему, и на меня жалобы: „земля, господине, такова; не можно добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ", и обругалъ всю землю, будто нѣтъ человѣка на землѣ, кого бы ставить въ священство. Бьетъ мнѣ челомъ: пожалуй, господинѣ, вели учить. Приказываю учить эктенію, а онъ и къ слову пристать не умѣетъ; ты говоришь ему то, а онъ другое. Приказываю учить азбуку,—и онъ, немного поучившись азбукѣ, просится прочь, не хочетъ учить ее. А у меня духа не достаетъ ставить неучей въ священники. Мужики—невѣжды учатъ ребятъ грамотѣ и только портятъ, а между тѣмъ, за ученье вечерни принеси мастеру каши, да гривну денегъ, за утреню—тоже и больше, за часы—особо. А отойдетъ отъ мастера—и ничего не умѣетъ (А. И. т. I, № 104). На соборѣ 1551 года боялись требовать большей грамотности, потому что тогда многія церкви остались бы безъ поповъ (Стогл. стр. 239). Разумѣется, какъ всегда, нравственность священниковъ должна была идти въ уровень съ ихъ образованіемъ. Тѣ же пороки, которыми отличалось грубое общество, какъ лѣнь, пьянство, любовь къ чувственнымъ наслажденіямъ, грубыя, циническія шутки въ обществѣ, позорили также и духовенство (А. И. т. I, № 155; А. А. Э. т. I, № 232).

Посмотримъ теперь на отношенія нашей церкви къ государству.

Наша церковь въ XVI вѣкѣ почти вполнѣ зависѣла отъ государства или его представителя—Царя. Главная причина этой зависимости лежала въ томъ, что наша церковь была національнымъ учрежденіемъ, которое срослось съ государствомъ. Тогда какъ католическая церковь была учрежденіемъ всемірнымъ и имѣла самостоятельнаго главу внѣ государствъ; наша церковь, въ особенности послѣ паденія Византіи, сдѣлалась исключительно національной, государственной, а потому она естественно подчинилась государству. Сама церковь, возвышая и дѣлая священной царскую власть, тѣмъ

самымъ въ убѣжденіи народа вызывала необходимость ея прямаго участія въ управленіи церковью. Посмотримъ, въ чемъ проявлялась дѣятельность царской власти въ отношеніи къ церкви.

Царь имѣлъ огромное вліяніе на выборъ митрополита и епископовъ, какъ истинный блюститель православія.

Онъ созывалъ соборъ и предлагалъ на ихъ разрѣшеніе вопросы, которые, по его мнѣнію, было необходимо разрѣшить въ интересѣ православія. Іоаннъ IV на Стоглавомъ соборѣ явился реформаторомъ. вносившимъ въ церковное управленіе принципы общиннаго управленія.

Вѣроятно, на основаніи того же начала, по которому собственники церквей и монастырей имѣли вліяніе на выборъ лицъ, управляющихъ монастырями и священнодѣйствующихъ въ церквахъ, Царь, какъ собственникъ огромной массы дворцовыхъ земель и какъ верховный владѣлецъ черносошныхъ земель, имѣлъ право назначать архимандритовъ въ монастыри и священниковъ въ церкви, стоящихъ на дворцовыхъ и, можетъ быть, черносошныхъ земляхъ (А. А. Э. т I, № 186). У Царя было множество церквей, бывшихъ „царскими богомольями", — церквей, которыхъ исключительною обязанностію была обязанность молиться за Царя, за что они получали изъ Приказа Большаго Дворца ругу. Въ настольной грамотѣ игумену Усть-Шехонскаго монастыря есть слѣдующее любопытное мѣсто: „Царь Государь, Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи Самодержецъ, своеѣ Государевы царскіе богомоліи Троетцкаго монастыря вашего отца и учителя игумена Корнилія пожаловалъ, послалъ въ свою жъ богомолью въ Ярославль, въ обитель Всемилостиваго Спаса" (А. Ю. № 382). Вѣроятно, въ такихъ же царскихъ богомольяхъ часто производилась ревизія имуществъ отъ имени Царя, посредствомъ особо посланныхъ чиновниковъ, или поручалась воеводамъ. Собственникъ считалъ своимъ правомъ знать употребленіе данныхъ имъ денегъ (А. А. Э. т. I, № 337; А. И. т. I, № 158).

Наши монастыри точно также способствовали увеличенію

вліянія царской власти на дѣла церковныя, какъ на западѣ они способствовали усиленію папской власти. Гордые своимъ богатствомъ и могуществомъ, монастыри какъ у насъ, такъ и на западѣ, стремились освободиться отъ тягостной юрисдикціи мѣстныхъ епископовъ, а потому на западѣ они постоянно на ихъ рѣшенія аппелировали къ папѣ, а у насъ къ Государю. Царь мало–по–малу освобождалъ монастыри отъ судебной власти епископа и сосредоточилъ всю судебную власть, въ отношеніи монастырей, въ Приказѣ Большаго Дворца (А. А. т. I, №№ 141, 149 и 188). Можетъ быть, одною изъ главныхъ причинъ стремленія монастырей освободиться отъ власти мѣстныхъ епископовъ, были злоупотребленія десятильниковъ. Одинъ монахъ прямо пишетъ челобитную Царю, въ которой высказываетъ, что не можетъ жаловаться на безпорядки, постоянно происходящіе въ его монастырѣ, мѣстному епископу, потому что его противники откупятся деньгами (А. И. т. I, № 242). Вслѣдствіе этого, всѣмъ извѣстнаго злоупотребленія властью десятильниковъ, Царь освобождалъ иногда отъ епископскаго суда даже бѣлое духовенство нѣкоторыхъ соборовъ и церквей.

Въ одномъ отношеніи, XVI вѣкъ пріятно отличается отъ слѣдующаго за нимъ XVII вѣка—это въ томъ, что государство въ это время еще не считало необходимымъ вмѣшиваться въ религіозную жизнь общества; по крайней мѣрѣ, тому не видно примѣровъ, исключая осужденія еретиковъ на соборѣ 1554 года.

ГЛАВА VI.

Умственно-религіозное движеніе XVI вѣка.

Іоаннъ IV подъ вліяніемъ новыхъ религіозныхъ идей стремится къ исправленію церкви на Стоглавомъ соборѣ. — Ученіе Захарія произвело умственное движеніе въ обществѣ самаго разнообразнаго характера. — Борьба между внѣшне-обрядовымъ почитаніемъ христіанства и новымъ ученіемъ, стремящимся дойти до пониманія его духа.—Максимъ Грекъ и его ученіе. — Вассіанъ Косой. — Новое появленіе ереси. — Θеодосій Косой.—Матвѣй Башкинъ.—Великія слѣдствія этого движенія для общественной и государственной жизни.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какою опасностію нашему общественному и государственному развитію грозило формальное направленіе религіозной жизни. Мы видѣли, что общество дошло до освященія бороды, усовъ, костюма, стародавнихъ обычаевъ,—и все это хотѣло сдѣлать неизмѣннымъ, какъ религіозный догматъ. Въ управленіи церковью фискальныя интересы сдѣлались преобладающими. Но, когда, казалось, обществу нужно было сдѣлать еще шагъ въ этомъ направленіи, чтобы образовать теократію, въ это время самодержавная власть выставляетъ знамя реформы въ умственно-нравственной жизни церкви и ея управленіи. Во имя какихъ же идей производятся реформы? Неужели это личныя мнѣнія Іоанна IV!

Умственная жизнь отдѣльной личности такъ тѣсно связана съ жизнью цѣлаго общества, что всѣ, начиная отъ генія и кончая идіотомъ, служатъ только хорошими или худыми представителями тѣхъ идей и интересовъ, которыми живетъ

общество. Этотъ принципъ, конечно, съ одинаковою справедливостію приложимъ къ XVI, какъ и ко всѣмъ предшествующимъ и послѣдующимъ вѣкамъ. Когда масса общества погрузилась въ мертвящій формализмъ и быстрыми шагами шла къ отупѣнію, въ средѣ этого общества возстала реакція противъ такого бездушнаго направленія. Эта либеральная реакція показала, что умственныя силы великаго народа еще не погибли,—не разцвѣтая. Новое умственное движеніе спасло православіе отъ грубаго извращенія его, оно спасло насъ отъ вѣчнаго застоя политическихъ и общественныхъ формъ старины. Іоаннъ IV, соотвѣтственно своимъ духовнымъ способностямъ, былъ только отчасти выразителемъ тѣхъ идей и интересовъ, которыя провозвѣстило новое движеніе общества. Хотя Грозный Царь и обладалъ такими способностями, которыя далеко выдвигали его изъ уровня обыкновенныхъ людей вѣка, но его далеко нельзя назвать такой глубоко-геніальной натурой, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отразились бы лучшія, чистѣйшія стремленія вѣка. По глубинѣ мысли, онъ стоялъ далеко ниже своего дѣда, Іоанна III. Необыкновенно-важное, умственно-религіозное движеніе, начавшееся при этомъ геніальномъ царѣ, захватывало гораздо глубже и дальше, чѣмъ шли самыя смѣлыя идеи Грознаго Царя. Хотя Іоаннъ явился на Стоглавомъ соборѣ, какъ человѣкъ реформы, но, въ сущности, онъ былъ человѣкъ стараго закала, для котораго даже борода и однорядка были принадлежностію религіи. Если онъ и глубоко возмущался церковными безпорядками, то все-таки мысль его была направлена болѣе на безпорядки внѣшніе, на безпорядки въ монастыряхъ и въ церковномъ управленіи, но онъ не касался характера самой религіозности, потому что, въ этомъ отношеніи, онъ самъ былъ полнѣйшимъ выразителемъ не новыхъ идей, но грубѣйшихъ предразсудковъ стараго времени. Въ настоящей главѣ, мы постараемся очертить характеръ этого умственнаго движенія, котораго значеніе для русской жизни трудно вполнѣ оцѣнить. Въ изложеніи хода умственнаго движенія какъ этого, такъ и послѣдующаго періода, мы ограни-

чимся развитіемъ религіозныхъ идей, потому что все образованіе древней Руси носило исключительно богословскій характеръ и всякое движеніе религіозныхъ идей прямо отражалось на всей общественной и государственной жизни. Конечно, въ исторіи умственнаго развитія народа поэтическія и историческія произведенія имѣютъ важность, но они имѣли мало вліянія на общество и государство этого періода, а потому я не считаю нужнымъ говорить объ этой сторонѣ нашего развитія.

Умственное движеніе общества идетъ рядомъ съ его экономическимъ развитіемъ и даже прямо отъ него зависитъ, по крайней мѣрѣ столько же, сколько отъ духовныхъ способностей народа. Наше умственное движеніе началось единственно въ большихъ торговыхъ городахъ, которые могло создать тогдашнее экономическое развитіе общества.

Въ Новгородѣ впервые появилось умственное движеніе, которое извѣстно подъ именемъ ереси стригольниковъ. Оно было подавлено, но, разумѣется, вліяніе этой ереси не прошло безплодно. Въ 1470 году, князь Михаилъ привезъ съ собою изъ Кіева еврея Зхарія, который „былъ изученъ всякому злодѣйскому изобрѣтенію, чародѣйству, чернокнижію, звѣздозаконію". Трудно отдать себѣ точный отчетъ въ идеяхъ, которыя проводилъ Зхарія. Нужно думать, что Зхарія былъ деистъ, хотя и съ еврейскимъ оттѣнкомъ. Онъ утверждалъ, что Богъ-Отецъ не имѣетъ сына, сопрестольнаго себѣ, что Спаситель еще не родился, а потому нужно соблюдать древніе завѣты божества, т. е. обрѣзывать и приносить жертвы. Посланіе Сына Божія для искупленія міра не необходимо, говоритъ Зхарія, потому что Богъ можетъ сдѣлать все своимъ всемогуществомъ. Не слѣдуетъ покланяться иконамъ, какъ дѣламъ рукъ человѣческихъ, и святымъ, такъ какъ они были люди, а людямъ нельзя покланяться. Втораго пришествія не будетъ, потому что прошло уже семь тысячъ лѣтъ отъ сотворенія міра. Монашеская жизнь не имѣетъ смысла, потому что, иначе, самъ Христосъ былъ бы монахомъ (Д. Р. В. т. XIV, стр. 128—147). Рядомъ съ этими

религіозными вѣрованіями, какъ это часто бывало въ средніе вѣка, шла у него мистическая вѣра въ значеніе звѣздъ, которыя своимъ теченіемъ опредѣляютъ судьбу людей. Всѣ наши пороки происходятъ по вліянію планетъ: Арей творитъ душегубцевъ, Афродита покровительствуетъ любовникамъ, Кронъ — памятозлобнымъ; звѣзды вертятъ колеса счастія, возвышающее однихъ и низвергающее другихъ (Сл. Макс. Грек. т. II, стр. 63).

Захарію удалось собрать около себя людей, которые интересовались умственною жизнію. Составилось тайное общество, которое должно было дѣйствовать осторожно, чтобы не навлечь на себя подозрѣніе. Весьма вѣроятно, что не всѣ тѣ, которые принимались въ общество, сразу узнавали все ученіе Захарія. Очень немногіе были вполнѣ посвящены во всѣ тайны ученія, къ числу которыхъ принадлежали священникъ Діонисій и протоіерей Алексѣй. Всѣ эти, вполнѣ посвященные лица, составили маленькое общество, въ которомъ преобладалъ еврейскій оттѣнокъ, не исчезнувшій, какъ я говорилъ, и у самаго Захарія. Діонисій сталъ называться тайно Авраамомъ, жену свою назвалъ Саррой, выучилъ ихъ еврейскимъ обрядамъ и даже хотѣлъ обрѣзать дѣтей, но этому помѣшалъ самъ Захарія, который боялся, чтобы это не сдѣлалось гласнымъ, а можетъ быть придавалъ этому мало значенія. Въ отношеніи непосвященныхъ дѣйствовали осторожно. Благоразумнѣйшимъ не проповѣдывали еврейства, а только толковали съ ними о священномъ писаніи, на основаніи книгъ вѣтхаго завѣта, и учили ихъ астрологіи. Очень многіе, приходящіе въ соприкосновеніе съ обществомъ, выносили оттуда только привычку мыслить и толковать священное писаніе; многіе, можетъ быть, выучивались только гадать, такъ какъ эта сторона ученій Захаріи наиболѣе была доступна пониманію грубаго общества (ibid.). Такимъ образомъ, при самомъ появленіи, ученіе Захаріи носитъ двойной характеръ: для самаго ничтожнаго числа лицъ оно носило еврейскій отпечатокъ; для многихъ оно было раціоналистическимъ ученіемъ, основанномъ на вѣтхозавѣтныхъ книгахъ; для боль-

шинства оно было просто школой, которая затрогивала великіе вопросы отношеній человѣка къ Богу и пріучала человѣка не останавливаться на внѣшней набожности, но искать внутренняго смысла религіи любви.

Весьма вѣроятно, что нѣкоторыя изъ лицъ, затронутыхъ этимъ движеніемъ, подъ вліяніемъ астрономическихъ идей судьбы, доходили до атеизма, отрицали загробную жизнь, говоря: „умеръ кто, ну, и умеръ, по то мѣста и былъ“ (ib.).

Весьма естественно, что большинство лицъ, пришедшихъ въ соприкосновеніи съ этимъ обществомъ, начали смотрѣть совершенно иначе на жизнь; для нихъ стали возможны умственныя наслажденія, неизвѣстныя окружающей ихъ средѣ. Когда Іоаннъ III былъ въ Новгородѣ, онъ познакомился съ священникомъ Діонисіемъ и протопопомъ Алексѣемъ и увезъ ихъ съ собою въ Москву, опредѣливъ одного къ церкви Успѣнія Богородицы, а другаго къ Архангелу Михаилу. Въ Москвѣ они начали распространять свое ученіе также скрытно, какъ они это дѣлали въ Новгородѣ. Ихъ умственное превосходство, глубокая набожность, строгая жизнь, религіозное одушевленіе, привлекло къ нимъ многихъ послѣдователей. Всѣ болѣе или менѣе грамотные и способные люди примыкали къ сектѣ: государевы дьяки, именитые купцы, образованные духовные. Очень вѣроятно, что и здѣсь, какъ и въ Новгородѣ, было тайное ученіе, имѣвшее мало послѣдователей, и другое — открытое большинству. Вліяніе секты дѣйствовало самымъ разнообразнымъ образомъ на общество: оно производило атеистовъ, раціоналистовъ, просто мыслящихъ людей, которые начали глубже понимать исповѣдываемую ими религію и не думали отдѣляться отъ церкви. Такъ всегда дѣйствуетъ на общество появленіе новой мысли, новое умственное броженіе. Какъ далекій ураганъ, сломившій въ мѣстѣ своего зарожденія всѣ преграды, отражается и въ далекихъ странахъ перемѣною воздуха, хотя жители этихъ далекихъ странъ совершенно не знаютъ причины этого факта; точно также умственное движеніе, измѣнивъ совершенно характеръ и складъ мысли передовыхъ людей, волнами разви-

вается въ обществѣ, захватывая и далеко стоящихъ людей, которые совершенно ему не причастны. Все мыслящее, грамотное общество пришло въ движеніе; на улицахъ, дома, по торгамъ, стали говорить и спорить о вѣрѣ (Д. Р. В. т. XIV, стр. 137). Церковь не могла не опасаться этого движенія. Въ Новгородѣ архіепископомъ сдѣлался Геннадій, ревностный сынъ церкви. Онъ началъ настоятельно, ревностно требовать созванія собора отъ царя Іоанна, но Іоаннъ III былъ очень остороженъ; онъ былъ не прочь наказать жидовствующихъ, но былъ далекъ отъ фанатическаго преслѣдованія всѣхъ, которые сколько нибудь соприкасались съ ересью. Онъ выдалъ Геннадію новгородскихъ еретиковъ, который велѣлъ посадить ихъ на коней, лицомъ къ хвосту, и надѣть на голову острые берестовые вѣнцы, увитые сѣномъ и соломой, съ надписью: „сатанино воинство" (Д. Р. В. т. XIV, стр. 128 и сл.). Но, когда Геннадій хотѣлъ преслѣдовать московскихъ еретиковъ, то здѣсь его долго постигала неудача. Іоаннъ III былъ во многомъ согласенъ съ ученіемъ Зхарія, что преслѣдовать еретиковъ грѣхъ (Ист. Мак., отд. III, стр. 81). Онъ зналъ содержаніе ихъ ереси (т. пр., 197), но до конца жизни воздерживался отъ фанатическаго преслѣдованія. Ревнители православія, во главѣ которыхъ самыми дѣятельными были Іосифъ Волоколамскій и Геннадій, не переставали вопіять, что еретиковъ нужно казнить. Іосифъ писалъ къ Государю: „что грѣшники или еретики руками убити, или молитвою, едино есть, понеже Моисей скрижали разбилъ, Илія пророкъ четыреста жрецъ закла" (Д. Р. В. т. XVI, ст. XV). Но не такъ писали къ Іоанну старцы Кириллова и всѣхъ Вологодскихъ монастырей, которыхъ коснулось новое умственное движеніе. „Не судите и не судимы будете, говорилъ Христосъ, когда къ нему привели женщину, захваченную въ прелюбодѣяніи, тогда милостивый судья сказалъ: „если кто изъ васъ не имѣетъ грѣха, пусть тотъ первый броситъ въ нее камень". Когда апостолъ Петръ спросилъ Господа: „Господи! если братъ мой согрѣшитъ семь разъ днемъ, долженъ ли я простить его?" Господь отвѣчалъ

ему: „я не говорю тебѣ, что ты долженъ простить его за семь грѣховъ, но ты долженъ его простить, если онъ согрѣшитъ и семьдесятъ седьмерицъ разъ“ (Т. ст. XLII). Борясь между двумя противуположными направленіями, Іоаннъ только предъ концемъ жизни уступилъ настоянію ревнителей; въ 1504 году былъ созванъ соборъ, на которомъ нѣкоторые еретики были сожжены.

Нѣкоторые еретики были сожжены, нѣкоторые замолчали подъ вліяніемъ ужаса, но великое дѣло было сдѣлано,—общество пробудилось отъ безконечной дремоты. Передовые люди общества, окружавшіе тронъ въ Москвѣ, разсыпанные въ зажиточныхъ классахъ Москвы, Новгорода, Пскова и другихъ городахъ, начали иначе смотрѣть на жизнь. Умственная жизнь для нихъ стала потребностію; они стали обращаться къ отцамъ церкви съ просьбою поученія. Въ это время былъ вызванъ съ Аѳона инокъ Максимъ Грекъ, котораго дѣятельность имѣла большое вліяніе на современниковъ.

Максимъ Грекъ былъ строгій догматикъ, искренно преданный ученію православной церкви, но, въ то же время, это былъ человѣкъ, котораго свѣтлыя идеи о нравственномъ значеніи религіи были гораздо ближе къ новому движенію общества, чѣмъ къ грубымъ приверженцамъ старины. Не смотря на то, что онъ употребилъ всю жизнь свою на ревностное преслѣдованіе магометанства, еврейства, лютеранства, католицизма, онъ большую часть жизни провелъ въ темныхъ подвалахъ монастырей, безъ причастія и духовнаго утѣшенія. Одинъ этотъ фактъ лучше всего доказываетъ, что масса общества стояла не за догматы православія, которыхъ она не понимала, но за бездушный формализмъ, изъ котораго исчезла идея, за освященіе устарѣлыхъ формъ жизни, за бороду, усы, однорядку. Она инстинктивно чувствовала, что Максимъ Грекъ, въ этомъ отношеніи, человѣкъ новый, враждебный всему этому стародавнему строю идей въ такой степени, какъ и еретики. Хотя одною изъ причинъ ссылки Максима Грека были, вѣроятно, его сношенія съ опальнымъ

бояриномъ Берсенемъ, но главная причина заключалась въ образѣ его мыслей.

Максимъ Грекъ былъ человѣкъ образованный: онъ былъ въ Парижѣ, Флоренціи, Венеціи и изучалъ философію, богословіе, зналъ языки греческій и латинскій. Около него начали группироваться всѣ передовые люди, которые дорожили умственною жизнію. Къ нему приходили придворные разговаривать „книгами". Допросы Берсеня представляютъ любопытныя черты тогдашняго общества. „Былъ сегодня у митрополита?" спрашиваетъ Максимъ Берсеня.—„Не знаю, право, если у насъ митрополитъ", отвѣчалъ Берсень. — „Какъ нѣтъ митрополита? Митрополитомъ у насъ Даніилъ". — „Не знаю, должно ли его назвать митрополитомъ, или простымъ чернецомъ: ни учительнаго слова отъ него не услышишь, ни печалуется ни о комъ Государю; а прежніе митрополиты, которые сидѣли на Москвѣ, печаловались Государю о всѣхъ людяхъ. Да вотъ и тебя, господинъ Максимъ, взялъ изъ Святыя горы, да какую пользу извлекаетъ изъ этого". Максимъ отвѣчалъ ему: „Я, господине, сиротина; какой отъ меня пользѣ быть"; „ты человѣкъ разумный и можешь насъ пользовать, а намъ весьма бы пригоже тебя спрашивать, какъ государю свою землю устроить, какъ людей жаловать и какъ митрополиту жить" (А. А. Э. т. I, № 172). Изъ этого разговора ясно, что передовые члены общества уже сознавали цѣну знанія и требовали поученія отъ лицъ высокопоставленныхъ.

Подъ вліяніемъ новаго умственнаго движенія, общество раздѣлилось на два лагеря, ведущихъ борьбу на жизнь и смерть. Одна сторона боролась во имя идей, во имя тѣхъ великихъ началъ любви и милосердія, которыя составляютъ сущность Христова ученія. Число ея борцовъ было немногочисленно, но они были богаты умственными силами и знаніемъ священнаго писанія. Они хотѣли внести въ жизнь государства и общества разумныя начала, „какъ государство устроить". На другой сторонѣ была масса общества, которая держалась за форму, какъ за якорь спасенія, которая хо-

тѣла удержать всякое новое движеніе, которая говорила: „все старое свято“.

Борясь во имя духа Христова ученія противъ мертвой обрядности, люди новаго движенія естественно пришли къ убѣжденію, что монастыри несправедливо владѣютъ имуществомъ, что безполезно тратить богатства на украшенія церквей, что богатыя поминанья послѣ смерти не ведутъ къ спасенію, безъ внутренняго исправленія Нападать на эти три пункта — значило нападать на все религіозное пониманіе массъ. Еслибы въ этихъ трехъ пунктахъ побѣда осталась за людьми новаго движенія, тогда долженъ бы измѣниться весь строй общественной и государственной жизни. Понятное дѣло, что въ такой борьбѣ были заинтересованы всѣ многочисленные владѣтели монастырскихъ имуществъ; споръ поднялъ на ноги самый сильный классъ общества, самый могущественный по своему вліянію. Самыми замѣчательными борцами новаго движенія, во времена Василія и отчасти царствованія Грознаго, были: Максимъ Грекъ и Вассіанъ Косой.

Максимъ Грекъ смѣло выдвигаетъ внутренній смыслъ Христовой вѣры, забытый обществомъ. „Чтобы спастись отъ искушеній злаго духа, говоритъ онъ,—мы должны отгонять его кротостію, милосердіемъ, священною любовью, цѣломудріемъ. Безъ этого нисколько не помогутъ намъ воздержанность пищи и долгія молитвы (Макс. Гр. ч. II, стр. 68). Молитвы, постъ, бдѣнія установлены только для исполненія заповѣдей (ib. стр. 43). Всѣмъ благочестивымъ хорошо извѣстно, что покуда они пребываютъ въ грѣхѣ, т. е. преступаютъ божественныя заповѣди, имъ не помогутъ молитвы, хотя бы они и постоянно творили ихъ, во всѣ дни и часы, пѣли тропари, кондаки преподобнымъ и молебные каноны (ib. стр. 214). Глубоко заблуждаются тѣ, которые думаютъ найдти спасеніе въ послѣднемъ покаяніи (ib. стр. 139). Пусть не притворяются отступившіе отъ правой вѣры и не обманываютъ другихъ своимъ наружнымъ благочестіемъ и жаркимъ благоговѣніемъ къ той религіи, которую они сами

для себя создали. Быть не можетъ, чтобы въ глубинѣ ихъ сердца обитала чистая любовь къ Богу, потому что этой любви противорѣчитъ та истина, которую они оставили и въ отношеніи къ которой остаются непримиримо враждебны, пусть никто не обольщается этою кажущеюся высотою духа неправовѣрующихъ, которые такъ усердно припадаютъ къ алтарямъ своихъ храмовъ и лобызаютъ сами прахъ ихъ. Истинно вѣрующій главнымъ и преимущественнымъ образомъ занятъ мыслями небесными; онъ не предпочитаетъ никакихъ въ мірѣ наслажденій и радостей тѣмъ, которыя даетъ ему чувство упованія жизни вѣчной; воля его всегда расположена къ такимъ дѣйствіямъ, которыми благоуслаждается Богъ; онъ охотно жертвуетъ удовольствіями плоти, чтобы имѣть высшее утѣшеніе въ духѣ, отказывается отъ всѣхъ выгодъ земныхъ, ради пріобрѣтенія небеснаго (ib. стр. 163).

Дойдя до такого высокаго религіознаго пониманія, Максимъ Грекъ пришелъ къ новымъ выводамъ, въ отношеніи семейнаго, общественнаго и государственнаго строя, которые были незнакомы обществу. Бѣдственное положеніе крестьянъ обратило на себя его вниманіе и вызвало крикъ негодованія изъ его любящей души. „Мы безстыдно преступаемъ святую заповѣдь, говоритъ Максимъ Грекъ, ту заповѣдь, которая должна стоять во главѣ всѣхъ заповѣдей и всѣхъ совершенствъ, какъ говоритъ апостолъ Павелъ. Безчеловѣчно мы обходимся съ нашей нищей братіей, моримъ ее истязаніемъ страшныхъ процентовъ и всякими монастырскими работами, содѣйствуя горчайшей жизни внутри и внѣ ихъ. Какъ мы можемъ думать, что угождаемъ Богу, а еще болѣе, что мы избѣжимъ страшнаго суда Его, когда не страшнымъ постомъ и истязаніями и длинными пѣснопѣніями, но человѣколюбіемъ и щедростію къ нищимъ Онъ вѣнчаетъ стоящихъ одесную Его. Онъ сказалъ имъ: „все, что вы сдѣлали для малыхъ сихъ, для Меня сдѣлали“. За что онъ отказалъ въ блаженствѣ стоящимъ по лѣвую сторону? не потому, что не соблюдали великихъ постовъ и бдѣній, или не возносили Его долгими пѣснопѣніями, но потому что не были человѣколюбивы

къ нищимъ, которыхъ стыдились называть братіей (т. II, стр. 98). „Что вы дѣлаете для меня? говоритъ Христосъ, неужели мнѣ пріятны ваши золотые вѣнцы, когда живущіе вокругъ васъ умираютъ отъ голода, а вы сладко питаетесь, одѣваетесь въ блестящія платья, постоянно мѣняя ихъ. Удовлетворяйте Меня въ томъ, въ чемъ Я чувствую нужду: Я не прошу у васъ золотаго вѣнца; золотымъ вѣнцомъ для Меня было бы питаніе нищихъ, которые умираютъ съ голода. Грустно мнѣ, глядя на васъ, когда вы безчисленными гласы доброгласныхъ пѣній гремите въ храмахъ Моихъ; не жертвы, но милости хочу (стр. 264). О, ты, треокаянный, безконечно пьющій кровь убогихъ и посредствомъ лихвы и всякихъ неправдъ доставившій все нужное себѣ! Когда захочешь, поѣдешь по городу на великолѣпныхъ коняхъ, окруженный блестящей свитой, и отбиваешь кнутомъ ѣдущихъ спереди и сзади тебя, прогоняешь встрѣчающій и утѣсняющій тебя народъ. Неужели ты думаешь угодить Богу долгими молитвами и черными ризами? вѣдь Христосъ любитъ милость больше жертвы (стр. 44). Богъ есть духъ и поклоняющимся Ему подобаетъ поклоняться въ духѣ и истинѣ. Собирающіе себѣ богатство неправедно, богомерзкими ростами, не въ духѣ и истинѣ поклоняются Всевышнему (т. II, № 110).

Но если отношенія высшихъ классовъ къ крестьянамъ вызывало горькіе упреки Максима Грека, то отношеніе монастырей къ своимъ крестьянамъ вызывали у него рѣчи, исполненныя краснорѣчія. „Неужели ты не видишь, восклицаетъ онъ, крайняго безчеловѣчія и неправды въ томъ, что отрекшіеся отъ міра, принявши на себя санъ ангельскій, забываютъ свои обѣты, снова занимаются стяжаніемъ и, живя въ роскоши и нѣгѣ, питаются потомъ подвластныхъ имъ крестьянъ? А эти подвластные, своимъ безпрестаннымъ трудомъ, доставляя имъ все необходимое, живутъ въ скудости и нищетѣ, не имѣютъ ржанаго хлѣба и соли, чтобы насытиться. Мы же не только безчувственно и беззаботно смотримъ на ихъ горьчайшую скудость, не только не утѣшаемъ ихъ, какъ намъ заповѣдано утѣшать всѣхъ живущихъ въ

крайней скудости, но безчеловѣчнымъ образомъ взимаемъ проценты на процентъ, доколѣ не выплатитъ занимаемый капиталъ. Мы не только доводимъ ихъ до озлобленія, но, если кто нибудь, вслѣдствіе крайней нищеты, не можетъ заплатить процентовъ за годъ, мы взимаемъ на другой годъ съ него двойные проценты или, разграбивъ все ихъ имущество, гонимъ прочь тѣхъ людей, о которыхъ, по священному писанію, мы должны наиболѣе заботиться. Тѣхъ же, которые, изнемогши подъ тяжестію наложенныхъ на нихъ трудовъ, захотятъ удалиться, мы не отпускаемъ, пока не заплатятъ установленный оброкъ, по количеству лѣтъ, которое они жили въ нашемъ селѣ, забывая всѣ ихъ безчисленные труды, потъ и страданіе (т. II, ст. 131, 2).

Перенося этотъ же человѣколюбивый взглядъ на отношенія управляющихъ къ управляемымъ, на общественныя учрежденія, онъ не могъ не подвергнуть строгой критикѣ всю государственную организацію, которая основана была, какъ мы видѣли, на началахъ, далекихъ отъ христіанскихъ идеаловъ. „Мы власти и начальники, говоритъ Максимъ Грекъ, не подлежимъ ли мы укоренію и клятвѣ, потому что хотя мы не отрицаемся отъ вѣры Христа, но не думаемъ объ исполненіи Его заповѣдей, не думаемъ о томъ, что должны праведно судить и милостиво относиться къ требующимъ помощи; напротивъ, мы дѣлаемъ все для тѣхъ, кто даетъ намъ взятки, забывая слова Спасителя: горе оправдывающимъ нечестиваго мзды ради. Но нѣтъ! говоря такъ, я скрываю сущность дѣла. Іудейское сребролюбіе и страсть къ лихоимству такъ овладѣло судьями благовѣрнаго Царя, что они заставляютъ своихъ слугъ дѣлать самые вопіющіе доносы и явно и тайно подкапываются подъ имѣнія богатыхъ. Они подкидываютъ въ ихъ дома краденыя вещи, и, о ужасъ нечестія!... слуги ихъ подбрасываютъ мертвыхъ посреди города и какъ праведные мстители за убитаго идутъ съ доносомъ не только на цѣлую улицу, но не рѣдко на цѣлую часть города, наживая такимъ способомъ большія деньги“ (т. II, с. 199). Онъ не оставилъ безъ вниманія судебныхъ поединковъ, такъ рѣзко противо-

рѣчащихъ христіанскому идеалу судьи. „Отринувши божественныя повелѣнія, наши властители и судьи, изъ желанія корысти, не внимая мольбамъ цѣлаго города, который возстаетъ на обидчика, предоставляютъ дѣло на рѣшеніе оружія, какъ будто всегда правъ побѣдитель“ (т. II, ст. 201).

Семейная и общественная жизнь не осталась безъ вниманія Грека. Хотя онъ былъ монахомъ и считалъ монашескую жизнь идеаломъ, но семейная жизнь нашла въ немъ теплаго защитника. „Не отчаявайтесь въ своемъ спасеніи, говоритъ онъ, живущіе законно съ своими женами и воспитывающіе своихъ дѣтей. Не старайтесь освободиться отъ семейныхъ узъ, помня слова Апостола Павла: привязавшійся къ женѣ не ищи разрѣшенія, потому что бракъ честенъ и ложе нескверно“. Такая рѣчь была въ высшей степени смѣлой въ устахъ монаха, говорящаго къ обществу, которое считало платье чернеца спасеніемъ отъ всѣхъ бѣдъ. Но общественный развратъ, разговоры, полные чувственныхъ идей, пьянство нашли въ немъ ревностнаго противника. „Не достойна слезъ жизнь тѣхъ людей, которые обѣщаются не ѣсть мяса по понедѣльникамъ, будто бы для большаго спасенія, а сами проводятъ ночи въ пьянствѣ и безчинствѣ и рѣдко расходятся безъ драки. Такимъ людямъ я болѣе всего совѣтывалъ бы воздержаться отъ винопитія, виновнаго во всякомъ злѣ; отъ него происходятъ ругательства, споры, убійства и всякія мерзкія дѣла (т. II, с. 218). Божественный Псалмопѣвецъ молится, говоря: отврати очи мои, чтобы они не видѣли суеты; мы согрѣшаемъ слухомъ, когда съ величайшимъ удовольствіемъ внимаемъ блуднымъ пѣснямъ и сквернымъ повѣстямъ“ (т. II, с. 222).

Понимая часто глубоко великія истины христіанства, онъ оставался въ предѣлахъ православія. Онъ считалъ монашество идеаломъ, хотя своеобразно понималъ его значеніе. „Не въ монашескомъ платьѣ и воздержаніи отъ пищи состоитъ монашество, но въ воздержаніи отъ всякой злобы и душевредныхъ страстей (т. I, с. 239). Подобно пшениценосному полю, иноческая жизнь требуетъ постояннаго трудо-

любія, если хочешь, чтобы она принесла обильную жатву (т. II, с. 20). Эта жизнь есть ни что иное, какъ прилежное исполненіе спасительныхъ заповѣдей божественнаго евангелія, т. е. правды, милости, милосердія, сердечнаго смиренія, кротости, цѣломудрія, презрѣнія богатства. Огромное большинство его сочиненій посвящено догматической полемикѣ съ евреями, католиками, лютеранами, армянами и мухамеданами. Въ жару борьбы, онъ готовъ былъ преслѣдовать еретиковъ, приводя извѣстный примѣръ Моисея, на который ссылались всѣ изувѣры (т. I, ст. 529). Это мнѣніе Максима Грека тѣмъ болѣе неизвинительно, что онъ самъ, упрекая Магомета за желаніе распространять свою вѣру мечомъ, говоритъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Не говоря уже о другомъ, это одно положеніе показываетъ, что всескверный не отъ Бога, потому что Богъ никого не принуждаетъ; онъ посланъ отъ Богоборца и человѣконенавистника діавола. Онъ всегда былъ человѣкоубійцей и всегда радовался кровопролитію, потому что всегда былъ врагомъ человѣческаго рода и всѣми мѣрами старался низвергнуть всѣхъ въ пучину огненную. Высшій человѣколюбецъ всегда щедръ, праведенъ и не хочетъ смерти грѣшника, но старается только объ обращеніи его. Онъ никого не принуждаетъ и не велитъ никого убивать, но кротко и человѣколюбиво призываетъ къ себѣ всѣхъ, говоря: пріидите ко мнѣ всѣ труждающіе и обремененные, я успокою васъ. Когда сыновья Зевеововы хотѣли сжечь огнемъ небеснымъ не принимавшихъ Господа, Онъ сказалъ имъ: вы не знаете, какимъ духомъ вы проникнуты, ибо Сынъ человѣческій не пришелъ сюда губить души людей, но спасти ихъ и отдать душу свою за избавленіе многихъ. Эта двойственность ясно показываетъ, что Грекъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ глубокихъ натуръ, которыя никогда не погрѣшаютъ противъ сознаннаго ими закона любви. Когда онъ проповѣдуетъ православнымъ, онъ возвышается до пониманія глубочайшихъ истинъ христіанства, но когда онъ споритъ съ иновѣрцами всѣхъ видовъ, онъ говоритъ только какъ догматикъ, который въ еретикѣ не видитъ брата.

Вассіанъ Косой былъ другой писатель, который по своимъ способностямъ и знаніямъ выдвигался изъ общаго уровня этого времени. Его идеи такъ близко сходятся съ идеями Максима Грека, что его сочиненія можно бы смѣшать съ сочиненіями Максима Грека, еслибъ въ заглавіи ихъ не стояло другое имя. Вассіанъ Косой точно также, оставаясь строго въ предѣлахъ православія, поднимаетъ на первый планъ нравственную сторону христіанства. „Истинная молитва, говоритъ онъ, состоитъ въ умиленіи; въ громогласномъ пѣніи не выражается истинное благочестіе; кто хочетъ прославить Господа многословіемъ, тропарями и постояннымъ повтореніемъ тѣхъ же молитвъ, но не будетъ исполнять заповѣдей Божіихъ, тотъ услышитъ: „зачѣмъ ты говоришь ко мнѣ: Господи, Господи, а не дѣлаешь, что я тебѣ приказывалъ, точно тоже говорятъ пророки: люди эти устами чтутъ меня, а сердце ихъ далеко отстоитъ отъ меня". (Прав. Соб. сент. 1863 г., ст. 115,). Вассіанъ Косой не оставилъ столько сочиненій, сколько Максимъ Грекъ, гдѣ бы онъ послѣдовательно и въ приложеніи ко всѣмъ сторонамъ жизни развилъ эти богатыя идея. Какъ человѣкъ практическій, онъ всю силу своего ума и характера направилъ противъ монастырскихъ владѣній. Но въ борьбѣ съ защитниками монастырскихъ имѣній, съ представителями фанатическаго преслѣдованія еретиковъ, во главѣ которыхъ стоялъ Іосифъ Волоколамскій, котораго люди его партіи считали заживо святымъ, онъ выказалъ смѣлость и послѣдовательность, которая далеко оставляетъ за собою осторожнаго Грека. „Иноческое житіе, говоритъ онъ, есть подражаніе житію ангельскому. Господь сказалъ: „если хочешь быть совершеннымъ, то иди и продай имѣніе твое и дай нищимъ: „Мы же волнуемые, сребролюбіемъ и не насытностію, всевозможными способами угнетаемъ братій нашихъ, живущихъ въ селахъ; налагая проценты на проценты, мы нигдѣ не показываемъ милости къ нимъ; мы безжалостно отбираемъ имѣнія ихъ, отбираемъ у крестьянина коровку и лошадку и самихъ съ женами и дѣтьми выгоняемъ изъ нашихъ предѣловъ (ib. стр. 109).

„Иноки, которые должны быть солью земли, по слову Господа, т. е. представителями апостольскихъ добродѣтелей, забывъ свои обѣщанія, отвергнувъ истинное благоговѣніе, въ сѣдой старости оставляютъ свои обители, обращаются къ мірскимъ судилищамъ, или судятся съ бѣдными о процентахъ за долги, или судятся съ сосѣдями за границы своихъ земель“ (ib. 110). „Подумайте, кто изъ святыхъ строителей монастырей заботился, чтобы надѣлить ихъ селами и ходатайствовалъ у князей о льготахъ и правѣ распоряжаться своими крестьянами. кто изъ нихъ велъ тяжбы о границахъ монастырскихъ земель, или бичами мучилъ своихъ людей, или садилъ ихъ въ оковы, какъ теперь дѣлаютъ безстрашно тѣ, которые считаютъ себя святыми и чудотворцами.“ (Пр. С. окт., 1863 г. стр. 189). Вассіанъ Косой былъ смѣлѣе и послѣдовательнѣе Максима Грека; какъ натура болѣе глубокая и рѣшительная, онъ не отступалъ отъ своихъ принциповъ любви и милосердія, когда ихъ нужно было приложить къ еретикамъ. „Напрасно вы говорите, что я одинъ беззаконно защищаю еретиковъ;“ въ этомъ случаѣ вы осуждаете неповиннаго. Но и здѣсь вы явно лжете, какъ и въ другихъ случаяхъ. Не по Божьему судить и мудрствовать изволите и вмѣсто смиренія Христова вами овладѣла мірская гордость и вы всегда одинаково грѣшите; нѣтъ въ васъ ничего здраваго, ни слова, ни дѣла, ни мышленія. Еслибы былъ въ васъ здравый разумъ и справедливость, то развѣ вы не поняли бы, что вы представители еретической злобы, но не поборники праведнаго Спасова ученія, повелѣвающаго казнить еретика только словомъ, а не оружіемъ какъ вы хотите, мудрствуя не на основаніи установленій святыхъ отцовъ. Вы мудрствуете, угождая чреву вашему, а не по священному писанію; вы не хотите понять евангельской притчи, въ которой хозяинъ не дозволилъ слугамъ вырывать плевелы изъ чистой пшеницы, но велѣлъ оставить ея до жатвы“. (Прав. Соб., окт. 1863 г., стр. 199).

Но не сидѣли сложа руки защитники старины, которымъ грозила опасность разстаться съ своимъ богатствомъ; они употре-

били всѣ средства, чтобы уничтожить опасныхъ людей, говорящихъ во имя идей и понятій, грозившихъ опрокинуть весь настоящій порядокъ. Максима Грека, обвинивъ въ ереси на соборѣ 1524 и 1531, обвиняли и въ томъ, что онъ русскія книги хулитъ и отвергаетъ. Главнымъ его врагомъ былъ митрополитъ Даніилъ, вышедшій изъ Іосифова монастыря. Съ 1531 по самую смерть свою въ 1556 году, онъ былъ запертъ въ монастырь и только въ 1551 году ему позволено было пріобщиться (Ист. ц., отд. III., стр. 119). Противъ Вассіана были употреблены также всевозможныя интриги и обвиненія. Его обвиняли въ томъ, что онъ оправдываетъ еретиковъ, называетъ ихъ мучениками; даже слова любви и милосердія, во имя которыхъ говорилъ Вассіанъ, враги его говорили, что онъ придумалъ для оправданія еретиковъ, чтобы они совращали православныхъ. Его обвиняли, что онъ клевещетъ на чудотворцовъ; но самое главное обвиненіе противъ него, рѣшившее его участь на соборѣ 1531 г., было то, что онъ Іосифа Волоколамскаго называетъ не чудотворцемъ, а смутотворцемъ. (Прав. Соб. 1863 г. окт., стр. 208).

Но казни и заточенія главныхъ дѣятелей не уничтожили дѣла ихъ. Предсмертная борьба В. К. Василія есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ, указывающихъ на вліяніе новыхъ идей на жизнь общества. Василій началъ свое княженіе съ казни еретиковъ, подъ вліяніемъ идей Іосифа Волоколамскаго. Когда пришолъ смертный часъ, онъ призвалъ къ себѣ отца своего Даніила митрополита, владыку Вассіана Коломенскаго и братьевъ своихъ, всѣхъ бояръ и сказалъ имъ: „Видите что я изнемогаю и приближалось къ концу; а у меня давно было желаніе постричься, постригите меня. Потомъ обратившись къ митрополиту, онъ сказалъ: что же ждать, время уже приближается; постригите меня, давно я этого желаю. Тогда его отецъ Даніилъ митрополитъ и бояринъ его Михайло Юрьевъ похвалили его намѣреніе. Но этому воспротивились: братъ его, князь Алексѣй Ивановичъ, Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, Шигоня Поджогинъ, говоря:

князь Великій Владиміръ Кіевской умеръ не въ чернецахъ, но сподобился праведнаго покоя, и иные Великіе Князья не въ чернецахъ представились, но съ праведными обрѣкли покой. И между ними былъ большой споръ. Князь Андрей Ивановичъ и бояринъ Михаилъ Сеновичъ Воронцовъ не хотѣли дать Великаго Князя на постриженіе. Тогда митрополитъ Даніилъ сказалъ Андрею: я тебя не благословлю ни въ этомъ вѣкѣ, ни въ будущемъ, а этого ты мнѣ не можешь запретить сдѣлать, потому что сосудъ серебреный хорошъ, а позлащенъ еще лучше. (Царственная книга. Стр. 25, 27).

Время смутъ, бывшее въ періодъ малолѣтства Іоанна, благопріятствовало возбужденію религіозной мысли, запуганной грозными преслѣдованіями Василія и митрополита Даніила. Новые люди, болѣе либеральные, овладѣли правленіемъ государства. Митрополитъ Даніилъ долженъ былъ отказаться отъ каѳедры. Въ этомъ движеніи, какъ и въ движеніи предшествующаго періода, принимали участіе люди разнообразныхъ убѣжденій. Въ главѣ его стали Ѳеодосій Косой и Матвѣй Башкинъ, прямые наслѣдники Зхарія, съ тѣмъ только различіемъ, что еврейскій элементъ совершенно изчезъ въ ихъ убѣжденіяхъ и осталось чисто раціоналистическое ученіе. Оба эти вождя движенія были чистые деисты, отвергающіе божественность Спасителя; они брали отъ христіанства только его духъ, его проповѣдь любви и милосердія. Другія лица, участвующія въ этомъ умственномъ движеніи не только не заходили такъ далеко, но ихъ убѣжденія разнились отъ взглядовъ Максима Грека можетъ быть только большею послѣдовательностію. Это были люди, стремившіеся понять духъ Христова ученія, а не ограничиваться только формальной стороной.

Ѳеодосій Косой родился въ Москвѣ отъ холопа одного изъ знатныхъ бояръ. Объ его молодости ничего неизвѣстно; вѣроятно, въ домѣ боярина была библіотека духовныхъ книгъ, которою онъ хорошо воспользовался. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ тайно убѣжалъ отъ своего боярина въ Кирилловъ монастырь и постригся въ монахи. Бояринъ, узнавъ

гдѣ скрывается Косой, приказалъ людямъ взять его оттуда. Узнавъ объ угрожающей ему опасности, Косой скрылся въ одномъ изъ московскихъ монастырей, откуда бѣжалъ въ Литву, гдѣ и женился на одной еврейской дѣвушкѣ. Въ Литвѣ онъ продолжалъ проповѣдывать свое ученіе (Истин. Показ. Зиновіи, стр. 23 и 26). Проповѣдуя свое опасное ученіе, Косой долженъ былъ дѣйствовать осторожно; онъ часто перемѣнялъ имя, занимался съ своими учениками только ночью и иногда одѣвалъ ихъ въ монашеское платье, чтобы не быть замѣченными. Во всѣ посты, кромѣ великаго, онъ ѣлъ открыто скоромное, а въ великій постъ онъ ѣлъ скоромное тайно съ своими учениками (стр. 37). Проповѣдуя свое ученіе, онъ разгибалъ священное писаніе и указывалъ своимъ ученикамъ мѣста, на которыхъ онъ основываетъ его.

Косой училъ, что мы никого не должны называть отцомъ, потому что у насъ одинъ отецъ, иже на небесѣхъ. Кресту и иконамъ не поклоняться и никогда не призывать на помощь святыхъ. „Русскіе, говоритъ онъ, называютъ себя православными, а на самомъ дѣлѣ они идолослужители; они созидаютъ храмы и въ нихъ ставятъ иконы мертвыхъ, утверждая ихъ, какъ идолы, на доскахъ; они положили мертвыхъ въ церквахъ въ ковчеги, на соблазнъ всѣмъ, называя ихъ святыми и преподобными, сами уставили имъ каноны, пишутъ и читаютъ ихъ житія, молятся мертвымъ и просятъ ихъ помощи, зажигаютъ предъ ними свѣчи, кадятъ ладанъ и отводятъ людей отъ Бога къ мертвецамъ, пріучая ихъ служить не Богу, Котораго они не знаютъ, а иконамъ“. „Въ евангеліи, продолжаетъ онъ, сказано: горе вамъ, зиждущимъ гробы пророковъ и красящимъ раки праведныхъ“ (см. Зинов., стр. 435). Книги церковныхъ учителей не слѣдуетъ читать, а еще болѣе не слѣдуетъ ходить къ священникамъ, прося ихъ служить молебны или пѣть молитвы, каяться, причащаться, отпѣвать при погребеніи и поминать мертвыхъ. Епископы и попы, говоритъ Косой, какъ идольскіе жрецы, велятъ приносить просфоры, свѣчи, кутью, какъ будто это нужно для Бога; Богу

должно поклоняться духомъ, а не просфорами и канонами (Соч. Зинов., стр. 41, 42 и 43). Всего болѣе выставлялъ Косой важность нравственной стороны христіанства. „Удивляюсь, говорилъ онъ, какъ люди гоняются за тѣмъ, что исчезаетъ, и какъ–бы боятся того, что остается. О любви христіанской они не только не заботятся, но употребляютъ всѣ усилія, чтобы какъ нибудь не сдѣлать что нибудь для нея, какъ говорится: сами не входятъ и другимъ возбраняютъ входить. Такъ дѣлаютъ называющіе себя православными, которые прилежно ищутъ чудесъ у иконъ и мощей, а о любви уже не думаютъ (ib., стр. 791).

Ученіе Матвѣя Башкина ничѣмъ не отличается отъ ученія Косаго. О его жизни еще менѣе извѣстно, чѣмъ о жизни Косаго. Протопопъ Благовѣщенскаго собора такъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Башкинымъ. „Приходитъ ко мнѣ однажды Башкинъ на исповѣдь и говоритъ мнѣ: „я христіанинъ, вѣрую въ Отца, Сына и Святаго Духа, прошу—пользуй душу мою“. Я согласился. На исповѣди онъ говоритъ мнѣ: „велико ваше дѣло, потому что написано: ничтоже сія любви больше, еже положити душу свою за други своя“. Послѣ исповѣди мы познакомились и онъ часто ѣздилъ ко мнѣ для духовныхъ бесѣдъ. „Бога ради, пользуй душу мою, говаривалъ онъ мнѣ, потому что намъ нужно совершенствоваться, да и вамъ нужно показывать примѣръ въ этомъ, потому что въ евангеліи сказано: „научитеся отъ Меня, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ; иго Мое благо и бремя Мое легко есть“. Однажды онъ прислалъ за мной человѣка и, когда я пріѣхалъ къ нему, онъ началъ говорить о священномъ писаніи. „Въ Апостолѣ, говорилъ онъ, написано: „весь законъ заключается въ словахъ: возлюби искренняго твоего, какъ самъ себя“; „если вы сами себя угрызаете и снѣдаете, то берегитесь, чтобы сами не были съѣдены“. А мы держимъ у себя Христовыхъ рабовъ, когда Христосъ называлъ всѣхъ братьями; а у насъ на иныхъ кабалы, на другихъ бѣглыя и полныя: я, благодаря Бога, всѣ полныя изодралъ и держу своихъ людей добровольно; хорошо—жи-

ветъ у меня, не хорошо—идетъ прочь. На соборѣ 1554 г. ученіе Башкина изложено такимъ образомъ: Башкинъ говоритъ хулу на Іисуса Христа, называя Его неравнымъ Отцу; онъ ни во что ставитъ причащеніе, говоря, что мы ѣдимъ простой хлѣбъ и пьемъ вино; отрицаетъ церковь, говоря, что ея составляетъ соборъ вѣрныхъ, а не выстроенныя церкви; отрицаетъ поклоненіе иконамъ, называя ихъ идолами; ни во что ставитъ покаяніе, говоря, что кто перестаетъ грѣшить, тому не нужно каяться; отеческія преданія и житія отцовъ называетъ баснями (А. А. Э. т. I, № 239).

Но далеко не были такъ сильны другія лица, которыхъ соборъ тоже обвинилъ въ ереси. Между ними одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ былъ архимандритъ Артемій. Изъ всѣхъ обвиненій, направленныхъ противъ него, видно только, что это былъ человѣкъ глубоко-религіозный, истинный христіанинъ, но не болѣе. Ни одно обвиненіе въ ереси не доказано. Самъ Курбскій, человѣкъ искренно православный, говоритъ, что Артемія осудили напрасно.

Архимандритъ Артемій былъ сначала монахомъ Андрониковскаго монастыря, откуда онъ ушолъ въ пустыню, чтобы уклониться отъ навѣтующихъ. Здѣсь онъ жилъ, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Порфиріемъ. Проникнутый духомъ христіанскаго смиренія и не желая мірской славы, онъ не хотѣлъ даже принять санъ священника, но, по приказанію Іоанна IV, онъ былъ посвященъ и назначенъ архимандритомъ Троицкаго монастыря (А. А. Э. т. I, № 238). Когда онъ былъ взятъ изъ пустыни, чтобы быть посвященнымъ на мѣсто Троицкаго архимандрита Серапіона, Государь приказалъ ему побыть въ Чудовомъ монастырѣ. Здѣсь онъ встрѣтился съ знаменитымъ Сильвестромъ, который, по волѣ Государя, старался узнать его образъ мыслей и характеръ. Послѣ знакомства съ нимъ, Сильвестръ убѣдился, что онъ наученъ довольно ученія книжнаго, человѣкъ добраго нрава, глубоко исполненный христіанскаго смиренія. Артемій былъ назначенъ Троицкимъ архимандритомъ. Нѣсколько времени спустя, Артемій оставилъ игуменство за свою совѣсть, по

выраженію Сильвестра, или, какъ еще лучше выражается протопопъ Семенъ, потому, что онъ увидѣлъ, что душѣ его не въ пользу игуменство (А. А. Э. т. I, № 233). Онъ удалился въ пустыню, „чтобы себѣ внимати и отъ Бога не погибнуть душею; чтобы, исполняя евангельскія заповѣди, питаться дѣломъ рукъ своихъ". Противъ Артемія выступило много обвинителей, которые не въ состояніи были понять его свѣтлыхъ идей и которыхъ кололъ его христіанскій характеръ. Прежде всего выступилъ Ѳерапонтовскій игуменъ Нектарій. Артемій, говорилъ Нектарій, не проклинаетъ новгородскихъ еретиковъ и не хранитъ поста, потому что въ продолженіи всей четыредесятницы, и въ Воздвиженьевъ день, за столомъ Великаго Государя, онъ ѣлъ рыбу. На это обвиненіе Артемій отвѣтилъ, что если случалось ему гдѣ нибудь у христолюбцевъ ѣсть рыбу, то онъ ѣлъ. Келарь Троицкаго монастыря обвинялъ Артемія въ томъ, что онъ, въ кельѣ корнильевскаго игумена Лаврентія, отрицалъ пользу панихиды объ умершихъ. Я говорилъ, возразилъ Артемій, что Богъ не приметъ поминовенія о тѣхъ лицахъ, которые вели развратную и разбойническую жизнь. Троицкій старецъ Игнатій Курочевъ обвинялъ Артемія въ томъ, что онъ отрицалъ пользу чтенія каноновъ. „Я говорилъ только, возразилъ Артемій, что напрасно тѣ говорятъ: радуйся, да радуйся Пречистая, а сами о чистотѣ не радятъ и пребываютъ въ праздности; такія лица говорятъ молитвы только по привычкѣ. Нектарій снова началъ обвинять его въ томъ, что онъ ѣздилъ изъ Пскова въ новопоставленный нѣмецкій городокъ, ища человѣка, съ кѣмъ бы ему можно поговорить книгами. Дьякъ Шестовъ обвинялъ Артемія въ томъ, что когда онъ велъ Порфирія, его ученика, изъ собора на подворье, а въ это же время вели изъ собора Артемія, Порфирій остановился и сказалъ: „благослови отче". На это Артемій отвѣчалъ: „Богъ отецъ". Порфирій спросилъ: „нужно ли мнѣ сильно защищаться?" Артемій отвѣтилъ: „теперь не время, наше дѣло погибло. Молчи и я буду молчать".

Третьимъ лицомъ, обвиняемымъ на соборѣ, былъ дьякъ

Михайловъ. Противъ него было еще менѣе обвиненій. По всему дѣлу видно, что это былъ человѣкъ малоразвитой, который хотя старался понять болѣе глубоко христіанство, но остановился на полдороги, будучи не въ состояніи идти дальше. Его соблазняло, напримѣръ, что Спасителя пишутъ со сжатыми на крестѣ руками, тогда какъ въ писаніи сказано: „распростеръ Господь Нашъ Іисусъ Христосъ руки на крестѣ“; онъ не допускалъ возможности рисовать образъ Бога Отца, потому что неизобразимаго изобразить нельзя.

Но если нѣкоторые изъ главныхъ дѣятелей этого движенія были осуждены на соборѣ, то дѣло ихъ продолжалось тайно, хотя не выглядывало явно на общественный судъ. Не только въ смутное время мы найдемъ его существованіе, но мы увидимъ его вліяніе и въ періодѣ, слѣдующемъ за смутнымъ временемъ.

Трудно изчислить всѣ великіе результаты этого движенія для общественной и государственной жизни. Все движеніе мысли этого вѣка было страшнымъ врагомъ того общественнаго направленія, которое хотѣло сказать: все старое свято и должно быть неизмѣннымъ. Если оно не могло побѣдить совершенно этого направленія, то ему мы обязаны, быть можетъ, тѣмъ, что мы всѣ не сдѣлались старообрядцами и не погибли навсегда для цивилизаціи.

Вторымъ великимъ слѣдствіемъ этого умственнаго движенія было ограниченіе имущественныхъ правъ монастырей, начавшееся съ этого времени. Въ 1551 г. было постановлено: 1) монастыри безъ дозволенія Государя не могутъ пріобрѣтать вотчинъ; 2) всѣ вотчинники могутъ выкупать отъ монастырей вотчины, отданныя по духовнымъ, по тѣмъ цѣнамъ, которыя написаны въ духовныхъ; 3) всѣ незаконно пріобрѣтенныя вотчины должны быть отняты (А. А. Э. т I, № 227). Хотя этотъ указъ не соблюдался, потому что онъ шолъ противъ цѣлаго строя жизни, но онъ повторился въ 1572 и въ 1581 годахъ. Грамота 1581 года говоритъ объ этомъ вопросѣ въ замѣчательно рѣзкихъ выраженіяхъ: „По священнымъ епископіямъ и святымъ монастырямъ села и деревни

становятся пустыми, вслѣдствіе пьянаго и непотребно-слабаго житія монаховъ, а многія и совершенно запустѣли .. по этой причинѣ Мы Преосвященный Антоній, Митрополитъ всей Россіи съ благочестивымъ Царемъ и Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Россіи и его сыномъ Царевичемъ Иваномъ Ивановичемъ и со всѣмъ соборомъ, и съ царскимъ синклитомъ, уложили... впередъ съ Января 13 вотчинникамъ вотчинъ по душамъ не отдати, а давати за нихъ въ монастыри деньги, которыя села чего стоютъ" (А. А. Э. т. I, № 308).

Замѣчательныя реформы въ церкви и областномъ управленіи въ XVI столѣтіи, несомнѣнно, должны быть приписаны этому же умственному движенію, которое хотѣло положить великіе христіанскіе идеалы добра и справедливости въ основанія жизни.

Наконецъ, это умственное движеніе много способствовало, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, освобожденію государства отъ подчиненія церкви.

ГЛАВА VII.

Отношеніе Царской власти къ обществу.

Русскій человѣкъ XVI вѣка находился въ борьбѣ между двумя противуположностями: съ одной стороны инстинкты дикой натуры, съ другой церковные идеалы.—Характеръ Іоанна IV есть полное выраженіе хорошихъ и дурныхъ сторонъ вѣка.—Попытки теократической организація государства.—Попытки церковной реформы не принесли плодовъ.—Общественные классы и ихъ интересы.—Необходимость самодержавія. Взглядъ Іоанна IV на свою власть.—Іоаннъ покровительствуетъ и защищаетъ низшіе классы.—Боярская Дума и ее значеніе.—Приказы и ихъ значенія. — Государственные доходы и войска.

Если справедливо, съ одной стороны, что характеръ царской власти много зависитъ отъ облеченной ею личности, то, съ другой стороны, составъ и направленіе общества имѣетъ огромное вліяніе и на характеръ власти, и на самого властителя. Въ нашей жизни, какъ мы видѣли, шла неутомимая борьба церковныхъ идеаловъ съ грубою распущенностію варварскаго общества, борьбу этихъ двухъ началъ переживалъ каждый человѣкъ; она отражалась на каждомъ характерѣ. Если церковный элементъ бралъ перевѣсъ, то человѣкъ дѣлался энергическимъ подвижникомъ пустыни, въ постѣ и молитвѣ заглушавшимъ инстинкты дикой природы. Если церковный, нравственный элементъ не касался человѣка, то онъ дѣлался удалымъ разбойникомъ, для котораго не существовало ничего заповѣднаго. Разумѣется, масса общества была, какъ всегда, между этими двумя крайностями. Если она приняла нѣкоторыя религіозныя понятія, то въ сущности ея нравы сохраняли вполнѣ варварскій характеръ.

Въ Западной Европѣ, вскорѣ послѣ эпохи грубѣйшаго арвварства, выработался типъ рыцаря, въ которомъ идея личной независимости была возведена въ идеалъ. Въ нашей исторіи такой типъ не могъ выработаться, по бѣдности и зависимости нашей аристократіи. Въ Западной Европѣ духъ рыцарства и феодальной независимости съ успѣхомъ боролся противъ церковнаго вліянія, требовавшаго безусловнаго подчиненія королевской власти. Въ нашей исторіи церковь скоро успѣла покоритъ себѣ всѣ умы и внушить имъ безусловную покорность власти. Она говорила народу о Царѣ: „Господь Богъ (его) въ себѣ мѣсто избра на земли и на свой престолъ взнесъ посади.“ (Д. А. И. т. I, № 39).

Она стремилась сдѣлаться единственной силой, которая бы управляла всей жизнью общества. Въ 1547 году, не довольствуясь даже ролью правителя народной совѣсти, она, въ лицѣ Сильвестра и его товарищей, попыталась захватитъ въ свои руки и самую самодержавную власть. Можетъ быть, она успѣла бы въ этомъ, если бы въ это время не появилось направленіе, которое иначе стало понимать обязанности церкви. Это направлепіе, какъ мы видѣли, старалось поднять и развить идею внутренней религіозности, нравственную сторону христіанства, которой едва касалась церковь. Это направленіе захватывало слишкомъ глубокіе вопросы, чтобы оно могло быть по плечу грубому обществу, но, тѣмъ не менѣе, даже косвенное его вліяніе было громадно.

Таково было состояніе общества, въ которомъ воспитывался Іоаннъ IV. Онъ былъ полнѣйшимъ выраженіемъ вѣка въ его хорошихъ и дурныхъ сторонахъ. Направленіе его характера ему было дано обществомъ, какъ и всякому индивиду; ему лично принадлежала лишь та смѣлость, которая безбоязненно доводила до конечныхъ результатовъ всѣ добродѣтели и пороки, которыя ему давало общсство. Въ его натурѣ шла таже борьба, которая была въ каждомъ членѣ этого общества, борьба дикихъ, несдерживаемыхъ и необлагороженныхъ умственнымъ развитіемъ страстей съ идсалами

совершенства, даваемыми церковью. Новое направленіе мысли оставило въ немъ глубокій слѣдъ, но не преобразовало его совершенно. Хотя во многихъ отношеніяхъ, какъ мы видѣли, онъ имѣлъ свѣтлые взгляды, но во многихъ отношеніяхъ онъ былъ также грубъ, какъ и общество его воспитавшее; онъ считалъ, какъ извѣстно, бороду и костюмъ принадлежностію вѣры. Изъ какихъ элементовъ сложился нравственный міръ Іоанна IV? Его исторія проста. Въ юности его даровитая натура не была ни кѣмъ сдерживаема; объ ней никто не заботился и даровитый мальчикъ могъ вполнѣ предаваться грубому разгулу, который такъ любило и само общество. Послѣ московскаго пожара, является священникъ Сильвестръ и говоритъ ему во имя церковныхъ идеаловъ, грозитъ ему муками ада; впечатлительный мальчикъ поддается ему и Сильвестръ овладѣваетъ имъ. Тогда онъ, по выраженію Курбскаго, „отдѣляетъ отъ него всякую нечистоту и скверну, прежде ему приключившуюся отъ сатаны“. „Онъ подвижетъ на то и присовокупляетъ себѣ въ помощь Архіерея онаго великаго града, и къ тому всѣхъ предобрыхъ и преподобныхъ мужей, *презвитерствомъ почтенныхъ* и возбуждаетъ Царя къ покаянію“ (Курбскій т. I, стр. 11). Такимъ образомъ, теперь духовенство овладѣваетъ государственной властью и пытается устроить теократію. Впечатлительный Царь подчиняется духовнымъ властямъ; онъ молится, постится, но тѣмъ и ограничивается вліяніе церковниковъ. Нравственное перерожденіе Царя не могло совершится подъ вліяніемъ этой партіи, которая теперь овладѣла трономъ. Самъ Сильвестръ, какъ мы видѣли, хотя владѣлъ большимъ практическимъ умомъ, но былъ человѣкъ узкій; въ умственномъ отношеніи онъ стоялъ не выше толпы. Владѣя умомъ и характеромъ, онъ могъ внѣшнимъ образомъ сдерживать Іоанна на нѣкоторое время, но внутренно онъ остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ. Съ 1547 г. до 1560 продолжалось владычество духовенства, которое стремилось воспользоваться властью отчасти для своихъ мірскихъ выгодъ. Самъ Сильвестръ, какъ извѣстно, не смотря на свою набож-

ность, любилъ хорошо пожить и былъ хорошій знатокъ стола, винъ варяжскихъ и всевозможныхъ медовъ, другіе его товарищи, вѣроятно, шли еще дальше этого. Жадность духовенства къ пріобрѣтенію монастырскихъ имуществъ была безмѣрна. — Иванъ Грозный въ своихъ письмахъ къ Курбскому говоритъ, что они раздавали инокамъ вотчины, принадлежащія дѣду нашему, подобно вѣтру (Курбскій, стр. 188). Такіе распорядки должны были вызвать ненависть придворныхъ, которые принадлежали къ поколѣнію, выросшему подъ вліяніемъ новыхъ религіозныхъ идей. Самъ Царь, мало по малу, сталъ смотрѣть на это иными глазами. Онъ началъ видѣть корыстолюбіе тамъ, гдѣ прежде видѣлъ духовное рвеніе. Тѣ средства, которыя были достаточны, чтобы запугать мальчика, казались „дѣтскими пугалы", по выраженію Іоанна, для человѣка зрѣлаго (Курбскій, стр. 215). Грозный Царь не принялъ всѣхъ идей, которыя давала ему новая школа, но онъ принялъ тѣ изъ нихъ, которыя согласовались съ потребностями его натуры; отъ Сильвестра и его товарищей, онъ напитался идеями о великомъ значеніи своей власти. Ему оставалось сдѣлать рѣшительный шагъ, чтобы освободиться отъ людей, которые мѣшали ему и онъ сдѣлалъ его. Мысли, которыя онъ высказываетъ Курбскому, по поводу этого акта своей жизни, весьма замѣчательны, „какъ ты не можешь этого понять, пишетъ Іоаннъ, что русскій самодержецъ не можетъ быть во власти у своего попа невѣжды. Иль ты думаешь, что весь свѣтъ благочестія состоитъ въ томъ, чтобы царство управлялось попами и измѣнниками, а Царь бы подчинялся имъ". „Развѣ это не противно разуму и совѣсти, что невѣжда будетъ управлять Богомъ установленнымъ Царемъ. Какое царство не раззорится, которымъ будутъ управлять попы" (Переписка съ Курбскимъ, стр. 117). „Кромѣ тебя, кто скажетъ развѣ для смѣха, что нужно попу повиноваться" (Ib. стр. 102). „Неужели то хорошо, что попы и гордые и лукавые рабы будутъ владѣть Царемъ, а Царь же будетъ удостоенъ только формальнаго предсѣдательства и чести, а по власти будетъ

рабъ. Какъ же я могу назваться самодержцемъ, если не самъ управляю“ (Ib. стр. 172). „Вы всѣ вмѣстѣ задумали и положили въ совѣтѣ, чтобъ я былъ только словомъ Государь, а Вы бы съ попомъ владѣли. Скажи мнѣ, неужели прилично священнику принимать на себя обязанности Царя“ (Ib.) „Посмотри и подумай, какого бываетъ управленіе тамъ, гдѣ Цари послушны духовенству и совѣту; въ какую гибель приходятъ эти страны. Двѣ вещи совершенно разныя: спасать свою душу и заботиться о душахъ другихъ; совсѣмъ другую жизнь нужно вести постнику и живущему въ обществѣ; совсѣмъ другую власть нужно имѣть Царю и Епископу. Постникъ подобенъ агнцу, который никогда не сердится, или птицѣ, которая не сѣетъ, не жнетъ, не собираетъ житницы; живя въ мірѣ, люди, отрекшіяся отъ него, по неволѣ должны думать о его строеніи, заботиться о немъ, исправлять его; если они не будутъ дѣлать это, то общая жизнь разрушится. Пойми-же, чѣмъ разнится жизнь постника и Царя; ты видѣлъ ее собственными глазами и ужели не можешь понять, что это такое“ (ib. стр. 176).

Но какъ скоро для Царя разрушилось то обаяніе, которое внѣшнимъ образомъ сдерживало его страсти, тогда обнаружилось, что тринадцать лѣтъ правленія духовенства не передѣлали его натуры, не дали ей болѣе духовныхъ наслажденій. Внѣшняя сдержанность пала и натура высказалась такой же дикой, какъ она была и прежде. Въ остальной его жизни видна та же борьба, изъ которой не было выхода. То безумный разгулъ, то страстное покаяніе, земные поклоны до кровавыхъ пятенъ.

Тѣ-же идеи, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась личность Іоанна, отразились и на государственной дѣятельности. Первое вниманіе онъ обратилъ на церковь и желаніе преобразовать ее, сообразно идеямъ времени. Мы видѣли, что громадныя имущества шли въ монастыри неудержимымъ потокомъ и грозили поглотить общественныя богатства. Лучшіе люди изъ духовенства и служилое сословіе начали понимать, что жизнь монаховъ далеко не соотвѣтствуетъ христіанскому

идеалу, что богатыя имущества идутъ только на пьянство монаховъ и содержаніе ихъ родственниковъ. Но не многіе дѣлали послѣдніе выводы изъ своего положенія и требовали окончательнаго уничтоженія монастырскихъ имуществъ; такая мысль была слишкомъ смѣлой для массы набожныхъ людей. Чуткій къ новому религіозному движенію, которымъ было занято общество, Іоаннъ IV собралъ соборъ, на которомъ было опредѣлено:

1) Возвратить тѣ вотчины, которыя роздали монастырямъ бояре.

2) Впредь архіепископамъ, епископамъ и монастырямъ не пріобрѣтать вотчинъ, безъ соизволенія царя.

3) Помѣстныя земли и черныя земли, которыми несправедливо овладѣли монастыри, возвратить прежнимъ владѣльцамъ.

4) Вотчины бывшихъ удѣльныхъ князей не раздавать по монастырямъ.

Кто отдастъ вотчину въ монастырь безъ соизволенія государя, та вотчина отбирается безденежно (А. А. Э. т. I, № 227).

Въ церковномъ устройствѣ и управленіи были сдѣланы важныя преобразованія: 1) были установлены церковные старосты для надзора, чтобы духовенство въ пьянство не упивалось; 2) отдѣлены строго мужскіе монастыри отъ женскихъ; 3) установлена болѣе строгая жизнь въ монастыряхъ; 4) опредѣлено, чтобы міряне не судили духовенство въ судахъ епископовъ; 5) уничтожены многіе поборы властей; 6) было постановлено завести школы для образованія духовенства.

По-видимому было сдѣлано много, но результаты были бѣдны и жалки, потому что коренное зло — недостатокъ образованія — было не тронуто. Монастыри, по прежнему, пріобрѣтали имущества, такъ что нужно было новое подтвержденіе указа въ 1581 г. (А. А. Э. т. I, № 308). Церковное самоуправленіе не привилось, потому что въ 1594 г. мы снова видимъ попытку ввести старостъ, которыхъ установилъ Грозный. Невѣжество священниковъ оставалось та-

кимъ же, какъ и прежде, и готовило церковный расколъ. Въ этомъ отношеніи едва ли не главной заслугой Іоанна было то, что онъ уничтожилъ правленіе „преподобныхъ людей, презвитерствомъ почтенныхъ“. Безспорно, что вторая половина его царствованія отличается неслыханной тиранніей; но для государства было лучше вынести временную тираннію, чѣмъ видѣть прямо установившуюся теократію.

Посмотримъ теперь какимъ образомъ царская власть относилась къ остальному обществу, какія идеи она преслѣдовала. Мы видѣли прежде, что въ этомъ обществѣ было пять классовъ, которые имѣли свой особенный характеръ и свои особенные интересы. Едва-ли не важнѣйшимъ классомъ было духовенство, которое стремилось получить громадныя имущества и освободить ихъ отъ всѣхъ общественныхъ и государственныхъ повинностей. Если не первымъ, то вторымъ классомъ были знатные боярскіе роды, составившіеся изъ потомковъ удѣльныхъ князей, которые еще не могли забыть свое недавнее значеніе, а потому стремились къ власти, на сколько это было возможно при ихъ бѣдности. Но, хотя цѣль у всѣхъ этихъ родовъ была одна, они стремились къ власти каждый по одиночкѣ; у нихъ не было корпоративнаго духа, какъ я замѣтилъ выше, потому что ихъ желаніе было не столько охранить пріобрѣтенное, сколько пріобрѣсть вновь. Третьимъ классомъ были дѣти боярскіе, которыхъ интересы прямо расходились съ интересами знати, потому что они также стремились пріобрѣсть, какъ и она. Между ними и высшей аристократіей не могло быть согласія, какъ его не можетъ быть между соперниками, стремящимися къ одной цѣли. Четвертымъ классомъ, весьма незначительнымъ по числу, были торговые люди, интересомъ которыхъ было хотя нѣкоторое облегченіе отъ налоговъ, тяжело лежащихъ на городахъ. Но въ этомъ пунктѣ они мало сходились съ двумя предшествующими классами, которые съ удовольствіемъ готовы были возложить часть своего бремени на города. Пятымъ классомъ были крестьяне, которыхъ интересъ состоялъ въ томъ, что бы быть сколько нибудь обезпеченными отъ

произвола и насилій помѣщиковъ. При такой разрозненности интересовъ, самодержавіе было единственнымъ исходомъ. Потребность самодержавія, говоритъ профессоръ Чичеринъ, основана на раздѣльности общественныхъ стихій. Если необходимое для государства единство не можетъ установится согласіемъ гражданъ, тогда остается прибѣгнуть къ власти, сосредоточенной въ одномъ лицѣ. Можно постановить общимъ правиломъ, что чѣмъ менѣе единства въ обществѣ, тѣмъ сосредоточеннѣе должна быть власть“ (Народн. Предст., стр. 387).

Но если разрозненность интересовъ вызывала потребность самодержавной власти, то при грубости вѣка эта власть проявлялась часто съ излишней суровостію. Изъ переписки Курбскаго съ Іоанномъ, мы узнаемъ до какихъ крайностей доводилъ Грозный понятіе о неограниченности своей власти. Упрекая Курбскаго, Іоаннъ IV говоритъ ему: „Почему ты не сдѣлался ревнителемъ благочестія; почему, ради одного моего гнѣвнаго слова, ты не только погубилъ свою душу, но и души всѣхъ предковъ своихъ, которые Божіимъ изволеніемъ дѣду нашему, Великому Государю, Богомъ поручены въ работу; они, дабы спасти свои души до смерти своей Намъ служили и вамъ, своимъ дѣтямъ, приказали служити (Пер. Курбск., стр. 161). Іоаннъ не признавалъ другихъ формъ правленія, кромѣ самодержавія, или признавалъ ихъ недостойными христіанскаго царства. Въ одномъ письмѣ къ Курбскому, онъ говоритъ: „А о безбожныхъ человѣцѣхъ, что и глаголати! Понеже тіи всѣ царствія своими не владѣютъ; какъ имъ повелятъ работные ихъ, такъ и владѣютъ; а Россійскіе самодержцы изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи“ (стр. 162). Эти церковные идеи, которыя такъ смѣло высказывалъ Іоаннъ, были распространены и въ массѣ боярства. Самые смѣлые между ними думали въ это время только о правѣ совѣщательномъ. Курбскій говоритъ, что Царь долженъ во всѣхъ дѣлахъ совѣщаться съ синклитомъ; если онъ неимѣетъ какого либо дарованія, то долженъ искать совѣта не только у своихъ

совѣтниковъ, но и у народа, потому что даръ духа дается не по богатству внѣшнему и силѣ царства, но по правости душевной, потому что Богъ не смотритъ на могущество и гордость, но на правоту душевную (Курб., стр. 45 и 46). Эти выраженія были очень умѣренны въ устахъ человѣка, который бѣжалъ отъ деспотизма Іоанна IV и былъ внѣ опасности высказать все, что онъ думалъ. Можно даже сказать, что дѣйствительность стояла не слишкомъ далеко отъ идеала, потому что во всѣхъ важныхъ случаяхъ, Іоаннъ совѣтовался съ боярами, а дважды даже созывалъ Земскій Соборъ.

Но какъ не слабы были притязанія боярства, они казались преступными Царю, имѣвшему такія высокія понятія о своемъ назначеніи и презиравшемъ своихъ подданныхъ, какъ холоповъ. Онъ очень хорошо понялъ, что его опора низшіе классы, а его противники—бояре и духовенство, два класса, пытавшіеся эксплуатировать государство въ видахъ собственныхъ интересовъ. Мы видѣли, какіе упреки онъ дѣлаетъ духовенству; точно также онъ упрекаетъ бояръ, что они воспользовались временемъ его малолѣтства, чтобы ограбить государство, въ видахъ интересовъ своихъ фамилій (Курб., стр. 183). „Отъ многаго вашего озлобленія, утѣсненія, говоритъ боярамъ Іоаннъ, вмѣсто кровей много изліяся слезъ нашихъ, паче же и воздыханія и стѣсненія сердечныя“. Хорошо понимая, гдѣ искать ему друзей и гдѣ его враги, онъ созываетъ въ 1550 году соборъ, на которомъ присутствовали „изъ городовъ всякаго чину“. Въ 1547 году, онъ вышелъ на лобное мѣсто, сопровождаемый хоругвіями и духовенствомъ, и, поклонившись народу на всѣ стороны, онъ сказалъ: „Люди Божіи и намъ Богомъ дарованные! Прошу васъ имѣйте вѣру въ Бога и любите насъ. Теперь уже не возможно помочь обидамъ, раззоренію и налогамъ, которые вы претерпѣли во время молодости моей, по злобѣ бояръ моихъ и властей, безсудства, неправеднаго лихоимства и сребролюбія; молю васъ оставить другъ другу вражды и тяготы свои безъ послѣдствій, на сколько это возможно; отнынѣ я самъ

буду вамъ судія и оборона, я буду охранять васъ отъ неправдъ и возвращать похищенное“ (С. Г. Г. Д. т. II, № 37). Созваніе представителей народа, рѣчь къ толпѣ, собравшейся на московской площади, ясно показываютъ, что молодой царь сразу понялъ, что масса народа не только не боится его власти, но съ надеждой ждетъ отъ нея всего лучшаго. Понявъ вѣрно свое положеніе, онъ до конца жизни остается покровителемъ низшихъ противъ высшихъ: онъ покровительствуетъ крестьянамъ, постоянно поддерживаетъ интересы дворянъ и дѣтей боярскихъ противъ бояръ; города и уѣзды получаютъ самоуправленіе; право перехода крестьянъ, которое всѣми силами старалась уничтожить аристократія, находитъ въ немъ своего защитника. Въ 1555 году, онъ пишетъ дьякамъ, управляющимъ Новгородомъ: „на которыхъ дѣтей боярскихъ и земцевъ изъ Ржева, Пскова или Лукъ будутъ вамъ жаловаться выборные головы, Чудейка Левонтьевъ съ товарищами, что они не выпускаютъ изъ за себя крестьянъ, въ опредѣленный закономъ срокъ, для жительства въ наши черныя деревни, то вы давайте имъ подъячаго или кого пригоже, и велите ему, вмѣстѣ съ выборными головами, вывозить крестьянъ, въ опредѣленный срокъ изъ за земцевъ и дѣтей боярскихъ (Д. А. И. т. I, № 56). Въ Судебникѣ, опредѣливъ количество пожилаго въ 1 рубль и два алтына въ четыре года, и за свозъ крестьянскаго имущества съ прежняго двора—два алтына, онъ прибавляетъ категорически: „а опричь того пожилаго нѣтъ“ (Судебн., стр. 88). Зная, что всего легче терялась свобода въ этомъ обществѣ посредствомъ займа у богатыхъ, когда бѣднякъ оставался жить у кредитора для заработка процентовъ, и, разумѣется, оставался всегда должникомъ, не могущимъ выплатить капиталъ, Іоаннъ Грозный категорически запрещаетъ должникамъ жить у кредиторовъ, прибавляя, что въ противномъ случаѣ онъ не будетъ судить, если бы должники, что либо украли у своихъ кредиторовъ (Судебн., стр. 32). Наконецъ, благо самоуправленія, которое далъ обществу Грозный Царь, въ сущности есть даръ крестьянству, потому что высшіе

классы, занятые постоянно военной службой, не могли участвовать въ самоуправленіи общества. Даже самоуправленіе, въ своей сущности, направлено противъ интересовъ аристократіи, которая „кормилась“ въ провинціяхъ.

Но если интересы крестьянства находили въ Царѣ своего главнаго защитника, интересы боярства встрѣтили въ немъ своего страшнаго врага. Достаточно вспомнить, что Іоаннъ въ 1562 году уничтожилъ право продажи вотчинъ, принадлежащихъ бывшимъ удѣльнымъ князьямъ, которые составляли теперь главную опору боярства. По этому закону князья не могли отдавать своихъ вотчинъ въ приданое за дочерьми и сестрами; при отсутствіи прямыхъ наслѣдниковъ они поступали въ казну (А. И. т. I, стр. 268).

Вотчины перекупленныя отъ собственниковъ поступаютъ въ казну безъ вознагражденія, если со времени покупки прошло двадцать лѣтъ; съ незначительнымъ вознагражденіемъ, если они куплены за десять лѣтъ. Безчисленныя опалы и казни, такъ великолѣпно обрисованные Карамзинымъ, составляютъ только варіацію на эту тему.

Такъ относилась царская власть къ сословіямъ, но посмотримъ какъ она относилась къ учрежденіямъ, которые управляли обществомъ.

Абсолютная, неограниченная власть Грознаго Царя нисколько не ослабилась соправительствомъ Боярской Думы, которая играла роль только высшаго совѣщательнаго учрежденія. Боярская Дума составилась изъ бояръ, окольничьихъ и думныхъ дворянъ; званіе думныхъ дворянъ была должность, созданная самимъ Іоанномъ въ 1572 году (Д. Р. В. т. XX, ст. 52), чтобы ввести въ Думу людей, не принадлежащихъ къ знатнымъ родамъ, которые одни до сихъ поръ засѣдали въ Думѣ. Кромѣ этого въ Думѣ засѣдали царскіе дьяки, происходящіе также не изъ знатныхъ родовъ, а потому любимые слуги Царя. На соборѣ 1566 года, подавали вмѣстѣ голоса, а слѣдовательно и составляли Боярскую Думу: 16 бояръ, 3 окольничьихъ, 2 казначея, печатникъ Сукинъ, о которомъ сказано, что онъ сидитъ на судѣ у бояръ и 6 дья-

ковъ (С. Г. Г. и Д. т. I, стр. 547). Какія дѣла должны были идти въ Думу Боярскую и какія разрѣшались самимъ Царемъ, объ этомъ нельзя составить точнаго понятія; по всей вѣроятности, это прямо зависѣло отъ воли Царя. „Царь указалъ, а бояре приговорили", такова фраза, которая писалась въ актахъ, слѣдовательно, бояре приговаривали только о тѣхъ дѣлахъ, на которые указывалъ Царь. Правда, большая часть законоположеній была сдѣлана по совѣту съ Думой Боярской. Судебникъ былъ составленъ по совѣту „съ своею братью и бояры". Нѣкоторыя дополнительныя статьи къ Судебнику по совѣту „со всѣми бояры", а о нѣкоторыхъ сказано просто, что составленъ по совѣту „съ бояры". Зато о нѣкоторыхъ законодательныхъ мѣрахъ сказано просто, что ихъ постановилъ Государь (А. И. т. I, № 154, ст. VIII), или, еще яснѣе: бояринъ Князь Иванъ Ѳедоровичъ Булгаковъ приказалъ дьякамъ Юрью Боженину, да Василью Мелентьеву, а велѣно записать въ тетрадь памяти для, что Царь и Великій Князь приказали имъ боярамъ словомъ своимъ (А. И. т. I, стр. 262). Къ числу мѣръ, рѣшенныхъ безъ всякаго совѣта съ боярами, относятся необыкновенно важныя мѣры. Такъ въ 1558 году, Государь постановилъ, что всѣ должники отнынѣ могутъ выплачивать свои долги безъ процентовъ отъ 1558 года по 1563 года; такое уничтоженіе процентовъ за пять лѣтъ равнялось стоимости капитала, такъ какъ законный процентъ въ это время былъ 20% на рубль (А. И. т. I, № 154, ст. VIII). Многія постановленія, касающіяся подробностей судопроизводства, были сдѣланы просто по приказанію Государя дьякамъ или боярамъ, сидѣвшимъ въ приказахъ. Всѣ грамоты, которыми давалось общинамъ губное право; грамоты, уничтожающія намѣстниковъ и вводящія самоуправленіе, даются по указу Царя, безъ боярскаго приговора, просто со скрѣпой дьяковъ. Жалованныя несудимыя грамоты, съ освобожденіемъ податей, давались Царемъ изъ приказовъ. Боярская Дума не имѣла никакой привилегіи, въ отношеніи суда своихъ сочленовъ. Но всего рельефнѣе ничтожность Боярской Думы выражается въ

томъ, что всѣ финансовыя вопросы, касающіяся количества податей и пошлинъ, рѣшались безъ всякаго совѣта съ Думой Боярской, чрезъ приказы. Грамоты, опредѣляющія количество податей съ бѣлыхъ сохъ, то есть, съ земель, принадлежащихъ служилому сословію и духовенству, точно также какъ подати и повинности сбираемыя съ горожанъ и крестьянъ, писаны отъ имени Царя, съ помѣтой дьяка (Д. А. И. т. I, №№ 78, 88 и 94). Таможенныя грамоты, опредѣляющія налогъ на товары, пишутся также отъ имени Царя и Великаго Князя, по приказу казначеевъ. Въ таможенной грамотѣ 1563 года, сказано: „по Цареву и Великаго Князя слову, Царевы и Великаго Князя дьяки... дали на оброкъ таможенныя пошлины (А. А. Э. т. I, № 263). Въ таможенной грамотѣ 1571 года сказано, что она написана „по Цареву указу“ (А. № 282).

Въ дѣлахъ судныхъ, Думѣ подлежали иски на намѣстниковъ и волостелей; въ этомъ случаѣ, судъ производился по окончаніи намѣстничества, но только тогда, если на это согласятся всѣ бояре, а не одинъ бояринъ и дьякъ (Судеб. ст. 75). Въ Думѣ же, по порученію Государя, разбирались иски мѣстническія и дѣла высшихъ чиновъ, начиная со стольника (Судебн., Инст. Дмитріева, стр. 143). Изъ всего этого можно вывести заключеніе, что Дума Боярская играла весьма незначительную роль въ управленіи страной.

Все дѣйствительное управленіе государствомъ сосредоточивалось въ приказахъ и исходило отъ единой воли Государя. Всѣ приказы были ни что иное, какъ многочисленныя канцеляріи Государя, занятыя всѣми отраслями управленія по его порученію (приказу), подъ его личнымъ надзоромъ и контролемъ. Это положеніе вещей естественно развилось изъ вотчиннаго принципа, по которому хозяинъ–вотчинникъ есть естественный распорядитель всего и въ его вотчинное управленіе никто не можетъ вмѣшиваться. Безсиліе служилаго сословія и его полную покорность лучше всего доказываетъ это громадное развитіе приказной системы, въ которой если отдѣльные бояре или вообще члены служилаго со-

словія и принимали участіе, то ихъ роль была вполнѣ подчиненной, зависимой отъ воли Великаго Князя, въ рукахъ котораго они были только чиновниками.

Полная организація управленія, посредствомъ приказовъ, относится ко времени Грознаго, хотя нѣкоторые изъ нихъ были и при Василіѣ. Очень вѣроятно, что многіе приказы возникали одновременно съ придворными должностными лицами, которыя стояли во главѣ ихъ. Сущность приказной системы состоитъ въ томъ, что лице, управляющее приказомъ есть естественный судья всѣхъ своихъ подчиненныхъ. „А кто къ которому боярину, говоритъ Судебникъ (ст. 7), или ко дворецкому, или къ казначею, или къ дьяку, придетъ жалобникъ его приказу, и ему жалобниковъ своего приказу отъ себя не отсылати, а давати ему жалобникомъ своего приказу всѣмъ управа". Въ концѣ царствованія Іоанна III, а именно въ 1495 году, возникли должности казначея, постельничаго, ясельничаго, а въ 1496 году — конюшаго; въ царствованіе Іоанна IV возникла должность сокольничаго (1576), причемъ она была отдѣлена отъ должности ловчаго, которая, вѣроятно, была очень старинной (Д. Р. В. т. XX). Вмѣстѣ съ образованіемъ этихъ должностей, образовывались отдѣльныя вѣдомства съ начальниками и подчиненными, причемъ послѣдніе судились у своихъ начальниковъ; такъ напримѣръ: у сокольничаго судились всѣ сокольники, у ловчаго — всѣ принадлежащіе къ царской охотѣ, у постельничаго — всѣ подчиненные служители спальни государевой, у конюшаго— всѣ служители царскихъ конюшень. Должность дворецкаго, какъ правителя царскихъ имѣній, была самою старинной, потому что въ ней естественно выразилась первая потребность вотчинника, имѣющаго большія владѣнія.

Вѣроятно, по образцу этихъ задатковъ, образовались настоящіе приказы, въ томъ смыслѣ, какъ они организовались позднѣе; для этого необходимо было только раздѣлить Россію на особыя области и подчинить ихъ подъ судъ отдѣльныхъ лицъ, съ придачею къ нимъ дьяковъ для письменныхъ дѣлъ. Это, вѣроятно, и совершилось въ царствованіе Василія

Ивановича, а также во время малолѣтства Іоанна IV. Дьякомъ помѣчена первая грамота въ 1484 году (А. И. т. I, № 91), но и послѣ этого времени еще не всѣ грамоты помѣчаются дьяками; въ царствованіе Василія это дѣлается уже постоянно.

Во времена Судебника, Россія уже была раздѣлена на области, подчиненныя боярамъ и дьякамъ, сидящимъ въ приказахъ. Въ Судебникѣ сказано о присылкѣ городскихъ размѣнныхъ книгъ, что ихъ нужно „ежегодъ присылать на Москву, къ тѣмъ боярамъ и къ дворецкимъ, и къ казначеямъ, и къ дьякамъ, у кого будутъ которые городы въ приказѣ“ (ст. 72). Но едва ли не вся администрація начала царствованія Грознаго была сосредоточена въ двухъ приказахъ, а именно: у казначея и въ приказѣ Большаго дворца.

Казначеямъ принадлежала огромная масса дѣлъ, которыя позднѣе были отданы нѣсколькимъ приказамъ. Казначеевъ было два и у каждаго былъ особый приказъ, хотя въ главныхъ дѣлахъ они дѣйствовали вмѣстѣ. Я дѣлаю предположеніе объ особомъ приказѣ у каждаго казначея, потому что, въ разрядахъ 1556 года, у каждаго казначея поименованы особые дьяки: такъ, при Сукинѣ было 15 дьяковъ и 1 дворцовый, а при Тюминѣ — 23 дьяка и 1 дворцовый (Д. Р. В. т. XIII, стр. 255). Это огромное количество дьяковъ, уже одно, указываетъ на громадное количество дѣлъ. Обязанности казначеевъ были самыя разнородныя. Съ начала они, вѣроятно, были только хранителями царской казны, состоящей въ деньгахъ и вещахъ, обязанность, которая за ними осталась на всегда. Въ дворцѣ Грознаго, въ особой комнатѣ, хранились разныя грамоты въ ящикахъ, изъ которыхъ въ ящикѣ 215 былъ помѣщенъ указъ, какъ казначеямъ закупать разную рухлядь (А. А. Э. т. I, № 289). Вмѣстѣ съ развитіемъ администраціи, казначеямъ стали даваться самыя разнообразныя дѣла. Очень рано, къ казначеямъ были приписаны особые города, для которыхъ казначеи были высшими судьями. Въ 1556 г., государь приказалъ прислать казначеямъ намять „о служащихъ добровольно безъ крѣпостей“ и прика-

залъ казначеямъ записать эту память въ судебникъ и отослать въ города, „которые имъ приказано судити“. Очень можетъ быть, что казначеямъ принадлежалъ смѣстный судъ во всѣхъ городахъ, которымъ были даны уставныя грамоты. Въ уставной Вагской грамотѣ сказано: „кому будетъ искати опричнымъ людямъ на Шенкурцовъ и на Вельскихъ посадскихъ людяхъ... приходятъ о управахъ на Москву къ казначеямъ нашимъ... и дьяку Истомѣ Наугородову (А. А. Э. т. I, №№ 234, 242, и 243; А. И. т. I, № 147). Казначеи судили жителей Новгорода и Пскова, если они тягались не съ жителями своей области (Суд., ст. XVI). Раздача помѣстій изъ черныхъ земель тоже едва ли не принадлежала сначала казначеямъ, потому что въ одной грамотѣ 1548 года сказано: „У нашихъ казначеевъ вписали грамоту на то Музино помѣстье“ (А. А. Э. т. I, № 220). Казначеи отдавали на откупъ таможенныя пошлины и сбирали доходы съ оброчныхъ статей (А. А. Э. т. I, №№ 223, 230 и 263). Они сбирали пошлины, которыя жители должны были платить за пользованіе самоуправленіемъ (А. А. Э. т. I, № 250). Они взимали оброкъ съ имѣній и оброчныхъ статей, отданныхъ въ аренду (А. А. Э. т. I, № 236), собирали деньги за посошные люди (А. А. Э. т. I, № 234), что можно заключить по имени дьяка Ноугородова, который служилъ у казначеевъ. Кромѣ всего этого, казначеямъ принадлежалъ судъ по нѣкоторымъ предметамъ. Такъ, въ 1559 году, законъ о служилыхъ кабалахъ былъ посланъ казначеямъ; крѣпости на новокрещеновъ писались въ книгѣ у казначеевъ (Суд. ст. XII и XIII. Въ 1561 году, имъ приказано судить по дѣламъ о кабалахъ (Суд. ст. XVI). Отпускныя грамоты выдавались казначеями (Суд. ст. VIII).

Въ такой же мѣрѣ важенъ приказъ Большаго дворца; въ немъ сосредоточивалось управленіе дворцовыми имѣніями, онъ завѣдывалъ всѣмъ, что касалось стола Государя и, кромѣ того, ему принадлежалъ судъ по жалобамъ на настоятелей нѣкоторыхъ монастырей. Все управленіе дворцовыми имѣніями, т. е. хозяйственныя распоряженія, назначеніе посель-

скихъ, судъ по жалобамъ на посельскихъ, сборъ доходовъ,— все это принадлежало приказу Большаго дворца. Когда нѣкоторымъ селамъ были даны уставныя грамоты, избавляющія крестьянъ отъ суда посельскаго и дозволяющіе самоуправленіе, то судъ надъ выборными прикащиками оставался обязанностію дворецкаго (А. И. т. I, № 165; А. А. Э. т. I, №№ 201, 240 и 324).

Въ вѣденіи дворецкаго состоялъ хлѣбный дворецъ, кормовый дворецъ и сытный дворецъ, изъ которыхъ въ каждомъ было по ключнику степенному, да по ключнику путному, да подключнику, а имъ были подчинены приспѣшники, повара (А. И. т. II, № 355).

Такъ какъ мы уже говорили, что Государь былъ верховнымъ покровителемъ церкви, то для насъ будетъ очень понятно, что онъ могъ поручить вѣденіе церквей и монастырей приказу Большаго дворца, какъ учрежденію, наиболѣе близкому себѣ. Въ приказѣ Большаго дворца былъ списокъ всѣхъ монастырскихъ вотчинъ (А. И. т. I, № 222; А. А. Э. т. I, № 337 и 388). Если монастырямъ давались жалованныя несудимыя грамоты, то судъ, по жалобѣ на настоятеля, давался дворецкому Большаго дворца (А. А. Э. т. I, №№ 208 и 308; А. И. т. I, № 788). Приказы: конюшій, ловчій, сокольничій, вѣроятно существовали уже въ это время.

Къ этому же времени нужно отнести начатки разбойнаго приказа. Въ 1539 году, когда была дана первая губная грамота, въ ней было сказано, чтобы по нужнымъ дѣламъ губные судьи обращались къ князю Пенкову съ товарищи (А. А. Э. т. I, № 187). Такую же роль игралъ Морозовъ въ 1541 году (ib. № 194). Въ губной 1549 года упоминается о боярахъ, которымъ приказаны разбойные дѣла, а въ 1571 году уже создается разбойная изба (А. А. Э. т. I, № 285).

Распредѣленіе служилыхъ людей и раздача помѣстій, во все царствованіе Грознаго, принадлежали самому царю и, кажется, не было особаго приказа, потому что еще въ 1610 году въ извѣстной грамотѣ, писанной для Владислава, сказано: "Разряднаго дьяка повинность всѣмъ разряжать, бояры,

дворяне, и дьяки, и дѣтьми боярскими, гдѣ куды Государь разскажетъ и всѣхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ держати въ вѣдомости и смотрѣти, чтобы всѣ были въ цѣлости. Помѣстнаго дьяка повинность: по разсказанью Цареву помѣстія раздавать“.

Позднѣе и, вѣроятно, не ранѣе шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія, возникли приказы: стрѣлецкій, пушкарскій, иноземный, въ которыхъ былъ сосредоточенъ судъ и управленіе всѣми дѣлами, касающимися стрѣльцовъ, пушкарей и иноземцевъ, бывшихъ въ нашей военной службѣ (Д. Р. В. т. XIII, стр. 422). Объ устройствѣ стрѣлецкаго приказа въ извѣстной грамотѣ 1610 года сказано: „что въ немъ бояринъ, да два дьяка, вѣдаютъ во всей землѣ Московскаго государства, по всѣмъ городамъ стрѣльцовъ“. О пушкарскомъ приказѣ та же грамота говоритъ, что здѣсь бояринъ, да оба дьяка вѣдаютъ всякій бой вогненный.

Къ этому же времени относится образованіе ямскаго приказа, которому были подвѣдомственны ямщики, и холопьяго суда, судебнаго мѣста, занимающагося процессами о холопахъ. О немъ упоминается, уже, въ 1578 году (Д. Р. В. т. XIII, стр. 350).

Къ этому же времени нужно отнести образованіе земскихъ приказовъ, въ которыхъ сосредоточено было полицейское управленіе столицей, какъ наблюденіе, чтобы лѣтомъ не топили избъ, чтобы не было корчемной продажи вина и, кромѣ того, этимъ же приказамъ была подвѣдомственна пожарная команда (Д. Р. В. т. XV, ст. 366; А. И. т. II, № 355).

Къ концу царствованія Іоанна Грознаго и ко времени царствованія Ѳедора Ивановича, т. е. къ восьмидесятымъ годамъ XVI столѣтія, нужно отнести образованіе четвертей и приказа Большаго прихода, по крайней мѣрѣ, опи упоминаются только въ грамотахъ этого времени. Въ Двинской таможенной грамотѣ 1588 года сказано: „а собравъ таможенныя пошлины сполна... привозить къ намъ, къ Москвѣ, въ Четь дьяка нашего Щелкалова, вмѣстѣ съ данными и оброчными деньгами“. Такимъ образомъ, сборъ таможенныхъ

пошлинъ, бывшій прежде въ вѣденіи казначеевъ, теперь собирается иногда четвертями (А. А. Э. т. I, №№ 338 и 352). Къ этому же времени относится образованіе приказа Большаго дворца, въ которомъ начали сосредоточиваться сборы таможенныхъ пошлинъ (А. А. Э. т. I, №№ 342, 362 и 636). Въ 1588 году сюда платились ямскія и полонянечныя деньги (А. И. № 209 и 211, ст. 1 и 213). Въ 1610 году, здѣсь сбирались со всей земли доходы денежные, ямскія и полонянечныя деньги. Во всѣхъ этихъ приказахъ сидѣли одни дьяки.

Организація приказовъ была довольно проста. Гдѣ былъ бояринъ съ товарищемъ, тамъ управленіе было коллегіальное, хотя не вполнѣ выработанное, на подобіе коллегіальности областнаго управленія. Судъ бояръ и дьяковъ въ это время разсматривался, какъ кормленіе, потому что судебныя пошлины шли въ частные доходы дьяковъ; это кормленіе, вѣроятно, продолжалось до тѣхъ поръ, пока дьякамъ не было назначено жалованье. Дьякъ долженъ былъ составлять списокъ того, что повѣрялось на судѣ. Въ Судебникѣ сказано: „которыя дѣла судятъ бояре, тотъ судъ велити дьякамъ записывать (Суд. ст. 4). У дьяка были подъячіе, которыхъ назначеніе было переписывать бумаги, составленныя дьякомъ (Суд. ст. 4 и 5). Возможные поборы и страшное взяточничество были общимъ порокомъ всѣхъ чиновныхъ лицъ, какъ мы видѣли выше изъ сочиненій Максима Грека (гл. VI). Разумѣется, приказные люди не оставались въ этомъ дѣлѣ позади другихъ чиновныхъ лицъ. Русскій лѣтописецъ говоритъ, что даже Годуновъ, не смотря на свое доброе желаніе, не могъ истребить лихоимство; правители областей брали взятки и потому еще, что должны были дѣлиться съ начальниками четей и другихъ приказовъ (Истор. Солов. т. VII, стр. 377).

Въ заключеніе этой главы, мнѣ остается прибавить о государственныхъ доходахъ и состояніи и организаціи войскъ.

При сынѣ Іоанна IV, Ѳедорѣ, Флетчеръ насчитывалъ около 1,430,000 рублей дохода. Весь доходъ четвертей или

прямые налоги равнялись 400,000, и пошлины торговыя и разныя монополіи давали болѣе 800,000 рублей. Эти суммы очень вѣроятны, соображаясь съ доходами временъ Алексѣя, о которыхъ мы имѣемъ болѣе точныя извѣстія. Но о расходахъ государства нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Вѣроятно, что огромная часть доходовъ, по крайней мѣрѣ $^3/_4$ всей суммы, уходила на содержаніе войскъ и $^1/_4$ на содержаніе двора и администраціи.

Наши войска состояли изъ членовъ высшей, придворной аристократіи, стрѣльцовъ, казаковъ, татаръ, черемисъ, мордвы и посошныхъ людей, собираемыхъ только въ важныхъ случаяхъ.

Конница дворянъ и дѣтей боярскихъ обыкновенно размѣщалась маленькими отрядами въ городахъ и острогахъ на южной границѣ подъ начальствомъ воеводъ, которые назывались сходными. Въ случаѣ, если передовые разъѣзды, посылаемые въ степь, натыкались на передовые отряды татаръ, то они сейчасъ же давали знать гонцами во всѣ южные города, что татары идутъ на такой-то городъ. Тогда изъ всѣхъ южныхъ городовъ войска двигались къ опредѣленнымъ центрамъ и составляли пять полковъ: Большой, Передовой, Правой руки, Лѣвой руки и Сторожевой. Всѣ эти полки составлялись изъ двухъ, а первый изъ трехъ отдѣльныхъ отрядовъ, изъ которыхъ каждый отрядъ дѣлился на сотни. Въ главѣ полка былъ воевода, отрядомъ командовалъ его товарищъ, тоже воевода, а сотнями командовали дворяне первой статьи. Воеводами большаго полка, считавшагося главою войска, а также воеводами другихъ полковъ, присылались обыкновенно бояра изъ Москвы, или команда поручалась сходнымъ воеводамъ. Если воеводскія мѣста въ отрядахъ были всѣ заняты, то сходные воеводы занимали должности головъ. Во всѣхъ полкахъ, судя по количеству сотенныхъ головъ, бывало не болѣе 8,200 человѣкъ, а иногда не болѣе 4,600 человѣкъ. Въ 1556 г., въ передовомъ полку было 1,500 человѣкъ, изъ которыхъ въ первомъ отрядѣ было 700, во 2-мъ и 3-мъ по 400 человѣкъ; въ передовомъ

полку было 1,000 человѣкъ, по 500 человѣкъ въ двухъ отрядахъ; въ Правой рукѣ 800 въ двухъ отрядахъ, изъ которыхъ въ первомъ отрядѣ было 600, а во 2-мъ двѣсти чел.; въ Сторожевомъ 700 въ двухъ отрядахъ, изъ которыхъ въ первомъ отрядѣ 400, а во второмъ 300 человѣкъ. Но гораздо большее количество войска бывало тогда, когда отправлялся самъ Царь. Съ нимъ должны были ѣхать бояре, окольничіе, сокольничій, ловчій, казначей, думные люди, словомъ всѣ чины, которые окружали дворъ. Около Государя былъ особенный полкъ, подъ предводительствомъ дворовыхъ воеводъ. За Государемъ ѣхалъ отрядъ съ пищалями. Все оружіе. которое употреблялъ Царь въ битвахъ, везли подлѣ него рынды. Одинъ изъ такихъ важныхъ походовъ на Литву въ 1578 г. даетъ возможность опредѣлить количество нашихъ войскъ. Съ Государемъ было:

Князей служилыхъ и Черкасскихъ	212
Дворянъ и дѣтей боярскихъ Московской земли . .	9,200
Новгородскихъ и Юрьевскихъ помѣщиковъ . . .	1,109
Новокрещеновъ изъ татаръ, ногайскихъ татаръ, Царева двора князей, мурзъ и казаковъ съ мордвою и бортниками, цненскихъ людей съ мордвою, темниковскихъ людей, алатарскіе мордвы и бортниковъ, казанскихъ татаръ и ногайцевъ	6,461
Стрѣльцовъ Государева двора	2,000
Стрѣльцовъ и казаковъ изъ дворовыхъ и земскихъ городовъ	13,119
Людей изъ разныхъ сѣверныхъ земель	7,580
Всего . . .	32,112

Очень можетъ быть, что цифра войска въ 32,112 не выражаетъ полнаго состава войскъ во-первыхъ потому, что на южныхъ и западныхъ границахъ должны были остаться полки для защиты отъ Крымцевъ и во-вторыхъ потому, что каждый сынъ боярскій велъ съ собою непремѣнно одного или двухъ ратниковъ, а у большихъ бояръ число ихъ должно было про-

стираться до 50 и болѣе; кромѣ того, въ крайнихъ случаяхъ, собирали посошныхъ людей, число которыхъ лѣтописецъ насчитываетъ иногда въ 80,000.

Цифры дворянскихъ войскъ, которыя даетъ Флетчеръ, а равно и жалованье дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, чрезвычайно преувеличены. На основанiи его показанiя, дворянскихъ войскъ было до 80,000, изъ которыхъ каждый сынъ боярскiй получалъ отъ 20 до 30 рублей, что при меньшемъ счетѣ составитъ 1,600,000 годичнаго расхода, слѣдовательно цифру, превышающую ежегодный доходъ. Самое высшее жалованье дѣтямъ боярскимъ первой статьи не должно было превышать 8 рублей, второй статьи по 6 рублей, третьей по 5 рублей, потому что таково было жалованье дѣтямъ боярскимъ въ 1606 году, да и оно только очень немного возвысилось во все царствованiе Михаила, какъ мы увидимъ въ третьемъ отдѣлѣ нашего сочиненiя. Для дворянъ и дѣтей боярскихъ денежное жалованье было только дополненiемъ къ ихъ помѣстнымъ окладамъ, а потому оно и могло быть такъ ничтожно. Но, вѣроятно, мордвѣ, бортникамъ и мурзамъ, у которыхъ не было помѣстiй, давалось жалованье, въ размѣрѣ отъ 20 до 30 рублей, потому что въ смутное время на содержанiе ратника взималось по 2 рубля на мѣсяцъ (А. Ю., № 215). Во всякомъ случаѣ, если мы бы вздумали представить предположенiя о расходахъ на войско, то въ нихъ много было произвольнаго, и потому я поговорю объ этомъ подробнѣе въ перiодѣ Михаила и Алексѣя Михайловича.

Кромѣ дворянскихъ войскъ, Царь Iоаннъ IV началъ организовать войско стрѣльцовъ. Дѣйствительно, недостатки служилаго сословiя были такъ чувствительны, что при малѣйшей возможности нужно было отъ нихъ освободиться. Трудно было собрать дѣтей боярскихъ, которые ежегодно разъѣзжались по домамъ; трудно было удержать ихъ въ войскѣ, чтобы они не бѣжали ранѣе срока. Никакая дисциплина въ такомъ войскѣ, состоящемъ почти изъ равныхъ по званiю и доходамъ лицъ, была почти невозможна. Точно также невозможно было военное ученiе, потому что большую часть времени члены

этого войска разъѣзжались по домамъ. Недостатки феодальнаго строя заставили европейскихъ государей стремиться къ организаціи солдатскаго строя, къ чему они и прибѣгли при первой финансовой возможности. У насъ, при Іоаннѣ Грозномъ, финансовыхъ средствъ не могло бы ни въ какомъ случаѣ достать, еслибы мы стали платить содержаніе войскъ деньгами, потому что денежное содержапіе даже 30,000 войска обходилось бы не менѣе, какъ въ 700,000 рублей, кладя содержаніе одного человѣка въ 20 рублей. Слѣдовательно, помѣстная система вытекала, какъ у насъ, такъ и у другихъ народовъ въ этотъ періодъ исторіи изъ экономическихъ условій общества.

Но, не будучи въ состояніи перевести на жалованье все войско, Іоаннъ все таки создалъ до 15,000 стрѣльцовъ, войско, близко подходящее къ европейскимъ солдатамъ, по способу своего содержанія и состава. Стрѣльцы образовались изъ вольныхъ, охочихъ людей всѣхъ классовъ, „которые собою были добры и стрѣлять горазды и служилое дѣло было имъ за обычай“. Имъ давался 1 рубль на постройку дома, 1 рубль денежнаго жалованья, по полуосьминѣ муки, крупъ и толокна (А. И. Г. II, № 24 и 46). Стрѣльцамъ выдавалось казенное платье, ружье, порохъ и всѣ припасы. При поступленіи въ стрѣльцы, нужно было представить поруку, что вновь избранный стрѣлецъ не будетъ „ни какимъ воровствомъ воровати, крестьянамъ насильства и грабежей не чинити и платья стрѣлецкаго цвѣтнаго и рога и вязни не проворовати и зернью не проиграти“ (А. Ю. № 296). Стрѣльцы организовались въ полки, которые раздѣлялись на сотни и десятки. Полки стрѣльцовъ управлялись стрѣлецкими головами, сотни—сотниками, десятки—десятниками. Въ 1611 г., стрѣлецкому головѣ давали поденнаго корму по 3 хлѣба, шести калачей и бараньей тушѣ; сотникамъ же по 2 хлѣба, по два калача и по полутушѣ бараньей; рядовымъ стрѣльцамъ по 40 хлѣбовъ и по четыре бараньихъ туши на сто. А въ постные дни давалась рыба по тому же размѣру (А. И. № 339).

Стрѣлецкое войско, по своей организаціи, во многомъ походитъ на организацію солдатъ. Оно также состоитъ изъ простыхъ людей, какъ и солдаты; оно почти постоянно въ сборѣ и содержится на счетъ казны. Но, съ другой стороны, оно походитъ и на войско дѣтей боярскихъ. Государство, не будучи въ состояніи удовлетворить ихъ денежно, часто принуждено было давать имъ земли или дозволять мелочную торговлю въ городѣ, чтобы пополнить скудное содержаніе стрѣльцовъ, а потому большая часть времени у нихъ все таки уходила на домашнія занятія.

ОТДѢЛЪ II.

Отъ 1583 — 1613 г.

ГЛАВА VIII.

Время борьбы за крѣпостное право.

Связь между политической исторіей и исторіей законодательства въ смутное время.—Борисъ, желая войти на тронъ, ищетъ опоры въ духовенствѣ и служиломъ сословіи.—Прикрѣпленіе крестьянъ, вытекавшее изъ политическихъ и экономическихъ причинъ, въ то же время совпадало съ личнымъ интересомъ Бориса.—Земскій соборъ и возшествіе на престолъ Бориса.—Интриги аристократіи и мѣры противъ нея Бориса.—Борисъ ищетъ опоры въ крестьянствѣ.—Причины его паденія.—Лжедимитрій I, причины его быстраго успѣха и паденія.—Боярскій Царь Василій и его запись.—Сравненіе ея съ англійской хартіей.—Недостатки характера Василія.—Появленіе втораго самозванца и причины его быстраго успѣха, вслѣдствіе демократической программы.—Эта программа была не исполнима.—Василій и самозванецъ въ разгарѣ борьбы измѣняютъ тактику.—Успѣхъ Василія и паденіе самозванца.—Появленіе поляковъ.—Сверженіе Василія и причины его.—Присяга боярамъ.—Фактъ сверженія Василія наиболѣе поразилъ духовенство и Гермогена.—Призваніе Владислава.—Договорная грамота съ нимъ.—Недовольство народа новымъ актомъ боярскаго произвола.—Возстаніе народа имѣетъ религіозно-демократическій характеръ.

Въ первомъ отдѣлѣ моего труда я старался изобразить вліяніе общества на государственную организацію, во время царствованія Грознаго. Этотъ періодъ долженъ составлять

особый отдѣлъ, потому что воля Грознаго Царя направляла всѣ общественные элементы къ одной общей цѣли, а само общество чувствовало себя безсильнымъ и слабымъ, чтобы противиться этой волѣ. Можетъ быть сила этой воли останавливала общество отъ того шага, который былъ естественно необходимымъ. Царская власть не дозволяла организовавшемуся служилому сословію достигнуть власти въ государствѣ и поработить низшіе классы. Все измѣняется по смерти Грознаго. Теперь главные элементы, двѣ общественныя—силы служилый классъ и крестьяне, начинаютъ борьбу на жизнь и смерть, въ которой первый классъ хочетъ сдѣлаться главой государства и поработить крестьянъ, второй хочетъ только избавиться отъ порабощенія. Царская власть, доставшаяся въ руки слабаго потомка Грознаго Царя и различныхъ искателей престола, не можетъ дѣйствовать самостоятельно, но стремится найти поддержку, опираясь на одинъ изъ общественныхъ классовъ.

При такомъ положеніи низшіе классы, оставленные на произволъ судьбы, безъ поддержки царской власти, должны были уступить необходимости. Но если низшіе классы должны были подчиниться неумолимому закону исторической необходимости, то ему же должно было подчиниться и высшее боярство и отказаться отъ тѣхъ притязаній на управленіе государствомъ, которыя противорѣчили потребностямъ общества. Царская власть явилась снова необходимымъ примирителемъ враждующихъ элементовъ и, уступая исторической необходимости прикрѣпленія крестьянъ, заставила аристократію отказаться отъ участія въ управленіи, въ видахъ собственныхъ интересовъ.

Въ предыдущемъ отдѣлѣ я не касался собственно политической исторіи, потому что ея событія мало оказывали вліянія на измѣненіе государственныхъ формъ. Въ настоящемъ періодѣ, измѣненіе государственныхъ формъ и законодательства по крестьянскому вопросу такъ тѣсно связаны съ политическою исторіею, что я, по необходимости, долженъ коснуться ея. Но я буду касаться ее на столько, на сколько

это будетъ необходимо для исторіи учрежденій и законодательства.

Какъ не сильна была личная воля Грознаго, вооруженная всею мощью царской власти, но и она должна была часто уступать потребностямъ общества, вытекающимъ изъ его умственно-религіознаго и экономическаго строя. Мы видѣли, что Іоаннъ IV долженъ былъ, предъ своею смертію, снова подтвердить запрещеніе духовенству пріобрѣтать имущества, ради пьянственнаго и не потребнаго житія монаховъ и по тому, что воинственному чину отъ сего оскуденіе происходитъ веліе. Мы видѣли, что даже самъ Царь, поддерживая свободу помѣстныхъ и вотчиныхъ крестьянъ, въ тоже время прикрѣпляетъ черныхъ крестьянъ.

Послѣ его смерти, вступаетъ на престолъ слабый Θедоръ, который естественно не могъ не подчиниться общему направленію людей, стоящихъ около его трона. Митрополитъ Даніилъ первый испросилъ прикрѣпленіе крестьянъ для своей слободки, (А. И. т. I, № 215). Слабая натура Θедора, какъ и должно ожидать, поддавалась тому направленію, которое было общимъ въ служиломъ сословіи. Но это еще не все; подлѣ него стоялъ человѣкъ, для котораго важно было лишь его собственнное возвышеніе и который былъ готовъ пожертвовать этому возвышенію не только нравственнымъ чувствомъ, но и государственными интересами.

Если вѣрить Псковскому лѣтописцу, то проницательный Іоаннъ не оставилъ своего сына на руки Бориса. Онъ поставилъ попечителями его Боярина Ивана Петровича Шуйскаго. Митрополита Діонисія и гостя большаго Московскаго Голубя. Но Борисъ велѣлъ задушить сѣномъ Шуйскаго, пока онъ сидѣлъ въ Псковѣ; велѣлъ казнить Голубя и сослалъ въ заточеніе Діонисія. (Лѣтъ IV, ст. 320). Достаточно вспомнить нѣкоторыя черты изъ жизни Бориса, чтобы убѣдиться, что это былъ человѣкъ необыкновенно ловкій.—Борисъ и его сестра Ирина рано были взяты во дворецъ, такъ какъ было въ обычаѣ того времени брать во дворецъ дѣтей знатныхъ фамилій (А. А. Э., т. II., № 7, стр. 25). Родъ

Годуновыхъ выѣхалъ изъ Орды въ XIV стол., но онъ не пользовался большею извѣстностію до Грознаго; первымъ изъ Годуновыхъ, встрѣчающимся въ чинахъ, былъ Дмитрій Ивановичъ Годуновъ, который былъ сдѣланъ постельничимъ въ 1571 г., слѣдовательно, въ періодъ жизни Іоанна, когда его подозрительность развилась до крайнихъ предѣловъ. Дмитрій Ивановичъ былъ сдѣланъ чрезъ два года окольничимъ, а въ 1576 г. бояриномъ. Въ этомъ же году сдѣлался кравчимъ и Борисъ. Очевидно, что Грозный, не довѣряя старымъ боярамъ, давалъ эти должности людямъ, прямымъ интересомъ которыхъ было поддерживать настоящій порядокъ. Въ старой Руси должности постельничихъ и кравчихъ давались только очень довѣреннымъ людямъ, потому что боялись отравы и наговоровъ. Если вторая опасность была очевидно вымышленной, то первая была не безосновательной въ то время, когда легко дѣлались дворцовыя революціи. Требовалась большая ловкость, чтобы сдѣлаться постельничимъ у высшей степени подозрительнаго Царя, а еще большая ловкость, чтобы сдѣлаться его кравчимъ. Но еще изумительнѣе былъ второй шагъ Бориса, когда онъ, не принадлежа къ знатному роду, чрезъ пять лѣтъ, изъ кравчихъ сдѣлался прямо бояриномъ, тогда какъ родственники получали боярство чрезъ окольничество, что видимъ на примѣрѣ Дмитрія Ивановича, а послѣ него на Степанѣ и Иванѣ Васильевичахъ Годуновыхъ, которые сдѣлались окольничими въ 1576 — 78 годахъ (Д. Р., В. том. XX). Я уже говорилъ выше, что въ древней Руси только самые знатные роды получали прямо боярство, а дослуживаться его чрезъ окольничество было удѣломъ менѣе знатныхъ родовъ. Другимъ ловкимъ шагомъ Бориса было его умѣнье устроить замужество сестры своей за слабаго Ѳедора.

Въ годъ восшествія на престолъ Ѳедора, Борису была дана доходная должность конюшаго, а Степанъ и Иванъ Васильевичи сдѣлались боярами. Не нужно было большой ловкости и ума, чтобы, стоя такъ близко къ трону, при слабомъ Государѣ, захватить въ свои руки власть, но нужно было много

ума и знанія дѣла, чтобы приготовить себѣ партію, которая бы ратовала за его новый и еще болѣе смѣлый шагъ. Нужно было сдѣлаться необходимымъ не въ мнѣніи одного лица, но въ убѣжденіяхъ цѣлаго общества.

Два сословія составляли главную силу общества древней Руси: духовенство и служилый классъ, изъ которыхъ первое владѣло всѣмъ умственнымъ и нравственнымъ вліяніемъ на него, а другое сосредоточивало главную военную силу. Если Борисъ хотѣлъ искать опоры, то она представлялась ему скорѣе въ заступничествѣ за интересы духовенства и служилаго сословія, чѣмъ въ содѣйствіи интересамъ простаго народа, который былъ слишкомъ грубъ и бѣденъ, чтобы онъ могъ дать опору, особенно для незаконнаго восшествія на престолъ.

На низшіе классы могъ опереться законный Государь, какъ это сдѣлалъ Иванъ IV, но этого не могъ сдѣлать человѣкъ, которому еще нужно было войти на престолъ. Борисъ долженъ былъ искать опоры въ этихъ двухъ сословіяхъ тѣмъ болѣе, что главная цѣль у нихъ была одна — крѣпостное право.

Духовенство имѣло страшную нравственную силу и притомъ, по своему званію, оно не могло быть естественнымъ соперникомъ Бориса. Вотъ почему онъ сдѣлалъ все, чтобы найти здѣсь прочную опору.

Прежде всего нужно было сосредоточить всю власть духовенства въ однѣхъ рукахъ и поставить во главѣ его человѣка ему преданнаго. Онъ достигъ этого, сдѣлавъ Іова патріархомъ. Въ своемъ посланіи 1597 г. (Д. Р. В. т. VI) Іовъ хотя говоритъ, что мысль о введеніи патріаршества пришла Ѳедору, который передалъ ее женѣ и совѣтовался съ ней, а потомъ сказалъ свою мысль ближнему своему пріятелю и истинному доброхоту, но въ лѣтописи о многихъ мятежахъ выдается за положительный фактъ, что введеніе патріархата было посовѣтовано Ѳеодору Цареградскимъ патріархомъ Іереміею, который былъ въ это время въ Москвѣ (стр. 12). Нельзя думать, чтобы патріархъ самъ пришелъ

къ такой мысли, потому что для Грековъ въ ней самой не было ничего выгоднаго. Но такое сосредоточеніе духовной власти было очень выгодно Борису и, очень можетъ быть, что самая мысль о патріаршествѣ родилась въ его головѣ.

О своемъ возведеніи на патріаршество Іовъ говоритъ, что онъ достигъ этого сана „Божіимъ превысокимъ человѣколюбіемъ и изволеніемъ о Святѣмъ Дусѣ, блаженныя памяти сына моего, Богомъ вѣнчаннаго Царя и Государя Великаго Князя Ѳедора Ивановича, всея Русіи Самодержца, того же попеченіемъ и труды истиннаго по благочестію поборника, искренняго доброхота и ближняго пріятеля Царева“ (Д. Р. В. т. VI, стр. III). Заручнвъ себѣ главу Церкви, онъ не оставилъ и ея главныхъ членовъ: четыре епископа были сдѣланы митрополитами, — пять архіепископами (Лѣт. IV, стр. 320; Лѣт. о мног. мят. стр. 12). Монастырямъ были даны тарханныя грамоты и снова было не гласно допущсно пріобрѣтеніе имѣній по завѣщанію.

Сдѣлавъ все, что было можно для удовлетворенія честолюбія духовенства, онъ естественно сталъ думать о томъ шагѣ, который вызывало экономическое положеніе государства и общее желаніе служилаго сословія и духовенства о прикрѣпленіи крестьянъ.

Сдѣлавъ этотъ рѣшительный шагъ, Борисъ справедливо могъ разсчитывать, что посредствомъ него онъ можетъ пріобрѣсти расположеніе служилаго сословія, которое должно было хорошо понимать, что такое нововведеніе не можетъ совершиться безъ борьбы, какъ это и оправдали послѣдствія, а для такой борьбы нуженъ во главѣ государства человѣкъ, въ умственныхъ способностяхъ котораго не было бы сомнѣнія. Естественно было думать, что изъ этой борьбы можетъ выдти побѣдителемъ только человѣкъ, который совершилъ это смѣлое дѣло.

Прикрѣпленіе крестьянъ было дѣломъ необходимымъ съ того момента, когда по своему положенію Москва сдѣлалась большимъ государствомъ и должна было употреблять всѣ силы, чтобы защитить его отъ окружающихъ со всѣхъ сто-

ронъ враговъ. Мы видѣли, что все богатство государства состояло въ личномъ трудѣ крестьянина, потому что громадность земель и малочисленность населенія дѣлали цѣнность земель ничтожной безъ прикрѣпленія работника.

Переходъ крестьянъ дѣлалъ необыкновенно труднымъ собраніе налоговъ, потому что никакіе писцы не могли бы услѣдить за постояннымъ измѣненіемъ населенія. Для того, чтобы подати не пропадали, государство должно было наложить еще лишнюю тягость на землевладѣльца, заставляя его платить и за перешедшихъ крестьянъ до новыхъ писцовъ. Такая мѣра была просто невозможностію въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, почти всѣ крестьяне оставляли сына боярскаго, что не было рѣдкостію.

Боязнь такого результата должна была еще болѣе понижать ренту съ участка сына боярскаго, котораго даже въ благопріятное время было едва достаточно для его содержанія.

Для государства было необходимо, чтобы каждый сынъ боярскій былъ ежегодно готовъ въ службу, слѣдовательно, постоянно бы имѣлъ для этого средства. Государство было экономически такъ страшно бѣдно, не развито, что нечего было и думать уплачивать деньгами услуги войска и администраціи.

Въ XIV столѣтіи въ Европѣ уже совершалось обратное движеніе, т. е. развитіе городовъ; промышленность и торговля дали возможность европейскимъ государямъ перевести вознагражденіе лицамъ, служащимъ государству, изъ помѣстнаго въ денежное. Во Франціи, Филиппъ IV Красивый измѣняетъ рѣшительно прежнюю систему вознагражденій и платитъ за всѣ государственныя услуги деньгами: (Michelt Histoire de France т. III, стр. 27). Въ Англіи, при Эдуардахъ совершился тотъ же перcходъ, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ и содержаніе администраціи и войска начинаетъ оплачиваться деньгами. Но это невозможно было въ Россіи этого времени при ничтожности городовъ, при общемъ невѣжествѣ народонаселенія, которое едва выходило изъ бро-

дячаго–кочеваго быта. Можно думать, что въ нѣкоторыя эпохи эта тяжелая опека, которая называется крѣпостнымъ правомъ, рѣшительно необходима для того, чтобы пріучить народъ къ труду и образовать богатое и образованное сословіе, которое такъ необходимо для государства.

Характеръ людей первобытнаго состоянія почти всюду одинаковъ: лѣнь, непредусмотрительность будущаго и отсутствіе умѣнья дѣлать сбереженія, а, слѣдовательно отсутствіе возможности накопить богатство, вотъ общая характеристика народовъ, еще не вступившихъ въ цивилизацію. (Comte Traité de législation. T. I и II). Пріучить общество къ постоянному труду—вотъ цѣль крѣпостнаго права. Въ нашей исторіи, какъ извѣстно, фактъ прикрѣпленія совершился дважды и второе прикрѣпленіе совершилось при Екатеринѣ II, въ 1783 году. Въ обоихъ случаяхъ, причиной была та же необходимость заставить трудиться бродячее народонаселеніе.

Итакъ, личный интересъ Бориса здѣсь совпадалъ съ экономическими потребностями общества. Плодомъ этого было изданіе въ 1597 году слѣдующаго закона:

„Въ 1597 году, Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Русіи указалъ и бояре приговорили: которые крестьяне изъ за бояръ, и изъ за дворянъ, изъ за приказныхъ людей, и изъ за дѣтей боярскихъ, и изъ за всякихъ людей, изъ помѣстій и ихъ вотчинъ, изъ патріарховыхъ, и изъ митрополичьихъ, и изъ владычнихъ и изъ монастырскихъ вотчинъ выбѣжали до нынѣшняго 106 (1597) году за пять лѣтъ и бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ за кѣмъ они, выбѣжавъ, живутъ, тѣмъ помѣщикамъ изъ за кого они выбѣжали, и патріаршимъ, и митрополичьимъ, и владычнимъ, дѣтямъ боярскимъ, и монастырскихъ селъ прикащикомъ, и служкамъ давати судъ и сыскивать на крѣпко всякими сыски, и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми, и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ“ (А. И. т. I, № 221, стр. 421). Тѣ же крестьяне, которые выбѣжали за 6, 7 и 10 лѣтъ до

1597 года, если ихъ помѣщики не били челомъ на того, за кого они выбѣжали, на тѣхъ суда не давать.

Годомъ ранѣе, а именно въ 1596 году, была уничтожена возможность всякой службы безъ крѣпостной зависимости. „А о вольныхъ людяхъ приговорили Государь со всѣми бояры: которые люди на Москвѣ и по городамъ служатъ у кого добровольно, и Михайлу Ивановичу и дьяку потому (они сидѣли въ Приказѣ холопья суда) тѣхъ вольныхъ людей ставити передъ собою, съ тѣми людьми, кто у него служитъ добровольно, до тѣхъ больныхъ людей распрашивати: сколь давно кто у кого служитъ добровольно и кабалу на себя даетъ ли? а которые люди вольные поступили у него недѣль пять–шесть, а кабалы на себя дать не похотятъ и тѣхъ людей отпущать на волю. А кто, скажетъ, послужилъ у него добровольно съ полгода и больше и кабалы на себя дать не похочетъ, а сыщутъ, что тотъ добровольный хочетъ у того человѣка служитъ съ полгода: и на тѣхъ вольныхъ людей служилыя кабалы давати и челобитья ихъ въ томъ не слушати, потому что тотъ человѣкъ того добровольнаго холопа кормилъ и одѣвалъ и обувалъ (А. И. т. I, № 221, стр. 420).

Этими двумя законами Борисъ привязалъ къ себѣ духовенство и государственное служилое сословіе всѣхъ родовъ, но въ особенности духовенство. Убійство Димитрія только устранило незначительное препятствіе на пути.

При восшествіи на престолъ Бориса, вся дѣятельная роль принадлежитъ духовенству и всего болѣе его главѣ, патріарху Іову. Святѣйшій Іовъ патріархъ, съ митрополиты, архіепископы и епископы, и архимандриты, и игумены со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ дворяны, и съ приказными и служилыми людьми, и съ гостьми, послѣ смерти Ѳеодора, отправились просить на тронъ Ирину, а по отказѣ ея самой принять корону, просили ее благословить на тронъ Бориса. Іовъ говорилъ Борису: „Великій Государь, Борисъ Ѳеодоровичъ! Тебе единаго предызбра Богъ, святымъ церквамъ теплаго заступника, царственнаго корени, по сочетанію

законнаго брака благоцвѣтъ, Государевъ шуринъ и ближайшій пріятель". Борисъ отвѣчалъ ему: „не мните себѣ того, еже хотѣти мнѣ царствовати, но ни въ разумъ мой пріиде о томъ, да и мысли моей на то не будетъ. Какъ мнѣ помышляти на таковую высоту царствія и на престолъ такого великаго Государя моего пресвѣтлаго Царя. Нынѣ бы намъ промыслити, какъ устроити праведная и безпорочная душа пресвѣтлаго Государя моего, Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича, всея Россіи Самодержца, а о государствѣ и о земскихъ о всякихъ дѣлахъ радѣти и промышляти и правити бы государство тебѣ Государю моему Святѣйшему Іову, Патріарху Московскому и всея Русіи, и съ тобою боярамъ". Патріархъ отвѣчалъ ему: „Милосердый Государь, Борисъ Ѳедоровичъ! не буди противенъ вышняго Бога промыслу, не по человѣческому единомыслію, ниже по человѣческому предызбираемъ". За тѣмъ въ длинной рѣчи, которую говорилъ или не говорилъ Борису Іовъ, но идеи которой онъ желалъ распространить въ Россіи: онъ приводитъ историческіе примѣры, преимущественно изъ византійской исторіи, которыми старается доказать, что очень часто близко стоящія къ трону лица дѣлались царями, какъ напримѣръ, Равноапостольный Константинъ сдѣлался царемъ изъ воинскаго чина; нечестія обличитель Ѳеодосій Великій, при которомъ былъ второй вселенскій соборъ, былъ избранъ царскимъ синклитомъ. Далѣе, онъ приводитъ историческіе примѣры, гдѣ шурья государя сдѣлались царями. Но Борисъ не преклонился ни какъ къ моленію ихъ. Патріархъ отложилъ дальнѣйшія просьбы до Собора и до времени, какъ съѣдутся со всея земли Россійскаго государства митрополиты, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, еже на великихъ соборахъ бываетъ, и весь царскій синклитъ всякихъ чиновъ, и царства Московскаго служилые и всякіе люди.

Соборъ устроился. Кто же были на немъ? Патріархъ, 4 митрополита, 6 архіепископовъ, 3 епископа, 21 архимандритъ, 29 игуменовъ (изъ которыхъ 1 неграмотный), 22 соборныхъ старца изъ келарей и строителей, 22 боярина (4 не-

грамотныхъ), 16 окольничихъ (1 неграмотный), 44 стольника (21 неграмотн.), 86 дворянъ (49 неграмотн.), 19 стряпчихъ съ платьемъ (5 неграмотн.), 34 выборныхъ изъ городовъ (10 неграмотн.), 3 барашей, 13 ключниковъ (4 неграмотн.), 40 жильцовъ (4 неграмотн.), 17 дьяковъ, 20 гостей (неграмотн. 9), 4 сотскихъ черныхъ сотенъ. Слѣдовательно здѣсь было 86 членовъ духовенства, 38 бояръ и окольничихъ, 198 представителей мелкихъ поземельныхъ владѣльцевъ, 32 горожанина и только 4 крестьянина. Противъ Бориса могло быть только 38 сильныхъ голосовъ, но за него было 284 голоса людей заинтересованныхъ и 32 голоса равнодушныхъ къ этому дѣлу.

Соборъ открылъ патріархъ длинною рѣчью, въ которой онъ разсказалъ о томъ, какъ они просили Бориса, а онъ отказалъ; „и язъ Іовъ патріархъ и со мною весь освященный соборъ да и вы бояре, и дворяне, и приказные и служилые люди, и гости и всѣхъ чиновъ всякія люди всея земли о томъ о великомъ дѣлѣ положили на Божію волю и отсрочили до четыредесятницы“. Онъ проситъ у другихъ сословій совѣта а потомъ продолжаетъ: „А у меня Іова патріарха и у митрополитовъ, и у архіепископовъ, и у епископовъ, и у архимандритовъ, и у игуменовъ, и у всего освященнаго собора; и у бояръ, и у дворянъ, и у приказныхъ, и у служилыхъ, и у всякихъ людей, и у гостей, и у всѣхъ православныхъ крестьянъ, которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно, что намъ мимо Государя Бориса Ѳедоровича, а иного государя ни кого не искати и не хотѣти“. За тѣмъ онъ выставляетъ на видъ, что по Божію повелѣнію Іоаннъ сочеталъ бракомъ Ѳедора съ Ириной и взялъ Ирину во дворецъ 7 лѣтъ, а Бориса тоже въ малолѣтствѣ; что Іоаннъ на смертномъ одрѣ, при архимандритѣ Ѳеодосіѣ, приказалъ Борису сына своего Ѳедора (мы видѣли, что лѣтописецъ слышалъ иначе) и государство; что при Ѳедорѣ, въ правленіе Бориса, воинственный чинъ въ призрѣніи и во многой милости и въ строеніи учиненъ (т. е. иначе

говоря, прикрѣплены крестьяне); всѣмъ повиннымъ пощада и неоскудныя рѣки милосердія, освобождена Русь отъ нашествія крымцевъ. Всѣ эти доводы вѣроятно были убѣдительнѣе для большинства собранія, кромѣ бояръ. Но естественно, что эти аргументы были не совсѣмъ убѣдительны для бояръ по двумъ главнымъ причинамъ. Во первыхъ потому, что они пріобрѣтали сравнительно меньше прикрѣпленіемъ крестьянъ, чѣмъ другія сословія, потому что къ нимъ большимъ землевладѣльцамъ всегда шло множество народа, которому они могли облегчать повинности, что было не возможно дѣлать мелкимъ землевладѣльцамъ. Во вторыхъ боярскіе роды, въ средѣ которыхъ не проходило мѣсяца безъ суда изъ за мѣстъ не могли спокойно допустить, что бы членъ незначительнаго рода, который долженъ бы сидѣть послѣднимъ въ Думѣ, съ которымъ всѣ могли поспорить родовой знатностью, теперь вдругъ сдѣлался царемъ. Но ихъ голоса были подавлены голосами духовенства и дѣтей боярскихъ. Конечно, Борисъ, сдѣлалъ уступку боярамъ, обѣщавъ безъ суда никого не казнить.

Г. Андреевскій видѣлъ въ неизданныхъ рукописяхъ Татищева и рукописяхъ Императорской Публичной Библіотеки документы, изъ которыхъ видно, стараніе бояръ ограничить власть Бориса (Рус. Гос. Прав. т. I. стран. 130).

Такъ или иначе, дѣло было сдѣлано: Борисъ коронованъ царемъ. Но не даромъ духовенство и мелкіе чины государства избрали царемъ Бориса; при настоящемъ положеніи вещей царствовать было тяжело даже и съ умомъ Бориса. Приведемъ мысли великаго политика, который, въ нѣсколькихъ словахъ, великолѣпно очерчиваетъ положеніе царя, который обязанъ короной народному избранію. „Есть два рода княжествъ, говоритъ Маккіавелли, основанныхъ на милости народной: княжеская власть можетъ быть дарована королю или высшимъ классомъ, или народомъ. Принцъ, возвысившійся посредствомъ высшихъ классовъ, долженъ употребить болѣе труда, чтобы поддержать себя на тронѣ, чѣмъ тотъ,

который обязанъ своимъ возвышеніемъ народу. Такой принцъ будетъ постоянно окруженъ лицами, которые считаютъ себя равными ему, а потому онъ не можетъ ни распоряжаться ими по своему произволу, ни управлять по своему произволу государствомъ. Второй, напротивъ, одинъ возвышается надъ всѣми и нѣтъ лица, которое бы не хотѣло ему повиноваться. Кромѣ того, нѣтъ почти возможности удовлетворить знатныхъ безъ какой нибудь несправедливости, безъ какой нибудь обиды для другихъ; но нельзя сказать того же о народѣ, котораго желанія болѣе справедливы, чѣмъ желанія знатныхъ. Первые хотятъ подавлять другихъ, а народъ только хочетъ не быть подавленнымъ (Le Prince. Chapitre ix. traduction Périès).

Положеніе Бориса было даже хуже; онъ опирался только на часть знати, тогда какъ другая интриговала противъ него. Борисъ былъ уменъ и ловокъ; онъ желалъ искренно добра Россіи въ тѣхъ границахъ, въ какихъ дозволяли ему его собственные интересы. Но его положеніе было тѣмъ труднѣе, что все, что было хорошаго или дурнаго въ его натурѣ, теперь служило ему рѣшительно во вредъ. Онъ понималъ недостатки старой Руси и понималъ значеніе европейскаго образованія, но всякимъ шагомъ на этомъ пути онъ вооружалъ противъ себя духовенство, котораго опора была для него необходима. Онъ былъ человѣкъ, по натурѣ, вовсе не жестокій; онъ могъ рѣшиться на сравнительно незначительныя преступленія, но въ его характерѣ далеко не было той злобной жестокости и смѣлости, чтобы теперь, когда онъ увидѣлъ противъ себя почти всѣхъ бояръ, рѣшиться на громадное преступленіе и, разомъ уничтоживъ своихъ враговъ — бояръ, опереться на нисшую аристократію — дѣтей боярскихъ, или, снова провозгласивъ свободу крестьянъ, опереться на массу народа. Видя, что его положеніе шатко, что имъ недовольны ни бояре, которыхъ честолюбіе онъ оскорбилъ, что имъ недовольны крестьяне за прикрѣпленіе, Борисъ началъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ умные, но нерѣшительные люди; онъ не сталъ открыто ни на одну

сторону, ограничился полумѣрами и раздражилъ всѣхъ, никого не удовлетворяя.

Борисъ сослалъ нѣкоторыхъ бояръ, какъ напримѣръ: Василія Романова, съ сыномъ Иваномъ, въ Ярославль; Ивана Борисова и Черкаскаго въ Сибирь на житье и Александра Рѣпнина въ ссылку. У послѣдняго были отняты всѣ помѣстья и вотчины, и вмѣстѣ съ женою и дѣтьми онъ былъ посланъ въ Уфу.

Всѣ эти ссылки были сдѣланы съ формальною законностію, даже по приговору бояръ; на сколько въ этомъ дѣлѣ участвовала вражда бояръ между собою, или просто Борисъ заставилъ бояръ только скрѣпить свое дѣло — трудно сказать. Но это соблюденіе формальности въ дѣлѣ также рисуетъ характеръ Бориса, какъ характеръ всѣхъ тѣхъ людей, у которыхъ нѣтъ смѣлости прямо совершить преступленіе, и они прибѣгаютъ для этого къ формальностямъ, никого не обманывающимъ и ни къ чему не ведущимъ. Весьма вѣроятно, какъ это можно было видѣть изъ свидѣтельства Василія Романова, что Борисъ старался привлечь различными уловками нѣкоторыхъ бояръ на свою сторону. Для надзора за Василіемъ Романовымъ былъ отправленъ нѣкто Некрасовъ, который обязанъ былъ доносить Борису обо всемъ, что случится дорогой. По прошествіи нѣкотораго времени, Некрасовъ написалъ Борису: „а дорогою, Государь, ѣдучи твой, Государевъ, злодѣй и измѣнникъ со мною, съ холопомъ твоимъ, ничего не разговаривалъ; только, ѣдучи, укралъ онъ у меня, на Волгѣ, цѣпной ключь, да и въ въ воду кинулъ для того, чтобы я его не ковалъ, и хотѣлъ у меня утечь и я, холопъ твой, и другой ключъ прибралъ и на него цѣпь и желѣза, за его воровство, положилъ, и, пріѣхавъ въ Еранскій городъ, со мною воровствомъ говорилъ: „погибли де мы напрасно, безъ вины, но государю въ наносѣ отъ своей же братьи; а они де на насъ поносили не узнавая, а и сами де они помрутъ прежде насъ“. Въ обращеніи съ сосланными боярами снова выказывается мягкость натуры Бориса и нерѣшительность его характера. Кандалы на рукахъ Василія Романова были

такъ тяжелы, что онъ пріѣхалъ чуть живъ. Тогда Семенъ Годуновъ велѣлъ его расковать и сказалъ, что непригоже поступилъ противъ воли Государя, который ему объ этомъ ничего не говорилъ. По приказу Бориса, ссыльнымъ дано было довольно значительное содержаніе, около 100 рублей, сумма, по тому времени, громадная. Весь этотъ рядъ поступковъ стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ принципами геніальнаго Макіавелли, который совѣтуетъ принцамъ, восшедшимъ на престолъ преступленіемъ, всѣ жесткія мѣры сдѣлать разомъ, а благодѣянія разливать понемногу. Борисъ поступилъ наоборотъ: онъ разливалъ жестокость понемногу, а потому вселялъ панику въ сословіе бояръ, не уничтоживъ ихъ силы.

Видя, что ссылка нѣкоторыхъ не устрашила другихъ, Борисъ задумалъ перемѣнить всю систему своей политики и точку опоры искать не въ аристократіи, гдѣ онъ искалъ ее до сихъ поръ, но въ классѣ, который онъ до сихъ поръ презиралъ, именно въ крестьянахъ. Едва ли этотъ планъ былъ исполнимъ; но если уже Борисъ рѣшился на него, то онъ долженъ былъ стать открыто на сторону крестьянъ и привлечь ихъ къ себѣ. Но здѣсь, когда дѣло снова требовало громадной рѣшимости, снова выказался недостатокъ натуры Бориса. Не будучи въ состояніи открыто бросить дѣло аристократіи и духовенства и пристать къ народу, онъ сдѣлалъ такой шагъ, которымъ, не привлекая аристократіи, ни народа, онъ вооружилъ противъ себя единственный классъ, который могъ дать ему опору — дѣтей боярскихъ и вообще всѣхъ мелкихъ владѣльцевъ, которымъ крѣпостное право было особенно дорого. Онъ дозволилъ, въ 1601 году, переходъ крестьянъ между лицами изъ имѣній мелкопомѣстныхъ, запретивъ переходъ изъ монастырей и изъ дворцовыхъ селъ и изъ за бояръ. „А отказывати и возити крестьянъ дворянамъ, которые служатъ изъ выбору и жильцамъ, которые Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всея Русіи и которые у Государя Царевича, у князя Ѳедора Борисовича всея Русіи, и дѣтемъ

боярскимъ, и городовымъ прикащикамъ всѣхъ же городовъ и иноземцамъ всякимъ и Большаго дворца дворовымъ людямъ всѣхъ чиновъ, ключникамъ, стряпчимъ, сотникамъ, подключникамъ, конюшеннаго приказу прикащикамъ и конюхамъ, стремяннымъ и стряпчимъ, ловчаго пути охотникамъ и коннымъ псарямъ, сокольничья пути кречетникамъ и сокольникамъ и ястребникамъ, трубникамъ и сурначеемъ, и Государыни Царицы и Великія Княгини Маріи Григорьевны всея Русіи дѣтемъ боярскимъ, и всѣхъ приказовъ подъячимъ, и стрѣлецкаго приказу сотникамъ стрѣлецкимъ, и головамъ казеннымъ, и посольскаго приказу переводчикамъ и толмачамъ, и патріаршимъ, и митрополичьимъ, и архіепископскимъ, и епископскопскимъ приказнымъ людемъ, дѣтемъ боярскимъ, промежъ себя" (А. А. Э. т. II, № 20).

Дозволеніе перехода крестьянъ съ помѣстій и вотчинъ второстепенныхъ лицъ могло только нѣсколько улучшить положеніе массы крестьянъ, потому что взаимная конкуренція мелкопомѣстныхъ не могла доводить аренду до слишкомъ низкаго уровня, какъ это могла дѣлать конкуренція мелкопомѣстныхъ съ боярами, такъ какъ каждому мелкопомѣстному невыгодно было принимать крестьянъ на очень легкихъ условіяхъ, что можно было и выгодно сдѣлать только въ большихъ имѣніяхъ. Но, не привлекая крестьянъ, этою мѣрою Борисъ долженъ былъ вооружить противъ себя дѣтей боярскихъ, потому что они снова должны были почувствовать шаткость своего положенія. Бояре и высшіе классы такъ же должны были быть недовольны этимъ поступкомъ, потому что это важное постановленіе было сдѣлано не въ Боярской думѣ, не по приговору бояръ, а прямо было послано памятью (указомъ) окольничему Василью Петровичу Морозову, который вѣроятно былъ судьею въ Помѣстномъ Приказѣ. Что эта полумѣра была сдѣлана съ цѣлію найдти опору въ крестьянствѣ, а не вытекала изъ государственныхъ соображеній необходимости свободы, это видно изъ того, что годъ назадъ Борисъ поднялъ руку на свободу горожанъ; именно въ 1599 г. онъ распорядился выслать Корелянъ изъ

спасскаго Кожанаго погоста въ городъ Корелу на житье тѣхъ, которые живутъ въ захребетникахъ и подсусѣдникахъ, и которые живутъ за митрополитомъ, и за монастыри, и за дѣтьми боярскими и всякими людьми (А. А. Э. т. II, № 13).

Но въ то время, когда Борисъ думалъ и передумывалъ о томъ, что ему дѣлать съ своими врагами, у него явились два новыхъ страшныхъ врага — это голодъ и самозванецъ. Весьма вѣроятно, что прикрѣпленіе крестьянъ въ 1597 году могло въ 1601 году вліять на появленіе голода, вслѣдствіе молчаливаго и неразумнаго протеста крестьянъ. Уже въ 1601 г. цѣна ржи была по 2 р., овса по 1 р. 10 алт.; въ 1602 г. рожь поднялась въ цѣнѣ до 3 р. за четверть, жито по 2 р., овесъ по 1 р. и 10 алт. Эти цѣны были положительно недоступны для большинства крестьянъ, такъ что, продажею всего своего имущества, крестьянинъ не могъ прокормиться. Обыкновенная цѣна ржи въ это время, въ хорошіе годы, была отъ 15-ти до 20-ти денегъ четверть. Состояніе самыхъ богатыхъ крестьянъ не превышало, какъ мы видѣли, 10-ти рублей, еслибы они продали свои коровы и лошади. Изъ этого страшнаго положенія былъ одинъ выходъ: на основаніи законовъ политической экономіи, часть крестьянъ должна была вымерѣть и тогда хлѣбъ могъ подешевѣть. Лѣтописецъ говоритъ: „и въ тѣ поры многіе люди въ Псковѣ и по селамъ и по инымъ городамъ померли православныхъ христіанъ несказанно; и оттолѣ нача хлѣбная цѣна низитися“ (Л. 4, стр. 321).

Противъ такого неумолимаго закона были ничтожны всѣ палліативныя мѣры, которыя могъ принять Борисъ. Онъ издалъ дѣйствительно облегчающее крестьянъ постановленіе. Въ 1603 г. Царь приговорилъ съ боярами, что тѣ лица, которыя сослали холопей со своего двора, не давъ имъ средствъ для кормленія и отпускныхъ, безъ которыхъ ихъ никто не принимаетъ, должны имъ дать отпускныя; а если они не дадутъ, то имъ отпускныя будутъ даны изъ Приказа холопья суда“ (А. И. т. II, № 44).

Послѣднимъ роковымъ событіемъ для Бориса было появленіе самозванца. Масса простаго народа въ то время, да еще въ настоящее время, такъ груба, что она не можетъ отдать себѣ отчета въ прежнихъ своихъ несчастіяхъ. Такіе люди не могутъ понять принципа безъ лица, которое служитъ для нихъ олицетвореніемъ принципа. Поэтому всякое движеніе массы народной, даже въ настоящее время, всегда соединялось съ именемъ лица, которое олицетворяло собою неясныя надежды крестьянъ. Самые нелѣпые слухи и понятія могли найти доступъ въ этой массѣ, если она чувствовала необходимость выхода изъ тяжелаго состоянія. Слухи, что живъ Царевичъ Димитрій, могли распространиться въ народѣ гораздо ранѣе, чѣмъ Григорію Отрепьеву, или кому нибудь другому, могла придти мысль воспользоваться ими. Въ явленіи такихъ слуховъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ годину бѣдствій, потому что чѣмъ они чудеснѣе, тѣмъ они болѣе находили лицъ, которые бы имъ повѣрили. Даже въ прошломъ и настоящемъ столѣтіи между простымъ народомъ часто ходили слухи о жизни лицъ, которыхъ смерть была извѣстна всему образованному меньшинству. Тогда это образованное меньшинство было слишкомъ мало, да и его образованіе было только нѣсколькими ступенями выше образованія массъ. Правленіе Бориса начало тяготить всѣхъ; всѣ сословія были имъ недовольны, какъ бояре, дворяне, дѣти боярскія и другія второстепенныя лица, у которыхъ были отняты крестьяне, крестьяне, которые не могли дать себѣ отчета въ явленіи голода. Борисъ, какъ человѣкъ, совершившій много ловкаго, по своему собственному сознанію, не придавалъ сначала этимъ слухамъ большой важности. Это былъ умъ, понимавшій опасность явленій, о которыхъ онъ зналъ; такое необычайное явленіе не могло входить въ его соображенія. Но когда слухъ перешолъ въ дѣйствительность, тогда онъ растерялся, что и должно было случиться, судя по его характеру, и, вмѣсто того, чтобы начать дѣйствовать энергически, онъ запилъ и „отъ печали великія опився умре", говоритъ лѣтописецъ. Намъ нельзя строго судить Бориса за этотъ послѣдній не-

достатокъ воли: онъ долженъ былъ хорошо сознавать, что его рессурсы малы и что стеченія обстоятельствъ были выше самыхъ тонкихъ разсчетовъ.

Самозванецъ воспользовался всѣми слабыми сторонами Бориса, чѣмъ и объясняется его невѣроятно быстрый успѣхъ. Въ своей прокламаціи онъ прямо является боярскимъ Царемъ и не говоритъ ни слова о крестьянахъ, слѣдовательно онъ отнималъ у бояръ и высшихъ сословій необходимость противиться ему; простой народъ соединялъ съ его именемъ надежды свободы, которая въ его понятіяхъ была соединена съ именемъ Грознаго Царя.

Лжедимитрій говоритъ въ своей прокламаціи: „а и то вамъ пригоже знати, какія утѣсненія отъ измѣнника нашего Бориса Годунова было всѣмъ боярамъ нашимъ и воеводамъ и родству нашему укоръ и поношеніе и безчестіе и поношенія вамъ, чего и отъ природнаго Государя терпѣти было невозможно; и вамъ дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ раззореніе и ссылка и муки нестерпимые были, чего и плѣннымъ дѣлать негодно; а вамъ гостемъ и торговымъ людемъ, въ торговлѣ вашей вольности не было и въ пошлинахъ у васъ, что треть животовъ вашихъ брали. А мы великій Государь, по своему царскому милосердому обычаю, всѣхъ васъ пожалуемъ: и вамъ, боярамъ нашимъ, честь и повышеніе учинимъ, и отчинами вашими прежними васъ пожалуемъ, къ тому и еще прибавимъ и въ чести васъ держать будемъ; а васъ дворянъ и приказныхъ людей въ нашей царской милости держать хотимъ; а васъ гостей и торговыхъ людей всего московскаго государства пожалуемъ въ пошлинахъ и податяхъ велимъ во льготѣ и въ облегченіи учинити и все православное христіанство въ тишинѣ и въ покоѣ и въ благоденственномъ житіи учинити хотимъ.“ (А. А. Э. т. II, № 34).

Вотъ программа дѣйствій Лжедимитрія; эта программа схожа вполнѣ съ первоначальной программой Бориса. Вездѣ, гдѣ онъ говоритъ о боярахъ, дворянахъ и приказныхъ людяхъ, онъ ясно объявляетъ свои милости; всѣмъ другимъ чинамъ онъ обѣщаетъ только тишину. Очевидно, что эта программа

дѣйствій Лжедимитрія, была навѣяна вліяніемъ польской конституціи. Лжедимитрій не понималъ причинъ своего успѣха, которыя заключались не въ ожиданіяхъ бояръ, но въ надеждахъ дѣтей боярскихъ и крестьянъ. Что таковы были дѣйствительно его взгляды, это доказываетъ боярскій приговоръ о бѣглыхъ крестьянахъ, состоявшійся тотчасъ по пріѣздѣ его въ Москву: „Которые бояре и дворяне, и дѣти боярскіе, и владычныхъ и монастырскихъ вотчинъ, бьютъ челомъ Государю о судѣ въ бѣглыхъ крестьянахъ, до 1601 г., до голодныхъ годовъ за годъ, на посады и въ Государевы въ дворцовые села и въ черные волости, и за помѣщиковъ, и за вотчинниковъ, во крестьяне и въ холопы, и тѣхъ приговорили съискивая отдавати старымъ помѣщикамъ. А которые крестьяне бѣжавъ въ 1601-мъ и 2-мъ году въ голодные годы съ животы, и прожити было имъ лично, и пришли за иныхъ помѣщиковъ или за вотчинниковъ жити во крестьяне и въ холопы, и тѣхъ сыскивая отдавать старымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ. Оставлены за новыми помѣщиками только тѣ, которые отдались новымъ господамъ, вслѣдствіе не прокормленія старыхъ.“ (А. А. Э. т. II, № 40). Этотъ указъ, идущій повидимому только противъ облегченія, даннаго Годуновымъ бѣглымъ холопямъ, вновь прикрѣпляетъ и крестьянъ, слѣдовательно уничтожаетъ переходъ, дозволенный Годуновымъ въ 1601 году.

Изъ всего этого видно, что самозванецъ хотѣлъ царствовать на тѣхъ принципахъ, на которыхъ думалъ сначала царствовать Борисъ. Но его быстрое паденіе нельзя отнести къ народному неудовольствію, потому что его идеи не могли быстро распространиться въ областяхъ, что доказывается появленіемъ и успѣхами другаго самозванца, который дѣйствовалъ совершенно во имя другихъ идей. Онъ палъ, потому что у него не было никакой опоры. Желая дѣйствовать на основаніи принципа Бориса, онъ даже не умѣлъ догадаться, что эти принципы не спасутъ его, если они не могли даже спасти Бориса, за которымъ было болѣе прочное положеніе. Понятное дѣло, что аристократія, которая не хотѣла сносить Бориса, не будетъ выносить царство самозванца.

Самозванецъ палъ не потому, что онъ небрежно относился къ религіи и обычаямъ своей родины, но онъ палъ вслѣдствіе единодушнаго недовольства аристократіи и ненависти русскихъ кч полякамъ, на которыхъ онъ по необходимости долженъ былъ опираться. Многіе изъ его поступковъ доказываютъ, что онъ очень хорошо понималъ религіозность русскихъ этого времени. Онъ заставилъ, напримѣръ, Марину прикладываться къ православнымъ иконамъ и мощамъ, пріобщиться святыхъ тайнъ у русскаго митрополита, не ѣсть мяса въ субботу (А. А. Э. т. II, №№ 49, 52). Все это показываетъ, что онъ понималъ значеніе религіи и, еслибы все это отъ него зависѣло, то онъ, вѣроятно, не сдѣлалъ бы въ этомъ промаха, но онъ не могъ заставить поляковъ проникнуться этимъ же чувствомъ.

Шуйскій, какъ представитель боярской партіи, воспользовался неудовольствіемъ Москвы и свергнулъ самозванца. Это сверженіе было дѣломъ одной Москвы безъ совѣта другихъ областей. Дмитрій Самозванецъ и его планы еще не могли быть извѣстны такъ быстро въ областяхъ при тѣхъ средствахъ сообщенія, какія были тогда. Эта трудность сообщеній и неизвѣстность, что дѣлается въ Москвѣ, давало возможность появленію втораго самозванца; массы простаго народа, готовы были повѣрить всякому чудному спасенію Лжедимитрія, потому что они соединили съ его именемъ самыя свѣтлыя надежды, ради которыхъ человѣкъ очень часто вѣритъ самымъ невозможнымъ вещамъ. Можно думать, что еслибы приговоръ о бѣглыхъ холопахъ былъ приведенъ въ исполненіе при жизни самозванца, то едва ли была бы возможность появленія и успѣха втораго самозванца.

Василій Шуйскій былъ боярскимъ и Московскимъ Царемъ; онъ не рѣшился сзывать Земской Думы, какъ Борисъ. Онъ былъ представителемъ только боярскихъ интересовъ, что высказалось тотчасъ же въ записи данной имъ боярамъ. Эта запись содержитъ обѣщанія Василія: „всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти непредати и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ, и у

женъ и у дѣтей не отъимати, будетъ которые съ ними въ мысли не были; также у гостей и у торговыхъ и у черныхъ людей, хотя которой по суду и по сыску дойдетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отъымати, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны; да и доводовъ ложныхъ мнѣ великому Государю не слушати, а сыскивати великими сыски на крѣпко и ставить съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное христіанство безвинно не гибло; а кто на кого солжетъ и сыскавъ того познати, смотря по винѣ его, что былъ взвелъ не подѣльно, тѣмъ самъ осудится." Обѣщанія Василія въ отношеніи бояръ, болѣе или менѣе опредѣленны; въ отношеніи другихъ классовъ, они ограничиваются общими фразами. „Цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ крестьяномъ, что мнѣ ихъ, жалуя судити истиннымъ праведнымъ судомъ и безъ вины ни на кого опалы своей не класти и недругамъ ни кому ни кого въ неправдѣ не подавати и ото всякаго насильства оберегати."

Какъ бѣдна и недостаточна эта грамота въ сравненіи съ великой хартіей свободы, которую получили англійскіе бароны въ 1215 году. Запись обѣщаетъ только неотымать помѣстій и вотчинъ, тогда какъ хартія опредѣляетъ въ какихъ размѣрахъ подати и повинности могутъ падать на всѣ классы общества и уничтожаетъ всѣ незаконные поборы. Въ отношеніи суда запись только обѣщаетъ праведный судъ, тогда какъ хартія постановляетъ, что обыкновенные гражданскіе процессы должны имѣть опредѣленное мѣсто, а не слѣдовать за дворомъ, т. е. за пребываніемъ Государя. Гражданскіе процессы должны ежегодно быть судимы въ каждомъ графствѣ, посредствомъ объѣзжающихъ судей. Никакой vicecomes, или бургфохтъ, или мѣстный судья, посылаемые королемъ, не должны отнынѣ отправлять суды. Англійская хартія обезпечиваетъ свободу городовъ, тогда какъ запись Василія не упоминаетъ о нихъ. Лондонъ и другіе citis burghs, villae et portus должны имѣть ихъ libertates et liberas consuetudines. Ни какой городъ не можетъ быть принужденъ къ

построенію мостовъ и плотинъ. Въ этомъ обезпеченіи заключается существенная разница съ записью Василія. Здѣсь о городахъ и ихъ льготахъ даже нѣтъ помину, тогда какъ даже прокламація Лжедимитрія обѣщала, хотя весьма неопредѣленно, облегченія горожанамъ. Наконецъ послѣдняя важная разница хартіи съ записью состоитъ въ томъ, что въ ней были обезпечены владѣнія духовными имуществами, тогда какъ у насъ этого не могло быть, потому что служилое сословіе этого не хотѣло. Вотъ существенная разница, которая опредѣлила разницу всего дальнѣйшаго хода.

Казалось положеніе Василія было болѣе прочнымъ, потому что онъ былъ царь, избранный боярами. Но эта же сторона была и его слабостію. Въ глазахъ народа, какъ царь боярскій, онъ долженъ былъ казаться противникомъ народной свободы, то есть крестьянскаго перехода. Его дѣйствія вскорѣ показали, что онъ не обладаетъ такимъ умомъ и характеромъ, чтобъ бороться съ трудностями своего положенія. Не пониманіе своего положенія онъ обнаружилъ уже въ своемъ манифестѣ.

Въ манифестѣ, который издалъ Василій вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, онъ возводитъ на Димитрія множество такихъ преступленій, изъ которыхъ нѣкоторыя въ глазахъ народа могли быть болѣе полезны, чѣмъ вредны его славѣ. Онъ обвиняетъ, напримѣръ, Лжедимитрія въ томъ, что онъ измѣннымъ обычаемъ хотѣлъ бояръ, и дворянъ, и приказныхъ людей, и гостей и всякихъ лучшихъ людей побити. (А. А. Э. т. II, № 48, стр. 107). Василій не предвидѣлъ слѣдствій публикаціи такого манифеста, потому что онъ, не понималъ, что подобныя вещи могли бы только пугать москвичей, но что въ провинціи, между крестьянами, такая прокламація могла только поддержать дѣло Лжедимитрія. Для его славы въ провинціяхъ было бы гораздо гибельнѣе, если бы онъ могъ разослать его приговоръ о бѣглыхъ холопахъ. Далѣе въ этой прокламаціи было высказано, что Лжедимитрій имѣлъ намѣреніе ввести католицизмъ, въ подтвержденіе чего былъ приведенъ списокъ съ его письма, въ

которомъ онъ обѣщался дать Маринѣ особыя помѣстья, съ позволеніемъ строить въ нихъ костелы и, въ заключеніе, ввести католицизмъ въ Россіи. Подобное обвиненіе, если бы жители области ему могли повѣрить, было бы громовымъ ударомъ Лжедимитрію; но, послѣ перваго обвиненія, оно могло показаться боярской выдумкой. Наконецъ, Василій много разсчитывалъ на эффектъ перевезенія мощей Димитрія, о чемъ онъ также подробно говоритъ въ прокламаціи, какъ будто стараясь убѣдить, что они дѣйствительно существуютъ. Прокламація говоритъ, что когда духовенство и бояре мощи Димитрія Царевича осматривали, „и въ ту-де пору отъ гроба весь храмъ исполнился многаго благоуханія, и мощи благовѣрнаго Царевича князя Дмитрія Ивановича цѣлы и ни чѣмъ нерушимы, и въ иныхъ мѣстахъ часть земли отдана и на лицѣ и на главѣ власы цѣлы чермны, и на костяхъ плоть цѣла, и ожерелейцо низано жемчужное съ пуговицы все цѣло, и въ лѣвой рукѣ шириночка тяфтяная шита золотомъ и серебромъ цѣла же и саванъ на немъ весь цѣлъ, а покрытъ кафтанцемъ нашитымъ на хрептахъ на бѣльихъ, нашивка серебряна съ золотомъ, а сапожки на немъ цѣлыжъ, только подошвы у носковъ отстали; да на царевичевыхъ же мощахъ положено орѣховъ съ пригорщи, а сказываютъ, какъ онъ тѣшился и втѣпоры орѣшки кушалъ, и какъ его убили, и тѣ орѣхи кровью обагрилися, и для того тѣ орѣхи на немъ въ гробъ положили". (А. А. Э. т. II, № 48, стр. 111). Василій былъ человѣкъ набожный и усердный къ религіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ хитрый и неразборчивый на средства, когда это было нужно для его цѣли. Его умъ былъ не глубокъ и не обширенъ. Получа престолъ скорѣе по праву мѣстничества, чѣмъ въ силу личныхъ достоинствъ и энергіи воли, Василій весь отдался внѣшней набожности, думая въ ней найти спасеніе отъ всѣхъ бѣдъ грозящихъ ему.

Монастыри снова начали получать тарханныя грамоты, такъ была дана тарханная грамота богатому Вежецкому монастырю, въ которомъ считалось 4 сохи жителей; Нижегородскіе соборы получили ругу, установленную Васильемъ

Ивановичемъ и Иваномъ Васильевичемъ; Суздальскій Покровскій монастырь былъ освобожденъ отъ ямскихъ денегъ и т. д. (А. И. т. II, №№ 68, 69, 70, 71, 73, 74, 77, 79 и 87; А. А. Э. №№ 62, 63, 84 и 85) неизвѣстно въ какихъ бы размѣрахъ были возобновлены тарханныя грамоты, еслибъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ не появился второй самозванецъ.

Можетъ быть большая догадливость, а можетъ быть и то, что мѣсто боярскаго царя было занято Шуйскимъ, но самозванецъ въ своихъ прокламаціяхъ объявилъ себя народнымъ, холопскимъ царемъ. Василій пишетъ о немъ такъ: „а стоятъ тѣ воры подъ Москвою, въ Коломенскомъ, и пишутъ къ Москвѣ проклятые свои листы, и велятъ боярскимъ холопамъ побивать своихъ бояръ, и женъ ихъ, и вотчины и помѣстья имъ сулятъ, и шпынямъ и безымянникамъ–ворамъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити, и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ дать имъ боярство, и воеводство, и окольничество, и дьячество“ (А. А. Э. т. II, №№ 57, 129). Другая грамота, относящаяся къ тому же времени, отъ Рославльскаго намѣстника и воеводы Мосальскаго, призываетъ Мстиславцевъ бояръ, посадскихъ и чорныхъ людей идти на Смольянъ, Дорогобужанъ и Серпянъ, „а тамъ будетъ добра много, прибавляетъ грамота“ (А. И. т. II, № 75). Въ грамотѣ Митрополита Ростовскаго сказано: „возста плевелъ хочетъ поглотить пшениценосные классы; оттоль разбойники и тати и бояръ и дѣтей боярскихъ холопи бѣглые, въ той же прежепогибшей и оскверненной Сѣверной украйне и сговорясь съ воры казаки отступили отъ Бога“ (А. А. Э. т. II, № 58, стр. 131). Понявъ новаго самозванца многіе дѣти боярскіе, въ томъ числѣ Сумбуловъ и Ляпуновъ, принесли повинную Василію. На Москвѣ всѣ высшіе классы требуютъ немедленнаго наступленія. Но здѣсь–то и выказалась вся слабость характера Василія; вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ движеніемъ, немедленно идти на самозванца, онъ „молитъ и унимаетъ и до воли Божіей идти имъ не повелѣваетъ, и безпрестанные молитвы къ Богу возсылаетъ, и ко Пречистей Богородицѣ и

ко всѣмъ святымъ любезно припадаетъ со слезами и молитъ о душахъ ихъ, чтобы тѣхъ воровъ и разбойниковъ и крестьянскихъ губителей обратили къ Богу, къ истинному и спасенному пути" (тамъ же стр. 133). А между тѣмъ нерѣшительность характера Василья съ одной стороны и привлекательность идей самозванца, съ другой стороны, сдѣлали свое дѣло: большая половина присягнула самозванцу.

Казалось сами событія опредѣлили программу дѣйствій предводителей двухъ борющихся элементовъ: Василія, борца за аристократію и самозванца, борца за демократическія интересы. А между тѣмъ, въ самомъ разгарѣ борьбы оба противника мѣняются оружіемъ.

Василій, наконецъ, понялъ, что причины успѣха Самозванца заключаются въ его принципахъ, а Самозванецъ съ другой стороны, началъ скоро понимать, что полное приложеніе демократическихъ принциповъ совершенно невозможно. 7-го марта 1607 года, Василій отмѣнилъ постановленіе Ѳеодора, изданное 1597 года, по которому добровольные холопы, прожившіе болѣе шести недѣль, обращались въ кабальные, на томъ основаніи, что господинъ обувалъ ихъ и одѣвалъ. Василій издалъ постановленіе, что добровольные холопы, служащіе полгода, годъ и больше, если они кабалы дати не похотятъ, и тѣхъ добровольныхъ холопей въ неволю давать не велѣлъ. Это постановленіе было сдѣлано указомъ, безъ приговора боярской Думы, чѣмъ было нарушено основное положеніе конституціи.

Въ іюнѣ 1607 года, стало быть черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ появленія Самозванца, была разослана богомольная грамота о походѣ на Самозванца (А. А. Э. т. II, № 70), а 5 іюля, войска Самозванца были разбиты на голову при Ворсмѣ (А. А. Э. т. II, № 74), 29 іюля былъ взятъ Алексинъ; войска Самозванца были разбиты при Песошнѣ (А. А. Э. т. II, № 76). Въ октябрѣ была взята Тула вмѣстѣ съ Лже-Петромъ (А. А. Э. т. II, № 81). Но не смотря на побѣды, Василій и даже бояре сознавали необходимость сдѣлать нѣко-

торыя уступки простонародью. Въ февралѣ 1608 г., бояре приговорили тѣхъ холоповъ, которые прибѣгаютъ изъ лагеря Самозванца, не отдавать опять въ холопство старымъ господамъ, исключая тѣхъ, которые послѣ своей повинной уйдутъ снова къ Самозванцу и будутъ пойманы. Были признаны свободными даже люди, которыхъ отпустилъ первый Самозванецъ. Бѣглыхъ холоповъ, давшихъ кабалы новымъ господамъ, оставили за новыми господами, что также было облегченіемъ, потому что новые господа были либеральнѣе и давали болѣе (А. И. т. II, № 85). 9 марта, по указу государя, безъ приговора Боярской Думы, приказано было записывать записи въ Холопьемъ Приказѣ на вольныхъ людей, что бы имъ служить до своего живота и по такимъ записямъ истцамъ не выдавать (А. И. т. II, № 85, ст. 116).

Но какъ измѣнились, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, взгляды Василья, точно также должны были измѣниться основные принципы въ лагерѣ Самозванца, подъ вліяніемъ обстоятельствъ противоположныхъ, когда Самозванецъ увидѣлъ, что съ толпой простаго народа можно сдѣлать мало, что нужно увеличить свои силы дѣтьми боярскими, болѣе привычными къ войнѣ и польскими выходцами. Но для того, чтобы вознаградить ихъ услуги нужны были или деньги или помѣстья. При скудости общества, Самозванецъ долженъ былъ отказаться отъ мысли вознаградить своихъ приверженцевъ деньгами, а потому долженъ былъ придти къ сознанію необходимости вознаграждать помѣстьями. Такимъ образомъ законы общественнаго развитія крайняго демократа должны были мало-по-малу, обращать къ аристократизму. Еще въ октябрѣ Самозванецъ писалъ Суздальцамъ: „Мы васъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и стрѣльцовъ, и казаковъ, и пушкарей, и затиньщиковъ, и всякихъ служилыхъ людей пожалуемъ своимъ царскимъ жалованьемъ, деньгами и сукны, а дворянскихъ дѣтей и боярскихъ дѣтей ихъ великимъ помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ верстать и въ помѣстномъ окладѣ и денежномъ жалованьи прибавку учинить; а васъ, богомольцевъ нашихъ, и посадскихъ черныхъ людей,

и нашихъ дворцовыхъ селъ и деревень, и боярскимъ и княжицкимъ и дворянскимъ и дѣтей боярскихъ прикащикомъ и старостамъ и цѣловальникомъ и крестьяномъ и всему міру, за вашу службу и радѣнье, велимъ дати свое царское жалованье—тарханныя грамоты, что съ васъ нашихъ царскихъ податей нѣкоторыхъ имати не велимъ“ (А. И. т. II, № 100). Но не смотря на этотъ поворотъ въ мнѣніяхъ, успѣхъ Самозванца все еще продолжалъ опираться на низшіе классы. При его приближеніи къ Ярославлю, лучшіе люди палятъ свои дворы (А. А. Э. т. II, № 88). Всюду за Самозванца стояли меньшіе люди, какъ въ Ярославлѣ, такъ и въ Псковѣ и другихъ городахъ. Псковской лѣтописецъ говоритъ: „Развращеніе бысть великое въ Псковѣ; большіе люди на меньшихъ, меньшіе на большихъ“. Чрезвычайно интересны духъ и настроеніе Псковичей, рельефно выражающіеся наивнымъ разсказомъ лѣтописца.

Во Псковѣ давно накипало неудовольствіе и злоба на намѣстника боярина Ивана Петровича Шереметева, который притѣснялъ Псковичей. Царь Василій прислалъ просить у Псковичей денегъ, сколько они дадутъ; по этой просьбѣ большіе люди дали 900 рублей, а меньшіе ничего не дали. Деньги были отправлены съ 5–ю меньшими людьми, изъ которыхъ про 4–хъ Шереметевъ писалъ въ Москву, что они измѣнники, между тѣмъ какъ эти люди были виноваты развѣ тѣмъ, что вступались за бѣдныхъ людей и защищали ихъ отъ его притѣснителей. Этихъ людей въ Москвѣ казнили; когда вѣсть объ этомъ пришла въ Псковъ, Псковичи посадили 7 большихъ гостей (купцевъ) въ тюрьму и обѣщали ихъ казнить, если изъ Москвы не выпустятъ обратно, къ несчастью уже казненныхъ, Псковитянъ. Въ 1608 г., во Псковѣ снова распространялся слухъ, что Шереметевъ обвинилъ въ измѣнѣ 70 человѣкъ Псковитянъ, а между тѣмъ въ это время уже пришли во Псковъ грамоты, написанныя, по выраженію лѣтописца, „мудрымъ словомъ зѣло“. Во Псковѣ начали дивиться всякимъ людямъ, слышаще доброе и милостивое ко всѣмъ человѣкомъ, яко слухъ исполнилъ во всѣхъ слыша-

щихъ радости". „И отъ тоя молвы стали люди овои Псковскіе въ размышленіе всякіе, и во всѣхъ чинѣхъ, дѣти боярскіе большіе и меньшіе, и понѣже, чающе истины и отъ всѣхъ злыхъ избавленія, и отъ властелинскихъ всякихъ насильствъ, въ нихъ же нѣсть Бога, грѣхъ ради нашихъ" (А. И. т. IV, ст. 324 и 325). Такимъ образомъ въ Псковѣ, какъ и во многихъ другихъ городахъ грамоты Самозванца были искрой, упавшей въ порохъ. Всѣ чаяли въ Самозванцѣ найти избавленія отъ всякихъ золъ: гнѣвъ и ненависть, накипавшія въ сердцахъ гражданъ мало-по-малу, теперь вспыхнули разомъ, вспоминая московскую волокиту и намѣстническій произволъ. Послѣ первыхъ побѣдъ Василія, счастіе повернулось къ нему спиной. Почти вся Россія передалась Самозванцу. Василью оставались еще вѣрными сѣверные уѣзды, земли: Вятская, Пермская, Велико–Устюжская, Новгородъ и Нижній–Новгородъ, но и ихъ вѣрность была слишкомъ холодна; тогда какъ при Іоаннѣ IV Пермская земля поставляла до 1000 человѣкъ, теперь она выставляла едва 100 (А. А. Э. т. II, № 137). Нижній–Новгородъ сознавалъ глубоко связь свою съ Москвой; въ концѣ ноября 1608 года, Нижегородцы писали въ Балахну, прося, чтобы Балахонцы прислали лучшихъ людей, „говорити бо намъ съ вами о томъ, кто будетъ на Московскомъ государствѣ государь, тотъ всѣмъ намъ и вамъ государь" (А. И. т. II, № 107).

1609 годъ былъ годомъ самой отчаянной борьбы, самаго полнаго напряженія силъ съ обѣихъ сторонъ. Счастіе начало снова улыбаться Василію. Хотя въ этотъ годъ Самозванецъ перенесъ силы на сѣверъ, еще не тронутый и тамъ находилъ элементы недовольства, готовые ему помогать, но, между тѣмъ, въ самомъ лагерѣ Самозванца, въ уѣздахъ, уже покорившихся ему, начинаются неудовольствія. Теперь-то и выказалась вся не практичность, неисполнимость его плановъ. Крестьяне, прельщенные его обѣщаніями, скоро должны были убѣдиться, что это слова не имѣющія значенія. Уже въ декабрѣ 1608 года, Суздальскій воевода Плещеевъ писалъ Самозванцу, „что у насъ во многихъ городѣхъ

*

отъ великихъ денежныхъ сборовъ учинилась смута великая, и отъ того во многихъ городѣхъ мужики заворовались и цѣловали крестъ Василью Шуйскому; и по Государевѣ грамотѣ и по твоей присылкѣ, денегъ было мнѣ собрать скоро не мочно, потому что пошолъ азъ, изъ Суздаля въ Шую, противъ государевыхъ измѣнниковъ, *а се не та пора стала, въ людехъ смута великая*" (А. И. № 110).

Въ это же время царскими войсками были взяты Балахна и еще три большіе поволжскіе города, какъ то: Юрьевецъ-Повольской, Кострома и Ярославль; кромѣ того, Вологда, Переяславль, Галичъ, Муромъ и иные многіе города обратились къ Государю (А. И. т. II, №№ 112 и 4). Въ томъ же мѣсяцѣ измѣнилъ Самозванцу Гороховецъ, жители Ярполчевской волости и Павлова Острога. Жители Владиміра, Переявлавля, Юрьева-Повольскаго, отъ лица всѣхъ сословій, жалуются Самозванцу на загонныхъ людей (А. И. т. II, №№ 116 и 119), „что они побрали наши животики и женишекъ нашихъ и дочеришекъ нашихъ емлютъ на постелю. сильно и позорятъ, а иные дѣвицы и женки, со страсти, по лѣсамъ, въ нынѣшнюю зимнюю пору, отъ стужи померли" (А. И. т. II, № 121).

Самозванецъ наконецъ рѣшается принять необходимыя мѣры противъ грабительства, и въ декабрѣ казнилъ Наливайку, одного изъ польскихъ пановъ, который находилъ заступничество даже въ Сапѣгѣ (А. И. т. II, №№ 129 и 130). Но даже этими мѣрами Самозванецъ не можетъ остановить разгульныхъ польскихъ пановъ, которые привыкли грабить тѣмъ болѣе, что онъ не могъ имъ дать правильнаго вознагражденія. Въ сѣверныхъ городахъ лица, которыя были склонны присягнуть Самозванцу, видя успѣхи царскихъ войскъ, останавливаются; въ ноябрѣ 1608 года, Устюжане пишутъ въ Сольвычегодскъ, чтобы они не спѣшили присягнуть Самозванцу, потому что не угадать, по чемъ совершится. Въ январѣ 1609 года, войска Самозванца были разбиты, подъ Нижнимъ-Новгородомъ (А. И. т. II, № 134).

Между тѣмъ, какъ Самозванецъ уже начиналъ терять

успѣхъ, въ Польшу только донеслись извѣстія о его невѣроятномъ успѣхѣ. Въ Польшѣ начали подумывать о томъ, что если Москвичи уже такіе легковѣрные люди, то, вѣроятно, возможно, разоривъ бояръ и купцовъ, овладѣть мелкими пашенными людьми (А. А. Э. т. II, № 92).

Дѣло Самозванца приходило въ самое плачевное положеніе, потому что дѣйствительно уже однѣ законныя контрибуціи были не выносимы. Архимандритъ Ярославскаго Спасскаго монастыря прислалъ челобитную, въ которой перечисляетъ, сколько Самозванецъ собралъ различныхъ налоговъ въ 1609 году: „Съ сохи по осьми яловицъ, по шестнадцати барановъ, полтей мяса, окороковъ, свинаго сала и ветчины, гусей, утятъ и тетеревей: по сороку куръ и сыровъ; по четыреста яицъ, по четыре пуда масла коровья, по четыре ведра масла конопляного, по сороку четьи сухарей, по сороку ведръ капусты соленыя, по двадцати четвертей муки ржаныя и пшеничныя, по двадцати четьи крупъ гречневыхъ и овсяныхъ, по десяти ведръ вина, по восьми пудъ меду, по десяти четьи хмѣлю, по десяти лососовъ“. Но это еще не все.—Въ январѣ 1609 года, съ тѣхъ же сохъ было взято на кормъ 1000 человѣкъ, въ количествѣ еще большемъ, какъ напримѣръ: по 10 пудовъ масла, по 100 четв. муки ржаной, по 20 четв. муки пшеничной, и пр. и пр. въ томъ же размѣрѣ (А. И. т. II, № 137). Самозванецъ все еще имѣлъ нѣкоторый успѣхъ на сѣверѣ, но и туда уже доносились вѣсти, не выгодныя для него. Вологодцы писали Пермичамъ, что Литовцы и русскіе воры воюютъ, а крестьянъ сѣкутъ, а женъ и дѣтей ихъ въ полонъ ведутъ (А. А. Э. т. II, № 109). Но и эти не значительные успѣхи были остановлены побѣдами Шереметьева при Чебоксарахъ и Свіяжскѣ (А. И. т. II, № 145).

Подъ вліяніемъ неудачь программа дѣйствій Самозванца окончательно измѣнилась. Когда Самозванецъ двинулъ рать для приведенія къ покорности Ярославскаго и Пошехонскаго уѣзда, онъ писалъ Романовцамъ: „Слухи до насъ доходятъ, что вы смущаетесь для того, будто дворянъ и дѣтей бояр-

скихъ черные люди побиваютъ и домы ихъ раззоряютъ; а здѣся, господа, черные люди дворянъ и дѣтей боярскихъ чтятъ" (А. И, т. II, № 150). Подъ вліяніемъ новыхъ идей, онъ дѣлаетъ новые успѣхи въ Ярославлѣ, Костромѣ и Юрьевѣ; теперь уже измѣняютъ Царю не посадскіе и чернь, но дѣти боярскіе Ярославля и Костромы, которые отняли у Солигаличанъ весь нарядъ (А. И. т. II, № 177). Хотя счастье снова улыбнулось Самозванцу въ поволжскихъ городахъ: Ярославлѣ, Костромѣ, Юрьевѣ и они были снова приведены къ присягѣ, но этотъ успѣхъ былъ временный. Въ февралѣ 1609 г., Ярославскій воевода Барятинскій писалъ къ Самозванцу: „что мужики опять заворовали, которые государю де били челомъ" (А. И. т. II, № 155).

Положенія Василія казалось блестящимъ, хотя его финансы истощались, жалованье и руга платились лишь въ половину и цѣны на хлѣбъ въ Москвѣ ежедневно возрастали. Цѣна ржи возвысилась до 2 руб. четвер., овса до 1 руб. (А. И. т. II, № 213). Галичь съ пригороды, Пошехонье, Романовъ, Угличъ, Вологда и всѣ поморскіе города обратились къ Василію (А. А. Э. т. II, № 104). Владимірцы измѣнили Самозванцу, Ярославль былъ взятъ, къ Юрьеву подступили Владимірцы (А. И. т. II, №№ 214 и 215). Торопецъ присягнулъ Государю, Вязьма взята; войска Самозванца были разбиты при Дорогобужѣ. Троицкая Лавра защищалась упорно. Бунтовавшіеся Черемисы въ Алатырѣ, Курмышѣ, Арзамасѣ, Климовѣ и Темниковѣ были побиты стрѣльцами при Бурундукѣ; точно также были усмирены Кукарскіе мужики, которые тоже было заворовали (А. А. Э. т. II, № 114).

Всѣ эти успѣхи, а вмѣстѣ съ тѣмъ Московская дороговизна и, вѣроятно, вмѣстѣ съ нею и ропотъ низшихъ классовъ, заставили Василія подумать о томъ, не довольно ли уже онъ поблажалъ холопскимъ интересамъ и не пора ли снова искать боярской опоры. 21 мая 1609 г., онъ отмѣнилъ прежнее постановленіе 1608 г., по которому бѣглые холопы оставались за новыми господами, по ихъ кабаламъ и они снова были отданы старымъ господамъ, у кого они

въ холопствѣ родились. Вольныхъ людей, которыхъ еще въ прошломъ году Василій не приказывалъ записывать въ холопы, теперь отдавались господамъ, у которыхъ они живутъ лѣтъ 5 или 6. Единственное облегченіе было сдѣлано для людей живущихъ у сыновей, по крѣпостямъ отцовъ, которые были отпущены ими на волю (А. И. т. II, № 85, ст. 116).

Когда дѣла Самозванца начали клониться къ видимому паденію, тогда рѣшились дѣйствовать Поляки, которые до сихъ поръ не дѣйствовали, вѣроятно, выжидая успѣховъ Самозванца и думая воспользоваться отъ него безъ борьбы нѣкоторыми городами, обѣщанными Самозванцемъ. Въ концѣ сентября 1609 года, Сигизмундъ уже стоялъ подъ Смоленскомъ, съ 6000 войска. На сѣверѣ все еще бродили казаки и инородцы. Шведамъ былъ уступленъ городъ Корела и Василій распорядился взыскать для уплаты Нѣмцамъ по 50 р. съ сохи (А. И. т. II, № 272).

Теперь, послѣ четырехъ лѣтней дѣятельности Василія, стало для всѣхъ очевидно, что онъ стоитъ далеко ниже обстоятельствъ, что если онъ будетъ распоряжаться дальше, то война будетъ тянутся безконечно и всѣмъ грозитъ разореніе. Положеніе Василія было безотрадно. Его снова защищали бояре, интересамъ которыхъ онъ уже однажны измѣнилъ. На него негодовала чернь московская, потому что цѣны на хлѣбъ сдѣлались невыносимы. Его боялись тѣ многочисленныя лица, которыя нѣсколько разъ переходили изъ одного лагеря въ другой, Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ, Василій былъ низверженъ. По-всюду чувствовалось истощеніе и чувствовалась необходимость рѣшительности, энергическихъ мѣръ. Въ низверженіи Василія, впрочемъ, не участвовали бояре, что видно изъ словъ Гермогена (А. А. Э. т. II, № 169). „Василія свергли, говоритъ Гермогенъ, безъ совѣта бояръ и безъ согласія его, патріарха, и безъ совѣту людей всѣхъ чиновъ (А. А. Э. т. II, № 169). Замѣчательно, что молодое поколѣніе хотѣло поддерживать Василія и порядокъ; солгалось про старыхъ слово, говоритъ Гермогенъ, что красота граду старые мужи“ (Тамъ же). Въ манифестѣ

бояръ объ этомъ событии говорится такъ: „Дворяне и дѣти боярскія всѣхъ городовъ, и гости, и торговые люди, и стрѣльцы, и казаки, и посадскіе, и всякихъ чиновъ люди всего Московскаго Государства, поговоря промежъ себя и услыша украйныхъ городовъ ото всѣхъ людей, что Государя, Царя и Великаго Князя всея Руси на Московскомъ Государствѣ не любятъ и къ нему ко Государю не обращаются и служить ему не хотятъ.,.. били челомъ ему Государю всею землею, всякіе люди, что бы онъ Государство отставилъ для межоусобныя брани и для того которые отъ него Государя боясь опалы, или которые его Государя не любя и къ нему Государю и ко всему Московскому Государству необращаются и тѣ бы были въ соединеньи и стояли бы за православную вѣру, всѣ за одно“ (А. А. Э. т. II, № 162).

24 іюля бояре разослали повсюду присяжную грамоту, по которой народъ долженъ былъ присягать. Въ этой грамотѣ сказано: „мы присягаемъ во всемъ ихъ бояръ слушати и судъ ихъ любити, что они кому за службу и за вину приговорятъ, и за Московское Государство и за нихъ стояти и съ измѣнниками битися до смерти“.

Это событіе, кажется, наиболѣе поразило главу духовенства. Дѣйствительно, онъ и не могъ смотрѣть иначе на фактъ, которымъ отвергался религіозный принципъ, за который такъ долго боролась церковь. Этотъ фактъ такъ поразилъ и перепуталъ всѣ понятія Гермогена, что онъ вскорѣ послѣ этого разослалъ грамоту, въ которой обращался къ народу съ грозными упреками: „Бывшимъ братьямъ нашимъ, пишетъ Гермогенъ, а нынѣ же не вѣдаемъ какъ и назвать васъ, но ни во умъ намъ не вмѣщается сотворенная вами, ни слухъ нашъ никогда отъ таковыхъ пріяша, ни въ лѣтописаніяхъ видѣхомъ, каковая не вмѣстимая человѣческому уму содѣяшася вами“ (А. А. Э. т. II, ст. 287). Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „Чающе бо они на Царя возсташа, а того забыша, что Царь Божіимъ изволеніемъ, а не собою пріимъ царство....“ (А. А. Э. стр. 289).

Можетъ быть бояре сначала думали управлять государст-

вомъ одни, но они очень скоро пришли къ убѣжденію, въ необходимости предложить корону Владиславу. Множество причинъ могло способствовать этому рѣшенію: соперничество между боярскими фамиліями, популярность царской власти въ народѣ, надежда получить отъ Владислава, какъ обѣщалъ Сигизмундъ, права и вольности, помѣстья и вотчины и, наконецъ, можетъ быть самое важное, отдѣлаться легкимъ способомъ отъ Поляковъ. Самозванецъ былъ теперь не грозенъ, а были сильны только Поляки. Всѣ эти причины вмѣстѣ заставили бояръ очень скоро согласиться на приглашеніе Владислава на тронъ Московскій. Уже 31 іюля былъ разосланъ боярами присяжный листъ, сочиненный, вѣроятно, Салтыковымъ, на основаніи котораго Владиславъ долженъ былъ присягнуть. Главныя основанія этого договора были слѣдующія:

1) Государю Королевичу на государствѣ, нашея истинныя православныя крестьянскія вѣры не разорити и городовъ отъ Московскаго Государства не отводити и вотчинъ и дворовъ и животовъ у насъ не отымати и безъ сыску ни надъ кѣмъ ни на кого дурно не имѣти.

2) Церковь Божію чтити и украшати по прежнему обычаю, и святымъ божіимъ иконамъ и чудотворнымъ мощемъ покланятися и чтити, а Римскія вѣры и иныхъ вѣръ не вводити и костеловъ нигдѣ не ставити.

3) Въ духовныя и святительскія дѣла не вступатися.

4) А что дано въ монастыри вотчинъ и угодій, то быти всему по прежнему.

5) Боярамъ, окольничимъ, воеводамъ и другимъ чинамъ быти по прежнему, а Польскимъ и Литовскимъ людямъ на Москвѣ и по городамъ не быть.

6) Всѣхъ чиновъ Московскаго Государства, начиная отъ бояръ и окольничихъ и кончая казаками, имѣти въ чести и жалованьи.

7) Иноземцамъ давать четвертное жалованье изъ четей и помѣстій у нихъ не отымати, а также и у дворянъ и у дѣтей боярскихъ, которые емлютъ жалованье съ городовъ.

8) Суды совершать по Судебнику. А не сыскавъ вины и

не осудивши судомъ со всѣми бояры, никого не казнити, и чести ни у кого не отымати, и въ заточеніе не засылати. А кто бездѣтенъ умретъ, и то все, что останется, отдавать ближнимъ его, или кому онъ прикажетъ; а все то дѣлати Государю съ приговоромъ и совѣтомъ бояръ и всѣхъ думныхъ людей, а безъ Думы и приговору такихъ дѣлъ не вершити.

9) А доходы государскіе изъ городовъ и волостей, также съ кабаковъ и съ тамогъ собирати по прежнему; а сверхъ прежнихъ обычаевъ, не поговоря съ боярами, ни въ чемъ не прибавляти.

10) А торговымъ и пашеннымъ крестьянамъ въ Литву изъ Руси и изъ Литвы на Русь выходу не быти, тако же и на Руси промежь себя выходу не быть (А. А. Э. т. II, № 165).

Если мы сравнимъ эту конституцію съ записью Василья, то мы убѣдимся, что въ главномъ она имѣетъ тотъ же характеръ, но есть и нѣкоторая разница. Боярство выступаетъ теперь съ защитой интересовъ всего служилаго сословія и прямо уничтожаетъ всякой переходъ крестьянъ. Но если конституція защищала косвенно интересы низшаго служилаго класса, духовенства и отчасти купечества, то она не давала имъ никакихъ политическихъ правъ. Всѣ дѣла рѣшались въ Думѣ Боярской, гдѣ всѣ эти лица не имѣли представителей. О земскомъ соборѣ въ ней даже неупоминается. Бояре поняли, что они одни еще не составляютъ всего, а потому они ищутъ опоры въ рядахъ низшей аристократіи, во имя общаго интереса прикрѣпленія крестьянъ. Хотя въ этой конституціи и существуетъ статья, по которой Владиславъ не можетъ сдѣлать новыхъ налоговъ, даже тамги, чѣмъ косвенно обезпечиваются интересы городовъ, но они обезпечиваются только Думою боярскою, а не земскимъ соборомъ.

30 августа эта конституція была разослана по городамъ для присяги. 12 сентября бояре отмѣнили всѣ постановленія Василія о добровольныхъ холопахъ и ввели въ силу законъ Ѳедора, по которому всякій холопъ, прожившій полгода у господина обращался въ крѣпостнаго, потому что господинъ

того добровольнаго холопа поилъ и кормилъ (А. И. т. II, № 85).

Разослать эту конституцію и ожидать, что ей присягнутъ города и волости, которыя жертвовали всѣмъ для свободы,— все это было такою нелѣпостью, которая показывала всю недальновидность и политическую несообразительность боярства. Принятіе ея было бы еще возможнымъ, еслибы послѣдняя статья была опущена; бояре могли вставить ее послѣ, когда уже дѣло было сдѣлано и Владиславъ былъ бы въ ихъ рукахъ. Едва ли была конституція, которая бы менѣе удовлетворяла народъ. Ею было недовольно могущественное духовенство въ странѣ, которая, по своей религіозности, близилась къ теократіи. Очевидно, что король-католикъ мало будетъ щадить православіе, а еще менѣе богатства церкви. Ею были недовольны всѣ разряды служилаго сословія, начиная отъ дворянъ и до дѣтей боярскихъ, которые не вѣрили въ безкорыстіе боярства. Наконецъ, ею не могли быть довольны низшіе классы, которые были прямо прикрѣплены. Но всѣ партіи пока были ошеломлены смѣлостію и рѣшительностію боярства и ожидали, что будетъ. Имъ не долго нужно было ждать: 19 августа бояре заключили договоръ съ поляками и Гонсѣвскій вступилъ въ Москву.

Вскорѣ обнаружилось, что ни поляки не съумѣли повести дѣло съ необходимой ловкостію, ни бояре составить партію, дружно дѣйствующую во имя корпоративныхъ интересовъ. Уже въ декабрѣ было слышно въ Новгородѣ, что русскіе съ поляками на Москвѣ бьются (А. А. Э. т. II, № 167). Въ провинціяхъ поляки поступали, не смотря на миръ, какъ въ непріятельской землѣ. Въ сентябрѣ пришла грамота отъ Владислава о роспускѣ даточныхъ людей по домамъ, а король, между тѣмъ, стоялъ передъ Смоленскомъ и шведы еще были въ странѣ. Такое стремленіе распустить русскую вооруженную силу, при такихъ обстоятельствахъ, прямо показывало, чего хочетъ король. Боярство бомбардировало короля только просьбами о помѣстьяхъ, съ искренними совѣтами о томъ, какъ подавить возстаніе (А. И. т. II, №№ 298,

299 и 311, ст. подъ №№ I, II, III, IV, V, VI и VII). Главою партіи приверженцевъ Владислава былъ бояринъ Михаилъ Салтыковъ. Между нимъ и Гонсѣвскимъ вскорѣ начались неудовольствія. Салтыковъ, а вмѣстѣ съ нимъ и бояре, были недовольны, что Гонсѣвскій отнималъ у нихъ власть, а еще болѣе тѣмъ, что торговый мужикъ Андроновъ пріобрѣтаетъ огромный вѣсъ и значеніе. Салтыковъ жаловался королю, что Гонсѣвскій велъ дѣла не по московскому обычаю (т. е. безъ согласія бояръ). У многихъ людей, говорилъ Салтыковъ, не по винѣ, дворы и помѣстья и вотчины отняты. Еще болѣе бояре были недовольны тѣмъ, что онъ допустилъ въ Думу торговаго мужика Андронова. Эта единодушная борьба бояръ противъ одного только мужика, достигшаго власти, уже ясно обнаруживаетъ, какъ эгоистически смотрѣло это сословіе на государство. Казалось, боярство ни чему не научилось со времени малолѣдства Іоанна IV. Не только между боярами и Гонсѣвскимъ шла борьба, но сами бояре не могли ни въ чемъ согласиться. Бояре жаловались, что Салтыковъ дѣлаетъ все безъ ихъ совѣта и даже раздаетъ помѣстья; что Салтыковъ захватилъ въ свои руки помѣстья, которыя принадлежали нѣкогда Годунову. Когда Владиславъ, или вѣрнѣе Сигизмундъ, испугался, чтобы такой поступокъ его приверженца не отшатнулъ отъ него бояръ, то Салтыковъ отвѣчалъ ему; „что на Москвѣ и не за то смутъ не бываетъ“. Вся эта неурядица скоро стала извѣстна всюду: пріѣхалъ въ Вятку дьякъ Евдокимовъ и сказывалъ, „что на Москвѣ владѣетъ всѣмъ бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, Ѳедоръ Андроновъ, да съ бояры же сидитъ панъ Александръ Гонсѣвскій, а называютъ его старостою московскимъ и въ стрѣлецкомъ приказѣ вѣдаетъ онъ же, а приходятъ къ нему дьяки съ доклады въ верхъ и къ нему на дворъ, а стоитъ онъ въ Кремлѣ городѣ, на Борисовомъ дворѣ Ѳедоровича Годунова; а иные литовскіе люди въ Кремлѣ и Китаѣ и большомъ каменномъ городѣ, по боярскимъ и по дворянскимъ и торговыхъ людей на дворѣхъ стоятъ многіе, а тѣхъ людей съ ихъ дворовъ ссылали

изъ Китая за деревянный городъ". Какъ былъ не популяренъ новый боярскій царь—это видно уже изъ факта, что теперь начиналось движеніе въ пользу Самозванца даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было извѣстно, что Самозванецъ — воръ, гдѣ ему болѣе всего противились. Въ январѣ Самозванцу присягнули Казань и Вятка (А. А. Э. т. II, № 170). Изъ Вятки отправили грамоту въ Пермь и пермичи также рѣшились стоять за православную вѣру, но не цѣловали грамоту, потому что вѣстей у нихъ никакихъ нѣтъ, а они хотѣли подождать вѣстей (А. А. Э. т. II, № 171). Но нечего уже было думать о Самозванцѣ. 16 декабря онъ былъ убитъ (А. И. т. II, № 308).

Теперь для всѣхъ стало понятно, что единственное средство спасенія вѣры и національной самостоятельности отъ польскаго и боярскаго самоуправства можетъ быть только поголовное возстаніе. Владиславъ былъ въ Польшѣ и не было надежды не только на то, чтобы онъ принялъ православіе, но чтобы онъ даже пріѣхалъ въ Москву. Поступки Сигизмунда съ послами и его продолженіе Смоленской осады доказали, что Сигизмундъ хлопочетъ лишь о своихъ интересахъ. Глава духовенства, умный и энергическій патріархъ Гермогенъ понялъ прежде всѣхъ, что только поголовное возстаніе спасетъ Русь и православіе. Подъ ножами у поляковъ, онъ разослалъ всюду вдохновляющія грамоты, которыя не замедлили произвести свое дѣйствіе, потому что въ нихъ онъ и высказалъ мысль, которая вертѣлась у всѣхъ на умѣ. Тогда началось то великое движеніе, которое спасло Россію. Всякій, сознававшій бѣдствія родины, дѣлался краснорѣчивымъ, когда онъ взывалъ о помощи. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1611 года уже начинается это великое движеніе, во главѣ котораго сталъ Нижній-Новгородъ. Это движеніе съ перваго раза приняло религіозно-демократическій характеръ. Оно направлялось противъ католицизма, который грозилъ войти вмѣстѣ съ королемъ-католикомъ. Оно направлялось противъ боярства, которое до сихъ поръ дѣйствовало только въ видахъ своихъ эгоистическихъ интересовъ. Этотъ рели-

гіозно-демократическій характеръ видѣнъ во всѣхъ грамотахъ. Прокопій Ляпуновъ писалъ: „Яко же и древле великій Моисей изволилъ съ людьми Божіими страдати, нежели имѣти временную грѣха сладость, тако и вы, по апостольскому гласу, не плотскаго господина, но вѣчнаго Владыки ищете волю творити, печетеся по правдѣ поборники быти, видя польскаго короля неправое возстаніе на Московское государство“ (А. И. т. II, № 319). Въ февралѣ Нижегородцы писали въ Вологду, что Прокопій Ляпуновъ и дворяне, и дѣти боярскія, и всякіе люди Рязанскія области, что они по благословенію святѣйшаго Ермогена, собрався со всѣми сѣверскими и украйными городами, идутъ на польскихъ и на литовскихъ людей къ Москвѣ. Они просятъ вологжанъ: „Для Бога, судіи живыхъ и мертвыхъ, не презрите бѣднаго и слезнаго нашего рыданія; будьте съ нами обще, за одно, противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ; помяните одно: только коренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться? Здѣсь образъ Божія матере, вѣчныя заступницы крестьянскія, Богородицы, ея же евангелистъ Лука написалъ, и великіе свѣтильники и хранители: Петръ и Алексѣй, и Іона чудотворцы; или вамъ, православнымъ крестьянамъ, то ни во что поставить. Се же и глаголати, и писати страшно (А. А. Э. т. II, № 176, стр. 298). Пощадите насъ бѣдныхъ, къ концу погибели пришедшихъ душами и головами; пишите во всѣ городы, чтобъ была вѣдома смертная наша гибель конечная“.

Въ другой грамотѣ Нижегородской говорится: „не будете только какъ въ соединеніи, обще со всею землею, горько будете плакати и рыдати не утѣшнымъ вѣчнымъ плачемъ: перемѣнена будетъ вѣра крестьянская въ латинство и разорятся божественныя церкви со всею лѣпотою и убіенъ будетъ лютою смертію родъ вашъ крестьянской, поработятъ и разведутъ въ полонъ матерей и женъ, и дѣтей вашихъ. Какимъ словамъ клятвеннымъ вѣрите? Что обѣщаваютъ вамъ все сладкое и лутчее Михаилъ Салтыковъ и Ѳедоръ Андроновъ со своими совѣтники“ (тамъ же, стр. 300).

Такъ же рельефно выступаетъ и другой характеръ возстанія. Уже въ февралѣ Нижегородцы писали: „мы боярамъ московскимъ давно отказали и къ нимъ о томъ писали, что они прельстяся на славу вѣка сего, Бога отступили“ (А. А. Э. т. II, ст. 301). Ярославцы пишутъ: „А будетъ на кого съ Москвы пошлютъ бояре и велятъ поляковъ привести къ Москвѣ, или въ которые городы разсылати, или которую пеню и казнь велятъ учинити, и намъ за тѣхъ людей стояти другъ за друга всѣ единомышленіемъ и ихъ не выдати, покамѣсть Богъ намъ дастъ на Московское Государство Государя“ (А. А. Э. т. II, № 179, ст. 308). Въ іюнѣ 1611 года Ярославцы писали въ Казань: „а бояре прельстясь для удѣловъ, а иные боясь, а людей всѣхъ служилыхъ съ Москвы разослали, и мы уже бѣдные православные крестьяне отчаялись, ни заступающаго ни помогающаго не было“ (А. А. Э. т. II, № 188). Въ этомъ великомъ національномъ движеніи не осталась назади другихъ и та партія свободно-мыслящихъ людей, которая, не смотря на гоненія своего отечества, не переставала любить его. Мы съ перваго разу узнаемъ знакомыя намъ идеи въ безымянномъ посланіи, отправленномъ къ предводителямъ возстанія: „О возлюбленные Богомъ! возлюбите Бога и познайте сущаго Бога, яко Богъ любы есть; Бога бо никто же нигдѣ же виде,—и если мы другъ друга любимъ, Богъ въ насъ пребываетъ и любовь его совершенна. Мы убѣждены, что въ Немъ пребываемъ какъ и онъ пребываетъ въ насъ; Богъ есть любовь и пребывающій въ любви въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ. Если кто скажетъ, что любитъ Бога и ненавидитъ брата своего, то онъ скажетъ ложь, ибо не любя брата своего, котораго онъ видитъ, онъ не можетъ любить Бога, котораго не видитъ. Нелюбящій брата своего, пребываетъ въ смерти, и всякъ ненавидящій брата есть человѣкоубійца, а вы знаете, что человѣкоубійца не получитъ вѣчной жизни. Но почему мы не любимъ братію? потому что міръ сей любимъ и потому-то нѣтъ любви Божіей въ насъ. Любящій человѣкъ никогда не оскорбитъ Бога, ни оскорбитъ людей ради тлѣнныхъ ве-

щей, но всегда мысля доброе о всякомъ человѣкѣ, всегда дѣлая полезное, полагаетъ душу свою за всѣхъ. Любящій друга исполнилъ законъ и покрылъ множество грѣховъ, потому что онъ не убьетъ, не украдетъ, не будетъ лжесвидѣтельствовать. Совершеніе закона любовь и единою заповѣдью любви всѣ заповѣди совершаются; любовь есть и начало и конецъ всѣмъ заповѣдямъ, потому что она отвращаетъ отъ зла и даруетъ желаніе дѣлать добро. Въ священномъ писаніи сказано: „Если ты говоришь человѣческими и Ангельскими голосами, но любви не имѣешь, то будешь какъ мѣдь звѣнящая и кимвалъ бряцающій; если имѣешь даръ пророчества, понимаешь законы, полонъ разума, но любви не имѣешь, то ты ничто; если отдашь имѣніе свое, предашь тѣло на сожженіе, но любви не имѣешь, то не будетъ тебѣ никакой пользы“ (А. А. Э. т. II, № 219).

Возстаніе съ перваго же разу принимаетъ земскій характеръ, въ противоположность боярскому. Грамота отъ 26 іюля, писана такимъ образомъ: „По избраньи всѣхъ чиновъ людей Россійскаго Государства въ нынѣшнее настоящее время, того великаго государства многочисленнаго войска у ратныхъ и у земскихъ дѣлъ стольникъ и воевода Дмитрій Пожарскій съ товарищи, и чашники, и стольники, и дворяне большіе, и стряпчіе и приказные люди, и жильцы, и дворяне изъ городовъ, и дѣти боярскіе, и головы стрѣлецкіе, и казаки, и сотники, и гости, и торговые люди, и стрѣльцы и казаки, и понизовыхъ городовъ Царства Казанскаго и иныхъ всѣхъ городовъ князи и мурзы и татарове и Литва и нѣмцы, словомъ всѣ, кромѣ бояръ. Было рѣшено въ Ярославлѣ и другихъ городахъ: а кто не пойдетъ или воротится (изъ ополченья), тѣмъ милости не дати.

Возстанію надлежало побѣдить, кромѣ поляковъ, еще трехъ враговъ, которые грозили единству Россіи. Новгородъ присягнулъ эрцъ-герцогу Карлу, въ Псковѣ появился новый самозванецъ, казаки выставили сына Марины. Но земство знало уже, что единственное спасеніе отъ разъединенія — выборъ царя всею землею. Пожарскій отъ имени всѣхъ чиновъ пи-

салъ новгородцамъ: „много разъ присылали ко мнѣ съ просьбой пріѣхать въ Нижній-Новгородъ; и я по ихъ прошенію пріѣхалъ къ нимъ въ Нижній и стали ко мнѣ въ Нижній пріѣзжати бояре, воеводы, стольники, дворяне большіе, дворяне, дѣти боярскіе, Вязьмичи, Смольняне и Дорогобужане и иныхъ городовъ; и я, прося у Бога милости, сталъ со всѣми ими, и съ выборнымъ человѣкомъ Козьмою Мининымъ и посадскими людьми совѣтоваться, чтобы намъ противъ враговъ и разорителей христіанской вѣры, Польскихъ и Литовскихъ людей, за московское Государство стоять всѣмъ единомысленно и вору, который въ Псковѣ, и Марину и сыну ея не служити, и противъ ихъ и тѣхъ, которые станутъ служить имъ,—стоять, и Государя выбрать всей землей, кого милосердый Богъ дастъ“.

ОТДѢЛЪ III.

ВРЕМЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И РЕЛИГІОЗНОЙ РЕАКЦІИ

отъ 1613 по 1676 годъ.

ГЛАВА IX.

Служилое сословіе.

После смутнаго времени общество снова сознало необходимость царской власти, но она возвышается на другихъ началахъ. — Все служилое сословіе естественно дѣлится на четыре класса. — Чины и должности принадлежащіе по родовому праву знатнѣйшимъ родамъ: боярство, окольничество, конюшество, дворечество. — Среднія придворныя должности. — Преобладаніе родоваго начала порождаетъ страшное мѣстничество. — Мѣры противъ него. — Низшіе придворные чины и должности и ихъ назначеніе. — Дворяне и дѣти боярскіе. — Верстанье дѣтей боярскихъ. — Измѣненія помѣстнаго и вотчиннаго права, какъ слѣдствіе новыхъ началъ нашей исторіи. — Общество, сдѣлавъ большія успѣхи въ вотчинномъ правѣ, не сдѣлало почти ничего въ огражденіе права личнаго. — Нравы и обычаи служилаго класса измѣнялись медленно, потому что медленно измѣнялись политическія и экономическія условія нашей жизни. — Значеніе этого періода.

Смутное время кончилось и вмѣстѣ съ тѣмъ кончилась борьба трехъ важнѣйшихъ общественныхъ элементовъ: царской власти, боярства и крестьянъ. Послѣ этой борьбы общество еще болѣе сознало необходимость царской власти, которая примиряла бы интересы двухъ противуположныхъ

классовъ, а потому оба враждующіе класса, боярство и крестьяне должны были отступиться отъ своихъ исключительныхъ притязаній и отдаться на волю царской власти. Но если результатомъ борьбы было новое возвышеніе царской власти, то это возвышеніе совершилось на другихъ началахъ. Царская власть должна была уступить потребностямъ боярства и низшихъ членовъ служилаго сословія и уничтожить переходъ крестьянъ. Съ этого момента она измѣнила свой характеръ; какъ прежде она могла опираться на крестьянъ, такъ теперь она должна была искать опоры въ служиломъ сословіи. Въ исторіи общества никогда одинъ элементъ не можетъ сдѣлаться полнымъ побѣдителемъ и совершенно уничтожить борющійся элементъ, если онъ имѣетъ какія нибудь силы. Между главными борющимися элементами всегда явно или мысленно совершается сдѣлка, по которой побѣжденному элементу дѣлается уступка. Иначе, впрочемъ, это и быть не можетъ.

Каждый общественный элементъ вызванный потребностію страны и имѣющій за собой силу въ этой потребности, не можетъ быть уничтоженъ, не разрушивъ общественнаго организма. Какъ ни было слабо въ умственномъ и матеріальномъ отношеніи наше боярство, но оно все–таки было классомъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалась вся наша политическая опытность и единодушное неудовольствіе котораго могло быть опасно правительству. Смутное время съ одной стороны, доказало, что боярство неимѣетъ къ себѣ симпатій народа и даже симпатій низшихъ членовъ служилаго сословія, слѣдовательно политически оно неопасно, если не будетъ доведено до крайняго ожесточенія. Но это-же смутное время, съ другой стороны, доказало, что если боярство будетъ раздражено, то оно можетъ сдѣлать много непріятнаго.

Такимъ образомъ, хотя царская власть снова возвысилась такой же сильной, какъ и прежде, но она возвысилась на новомъ основаніи. Уступая настоятельнымъ экономическимъ потребностямъ общества и интересамъ низшей аристократіи, она должна была подтвердить закрѣпленіе крестьянъ; усту-

пая интересамъ высшей аристократіи, она оставила за ними всѣ высшія общественныя должности. Почти на три четверти вѣка было отсрочено появленіе способныхъ плебеевъ на высшихъ государственныхъ должностяхъ. Боярство сдѣлало въ этомъ отношеніи единственную уступку, принявъ Минина въ члены Думы. Но какъ мало даже земскія услуги государству будутъ значить предъ важностію длиннаго ряда предковъ, это видно было уже потому факту, что знаменитый Пожарскій былъ выданъ головой за мѣстническій споръ съ знатнымъ родомъ Салтыковыхъ.

Посмотримъ теперь на составъ и значеніе нашего служилаго сословія въ этотъ періодъ нашей исторіи.

Весь нашъ служилый классъ можно раздѣлить на четыре разряда: высшую аристократію, владѣющую исключительнымъ правомъ на боярство; средніе роды, занимавшіе важныя придворныя должности; низшіе роды, занимающіе низшія придворныя службы; наконецъ, послѣдніе члены служилаго класса, составляющіе главную вооруженную силу государства.

Нашъ высшій классъ, по справедливости, нужно назвать служилымъ классомъ, потому что служба была его обязанностію и его главною привилегіей. Говоря о правахъ нашего служилаго класса, нужно говорить вмѣстѣ съ тѣмъ о государственныхъ должностяхъ и правѣ занимать ихъ, въ чемъ и выражается главная разница всѣхъ степеней служилаго класса.

Въ царствованіе Михаила и Алексѣя Михаиловича, тридцать родовъ боярскихъ имѣли исключительное право на званіе боярина, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на право засѣданія въ Боярской Думѣ и на первыя государственныя должности. Изъ этихъ тридцати родовъ, шестнадцать имѣли право получать боярство и пятнадцать чрезъ окольничество (Котош. Глав. II). Члены этихъ знатныхъ родовъ обыкновенно поступали еще мальчиками во дворецъ и прямо получали должности стольниковъ, должность которая считалась высшей наг-

радою для родовъ менѣе знатныхъ и получалась ими послѣ многолѣтнихъ трудовъ, пройдя всѣ низшія степени отличій. Такіе стольники были во дворцѣ царицы въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ, (Котош. стр. 25) или были у государя на вѣстяхъ (Д. Р. В. т. IX роды Рѣпниныхъ и Одоевскихъ). При придворныхъ торжествахъ эти знатные стольники образовывали особую сотню (Д. Р. В. т. XIII род. Голицыныхъ стр. 205). Получивъ чинъ стольника, члены знатныхъ родовъ обыкновенно отправлялись въ полки, гдѣ они занимали должности сотенныхъ головъ и воеводъ и лѣтъ чрезъ пять, десять, а иногда и пятнадцать, получали боярство (Д. Р. В. т. IX, роды Рѣпниныхъ и Одоевскихъ). Нѣкоторыя изъ знатныхъ родовъ получали чины кравчихъ, спальничихъ, постельничихъ, за что, послѣ полученія боярства, именовались ближними боярами, потому что „отъ близости пожалованы" (Котош. стр. 19).

Въ чинѣ бояръ члены знатныхъ родовъ занимали важнѣйшія должности: управляли Москвой въ отсутствіи царя, были главными воеводами въ большомъ, передовомъ, а иногда и сторожевомъ полку; были судьями въ главныхъ приказахъ, какъ Казанскаго Дворца, Большой Казны, Большаго Дворца, Судныхъ приказахъ; воеводами въ важныхъ городахъ, какъ Новгородѣ, Казани, Астрахани, исполняли важнѣйшія дипломатическія порученія. Но главнымъ образомъ были думными людьми, т. е. вѣдали „всѣ думы государственныя". Имъ обыкновенно поручались двѣ важнѣйшія придворныя должности дворецкихъ и конюшихъ бояръ. Вотъ, напримѣръ, послужной списокъ Бориса Рѣпнина, который показываетъ какъ подвигались по службѣ члены знатныхъ родовъ и какія разнообразныя дѣла поручались одному лицу.

Хотя Борисъ Рѣпнинъ уже въ 1616 году былъ записанъ въ стольники, но еще въ 1619 году онъ былъ такъ молодъ, что не былъ записанъ въ полкъ, а былъ у государя на верху, на вѣстяхъ; въ 1640 году ему было пожаловано боярство; въ 1642 и 1643 годахъ онъ сидѣлъ въ новой четверти судьей; въ 1643, 1644 и 1645 годахъ онъ былъ воеводою въ Астра-

хани; 1646 году въ Судномъ Владимірскомъ Приказѣ; въ 1650 году былъ по вѣстямъ на государевой службѣ въ Сѣвскѣ, въ томъ же году былъ воеводой въ Бѣлевѣ, въ 1653 году былъ въ Разбойномъ приказѣ и, въ томъ же году, великимъ посломъ въ Польшѣ; въ 1654 и 5 годахъ снова въ Разбойномъ приказѣ и, въ концѣ того же года, былъ въ Сторожевомъ полку въ Смоленскѣ; въ 1662 г. въ Новгородскомъ разрядѣ; въ 1664 г. снова во Владимірскомъ приказѣ (Д. Р. В т. IX, стр. 197).

Во все царствованіе Михаила, эта принадлежность всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ должностей знатнымъ родамъ не была оспариваема; но уже въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича видимо совершается поворотъ къ новому порядку вещей, хотя, какъ всякая перемѣна въ государственной жизни, онъ совершается медленно и нерѣшительно. Въ царствованіе Алексѣя возвысился Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ. Помимо всѣхъ родовыхъ отношеній, онъ изъ стольниковъ, въ 1658 году, былъ сдѣланъ Думнымъ дворяниномъ; въ 1665 г.—окольничимъ и вскорѣ, вѣроятно въ 1667 г., сдѣлался бояриномъ и дворецкимъ (Д. Р. В. т. XX, разряды). По той же дорогѣ шелъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, который, въ 1671 г., былъ сдѣланъ Думнымъ дворяниномъ, въ 1672—окольничимъ, въ 1676—бояриномъ и дворецкимъ (тамъ же). Оба эти факта показываютъ, что самодержавная власть теперь чувствовала себя болѣе сильной, чтобы открыто противиться боярскому эгоизму и, наконецъ, что общественное мнѣніе начало измѣнять свой характеръ. Но только Петръ Великій рѣзко выдвинулъ принципъ личнаго достоинства и противупоставилъ его родовой гордости.

Второй важный чинъ, въ ряду высшей аристократіи, былъ чинъ окольничаго. Этотъ чинъ служилъ для пятнадцати знатныхъ родовъ необходимой ступенью для полученія боярства и служилъ высшею ступенью для среднихъ родовъ. Окольничими назначались спальники, изъ среднихъ родовъ, послѣ долгой службы (Кот. с. 18). Многіе изъ среднихъ ро-

довъ, не могшіе никогда сдѣлаться боярами, достигали окольничества, какъ напримѣръ: Масальскіе, Чоглаковы, Щербатовы и друг. Обязанности окольничихъ были тѣ же самыя, что и обязанности бояръ, съ нѣкоторою разницею. Въ настоящій періодъ, окольничіе никогда не получали должности дворецкаго и тѣмъ болѣе конюшаго; они почти никогда не назначались предводителями арміи или воеводами большаго полка, а бывали товарищами воеводъ, воеводами сторожеваго полка, правой и лѣвой руки. Они назначались судьями почти во всѣ важные приказы, напримѣръ: въ приказъ Большаго дворца, въ приказъ Большаго прихода, денежнаго сбора, земскаго двора, литовскихъ и лифляндскихъ дѣлъ, Царицыной мастерской палаты, Московскій судный приказъ, Пушкарскій, Разбойный, Челобитный (Д. Р. В. т. XX, приказы). Окольничіе посылались иногда воеводами въ главные города (Д. Р. В. т. IX, стр. 229), назначались для выбора и верстанія дѣтей боярскихъ (Д. Р. В. т. XVI, стр. 339); кромѣ того, за ними осталась обязанность ѣздить впереди Государя, во время его поѣздокъ, и приготовлять все нужное для его пріема (Д. Р. В. т. XX, подъ слов. окольнич. извѣст. о двор. Россійскихъ подъ тѣмъ же словомъ).

Къ членамъ высшихъ аристократическихъ родовъ принадлежали двѣ должности, считавшіеся важнѣйшими придворными и государственными должностями. Это были должности конюшаго и дворецкаго. Но должность конюшаго въ оба послѣднія царствованія не замѣщалась; его обязанность правилъ ясельничій (Д. Р. В. т. XX, стр. 325); на должность дворецкихъ въ первый же годъ царствованія Алексѣя назначено 12 человѣкъ, между тѣмъ какъ приказомъ Большаго Дворца правили окольничіе (Д. Р. В. т. XX, стр. 352). Оба эти факта показываютъ, что цари желали или совсѣмъ не назначать людей на эти важныя должности или обратить самое названіе дворецкаго въ почетный титулъ (I т. разряды).

Бояре, окольничіе и думные дворяне, о которыхъ я буду говорить ниже, засѣдали въ думѣ боярской. Они сидѣли „отъ

Царя поодаль“, бояре подъ боярами, окольничіе подъ окольничими, думные дворяне подъ думными дворянами, не по старшинству годовъ службы, но по важности рода (Котош. стр. 19). Если царская власть уступила главнѣйшей претензіи бояръ занимать высшія должности, то во всемъ остальномъ бояре были только покорными холопами Царя, безъ всякаго политическаго значенія. Они засѣдали въ думѣ только тогда, когда ихъ позовутъ и притомъ тѣ, которыхъ позовутъ (Кот. стр. 19). Бояре, окольничіи, думные и ближніе люди пріѣзжали рано утромъ ударить челомъ Государю и, если пріѣзжали не во время, „то Государь на нихъ гнѣвался словами или высылалъ вонъ“. Если Государь въ своихъ покояхъ слушаетъ дѣла, въ это время бояре стояли, а когда устанутъ, то выходили отдыхать на крыльцо. Пріѣзжая къ Царю они должны были останавливаться далеко отъ дворца, подъ страхомъ тюремнаго заключенія (ib. стр. 23). Бояре безъ соизволенія Царя не только не могли уѣхать въ деревню, но должны были даже отпрашиваться, чтобы ѣхать въ гости, или на имянины (ib. стр. 25).

Члены знатнѣйшихъ боярскихъ родовъ, получая чинъ стольника, вмѣстѣ съ тѣмъ получали помѣстье въ 500 или 600 четв., а сдѣлавшись боярами получали отъ 200 до 400 и даже 500 р. денежнаго жалованья и отъ 800 до 1000 четв. помѣстья (Д. Р. В. т. IX, род. Рѣпн. и Одоев., Кот. стр. 76).

Нѣкоторые изъ среднихъ родовъ, которые достигли окольничества, какъ напримѣръ, князья Масальскіе, получали въ чинѣ окольничаго до 300 руб. жалованья и до 1000 четв. помѣстной земли (Д. Р. В. т. IX, род. Масальскихъ № 49 и Котоших. стр. 76). Средніе по знатности роды занимали средніе придворные должности, хотя эти должности иногда давались и знатнѣйшимъ родамъ. Къ числу среднихъ должностей нужно причислить и должность дьяковъ, хотя она была доступна даже и не знатнымъ родамъ. Эти среднія должности были слѣдующія: кравчій, казначей, дворяне въ думѣ, постельничій, стряпчій съ ключемъ, ясельничій, ловчій, печатникъ, царицынъ дворецкій, дьякъ тайныхъ дѣлъ и

думные дьяки. Должность кравчаго теперь состояла, какъ и прежде въ томъ, что они подавали царю вино за торжественными обѣдами. Въ царствованіе Михаила и Алексѣя въ должности кравчихъ были лица изъ знатнѣйшихъ фамилій, какъ Салтыковыхъ, Сулешевыхъ, Плещеевыхъ, Урусовыхъ, Стрешневыхъ. Иногда кравчіе назначались судьями въ приказы (Д. Р. В. т. XX). Должность печатника вошла въ рядъ придворныхъ должностей, въ 1617 году, когда былъ возведенъ въ должность печатника и думнаго дьяка Алмазъ Ивановъ (Д. Р. В. т. XX, стр. 119 и 353). Должности дьяка тайныхъ дѣлъ и царицынаго дворецкаго возникли въ 1669 году. Должность думныхъ дьяковъ существовала еще, какъ мы видѣли при Іоаннѣ IV, но важное значеніе въ ряду придворныхъ должностей они, вѣроятно, пріобрѣли не ранѣе 1655 года, когда думныя дьяки стали писаться въ дворцовыхъ разрядахъ (Д. Р. В. т. XX, стр. 111).

Казначей засѣдалъ всегда въ боярской думѣ и сидѣлъ выше думнаго дворянина, хотя эта должность потеряла теперь большую долю своей прежней важности. Въ царствованіе Михаила отъ 1620 до 1640 г. казеннымъ дворомъ завѣдывали бояре и только послѣ этого времени имъ стали завѣдывать снова казначеи, но и на этотъ разъ они правили казеннымъ дворомъ не долго. Слѣдовательно и названіе „казначей“ въ оба эти царствованія было скорѣе титуломъ, чѣмъ должностію. Казначей обыкновенно получалъ до 200 рублей жалованья.

Думные дворяне были послѣдніе члены думы, но тѣмъ не менѣе эта должность чрезвычайно важна, потому что она давала возможность достигнуть участія въ государственныхъ дѣлахъ людямъ среднихъ и даже очень незнатныхъ родовъ. Только три раза въ думномъ дворянствѣ были лица изъ знатныхъ боярскихъ родовъ, какъ роды Стрѣшневыхъ, Пушкиныхъ, Сукиныхъ, тогда какъ въ оба царствованія было сдѣлано 18 наначеній изъ незнатныхъ родовъ. Съ 1635 г. думнымъ дворянствомъ стали жаловаться думные дьяки, изъ которыхъ нѣкоторые достигали окольничества, какъ Ив. Аѳ. Галышевъ, Елизаровъ, а такимъ образомъ думное дворянство сдѣлалось

степенью для полученія высшихъ государственныхъ должностей. Кромѣ обычнаго засѣданія въ думѣ, думные дворяне назначались судьями въ приказы, какъ земскій дворъ, каменный приказъ, костромскую четь, новую четь, помѣстный приказъ, хотя эти назначенія были сравнительно рѣдки (Д. Р. В. т. XX, стар. прик.). Они отправлялись въ посольство въ Швецію и Польшу съ боярами и окольничими (Кот. IV). Они иногда назначались воеводами, какъ напр., на мѣсто Ординъ-Нащокина былъ назначенъ въ 1679 г. воеводою въ Астрахань (Д. Р. В. т. XX) думный дворянинъ; или товарищами воеводъ (Д. Р. т. III, стр. 930). Думные дворяне получали до 200 руб. жалованья и, кромѣ того, имъ давались помѣстья, которые доходили до 1000 четв. (Д. Р. В. т. XX, стр. 148, Котош. стр. 76).

Постельничій, стряпчій съ ключемъ, ясельничій и ловчій были придворными должностями, въ которыя жаловались большею частію средніе роды, хотя въ должности постельничихъ встрѣчаются и знатные роды. Постельничій и стряпчій съ ключемъ завѣдывали всѣмъ, что касалось постели и платья Государя. Ясельничій считался помощникомъ конюшаго. Ловчій завѣдывалъ царскою охотою и, вѣроятно, и теперь судилъ всѣхъ принадлежащихъ къ ней лицъ. Постельничій и ясельничій засѣдали въ особыхъ Приказахъ: постельничій вмѣстѣ съ стряпчимъ съ ключемъ завѣдывали мастерской Государевой палаты (Д. Р. В. т. XX, стр. 333), гдѣ изготовляли платье для Государя (Кот. стр. 84). Ясельничій завѣдывалъ Конюшеннымъ Приказомъ, такъ какъ конюшихъ не назначали въ оба царствованія. Изъ всѣхъ этихъ чиновъ только объ ясельничемъ Котошихинъ говоритъ положительно, что онъ засѣдалъ въ Думѣ и прямо отрицаетъ засѣданіе въ ней стряпчаго съ ключемъ (Кот. гл. VII, стр. 12; гл. VI, стр. 6). Неизвѣстно, засѣдали ли въ Думѣ постельничіе, но вѣроятно, что они засѣдали тамъ, если тамъ засѣдалъ ясельничій. Должность печатника стала важною, какъ я уже говорилъ, съ 1668 года, когда Царь назначилъ думнаго дьяка Алмаза Иванова, а до тѣхъ поръ Печатнымъ Приказомъ распоряжались или

высшіе придворные чины или Думные дьяки. Печатникъ, вѣроятно, сидѣлъ въ Думѣ и прилагалъ печать къ государственнымъ документамъ.

Царицынъ дворецкій, это должность, учрежденная въ 1669 г.; вѣроятно, они стали завѣдывать Царицыной мастерской палатой, которой управляла прежде вдова–боярыня (Кот. гл. VII, стр. 13).

Дьякъ Тайныхъ Дѣлъ былъ, вѣроятно, важное лицо, которое завѣдывало розыскными дѣлами по политическимъ преступленіямъ.

Должность Думныхъ дьяковъ была одною изъ важнѣйшихъ должностей, потому что она давала возможность возвыситься совершенно незнатному человѣку, происходившему нерѣдко изъ гостей или посадскихъ людей (Кот. гл. II), и давала возможность государству пользоваться услугами способнѣйшихъ людей. Думные дьяки могли фактически заправлять всѣми дѣлами, хотя въ Думѣ они должны были стоять и садиться только по приглашенію Государя (Кот. гл. II, срт. 5). Они бывали первыми судьями въ Приказахъ, какъ напр. въ Новой Чети и Печатномъ Приказѣ въ 1571 г. сидѣлъ Дохтуровъ; въ 1660 г. Новгородскую Четь вѣдалъ Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ; въ помѣстномъ и посольскомъ Приказѣ во все царствованіе Михаила и нерѣдко въ царствованіе Алексѣя сидѣли Думные дьяки; въ Разрядѣ съ 1646 по 1654 годъ сидѣлъ знаменитый дьякъ Иванъ Гавриловъ (Д. Р. В. т. XX).

Созданіе должностей Думныхъ дворянъ и Думныхъ дьяковъ, возведеніе въ боярскій санъ родовъ незнатныхъ, постоянная борьба съ мѣстничествомъ — все это ясно указываетъ, что царская власть постоянно и неуклонно стремилась уничтожить родовое начало и вывести на широкую дѣятельность людей, которыхъ таланты давали имъ право на участіе въ государственной дѣятельности. Эта постоянная борьба съ родовымъ началомъ составляетъ одну изъ величайшихъ заслугъ царской власти, въ дѣлѣ образованія новаго государственнаго строя, поставившей права личныхъ заслугъ и таланта

выше родовой чести. Чтобы убѣдиться до какихъ нелѣпостей можетъ дойти идея родоваго начала и сколь важна была эта заслуга царской власти, нужно прочесть ту массу мѣстническихъ дѣлъ, которыя возбуждались каждый годъ.

Каждый годъ Царь долженъ былъ разсматривать массу процессовъ, въ которыхъ члены однѣхъ фамилій не хотѣли принять должностей товарищей воеводъ и товарищей судей въ Приказахъ, потому что первыми воеводами и первыми судьями назначались лица, которыхъ предки занимали низшія должности, чѣмъ предки лица, назначеннаго товарищемъ. Считались мѣстами даже члены одного и того же рода, какъ напр. Григорій Ромодановскій билъ челомъ на племянника своего Юрія Ромодановскаго (Дв. Раз. т. III, стр. 302). Въ 1651 г. Головинъ не принялъ окольничества, потому что его отецъ былъ въ бояpaхъ, хотя фамилія Головиныхъ не принадлежала къ первымъ аристократическимъ родамъ (П. С. З. т. I, № 61).

Всѣ событія придворной жизни подавали поводъ къ безчисленнымъ счетамъ. При пріемѣ пословъ, напримѣръ, были три встрѣчи: первая меньшая встрѣча въ сѣнныхъ дверяхъ, вторая передняя встрѣча посреди сѣней, третья большая встрѣча вышедъ изъ сѣнныхъ дверей. Въ это же время въ пріемной залѣ, по обѣ стороны Государя, стояли рынды въ бѣломъ платьѣ. Всѣ эти встрѣчи служили частымъ поводомъ къ мѣстническимъ спорамъ, но всего болѣе неудовольствія возбуждала должность рындъ. Когда кого нибудь назначали въ рынды, то онъ бѣжалъ и сказывался больнымъ и его нерѣдко насильно приводили во дворъ и натягивали бѣлое платье (Дв. Разр. т. II, стр. 111; Дв. Разр. т. I, стр. 304 и 396).

Назначеніе лицъ въ высшіе чины или сказыванье чиновъ служило поводомъ къ счетамъ, потому что лицо, сказывающее кому либо чинъ, тѣмъ самымъ заявляло себя ниже его. Знаменитый Пожарскій не хотѣлъ сказать боярство Борису Салтыкову и былъ выданъ ему головой, потому что было доказано, что князь Иванъ Ромодановскій былъ въ ловчихъ въ товариществѣ съ Глѣбомъ Салтыковымъ, а Михайло Сал-

тыковъ по родству менѣе Бориса Салтыкова, тогда какъ Ромодановскій есть старшій членъ рода Пожарскихъ (Разр. т. I, стр. 119).

Царскіе обѣды, которые дѣлались во время большихъ праздниковъ, царскихъ имянинъ, при пріемѣ пословъ давали поводъ къ мѣстническимъ счетамъ. Григорій Бутурлинъ, посаженный ниже Ив. Ник. Романова, отказался сѣсть и сказалъ, что онъ скорѣе пойдетъ на казнь. Котошихинъ разсказываетъ, что бояре, не желавшіе сидѣть ниже другихъ, отпрашивались въ гости и Государь, узнавъ причину отъѣзда, приказывалъ ихъ садить насильно, вслѣдствіе чего нѣкоторые залѣзали подъ столъ (Гл. IV, стр. 15).

Царскія свадьбы постоянно возмущались мѣстническими счетами, изъ которыхъ нѣкоторые кончались весьма серіозно; такъ князь Голицынъ за мѣстничество на свадьбѣ былъ лишенъ всѣхъ имѣній.

Но не только считаться мѣстами было обычаемъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда соперникъ былъ очень низокъ, то уже одинъ счетъ съ нимъ мѣстомъ былъ оскорбленіемъ родовитаго человѣка; Плещеевъ отказался идти на мѣстническій судъ съ Пушкинымъ (Д. Р. т. I, стр. 951).

Общій духъ времени былъ такъ заразителенъ, что мѣстами стали считаться люди, не имѣющіе на это никакого родоваго права, какъ напримѣръ: стали мѣстничаться дьяки, Тульскіе дворяне, оскорбленные назначеніемъ ихъ воеводою Щербатова, отказались служить (Дв. Раз. стр. 591). Но это было уже злоупотребленіемъ мѣстничества, потому что неродовитые люди не имѣли права считаться мѣстами.

Чтобы, по возможности, уничтожить мѣстничество, былъ снова возобновленъ, въ 1620 году, законъ Іоанна Грознаго, по которому воеводы передоваго полка не имѣютъ права считаться мѣстами съ воеводами сторожеваго полка (С. Г. Г. и Д. т. III, № 51). Въ 1621 году было запрещено мѣстничество при отправленіи посольствъ за границу, „потому что посылка посламъ, посланникамъ и гонцамъ бываетъ въ разныя государства о разныхъ дѣлахъ, а не вмѣстѣ посы-

лаютъ и не объ одномъ дѣлѣ, а потому случается быть дворянамъ въ посланникахъ, а послѣ того тѣмъ же въ послахъ, а послѣ опять въ посланникахъ или въ гонцахъ“ (ib. № 55). Запрещено было мѣстничество во время царскихъ свадебъ, подъ смертною казнію (Кот. гл. 1). Во время польскаго похода, при Алексѣ Михайловичѣ, запрещено было считаться мѣстами. Несправедливо мѣстничающіеся были строго наказываемы: ихъ били кнутомъ, батогами, сажали въ тюрьму или выдавали головою (Д. Р. т. I, стр. 203 и 919; т. III, стр. 299). Наконецъ, принципъ родоваго права до того потерялъ кредитъ и довѣріе общества, что Ѳедору было легко уничтожить и разсчистить дорогу для дальнѣйшихъ преобразованій Петра Великаго. Оба благочестивые царя, борясь противъ него въ оба царствованія, получали право на глубочайшую признательность потомства.

Кромѣ высшихъ и среднихъ придворныхъ должностей, существовали еще низшія придворныя должности, имѣющія болѣе или менѣе важное значеніе.

Низшими придворными чинами и должностями считались: стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе и жильцы. Въ концѣ предыдущаго и въ началѣ настоящаго періода выдвигается званіе, особое дворянина, не существовавшее до сихъ поръ. Въ концѣ царствованія Михаила и въ царствованіе Алексѣя, нѣкоторыя лица были пожалованы изъ стольниковъ въ „дворяне“ (Д. Р. В. X. VII. родъ Голиц.; т. IX. родъ Рѣпниныхъ, Щербатовыхъ, Солнцевыхъ); въ 1665 году пожалованъ былъ въ дворянство полковникъ (А. И. т. IV, № 48). Такія пожалованія были новостію, потому что до этого времени существовали только дворяне московскіе, считавшіеся двумя чинами ниже стольниковъ, дворяне выборные и дворяне городовые, принадлежащіе къ низшему разряду служилаго сословія. Этому новому чину суждено было сдѣлаться общимъ, родовымъ названіемъ благороднаго сословія. Низшія придворныя должности стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ имѣли разнообразное назначеніе. Главнымъ назначеніемъ этихъ должностей было увеличивать

пышность Государева двора. При торжественномъ пріемѣ пословъ, ихъ вызывали всѣхъ въ Москву, куда они должны были явиться въ разнообразныхъ костюмахъ: бархатныхъ и объяревыхъ терликахъ, въ бархатныхъ лазоревыхъ, зеленыхъ и иныхъ цвѣтовъ кафтанахъ. Посредствомъ этой церемоніи, наши предки надѣялись дать иноземнымъ посламъ преувеличенное понятіе о богатствѣ страны. Во время обыкновенныхъ придворныхъ торжествъ должна была являться только незначительная часть изъ всего наличнаго состава низшихъ чиновъ, а потому еще, въ 1653 году, велѣно было всѣмъ низшимъ придворнымъ чинамъ быть въ Москвѣ попеременно, по четверти изъ наличнаго числа, такъ что каждому лицу приходилось быть въ Москвѣ только одну четверть года (П. С. З. т. I, № 100). Кромѣ того, всѣ эти лица отправляли въ военное время службу въ рядахъ арміи, наравнѣ съ членами низшаго служилаго класса. Должность стольниковъ, служившая для высшей аристократіи и отчасти для среднихъ родовъ начальною ступенью службы, была высшею наградою для низшихъ родовъ, которые удостоивались получить ее только послѣ долголѣтней службы. Низшіе аристократическіе роды, какъ напримѣръ: князья Щербатовы, Солнцевы, начинали службу съ жильцовъ или стряпчихъ и въ эпоху Алексѣя доходили до новаго чина дворянина (Д. Р. В. т. IX, род. Щербат.). Первые аристократическіе роды обыкновенно жаловались въ чинъ комнатныхъ стольниковъ, какъ напримѣръ, въ 1651 году, было 10 комнатныхъ стольниковъ, которые принадлежали къ фамиліямъ Одоевскихъ, Голицыныхъ, Оболенскихъ, Милославскихъ, Стрѣшневыхъ, Колычевыхъ (Дв. Разр. т. III, стр. 281). Стольники изъ среднихъ и низшихъ родовъ обыкновенно исправляли службу въ головахъ полковъ, такъ напримѣръ, въ 1651 году, 21 стольникъ числился въ Ливинскомъ полку и 29 въ Бѣлогородскомъ полку (ib. стр. 246). Стольники, стряпчіе, дворяне и жильцы назначались въ полковники, полуполковники, маіоры и ротмистры Рейтарскихъ полковъ (Кот. стр. 105). Но большая часть низшихъ чиновъ расписывалась въ отдѣльныя сотни,

состоящія исключительно изъ стольниковъ и стряпчихъ, съ головами изъ тѣхъ же чиновъ (Кот. гл. IX, ст. 1). Кромѣ того, изъ всѣхъ низшихъ придворныхъ чиновъ составлялся царскій полкъ, который находился постоянно при особѣ Государя (ib. ст. 2). Стольники знатныхъ родовъ получали часто высшія военныя и административныя назначенія. Они часто назначались воеводами въ полки, судьями въ приказы и отправлялись въ дипломатическіе посольства. Въ отношеніи матеріяльнаго обезпеченія, т. е. распредѣленія помѣстій, встрѣчается такая же рѣзкая разница между членами первыхъ, вторыхъ и третьихъ родовъ въ началѣ службы, хотя даже стольники второстепенныхъ и третьестепенныхъ фамилій иногда получали, въ концѣ службы, огромныя, по тому времени, помѣстья. Члены первостепенной фамиліи Рѣпниныхъ, поступая въ стольники, получали помѣстный окладъ въ 600 и 700 четвертей земли и денегъ отъ 35 до 50 руб. (Д. Р. В. т. IX, род. Рѣпн.); члены второстепенной фамиліи князей Масальскихъ, начинающихъ службу свою со стольниковъ, получали по 500 четвертей и денегъ отъ 15 до 20 рублей; члены третьестепенной фамиліи Шаховскихъ, начинающихъ службу съ жильцовъ и стряпчихъ, получали по 400 четвертей и отъ 9 до 10 рублей денегъ. Но всѣ эти надѣлы должно считать богатствомъ, которое доставалось только княжескимъ фамиліямъ, хотя и третьестепеннымъ. Масса низшей придворной аристократіи, въ буквальномъ смыслѣ слова, бѣдствовала. Въ 1632 году, по просьбѣ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ, велѣно было выдавать, не имѣющимъ никакихъ помѣстій, по 25 рублей жалованья, а тѣмъ, у которыхъ было помѣстій отъ 2 до 15 дворовъ—15 руб. Въ 1654 году, Алексѣй Михайловичъ повторилъ этотъ указъ, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что 15 руб. жалованья получаютъ не имѣющіе никакого помѣстья, а у имѣющихъ помѣстья, вычитается по 1 рублю за дворъ (П. С. З., № 120). Но, начиная съ 400, 500 или 600 четвертей, члены низшей придворной аристократіи постоянно получали прибавочныхъ послѣ каждой службы, такъ что,

даже члены третьестепенныхъ родовъ, какъ Солнцевыхъ, Шаховскихъ, Щербатовыхъ, нерѣдко, въ концѣ службы, имѣли 800, 900, 1,000 и даже 1,500 четвертей (Д. Р. В. т. IX).

Перейдемъ теперь къ послѣднему классу служилыхъ людей, которыхъ служба была исключительно полевой и не была ни сколько связана съ придворными должностями, хотя нѣкоторые разряды этого послѣдняго класса и носятъ названіе дворянъ, какъ знакъ бывшей принадлежности ко двору, вѣроятно, во время удѣльнаго періода. Этотъ послѣдній разрядъ служилыхъ людей, въ свою очередь дѣлится на категоріи. Эти категоріи слѣдующія: дворяне выборные, дворяне городовые, дѣти боярскіе 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й статьи. Высшіе роды этого класса примыкаютъ къ низшимъ придворнымъ должностямъ, въ которыя переходятъ нѣкоторые счастливцы, начавшіе службу съ дѣтей боярскихъ первой статьи или записавшіеся въ десятни городовъ, а низшіе становятся такъ близко къ народу, что дозволяютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, переходъ изъ народа въ члены служилаго сословія. Въ высшихъ рядахъ служили члены нѣкоторыхъ аристократическихъ фамилій князей Щербатовыхъ, Солнцевыхъ, Шаховскихъ, нѣкоторымъ членамъ которыхъ удавалось начинать службу, какъ мы видѣли въ низшихъ рядахъ придворной аристократіи. Нѣкоторые члены фамиліи Шаховскихъ записывались прямо въ члены дворянъ городовыхъ или въ первой статьѣ дѣтей боярскихъ и, начиная съ 300 четвертей часто дослуживались до 750 четв. (Д. Р. В. т. IX, №№ 94, 95) и нерѣдко посылались воеводами въ незначительные города. Но, замѣчательно, что члены тѣхъ же самыхъ фамилій, которыхъ одинаково можно причислить и къ третьестепеннымъ придворнымъ родамъ и первостепеннымъ родамъ дѣтей боярскихъ (Шаховскихъ, Солнцевыхъ, Щербатовыхъ), если по какому либо случаю они начинали служить въ десятняхъ, то не поднимались выше выборныхъ дворянъ.

Ряды военно-служилаго сословія пополнялись крещеными мурзами и татарами московскими, боровскими, серпуховскими, коширскими, романовскими, ярославскими, бѣлозерскими.

Кромѣ того, многимъ казакамъ были даны помѣстья и, наконецъ, часто записывали въ число дѣтей боярскихъ, дѣтей неслужилыхъ отцовъ по ошибкѣ или за взятки. По Уложенію должны были перейти въ сословіе дѣтей боярскихъ всѣ тѣ, которые владѣли землями. Во время польской войны 1631—1634 г. все количество дѣтей боярскихъ простиралось до тридцати четырехъ тысячъ, изъ которыхъ до 6,000 составляли новокрещены, мурзы и татары и 1,400 козаковъ, бѣлозерскихъ помѣщиковъ (Разр. 1631—34 г.).

Для осмотра и верстанія (распредѣленія помѣстій) вновь народившихся потомковъ служилыхъ людей, а также для ревизіи и просмотра всего наличнаго состава дѣтей боярскихъ отъ времени до времени назначались новыя комиссіи, въ которыя выбирались обыкновенно окольничіе. Пріѣзжая въ городъ, они должны были извѣстить о своемъ приходѣ всѣхъ дѣтей боярскихъ тѣхъ городовъ, для верстанья которыхъ они были назначены: потомъ, подъ ихъ надзоромъ десятни каждаго города должны были выбрать окладчиковъ, по показаніямъ которыхъ должны производиться самыя верстанья. Прежде всего окладчики сказывали о каждомъ сынѣ боярскомъ изъ своей десятни, какого онъ роду, сколько у него земли и какого качества, какъ коненъ, люденъ и оруженъ является онъ на службу. Сообразно съ этими данными, производились верстанья помѣстной землей и деньгами. При этомъ руководились правилами, которыя опредѣлялись въ инструкціи окольничему. Мы приведемъ здѣсь правила верстанья, по инструкціи 1621 года.

Если, по сказкѣ окладчиковъ, настоящіе владѣтели хорошихъ помѣстій, хотя „сами руды", но имѣютъ здоровыхъ дѣтей то тогда верстаютъ въ службу ихъ дѣтей на пять разрядовъ, по родовой важности, по 350, 300, 250, 200 и 150 четвертей помѣстья и денежнаго жалованья по 12, 10, 8, 7 и 6 рублей въ годъ. Съ имѣній дѣтей боярскихъ, которые „сами руды" и у которыхъ дѣтей нѣтъ или ихъ дѣти тоже негодны въ службу, брали обыкновенно даточныхъ людей, по числу четвертей и качеству ихъ помѣстій.

У кого дѣти пошли въ службу, т. е. достигли 15 лѣтъ,

тогда ихъ верстали служить съ отцовскаго помѣстья, если оно было относительно велико, или имъ давались помѣстья въ отводъ. Тѣхъ дѣтей боярскихъ, „которые собою добры, а службы не служатъ воровствомъ“, велѣно было лишить помѣстій (С. Г. Г. и Д. т. III, № 59). Тѣхъ дѣтей боярскихъ, которые не могутъ служить, потому что добровольно запустошали помѣстья, заставляли служить насильно или сажали въ тюрьму. Таковы были распорядки при верстаньи 1621 г. Для верстанья дѣтей боярскихъ въ 1652 году былъ посланъ тоже окольничій, которому было сказано, чтобы онъ не версталъ дѣтей неслужилыхъ отцовъ, дѣтей козаковъ, которые не служили, да и самыхъ дѣтей боярскихъ, которыхъ отцы состояли на службѣ, верстать помѣстными и денежными окладами ниже окладовъ отцовъ и ихъ старшихъ братій. Въ это время были положены слѣдующія правила для верстанія: если у отца 500 четвертей и 4 или 5 сыновей, то двухъ оставить на отцовскомъ помѣстьѣ, а остальныхъ поверстать въ отводъ; если помѣстье отъ 100 до 300, то оставлять на отцовскомъ помѣстьѣ лучшаго сына, а остальныхъ поверстать въ отводъ. Всѣ дѣти боярскіе были раздѣлены по городамъ, изъ которыхъ большинство дѣтей боярскихъ русскихъ городовъ получали отъ 80 до 350 четвертей, а дѣти боярскіе, происходящіе изъ покоренныхъ городовъ, получали отъ 40 до 250 четвертей; помѣстные козаки получали отъ 40 до 200 четв. (П. С. З, № 87). Въ помѣстномъ верстаньи 1675 г. раздѣленіе по городамъ было уничтожено и вмѣсто этого было сдѣлано только два отдѣла служилыхъ людей и казаковъ, изъ которыхъ первые получали отъ 100 — 350 четвертей, а вторые отъ 80—200 четв. (П. С. З. № 215).

Вся эта масса подраздѣленій чиновъ и ранговъ служилаго сословія ясно показываетъ, что этотъ періодъ былъ періодомъ укрѣпленія и развитія аристократическаго права рода, что еще рѣзче обнаруживается въ исторіи помѣстнаго и вотчиннаго права, къ которому мы теперь переходимъ.

Смутное время, принеся съ собою новое укрѣпленіе за знатными родами всѣхъ высшихъ и низшихъ придворныхъ

должностей, внесло новыя, прочныя начала въ вотчинное владѣніе, которое начинало дѣлаться столь шаткимъ при Іоаннѣ IV. Михаилъ Ѳедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ не только не покушались сдѣлать вотчинное право шаткимъ, но они постоянно прибавляютъ новыя права роду, отстранивъ почти совершенно право казны на конфискацію родоваго имущества при отсутствіи прямыхъ наслѣдниковъ, это новое направленіе дѣятельности царской власти вытекало изъ того начала, что въ этомъ періодѣ дворянство дѣлается главной опорой царской власти. Въ оба царствованія было нѣсколько случаевъ, когда земли въ вотчину были раздаваемы массами, и всѣ эти случаи совпадаютъ съ обычаями, которые угрожали опасностію трону. Такъ, было роздано множество вотчинъ въ 1614 году, когда трону угрожали враги со всѣхъ сторонъ; въ 1621 г., послѣ опаснаго нашествія Владислава. Въ обоихъ случаяхъ, пятая часть помѣстій были обращены въ вотчину. Третье важное пожалованіе было сдѣлано въ 1667 и 1672 годахъ, послѣ знаменитыхъ польскихъ походовъ, въ благодарность за службы и, вѣроятно, вслѣдствіе внутреннихъ волненій, которыя случились въ это время. Въ 1667 году, было обращено изъ помѣстій въ вотчины: боярамъ по 500 четвертей, окольничимъ по 300 четв., Думнымъ дворянамъ по 250 четв., Думнымъ людямъ по 200 четв., прочимъ придворнымъ чинамъ и всей низшей аристократіи по пятой части ихъ помѣстій (П. С. З., № 400). Въ 1672 году, послѣ освобожденія отъ страшнаго бунта Разина, была дана пятая часть помѣстій въ отчину дьякамъ, подъячимъ, Романовскимъ мурзамъ и татарамъ (П. С. З. т. I, № 512). Въ томъ же году, какъ мы увидимъ ниже, было роздано громадное количество помѣстій въ окраинахъ Россіи (П. С. З. т. I).

Но, если въ оба царствованія служилое сословіе обогатилось огромнымъ количествомъ вотчинъ, то оно еще болѣе пріобрѣло въ правѣ владѣнія вотчинами. Вотчины раздѣлялись на родовыя, пожалованныя или выслуженныя и купленныя. Эти раздѣленія чречвычайно важны въ отношеніи права

пользованія и распоряженія вотчиной и права наслѣдства. Въ отношеніи родовыхъ вотчинъ, всѣ законодательства обоихъ царствованій клонятся, съ одной стороны, къ расширенію права дальныхъ родственниковъ (рода) на наслѣдство и, съ другой стороны, къ уменьшенію права личнаго владѣльца родоваго имѣнія отчуждать, какимъ бы то ни было образомъ, родовое имѣніе. Въ 1628 году было постановлено, что родовое имѣніе переходитъ, за неимѣніемъ прямаго потомства отъ родственника, къ двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ. При родныхъ братьяхъ, дочь не наслѣдница, а безъ братьевъ, наслѣдуетъ дочь, исключая двоюродныхъ братьевъ. Жена пользуется 1/4 частію отъ купленныхъ вотчинъ (Ул. гл. XVII, ст. 1 и 2). При продажѣ вотчины, родственники сохраняли право выкупа въ теченіи сорока лѣтъ (ст. 27 и 30). При Алексѣѣ Михайловичѣ было окончательно запрещано давать вотчины въ монастырь, но было дозволено передавать ихъ родственникамъ, которые обязаны были кормить и покоить его до старости (Ул. гл. XVII, ст. 27). Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича было окончательно запрещено продавать родовыя вотчины и оставлять ихъ по духовнымъ завѣщаніямъ (П. С. З. т. II, №№ 643, 764 и 765).

Тоже постоянное расширеніе правъ рода и уменьшенія правъ государства и правъ личнаго разпоряженія проявляется въ законодательствѣ о выслуженныхъ вотчинахъ. До Михаила Ѳедоровича права наслѣдованія вотчиной опредѣлялось въ самой грамотѣ и часто ограничивалось сыномъ и внукомъ или даже давалась въ пользу одного только лица (Невол. т. II, стр. 165). При Михаилѣ Ѳедоровичѣ грамоты, выданныя за осадное сидѣнье съ Царемъ Васильемъ, опредѣляютъ наслѣдованіе въ прямомъ колѣнѣ до внуковъ (Д. Р. В. т. XVI, стр. 185). Въ 1618 году, во время приступа Владислава, дано было право дарить внукамъ и правнукамъ пожалованныя вотчины, продавать и закладывать ихъ, отдавать по душѣ въ монастырь, а родственникамъ предоставлено право выкупа. Если рода не оставалось, то жена владѣла выкупленной вотчиной „по свой животъ“ (Ист. Рос.

Гр.. Зак. Неволина, т. II, стр. 166; основ. на указ. ст. Михаила Өеодоровича въ Русск. Вѣст. 1842 г.). Въ 1627 году было запрещено давать женамъ выслуженныя вотчины, но въ 1650 году было разрѣшено давать выслуженныя вотчины при недостаткѣ ближнихъ и дальнимъ родственникамъ (П. С. З., № 31).

Въ 1628 году была возобновлена продажа помѣстій въ вотчину на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это было во время Іоанна IV. Эта продажа была распространена и на уѣзды Дмитровской, Руской и Звѣнигородской. Было даже дозволено продавать черныя земли изъ приказа Большаго Дворца, но распоряженіе было отмѣнено въ 1644 г. (Невол. т. II, стр. 176). Купленныя вотчины отдавались женѣ и дѣтямъ, и роду, а въ случаѣ прекращенія рода, отбирались въ казну, съ платою въ монастыри на поминъ души покойника. Въ 1636 г., было дозволено продавать и закладывать купленныя земли, право, подтвержденное уложеніемъ (Ист. Зак. Невол. т. II, стр. 169).

Гораздо медленнѣе шло превращеніе помѣстнаго права въ вотчинное, хотя оно не уклонно стремилось къ этому идеалу. Мѣна помѣстій на вотчины была еще запрещена въ 1636 г. (Ист. Зак. Невол. т. II, стр. 208 основ. на указ. ст.) Мѣна помѣстій на помѣстья дозволялась, но по особому разрѣшенію и только по уважительпымъ причинамъ. При Михаилѣ Өедоровичѣ начинаетъ развиваться права сдачи помѣстій; въ особенности женщины получали право сдавать свои помѣстья, получаемыя ими на прожитокъ по смерти мужей и отцевъ, или своимъ женихамъ, или постороннимъ лицамъ, на выгодныхъ для себя условіяхъ (ib. стр. 209) (ib. стр. 232). Но въ помѣстномъ правѣ временъ Михаила совершился уже значительный прогресъ, который нельзя не замѣтить; помѣстья теперь уже не отнимались отъ старыхъ–увѣчныхъ, или страдающихъ болѣзнями и государство довольствовалось, взысканіемъ съ такихъ помѣстій рекрутъ, смотря по количеству земли. При Алексѣ Михайловичѣ помѣстное право сдѣлало еще нѣсколько крупныхъ шаговъ по пути къ вот-

чинному праву. Уложеніемъ была дозволена мѣна помѣстій на вотчину и монастырскія земли (Ул. гл. 16, стр. 3, 7). Въ 1649 году дозволена мѣна помѣстій на кормовыя деньги, т. е. на жалованье, которое давалось нѣкоторымъ членамъ служилаго сословія, преимущественно нѣмцамъ, вмѣсто помѣстій (Нев. стр. 209). Въ 1674 году дозволено было отставнымъ дворянамъ сдавать свои помѣстья за деньги, право почти не разнящееся отъ продажи (П. С. З., №№ 583—633). Но всетаки далеко нельзя сказать, чтобы служилое сословіе дѣйствительно пріобрѣло крѣпкую защиту своей собственности, потому что несуществовало ни правильныхъ судовъ для обезпеченія правъ собственности, ни опредѣленій закона, въ какихъ случаяхъ возможны конфискаціи. Многіе члены служилаго сословія были лишены имущества за преступленія сравнительно ничтожныя, какъ напримѣръ за мѣстничество на царской свадьбѣ (Кот. гл. I) корчемство запрещеннымъ виномъ и т. д. (А. А. Э. т. IV, № 166). Это широкое право конфискаціи становилось еще болѣе тяжелымъ, потому что не существовало опредѣленныхъ законовъ; всѣ частные случаи опредѣлялись Государемъ. справедливыя стремленія служилаго сословія, подтвержденныя грамотами Шуйскаго, Владислава и, вѣроятно, самого Михаила, „а чтобы служилыхъ людей безъ суда и слѣдствія не лишать помѣстья", умерло безъ всякихъ послѣдствіи. Но, не смотря на всю эту шаткость имущественнаго права, если мы вспомнимъ, въ какомъ положеніи вотчинное и помѣстное право было при Іоаннѣ IV и даже Борисѣ Годуновѣ, то для насъ будетъ ясенъ огромный шагъ впередъ, который сдѣлало общество.

Но если для облегченія имущественнаго права былъ сдѣланъ шагъ впередъ, то для обезпеченія свободы личности не было сдѣлано почти ни одного шага. Все служилое сословіе считалось на службѣ государству до своей смерти и очень рѣдко члены его освобождались отъ него, вслѣдствіе тяжкой болѣзни или ранъ. Высшіе и низшіе придворные чины точно также до своей смерти должны были являться во дворъ и исполнять возложенныя на нихъ обязанности.

Для личности не существовало никакого обезпеченія въ судѣ, въ случаѣ преступленій или проступковъ, кромѣ важной гарантіи, заключавшейся въ мягкости характера двухъ благочестивыхъ царей. Отъ наказанія кнутомъ и батогами обычай и законъ началъ освобождать бояръ и думныхъ людей, но всѣ другіе члены подвергались ему за всякія преступленія. За несправедливый судъ боярина, окольничаго или всякого другаго думнаго человѣка, сидящаго судьей въ приказѣ, угрожало только денежное взысканіе, дьякамъ грозилъ по прежнему кнутъ. Воеводы и дьяки подвергались тому же наказанію, вѣроятно тогда, когда они были не изъ думныхъ людей (Улож. гл. X, ст. 5 и 6). Князь Кропоткинъ за взятки былъ битъ кнутомъ въ 1652 г. (П. С. З., № 123). Кнутъ угрожалъ окладчикамъ, если они не вѣрно раздѣляли помѣстья, во время помѣстнаго верстанія, (С. Г. Г. и Д. т. III, № 59) дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, если они не являлись на службу въ срокъ (Разряды). Въ 1654 году велѣно было стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, не явившихся на службу, бить кнутами и высылать опять на службу, (П. С. З., № 128). Въ 1659 г. было приказано бѣглыхъ со службы дворянъ и дѣтей боярскихъ ловить и вѣшать (П. С. З. № 249). Но этотъ указъ былъ въ томъ же году отмѣненъ, а было снова поставлено, по боярскому приговору, бѣглыхъ бить кнутомъ и понижать чиномъ (ib. № 26).

Если съ трудомъ измѣнялись законы, то еще съ большей медленностію измѣнялись нравы, обычаи и понятія, измѣненіе которыхъ во многомъ зависитъ отъ измѣненіи законовъ и учрежденій. При отсутствіи всякого обезпеченія правъ личности, высшіе легко могли обижать и притѣснять низшихъ, а низшимъ оставалось только униженіемъ вымаливать себѣ снисхожденія. Когда низшій приходилъ о чемъ нибудь просить высшаго, то онъ кланялся въ ноги, благодарилъ его даже за побои. (Олеар., стр. 219. Крыжаничъ т. I, стр. 178). Только въ послѣдніе годы царствованія Михаила начало выходить изъ обычая, чтобы высшія чины сами наказывали палками подчиненныхъ, но такіе примѣры слу-

чались даже при Алексѣѣ. Такъ, одинъ разъ за несправедливое мѣстничество одного князя, дьякъ и бояринъ поколотили его палками въ самой Думѣ боярской (Д. В. Р. т. I, стр. 436). Князья и бояре, разгоряченные споромъ, дрались иногда кнутами (Олеар., стр. 211). При отсутствіи образованія въ массѣ служилыхъ людей, для нихъ не существовало благороднаго развлеченія въ чтеніи, а музыка и театръ считались грѣховными и были запрещены церковью.

Вслѣдствіе этого понятно, что теперь, какъ и прежде, пьянство было общимъ порокомъ и процвѣтало въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; грубый развратъ, сальные разсказы и анекдоты, медвѣжья пляска были главными удовольствіями мужскаго общества, во время общественныхъ собраній на праздники, свадьбы, крестины, имянины.—Отсутствіе законнаго суда, обезпечивающаго личность, заставляло людей прибѣгать къ лицемѣрію, двуличности, какъ единственному средству спасенія. Недостатокъ нравственно–религіознаго воспитанія дѣлалъ самыми обыкновенными вещами ложь, фальшивые доносы, ложныя клятвы. Изгнаніе женщинъ изъ мужскаго общества отмстило за себя крайнимъ неряшествомъ мужчинъ, такъ что домъ, въ которомъ жили русскіе, легко отличали иностранцы по страшному запаху, которымъ онъ обдавалъ каждаго, кто къ нему приближался. Боязнь произвола сильныхъ заставляла людей прятать деньги и жить въ грязныхъ и дымныхъ лачугахъ, спать на скамьяхъ безъ постелей, носить грязное платье и бѣлье, все это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы не подать подозрѣніе въ богатствѣ (Котош., гл. XIII).

Въ какомъ положеніи была женщина, это уже всѣмъ извѣстно. Женихъ видѣлъ невѣсту только послѣ свадьбы, а потому не говоря уже о согласіи супружеской жизни, которое случалось столь же рѣдко, какъ счастливый билетъ въ лоттереи, и случались самые грубые обманы; такъ напримѣръ, вмѣсто дочерей хозяина выдавали замужъ его дальнѣйшихъ родственницъ, даже служанокъ; свахамъ показывали красивыхъ женщинъ, которыя послѣ свадьбы оказы-

вались уродами (Кот., гл. XIII). При свадьбахъ свято сохранялись всѣ обряды, которые служили остаткомъ земледѣльческаго быта, какъ, напримѣръ, постель новобрачныхъ стлалась на сорока ржаныхъ снопахъ и окружалась бочками пшеницы, ячменя и овса. Новобрачная, встрѣчая своего мужа, кланялась ему въ ноги и снимала сапоги, въ знакъ покорности. Надъ постелью новобрачныхъ висѣла плеть, называвшаяся дуракъ (Олеар., стр. 243; Котош., гл. XIII; Ж. М. Н. П. 1839 г., № 7). Женщины отличались тѣми же пороками, какъ и мужчины; и между ними пьянство, развратъ и развлеченіе, въ видѣ сальныхъ анекдотовъ, были общепринятыми удовольствіями.

Но съ общею бѣдностію жилищъ и обстановки нерѣдко соединялись азіатская пышность и великолѣпіе. Не смотря на то, что самъ бояринъ жилъ въ бѣдной хатѣ, на его обширномъ дворѣ было множество хатъ, въ которыхъ жили слуги, число которыхъ доходило до 100, какъ и въ прежнемъ періодѣ. Эти слуги неумытые, босые, некормленые дѣлали опасными большія дороги отъ Москвы до Твери и даже самое путешествіе по Москвѣ (Олеар., стр. 223). Боярина окружала стая знакомцевъ, которые постоянно пили, ѣли и спали на его дворѣ, сопровождали хозяина во время его путешествія ко дворцу, съ бубномъ возвѣщали народу, что ѣдетъ бояринъ. Боярыни любили бѣлиться и румяниться, любили рядиться въ блестящіе костюмы, но роскошь костюмовъ не дѣлала ихъ привлекательными, вслѣдствіе яркости цвѣтовъ и отсутствія вкуса.

Но если въ большинствѣ служилаго сословія нравы измѣнялись медленно и туго, то великое умственное движеніе прошлаго вѣка и возрастающее вліяніе иностранцевъ, которые массами текли въ Москву, получая здѣсь богатое содержаніе, обнаружилось въ значительномъ измѣненіи образа жизни нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ это вліяніе коснулось наиболѣе.

Въ царствованіе Михаила, многіе бояре начали строить себѣ большіе дома, убирать ихъ приличной мебелью и заво·

дили по немногу европейскій комфортъ и роскошь обстановки (Олеар., стр. 227). Вмѣстѣ съ европейскою роскошью начинали принимать европейское образованіе. Уже въ царствованіе Алексѣя извѣстный Крижаничъ писалъ, что пьяницы прельщаютъ насъ тщетными приманками академій и высшихъ школъ, произведеніями докторовъ и магистровъ и, желая сдѣлаться учеными, пренебрегаютъ знаніями полезныхъ ремеслъ и остаются безъ хлѣба. (стр. 217). Еще язвительнѣе упрекаетъ нашихъ предковъ Крижаничъ, въ томъ, что у нихъ явилась страсть обивать стѣны комнатъ и даже цѣлаго дома обоями, одѣваться въ европейскіе костюмы, спать на мягкихъ перинахъ. Нѣмцы, говоритъ Крижаничъ, учатъ насъ своимъ ересямъ и, мало по малу, заражаютъ насъ своимъ нечестіемъ. Они измѣняютъ наши законы и колеблютъ крѣпость нашего церковнаго строя. Нѣкоторые, подъ видомъ благочестія, прививаютъ къ намъ ложную, ненужную святость (т. стр. 217).

Всѣ вышеприведенные факты уже достаточно ясно показываютъ, что этотъ періодъ былъ временемъ укрѣпленія и развитія правъ служилаго сословія. Какое значеніе имѣетъ это время для нашей послѣдующей исторіи? Было ли оно благопріятно или вредно нашему развитію? Вотъ вопросы, которые невольно останавливаютъ наше вниманіе.

Съ одной стороны кажется, и совершенно справедливо, что общество, введя прикрѣпленіе крестьянъ и стремясь только къ расширенію правъ служилаго сословія, дѣлало скорѣе шагъ назадъ чѣмъ шагъ впередъ. Но, слѣдя за развитіемъ исторіи общества, не нужно впадать въ крайности, увлекаясь пристрастіемъ къ какой либо формѣ общественной жизни. Всякое явленіе въ исторіи имѣетъ свои хорошія и свои дурныя стороны. Если бы родовое начало, выработанное XVIII вѣкомъ, навсегда осталось въ нашей жизни, тогда она, быть можетъ, закрыла бы дорогу для дальнѣйшаго развитія. Но время аристократически-исключительныхъ правъ служилаго сословія прошло и мы должны съ благодарностію вспомнить то хорошее, что оно принесло нашей жизни. Восточныя го-

сударства служатъ намъ яркимъ примѣромъ, что если сильная центральная власть успѣетъ одна возвыситься въ обществѣ, не образуя аристократіи, то хотя она не введетъ крѣпостнаго права, но за то навсегда оставитъ общество на той же ступени развитія, на которой она его застала. Наоборотъ, дворянство, выработывая въ варварскомъ обществѣ исключительныя привилегіи лишь для себя, въ то же время выработываетъ ихъ и для всѣхъ классовъ, потому что ихъ привилегіи впослѣдствіи становятся общимъ правомъ. Наше служилое сословіе, выработавъ крѣпкое имущественное право, тѣмъ оказало великую услугу обществу и положило прочныя основанія духу личной независимости, хотя нужно было еще сто лѣтъ, прежде чѣмъ оносамо успѣло получить это право при Петрѣ III-мъ. Въ правахъ дворянства наше общество впервые пріобрѣтало гражданскія права, сдѣлавшіяся въ настоящее время общимъ достояніемъ. Самое освобожденіе членовъ Думы отъ тѣлеснаго наказанія было только первымъ шагомъ къ уничтоженію вообще этого наказанія, унижающаго личность. Даже безчисленные служебные ранги были полезны, потому что они пріучали общество уважать въ человѣкѣ если не достоинство человѣка, то чинъ и званіе, они развивали понятія той личной чести, которую Монтескьё считаетъ лучшимъ основаніемъ монархіи. Впослѣдствіи, изъ этого односторонняго уваженія чина, гораздо легче могло развиваться уваженіе къ достоинству человѣческой личности вообще.

Наконецъ, какъ ни медленно измѣнялись нравы служилаго сословія, оно первое начало принимать европейскую образованность и первое пробило стѣну дикаго фанатизма и религіозныхъ предразсудковъ. Его нравы сдѣлались готовымъ образцемъ для правилъ другихъ сословій.

ГЛАВА X.

Крестьяне.

При Михаилѣ Өедоровичѣ укрѣпленіе крестьянъ за помѣщиками идетъ медленно. — Откуда происходило различіе въ характерѣ прикрѣпленія черносошныхъ крестьянъ отъ помѣстныхъ и вотчинныхъ? — Существованіе вольныхъ крестьянъ на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, живущихъ по ряднымъ записямъ, и причины этого факта. — Характеръ управленія монастырскими имѣніями. — Монастырскій соборъ поддерживаетъ крестьянскую общину. — Общій интересъ крестьянъ всѣхъ родовъ — государственныя повинности и губное дѣло поддерживаетъ участіе даже прикрѣпленныхъ крестьянъ въ управленіи уѣздомъ. — Полное прикрѣпленіе крестьянъ при Алексѣѣ Михайловичѣ и слѣдствія его. — Особенность нашего крѣпостнаго права. — Крестьяне дворцовые и черныя слободы при Алексѣѣ Михайловичѣ. — Выпускъ мѣдныхъ денегъ и неразрывно съ нимъ связанныя страшныя финансовыя мѣры были главною причиною бунта Степана Разина.

Единственный классъ общества, который все потерялъ и ничего не выигралъ въ смутное время,—это были крестьяне. Царская власть должна была принести въ жертву соціальной необходимости интересы крестьянъ, потому что ихъ прикрѣпленіемъ она пріобрѣтала себѣ расположеніе всѣхъ мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые составляли опору государства.

Но если царская власть сознавала необходимость этой уступки, то она дѣлала ее неохотно; да она и не могла повернуть дѣло круто, потому что у всѣхъ на памяти было смутное время и ей предстояло бороться съ сильнымъ врагомъ, въ лицѣ Польскаго королевича Владислава. Быстрое развитіе бунта Разина и огромное вліяніе на крестьянъ его

„прелѣстныхъ листовъ“ доказало, какъ могло быть опасно крестьянское движеніе въ расшатавшемся, послѣ смутнаго времени, государственномъ строѣ, если пятьдесятъ лѣтъ государственной дѣятельности едва могли дать государству столько силъ, чтобы бороться съ опаснымъ возстаніемъ. Въ силу этой необходимости, прикрѣпленіе крестьянъ при Михаилѣ носило еще очень мягкій характеръ: оно совершилось вполнѣ только въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Вслѣдствіе этого, я буду сначала говорить о положеніи крестьянъ при Михаилѣ, а потомъ уже перейду къ царствованію Алексѣя Михайловича.

Очень хорошо понимая положеніе дѣлъ, Михаилъ не спѣшилъ удовлетворить настоятельныя просьбы дѣтей боярскихъ о полномъ прикрѣпленіи крестьянъ, съ правомъ безсрочно отыскивать бѣглыхъ и, только въ концѣ царствованія, дѣлаетъ неполную уступку ихъ требованіямъ.

До 1637 г. оставался въ силѣ старый законъ, по которому бѣглые крестьяне отыскивались за пять лѣтъ и только въ 1637 г. этотъ срокъ былъ удвоенъ и всѣ помѣщики и вотчинники получили право отыскивать бѣглыхъ крестьянъ въ десятилѣтній срокъ (А. А. Э. т. IV, № 14). Изъ этого общаго правила было сдѣлано только два исключенія: въ 1614 г. Троицкій монастырь получилъ исключительную привилегію вывести за себя всѣхъ крестьянъ, выбѣжавшихъ изъ монастырскихъ вотчинъ, въ періодъ времени отъ 1605 по 1615 г.; но эта исключительная привилегія была дана Троицкому монастырю за исключительныя заслуги, оказанныя имъ государству (А. А. Э. т. III, № 66), и имѣла только временное значеніе. Другое исключеніе было сдѣлано въ 1629 г. по отношенію черносошныхъ крестьянъ. Вятскій воевода писалъ Государю, что изъ Вятки, Слободскаго и Шестакова городка „многіе посадскіе люди и уѣздные крестьяне съ женами и дѣтьми, выбѣжавъ, живутъ нынѣ въ Перми на посадѣ и въ Пермскомъ уѣздѣ, и на то-де, смотря и послѣдніе посадскіе люди и уѣздные крестьяне бѣжатъ врознь, и нашихъ-де податей платить стало нѣкому“. На основаніи

этого донесенія, предписано было Пермскому воеводѣ посадскихъ и крестьянъ, которые вышли „меньше десяти лѣтъ, а не больше десяти лѣтъ“, возвращать на старыя мѣста (А. И. т. III, № 169). Право срочнаго или безсрочнаго иска бѣглыхъ крестьянъ составляетъ существеннѣйшую часть крѣпостнаго права. Только право безсрочнаго сыска отдаетъ крестьянина во власть помѣщика. Но право отыскивать бѣглыхъ крестьянъ въ продолженіи пяти лѣтъ, существовавшее отъ 1613 по 1637 г. и, даже въ продолженіи десяти лѣтъ, существовавшее отъ 1637 по 1647 г., далеко не отдавало крестьянина въ руки помѣщика и не могло уничтожить конкуренціи, невыгодной для мелкихъ владѣльцевъ. Это ясно видно изъ челобитной, которую подали въ 1642 г. дворяне и дѣти боярскіе. Въ этой челобитной они пишутъ, что богатые помѣщики, вотчинники и монастыри бѣглымъ крестьянамъ на пустыхъ мѣстахъ строятъ слободы, а ихъ помѣстья и вотчины отъ того стоятъ пусты, а тѣ бѣглые люди и крестьяне, выживъ за тѣми людьми урочные годы „надѣясь на тѣхъ сильныхъ людей, и достальныхъ людей и крестьянъ изъ-за нихъ подговариваютъ, а домы ихъ пожигаютъ, и разоряютъ всякимъ разореньемъ. Но если даже имъ удастся провѣдать, гдѣ живутъ ихъ крестьяне до урочныхъ лѣтъ, то они нигдѣ не могутъ добиться на тѣхъ крестьянъ суда и управы и даже, засудясь, за суднымъ дѣломъ завершеньемъ волочаться многое время“ (А. И. т. III, стр. 109 и 110). На основаніи этой челобитной, срокъ на крестьянъ, взятыхъ насильно изъ-за дворянъ и дѣтей боярскихъ, былъ продолженъ на пятнадцать лѣтъ, а для вышедшихъ добровольно остался все-таки прежній десятилѣтній срокъ.

Но если не было строго прикрѣпленіе помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянъ, то еще менѣе строго было прикрѣпленіе черносошныхъ крестьянъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ.

Главная масса черносошныхъ крестьянъ сосредоточивалась въ сѣверныхъ уѣздахъ, гдѣ почти не было помѣщиковъ, вѣроятно, вслѣдствіе ихъ отдаленности отъ Москвы, и въ Сибири.

Крестьяне черныхъ сохъ были прикрѣплены, какъ мы ви-

дѣли выше, еще при Іоаннѣ IV. Но между прикрѣпленіемъ черносошныхъ крестьянъ и прикрѣпленіемъ крестьянъ, живущихъ на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, была, кажется, значительная разница, что и должно было вытекать изъ самой сущности дѣла. Крестьяне помѣстные и вотчинные прикрѣплялись столько же къ лицу, сколько и къ мѣсту, потому что ихъ прикрѣпленіе было сдѣлано въ видахъ интересовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Крестьяне черносошные прикрѣплялись только къ мѣсту, съ цѣлію болѣе уравнять сборъ податей и повинностей. Изъ различія этихъ цѣлей должно было произойти и различіе въ самомъ характерѣ прикрѣпленія. Помѣстные и вотчинные крестьяне должны были быть прикрѣпленными потомственно, потому что иначе это прикрѣпленіе имѣло значеніе только въ теченіи одного поколѣнія, тогда какъ черносошные крестьяне могли быть прикрѣплены лично и государство могло предоставить ихъ дѣтямъ, родственникамъ, или вообще всѣмъ, не имѣющимъ опредѣленнаго тягла, принять тягло въ другомъ мѣстѣ, потому что оно отъ этого ничего не теряло. Вотъ почему, не только въ царствованіе Михаила, но и во все царствованіе Алексѣя Михайловича, отличавшееся суровыми мѣрами въ отношеніи бѣглыхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянъ, въ грамотахъ часто говорится о вольныхъ, гулящихъ людяхъ. Что это касалось только черносошныхъ крестьянъ, это видно уже изъ того, что о вольныхъ гулящихъ людяхъ говорится только въ грамотахъ, касающихся сибирскихъ городовъ и сѣверныхъ уѣздовъ Россіи, гдѣ не было прикрѣпленія крестьянъ. Эти послабленія въ прикрѣпленіи черносошныхъ крестьянъ обусловливались, быть можетъ, особымъ положеніемъ Сибири.

Сибирь доставляла намъ въ это время огромное количество цѣнныхъ мѣховъ, сбираемыхъ служилыми людьми съ инородцевъ, для чего тамъ постоянно нужно было содержать довольно большое число служилыхъ людей. Хотя формально покореніе Сибири относится ко времени Іоанна IV, но, на самомъ дѣлѣ, это завоеваніе Сибири продолжалось и

въ царствованіе Михаила и въ царствованіе Алексѣя. Такое громадное пространство, съ рѣдкимъ и разбросаннымъ населеніемъ, не могло быть покорено одной битвой, потому что Сибирь не составляла одного царства. На всемъ ея громадномъ пространствѣ обитала масса инородцевъ, живущихъ небольшими племенами, но разбросанными въ разныхъ углахъ ея. Энергическія мѣры къ покоренію этихъ маленькихъ племенъ были приняты только въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Во все это царствованіе идетъ постоянная борьба между маленькими племенами и небольшими отрядами царскихъ войскъ, состоящими изъ 10, 15, 20 и 30 человѣкъ. Но для служилыхъ людей былъ нуженъ хлѣбъ, который не умѣли еще обработывать дикіе народы, населявшіе Сибирь. Еще въ царствованіе Іоанна IV правительство начало понимать, что страна можетъ быть прочно покорена лишь тогда, когда она будетъ прочно колонизована, потому что цѣны на хлѣбъ въ Сибири были страшно высоки и правительство, принужденное доставлять хлѣбъ дѣтямъ боярскимъ изъ Россіи, по необходимости, много теряло отъ этой многотрудной доставки. Вся тяжесть этой доставки падала тяжелымъ гнетомъ на сѣверные уѣзды: Пермскій, Чердынскій, Вятскій, Кайгородскій и другіе. Правительство рѣшилось вести правильную колонизацію крестьянъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ и, вмѣсто податей, устраивало общественную запашку въ 1, 2, 3 и даже 4 десятины на душу. Такимъ образомъ, при Борисѣ было заселено Верхотурье, въ которомъ въ 1632 г. было 477 душъ крестьянъ; изъ Чердынска было выселено въ 1632 году 80 семей въ Томскъ (А. И. т. III, № 179); въ 1630 г. было поселено въ Ирбитской слободѣ 33 семьи; въ 1640 г. была поселена Мурзинская слобода. Для этой цѣли вызывались черносошные крестьяне изъ сѣверныхъ уѣздовъ Россіи.

Въ 1634 году, Чердынскому воеводѣ было приказано кликать биричемъ: „чтобы писались въ Верхотурскій уѣздъ, въ пахотные крестьяне, вольные, гулящіе, охочіе люди, а не тяглые и не пашенные, которые бы съ сошными людьми въ тяглѣ и въ сошномъ спискѣ не написаны“. Для поселенія

Мурзинской слободы велѣно было прибрать "охочихъ Верхотурскаго уѣзда изъ старыхъ, изъ Невьянскихъ пашенныхъ крестьянъ, и отъ отцовъ дѣтей, и отъ братьи братью, и отъ дядь племянниковъ, и изъ подсусѣдниковъ и изъ гулящныхъ людей". Но эти нововыборные крестьяне должны были оставлять на свое мѣсто тяглецовъ, съ крѣпкими поруками, что они ихъ жеребья не оставятъ въ пустѣ (А. И. т. III, № 211). Такимъ образомъ, особенныя условія Сибири, быть можетъ, были причиной слабости прикрѣпленія черносошныхъ крестьянъ.

Эту особенность прикрѣпленія черносошныхъ крестьянъ, по которой собственно прикрѣплены были отцы и старшіе ихъ дѣти, берущіе тягло, едва-ли можно распространить на крестьянъ вотчинныхъ и помѣстныхъ. Многоуважаемый профессоръ Бѣляевъ, въ извѣстной книгѣ „Крестьяне на Руси", утверждаетъ, что помѣстные и вотчинные крестьяне были прикрѣплены лично и въ доказательство приводитъ тѣ мѣста изъ актовъ, которыя касаются черносошныхъ крестьянъ Сибири и Верхотурья (ib. 115). Онъ цитируетъ только одну грамоту, касающуюся монастырскихъ крестьянъ, но и она, если ее цитировать нѣсколько полнѣе, едва-ли можетъ подтверждать это мнѣніе. Вотъ это мѣсто изъ наказа прикащику Покровскаго монастыря: „А крестьянъ ему изъ монастыря не выпущати ни куды; и которыя выти пустыя, и старыхъ жильцевъ не сыщетъ, и Ѳедору на тѣ пустыя доли называти жильцовъ, не пахотныхъ крестьянъ или бобылей, охочихъ людей, тогожъ села и деревень, отъ отцовъ дѣтей, и отъ братей братью, и отъ дядь племянниковъ, и подсусѣдниковъ". Въ такомъ видѣ этотъ документъ едва-ли можетъ подтверждать мнѣніе почтеннаго профессора. Слово „охочій" еще не совпадаетъ съ выраженіемъ "вольный охочій человѣкъ", — употребляющемся въ отношеніи черносошныхъ крестьянъ. Для монастыря было очень естественно пустыя мѣста заселять охочими людьми изъ тѣхъ же деревень, но запрещеніе ихъ выпускать изъ за монастыря прямо указываетъ, что они были прикрѣплены.

Можетъ быть эта особенность въ характерѣ прикрѣпленія черносошныхъ крестьянъ, или, еще болѣе, слабость законовъ о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, во все продолженіе царствованія Михаила и въ первые годы царствованія Алексѣя встрѣчаются на помѣстныхъ имѣніяхъ особаго рода крестьяне, добровольно поступающіе въ помѣстные и вотчинные крестьяне на основаніи рядныхъ записей. Причины этого страннаго явленія кроются въ томъ, что прикрѣпленіе крестьянъ не могло сразу уничтожить потребности въ людяхъ, потому что пустыхъ земель было еще страшно много, а потому, какъ весьма естественно, для помѣщика было столь же желательно прикрѣпить уже живущихъ крестьянъ, какъ и назвать на пустыя пашни новыхъ, хотя бы на условіяхъ и болѣе легкихъ. Но это существованіе крестьянъ, жившихъ по уговору рядомъ съ крестьянами, жившими по ряднымъ записямъ, было явленіемъ ненормальнымъ и очень рѣдки могли быть случаи, что бы такіе крестьяне могли уйдти отъ помѣщика. Эти случаи могли чаще случаться въ Сибири, гдѣ само правительство искало крестьянъ. Разсмотримъ подробнѣе отношеніе этого рода крестьянъ къ своимъ владѣльцамъ.

Верхотурскій Никольскій монастырь имѣлъ въ 1627 году половниковъ, которые жили за монастыремъ по записямъ на урочные годы, „а какъ отживутъ урочные годы, и тогда они свободны и вольны, куда хотятъ“. Но эта относительная свобода половниковъ въ Сибири объясняется тѣмъ, что само правительство искало людей для населенія и отбирало ихъ даже у монастырей, что видно изъ той же грамоты (А. И. т. III, № 148).

Гораздо тяжелѣе условіе пріема было въ Россіи. Въ 1624 году, въ Тихвинскій монастырь поступилъ по рядной записи бобыль, и въ этой заиcи онъ обязывался: „монастырское сдѣлье дѣлати и страду бобыльскую страдати съ бобыли вмѣстѣ, что игуменъ Васьянъ съ братіею прикажутъ... а на сторону оттуда ни куды не рядитца“. Это условіе совершенно уничтожаетъ всякое различіе между вновь поступившимъ бобылемъ и старыми крестьянами (А. Ю. № 193). Другое усло-

віе также, не опредѣляя количество повинностей, опредѣляетъ за право отхода плату въ пятьдесятъ рублей, то есть просто сумму, не возможную выплатить крестьянину, если онъ не найдетъ клада (ib. № 194). Три другіе договора крестьянъ пахотныхъ опредѣляютъ въ условіяхъ количество подати деньгами, скотомъ, рожью и одинъ или два льготные года, послѣ которыхъ крестьянинъ снова считается въ полной власти монастырскаго собора. Грамоты, правда, оставляютъ право отхода, но съ обязанностію выплатить тридцать рублей (ib. № 196). Въ нѣкоторыхъ другихъ грамотахъ прямо уничтожается всякая возможность перехода (ib. 195 и 199). Такимъ образомъ, различіе между этими крестьянами и крестьянами прикрѣпляемыми было незначительно.

Обратимся теперь къ экономическому положенію крестьянъ въ этотъ періодъ. Экономическое положеніе крестьянъ, разумѣется, не могло сдѣлаться лучшимъ съ прикрѣпленіемъ крестьянъ, чѣмъ до этого прикрѣпленія. Правда, въ эпоху царствованія Михаила, значеніе прикрѣпленія еще не высказалось въ полной силѣ, какъ это сдѣлалось въ слѣдующій періодъ, въ царствованіе Алексѣя, но все таки возможность бѣжать и скрываться въ теченіе пяти, не только десяти лѣтъ, нельзя равнять съ законнымъ правомъ отхода ежегодно. Правительство, правда, и теперь заботилось, что бы помѣщикъ не разорялъ крестьянъ, но оно не опредѣляло никакой нормы податей и повинностей, которыя обязанъ былъ платить крестьянинъ помѣщику. Даже самая забота правительства, о неотягощеніи излишними поборами крестьянъ, вытекала не изъ желанія облегчить участь крестьянъ, но просто по тому, что правительство на каждаго помѣщика и вотчинника смотрѣло какъ на воина, который долженъ былъ служить съ доходовъ, получаемыхъ имъ съ помѣстья, такъ какъ онъ не получалъ почти никакого денежнаго жалованья. Очевидно, если онъ разоритъ свое помѣстье лишними налогами, если отъ его поборовъ крестьяне разбѣгутся, то онъ не въ состояніи будетъ исполнять свою службу. Этотъ особый характеръ заботы правительства очень ясно видимъ изъ наказа, даннаго

окольничему Лобанову-Ростовскому при верстаньѣ крестьянъ, въ 1621 году. Въ немъ велѣно было окладчикамъ, если они узнаютъ, что кто-либо не исправляетъ службы потому, что его помѣстье запустѣло, подлинно узнать, отъ чего оно запустѣло: отъ войны ли, или отъ насильства сосѣдей, или „кто запустилъ своимъ нестроеніемъ, или какимъ воровствомъ“. „А которые запустошили своимъ воровствомъ, продолжаетъ наказъ, и тѣхъ бити кнутомъ, и въ службѣ взяти по нихъ поруки, чтобъ имъ служити; а буде поруки по нимъ не будетъ, и тѣхъ сажати въ тюрьму до Государева указа“ (С. Г. Г. и Д. т. III, № 59). Но о точномъ опредѣленіи повинностей крестьянина нигдѣ нѣтъ и помина. Если бы существовало что либо подобное, то до насъ дошло бы множество грамотъ, потому что государство, постановивъ такія условія, должно бы было требовать и ихъ исполненія. Разсмотримъ подробнѣе экономическія условія жизни и способы управленія крестьянъ всѣхъ родовъ.

Имѣнія монастырскія и большія боярскія имѣнія управлялись прикащиками. Въ имѣніяхъ монастырскихъ повинности крестьянъ опредѣлялись грамотами, которыя монастырскій соборъ обыкновенно давалъ прикащику для руководства. До насъ дошла очень любопытная грамота, данная соборомъ Покровскаго монастыря прикащику Корсакову. Изъ этой грамоты видно, что въ монастыряхъ и въ то время существовала монастырская запашка, которую крестьяне должны были обработывать, не испуская срока по двѣ десятины въ трехъ поляхъ на выть и засѣвать на ней по двѣ четверти ржи и по четыре четверти овса. Кромѣ того, они должны были пахать по десятинѣ въ трехъ поляхъ „взгону“. По этой раскладкѣ на каждый дворъ крестьянскій приходилось пахать по $1\frac{4}{5}$ десятины, такъ какъ въ выти было обыкновенно пять дворовъ. Монастырскій прикащикъ наблюдалъ, чтобы крестьяне пахали монастырскую пашню во время, напередъ своей крестьянской пашни, не испустя пашеннаго и посѣвнаго времени и пахали бы ее на-мягко, что бы грудъ не было и не ораныя бы пашни межъ ораныхъ бороздъ не пропущали.

Крестьяне должны были возить навозъ на монастырскую десятину съ монастырскихъ дворовъ; если его тамъ не оказывалось, то съ бобыльскихъ дворовъ. Прикащикъ долженъ былъ наблюдать, чтобы крестьяне, для своей легости, навозъ по дорогѣ не метали и унавоживали бы дальныя и ближнія десятины ровно.

Рядомъ съ крестьянами, прикрѣпленными, какъ я говорилъ выше, въ помѣстьяхъ бывали и крестьяне на другихъ условіяхъ. Гулящіе люди приглашались на пустыя земли на льготу на годъ, на два, на три изъ выдѣльнаго хлѣба, изъ третьяго, четвертаго и пятаго снопа (А. А. Э. т. III, № 217). Но эти условія, какъ мы видѣли выше изъ нарядныхъ грамотъ, существовали только на время льготныхъ лѣтъ; впрочемъ, нельзя утверждать положительно, чтобы не могло существовать крестьянъ, работающихъ за опредѣленный оброкъ. Вновь садившимся крестьянамъ давалась ссуда на покупку скота въ количествѣ до десяти рублей и разнаго хлѣба до десяти четвертей (А. Ю. № 196). Кромѣ установленной запашки, крестьяне платили пошлины: при продажѣ избы по 4 д., коровы по 2 д., лошади по 1 деньгѣ; платили за позволеніе поставить къ свадьбѣ или поминкамъ пива или меду, по деньгѣ съ чети пива и пуда меду. Самому прикащику они платили съ выти по алтыну, да съ дыма по деньгѣ, кромѣ поборовъ на три извѣстные праздника.

Весьма интересенъ характеръ управленія монастырскими имѣніями. Хотя монастырь и посылалъ прикащика, который имѣлъ право суда и надзора за крестьянами, но на судѣ его въ нѣкоторыхъ монастыряхъ бывали старосты и цѣловальники и лучшіе крестьяне. Прикащикъ долженъ былъ наблюдать, чтобы между старостами и цѣловальниками не было воровъ и ябедниковъ; чтобы старосты и цѣловальники безъ перемѣны года по два и по три не были; чтобы они въ заговорѣ съ своимъ родствомъ и племенемъ не были; чтобы отъ нихъ молодшимъ крестьянамъ въ сборахъ обидъ и насильства не было (А. А. Э. т. III, № 217).

Намъ не осталось документовъ, по которымъ бы можно

опредѣлить повинности крестьянъ, живущихъ въ имѣніяхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Причина этого заключается, вѣроятно, въ томъ, что монастырскія повинности установлялись монастырскимъ соборомъ, состоящимъ изъ болѣе или менѣе большаго количества лицъ, а слѣдовательно здѣсь должно было быть соглашеніе мнѣній и, наконецъ, точное опредѣленіе этого на бумагѣ. Тамъ, гдѣ крестьянами управляла воля одного лица, этихъ опредѣленій было не нужно дѣлать, а достаточно было распорядиться самому помѣщику, или лично приказать прикащику. Писанныя инструкціи монастырскимъ прикащикамъ нужно разсматривать, какъ грамоты, писанныя гораздо болѣе для самихъ членовъ монастырскаго совѣта, чѣмъ для крестьянъ. Весьма естественно, что управленіе монастырскаго собора было гораздо справедливѣе и порядочнѣе, чѣмъ управленіе одного лица, естественно болѣе доступнаго увлеченію, чѣмъ собраніе лицъ. Управленіе помѣстьями дворянъ и дѣтей боярскихъ должно было быть безпорядочнѣе уже по той причинѣ, что сами хозяева имѣнія должны были изъ него удаляться на службу во время рабочей поры и оставлять управленіе на рукахъ прикащиковъ, которые, выжавъ соки для помѣщика, старались что нибудь сдѣлать и для себя.

Не особенно легка и привлекательна была участь, доставшаяся на долю черносошныхъ крестьянъ. Въ 1640 г., Верхотурскіе подгородные крестьяне жаловались, что они несутъ общественной запашки по 2, по 3 и 4 десятины на дворъ, ставятъ анбары на казенное винокуреніе, ростятъ солодъ и молотятъ казенную муку, дѣлаютъ толокно и крупу для отпуска въ Тобольскъ, нанимаютъ для провоза дровъ на винокуренье, платя по 1$^1/_2$ рубля за сажень и получая отъ правительства только 20 алтынъ, готовятъ вѣники для казенныхъ бань, дерутъ лыки для судовъ и хотя за нѣкоторыя подѣлки получаютъ отъ правительства плату, но эта плата вдвое или втрое ниже того, что имъ стоитъ наемъ (А. И. т. III, № 209). Тридцать восемь семей, поселенныхъ въ Мурзинской слободѣ, должны были платить 225 четвертей ржи

и овса въ годъ, по истеченіи льготнаго времени. О бытѣ черносошныхъ крестьянъ можно судить по одной грамотѣ, передающей Ниробскій погостъ, принадлежащій къ чернымъ сохамъ, въ вотчину монастырю. Въ 1623 и 1624 годахъ въ этомъ погостѣ было 8 дворовъ крестьянскихъ, дворъ бобыльскій; людей въ нихъ было 12 человѣкъ и 5 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ; къ нему принадлежали пашни паханыя, худыя земли, 36 четвертей въ 3-хъ поляхъ, 120 копенъ сѣна, слѣдовательно приходилось по 4 четверти въ 3-хъ поляхъ на дворъ. Всѣхъ съ этого погоста податей платилось 1 рубль 30 алтынъ, то-есть по 47 1/2 денегъ на дворъ и 31 деньга на душу. Изъ другой жалованной грамоты священнику Герасимову также можно получить нѣкоторыя свѣдѣнія о количествѣ крестьянскихъ участковъ. Такъ, напримѣръ, въ одной деревнѣ Стоповской было 4 двора крестьянскихъ, 2 двора бобыльскихъ, которые занимали 1/3 выти, слѣдовательно 2 1/2 четверти на человѣка; въ другой деревнѣ приходилось по 3 1/3 на человѣка; въ третьей по 2 четверти (А. И. т. III, № 151). Починокъ Марковскій, состоящій изъ одного двора, отданный Черногорскому монастырю, имѣлъ 9 четвертей худой земли въ 3-хъ поляхъ и платилъ оброка 62 деньги (ib. № 166).

Черныя волости управлялись излюбленными старостами, какъ и въ золотое время Іоанна IV. Тамъ, гдѣ не было помѣстьевъ и вотчинъ, и гдѣ, слѣдовательно, крестьяне были болѣе или менѣе довольны своей судьбой, правительство оставляло неприкосновенными всѣ общинныя права, пріобрѣтенныя общинами въ царствованіе Іоанна IV. Пяти Устьянскимъ волостямъ было дано полное самоуправленіе, гдѣ выборные старосты имѣли право суда, раскладки податей и проч. Котошихинъ также подтверждаетъ, что черносошные крестьяне пользовались правомъ самоуправленія. Перейдемъ теперь къ политическимъ и гражданскимъ правамъ, которыми пользовались крестьяне.

Черносошные крестьяне пользовались старой свободой, но ее не совсѣмъ еще потеряли и помѣщичьи крестьяне. Они даже сохраняли, хотя въ слабой степени, нѣкоторое полити-

ческое участіе въ дѣятельности уѣзда. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго профессора Бѣляева, что, прикрѣпляя крестьянъ къ землѣ, правительство не думало совершенно уничтожить личность крестьянина и сравнять его съ безправнымъ холопомъ. Крестьяне, во все царствованіе Михаила и Алексѣя Михайловича, принимаются какъ свидѣтели (А. Ю. № 345; Ул. г., ст. 54); они заключаютъ договоры найма, займа, поручительства безъ участія владѣльца съ посторонними лицами (А. Ю. №№ 200, 202, 312 и 313); но что еще болѣе важно, они участвуютъ политически въ управленіи уѣзда. Правительство даже думало возстановить полное самоуправленіе въ той формѣ, которая существовала въ періодъ Іоанна IV, судя по одному мѣсту въ грамотѣ, данной Устьянскимъ волостямъ. „Велѣли есмы, сказано въ грамотѣ, во всѣхъ городѣхъ, станѣхъ и волостяхъ, учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управы чинити и наши всякія подати сбирати и къ намъ на срокъ привозити, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею“ (А. А. Э. т. III, № 126). Но, разумѣется, когда число крѣпостныхъ крестьянъ возрастало годъ отъ году все болѣе и болѣе, и, пропорціонально этому, число черносошныхъ крестьянъ убавлялось, то нельзя было и думать о полномъ осуществленіи самоуправленія уѣзда. Какъ ни слабо было крѣпостное право, въ періодъ царствованія Михаила Өедоровича, но все-таки крестьянинъ зависѣлъ, существенно, отъ помѣщика или вотчинника, который надъ нимъ имѣлъ судъ и расправу. Оставались только два общественные интереса, которые связывали крестьянъ — это государственныя подати и повинности и участіе, хотя пассивное, въ губномъ управленіи. Съ цѣлью раскладки податей и повинностей, вѣроятно, существовали уѣздные старосты въ Муромѣ, которые должно быть выбирались изъ всѣхъ крестьянъ безъ различія (А. А. Э. т. III, № 121). Староста Гавриловъ собиралъ подати съ 510 вытей, а такое количество могло быть только въ уѣздѣ (А. Ю. № 374).

Государственныя подати и повинности ложились въ бо-

лѣе или менѣе большихъ размѣрахъ на крестьянъ всѣхъ родовъ, за очень не значительными исключеніями. Предметы, для которыхъ они собирались, были необыкновенно многочисленны и разнообразны, какъ покажетъ одно простое перечисленіе. Они были слѣдующія: 1) дань, 2) ямскія деньги, 3) полоняничныя деньги, 4) казачьи кормы, 5) ямчюжное; 6) засѣчное дѣло: 7) постройка дворовъ и прудовъ во дворцовыхъ селахъ; постройка намѣстничьихъ, волостныхъ, ямскихъ и охотничьихъ дворовъ; 9) доставленіе ямщиковъ на ямы; 9) возка сору, дровъ и золы къ ямчюжнымъ дворамъ; постройка ямчюжныхъ анбаровъ; 10) дѣланіе волоковъ, саней, колесъ для пушечнаго дѣла; 11) ставленіе тюремъ и наемъ тюремныхъ цѣловальниковъ; 12) царскіе столовые запасы и кормы, посольскіе кормы; 13) строеніе мостовъ и поправка дорогъ; 14) пятно; 15) подымное; 16) подводы, гонцы, и проводники подъ гонцовъ, бобровниковъ и охотниковъ; 17) починка городовъ и остроговъ; 18) стрѣлецкіе хлѣбные запасы; 19) казенныя запашки; 20) туковое; 21) молотьба казеннаго хлѣба; кромѣ того, на обществѣ лежала обязанность выбирать и давать содержаніе цѣловальникамъ по таможеннымъ сборамъ, губному дѣлу, тюремному дѣлу, ямчюжному дѣлу. (А. И. т. III, № 59, 60, 108, 129). Конечно, большинство этихъ повинностей не было ни постоянно, ни повсемѣстно, какъ видно изъ самаго перечисленія. Въ мѣстностяхъ, гдѣ не было ямовъ, тамъ не дѣлали ямскихъ дворовъ; гдѣ не варили ямчюгу или не лили пушки, тамъ крестьяне были свободны отъ всѣхъ этихъ подѣлокъ; лошадей и кормъ подъ царя, посланниковъ и гонцовъ поставляли тѣ мѣстности, гдѣ они проѣзжали. Только нѣкоторыя подати были постояны и повсемѣстны, какъ — дань, ямскія деньги, стрѣлецкіе запасы, строеніе городовъ и остроговъ и повинности на содержаніе цѣловальниковъ. Но и эти повинности падали не равномѣрно на различные роды крестьянъ. Для нагляднаго представленія податей и повинностей царствованія Михаила, я сгруппирую ихъ въ одну таблицу:

	ДВОРЦОВЫЯ СЕЛА.	ЧЕРНЫЯ ВОЛОСТИ.	ПАТР. МИТРОП. МОНАСТ.	ДВОРЯНЪ И ДѢТЕЙ БОЯРСКИХЪ БЕЗЪ СЛУЖБЫ.	ДВОРЯНЪ И ДѢТ. БОЯР., СОСТОЯЩ. НА СЛУЖБѢ.
Въ 1615 году.					
На жалов. ратн. людямъ. . .	120 р.	120 р.	120 р.	—	—
	съ сохи.				
Въ 1616, 1617 и 1618 гг.					
Ямскихъ денегъ	800 съ четв. 1 р.	800 съ четв. 1 р.	800 съ четв. 1 р.	—	—
Въ 1619 году.					
Ямскихъ денегъ	584 съ четв. 24 алт.	584	584	584	584
Въ 1621 году.					
Ямскихъ денегъ	19 алт. 3 ден. съ чети.	19 алт. 3 ден.	19 алт. 3 ден.	19 алт. 3 ден.	19 алт. 3 ден.
Въ 1622 году.					
Стрѣлецкихъ денегъ съ Чердыни	—	по 200 р. съ сохи.	—	—	—
Въ 1623 и 1624 годахъ.					
На жалованье стрѣльцамъ . .	—	—	По 1/3 четв. ржи и 1/8 четв. овса съ четв. земли.	Съ сохи по 100 четв. ржи и овса; съ четв. земли четв. ржи и овса.	—
Въ 1637 году.					
На крымское укрѣпленіе. . .	съ чети	полтина.	—	по 20 ал. съ чети.	по 10 алт. съ чет.
На помощь губныхъ цѣловал.	со	всѣхъ	сохъ по	ровну.	—
На жалов. ратн. людямъ. . .	по 2 р.	съ двора.	Съ 20 дворовъ	постав. ратника.	—
Въ 1638 году.					
(На основ. А. А. Э. т. III,	№№ 70, 116,	121, 131, 268,	271, 275, 284).		

Эти данныя могутъ служить только указаніемъ, какъ распредѣлялись подати и повинности и только отчасти опредѣлять ихъ количество. Для полнаго опредѣленія тягости государственныхъ податей и повиностей, нужно знать цифру другихъ налоговъ и, сверхъ того, опредѣлить стоимость всѣхъ случайныхъ налоговъ, натуральныхъ повинпостей, о которыхъ мы говорили выше. Жалованныя грамоты монастырей освобождаютъ по большей части ихъ крестьянъ отъ всѣхъ податей, исключая ямскихъ денегъ, стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ, городоваго и острожнаго дѣла; эти повинности монастырскіе крестьяне должны были отправлять на ряду со всѣми сошными крестьянами (А. И. т. III, № 97, 108, 129. А. А. Э. т. III, № 133). Помѣстные и вотчинные крестьяне также, какъ видно изъ предложенной выше таблицы, должны были платить ямскія деньги, стрѣлецкіе хлѣбные запасы и экстренные сборы, какъ наприм., сборъ на южныя укрѣпленія. Вѣроятно, для раскладки этихъ сборовъ существовалъ выборный уѣздный староста. Таково было положеніе крестьянъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича.

Крутой и рѣзкій переходъ происходитъ въ положеніи крестьянъ съ возшествіемъ на престолъ Алексѣя Михаиловича. Въ 1646 году посланы были писцы, чтобы описать всѣхъ живущихъ крестьянъ и было постановлено, что кто послѣ этой описи будетъ принимать бѣглыхъ крестьянъ, то этихъ крестьянъ выдавать старымъ помѣщикамъ со всѣмъ ихъ имуществомъ и, кромѣ того, на нихъ же взять государевы подати и помѣщиковы за всѣ годы, которые они были въ бѣгахъ (А. А. Э. т. IV, № 14). Въ 1647 году, десятилѣтній срокъ сыска бѣглыхъ былъ измѣненъ въ пятнадцатилѣтній (Д. А. И. т. II, № 32 и 33); наконецъ, на земскомъ соборѣ 1649 года, срокъ сыска совсѣмъ былъ отмѣненъ и крестьянинъ былъ вполнѣ прикрѣпленъ. Въ Уложеніи было постановлено: всѣхъ крестьянъ и бобылей, которые сами или ихъ отцы были записаны въ писцовыхъ книгахъ, послѣ пожара 1626 года, въ государевыхъ дворцовыхъ селахъ, черныхъ волостяхъ или за помѣщиками и вотчинниками, свозить на ста-

рыя жеребья съ женами и дѣтьми, гдѣ бы они въ настоящее время не жили и хотя бы они поступили въ стрѣльцы, казаки и проч. (ib. XI, стр. 1 и 2). Крестьянъ, которые выбѣжали послѣ 1646 и 1647 года, свозить на старыя мѣста съ женами и дѣтьми, съ племянниками, съ женами и дѣтьми внуковъ (ibid. стр. 9). Если у кого нибудь сбѣжитъ дочь-дѣвка и, сбѣжавъ идетъ за мужъ за чьего нибудь кабальнаго человѣка, то онъ самъ вмѣстѣ съ женой отдается помѣщику, изъ имѣнія котораго сбѣжала дѣвка (ibid. стр. 12). Съ этого времени вовсе продолженіе царствованія Алексѣя идетъ рядъ самыхъ строгихъ мѣръ къ прекращенію крестьянскихъ побѣговъ. Въ 1654 году была принята правительствомъ для этой цѣли такая мѣра, которая въ настоящее время могла казаться болѣе чѣмъ странной. По указу Великаго Государя, Тихвинскій архимандритъ приказываетъ Тихвинскимъ посадскимъ: „чтобы есте не пускали къ себѣ на подворье пріѣзжихъ и прихожихъ всякихъ чиновъ людей ни откуды, ни которыми дѣлы и на посадѣ бы имъ не давали нигдѣ приставати“ (А. А. Э. т. IV, № 77). Въ 1654 году, по челобитной дворянъ и дѣтей бояскихъ, въ которой они говорили, что во время ихъ службы крестьяне ихъ уходятъ, часто убивъ ихъ женъ и дѣтей и выжегши ихъ усадьбы, Государь чрезъ воеводъ велѣлъ передать челобитчикамъ, что бы они въ Москву бить челомъ не ѣздили, а готовились бы въ службу и ждали милостиваго Государева указа. Дѣйствительно, въ томъ же году были посланы сыщики во всѣ понизовые города для отысканія бѣглыхъ крестьянъ и было приказано воеводамъ и приказнымъ людямъ наказывать крестьянъ за побѣги, изъ десяти двухъ человѣкъ кнутомъ (Д. А. И. т. IV, № 48). Скоро правительство увидѣло, что недостаточно за побѣги наказывать только крестьянъ, если тѣ, кто будетъ ихъ принимать и укрывать, будутъ оставлены безъ всякаго наказанія. Въ 1661 году было постановлено бить кнутомъ нещадно государевыхъ приказныхъ людей въ дворцовыхъ слободахъ, посадскихъ ямскихъ и земскихъ старостъ, если они будутъ принимать бѣглыхъ. А если бѣглыхъ

принимали сами помѣщики, или ихъ прикащики, по приказанію помѣщиковъ, то взять изъ ихъ помѣстья за каждаго бѣглаго крестьянина по крестьянину изъ его собственнаго помѣстья и отдавать его владѣльцу, изъ имѣнія котораго былъ принятъ бѣглый крестьянинъ (П. С. З. т. I, № 367). Въ 1663 году, прикащикамъ всѣхъ владѣльцевъ за пріемъ бѣглыхъ, кромѣ обыкновеннаго наказанія кнутомъ, было прибавлено годичное тюремное заключеніе (П. С. З. № 333). А въ слѣдующемъ, 1664 году и эта мѣра была еще признана не достаточною и было постановлено: брать со всякаго помѣщика за пріемъ бѣглыхъ по четыре его собственныхъ крестьянина, за пріемъ каждаго чужаго крестьянина (ibid. № 364).

Всѣ эти строгіе законы о бѣглыхъ должны были, внѣ сомнѣнія, совершенно измѣнить отношенія помѣщика и вотчинника къ его крестьянамъ, хотя они не могли совершенно уничтожить возможность побѣговъ. Еще въ 1670 году убѣжали въ Сибирь 2.000 человѣкъ изъ Устюжскаго уѣзда и Усольскихъ уѣздовъ, такъ что въ 1671 году нельзя было выбрать и четверти ямскихъ денегъ (А. И. т. IV, № 220). Хотя, принимая всѣ эти мѣры противъ бѣглыхъ, правительство первоначально не думало совершенно уничтожить юридически личность крестьянина и сравнять его съ холопомъ, потому что крестьянинъ, въ періодъ царствованія Алексѣя Михаиловича, заключалъ сдѣлки займа, найма, поручительства, принимался свидѣтелемъ, но, тѣмъ не менѣе, фактически онъ дѣлался теперь совершенно зависимымъ отъ землевладѣльца, а это фактическое положеніе не замедлило скоро сдѣлаться и юридическимъ. Измѣненіе прежнихъ отношеній между вотчинниками и крестьянами всего яснѣе видно въ имѣніяхъ монастырскихъ, которыя и теперь сохранили въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ старинный характеръ управленія. Правда, что и теперь въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, рядомъ съ судебною властію прикащика, существовали старосты и цѣловальники (А. А. Э. т. IV, № 112), а въ другихъ монастыряхъ судилъ и управою вѣдалъ прикащикъ, вмѣстѣ со

священникомъ и старостою (ib. № 67). Но уже значительное измѣненіе обнаруживается въ томъ, что теперь даже въ монастырскихъ имѣніяхъ прикащики имѣли право наказывать батогами. Прикащику Покровскаго монастыря было приказано соборомъ, что если крестьяне будутъ пропивать свои животы, „то тѣхъ крестьянъ имать и за первую вину велѣть передъ попомъ, и передъ старостою, и передъ крестьяны, на всходѣ бить батоги нещадно“. Такое же приказаніе было сдѣлано и слугѣ Иверскаго монастыря. Должно думать, что это новое положеніе отразилось еще рѣшительнѣе въ имѣніяхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. У крестьянъ оставалась защитницей только царская власть, но она защищала ихъ только въ видахъ военныхъ интересовъ государства и не думала ограничивать власть помѣщиковъ. Котошихинъ говоритъ, что каждому члену служилаго сословія, когда онъ получитъ помѣстье или вотчину, выдавалась грамота, въ которой писалось: „чтобы они крестьянъ своихъ отъ стороннихъ людей и отъ всякихъ обидъ и налоговъ остерегали, а подати съ нихъ имали по силѣ, а не черезъ силу, чтобы тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстій и вотчинъ не разогнать и въ нищіе не привести“. Въ случаѣ, если правительство замѣчало, говоритъ Котошихинъ, что помѣщикъ разоряетъ своихъ крестьянъ, то у такихъ помѣщиковъ имѣніе отбиралось (Кот. гл. XI; ст. 3). Но это самое мѣсто Котошихина лучше всего доказываетъ, что правительство не думало законодательнымъ порядкомъ опредѣлить сборы помѣщиковъ и вотчинниковъ, а вступалось только тогда, когда имѣніе доводилось до полнаго разоренія.

Главное отличіе крестьянъ отъ холоповъ теперь состояло въ томъ, что крестьяне обработывали землю, тогда какъ холопы жили при дворѣ помѣщика. Безъ сомнѣнія, правительство, прикрѣпляя крестьянъ, не имѣло въ виду увеличивать массу холоповъ; оно желало только дать дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ опредѣленный доходъ, чтобы они исправно могли являться на службу. Оно даже прямо запретило брать на крестьянъ кабалы, главный источникъ холопства въ преж-

нее время (Ул. гл. XX, ст. 113). Конечно, еслибъ оно замѣтило, что землевладѣльцы воспользовались своимъ новымъ положеніемъ, чтобы массами обращать крестьянъ въ холопы, то оно обратило бы на это серьозное вниманіе, такъ какъ такое направленіе грозило бы опасностію государству. Но на отдѣльные случаи злоупотребленія властью оно обращало мало вниманія, такъ какъ, повторяю, оно защищало крестьянъ не во имя ихъ собственныхъ интересовъ, но во имя военныхъ интересовъ государства. Еще въ 1647 году совершалась продажа крестьянъ безъ земли (Бѣляева Крест. стр. 182), но правительство не обратило на это вниманія, такъ какъ это были исключительные факты.

Въ нашемъ обществѣ этого времени, еще совсѣмъ не выработались юридическія понятія о правѣ сословномъ, а тѣмъ болѣе оно было чуждо понятій личныхъ правъ гражданина. Такія юридическія понятія выработываются или усвоеніемъ чужаго выработаннаго кодекса (Римское право) или вслѣдствіе борьбы общественныхъ элементовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою силу и самостоятельность. Въ нашемъ обществѣ этого времени только одно служилое сословіе выработало себѣ право владѣть вотчинами, хотя это право оно раздѣляло съ духовенствомъ; но даже и служилое сословіе должно было оставить попытку юридическаго обезпеченія своихъ правъ. Общество этого времени имѣло только одинъ существенный интересъ—это поддержать, во чтобы то ни стало, государство. Во всѣхъ законодательныхъ мѣрахъ оно имѣетъ цѣлью только пользу государства; оно вовсе не думаетъ о правѣ членовъ, его составляющихъ. Во всей XI главѣ Уложенія, гдѣ оно говоритъ о крестьянахъ, вовсе нѣтъ ни одного юридическаго опредѣленія объ отношеніяхъ ихъ къ помѣщику. Оно заботится только о томъ, чтобы прекратить кабалы, которыя могутъ быть невыгодны для интересовъ служилаго сословія, главной опоры государства. Прикрѣпляя крестьянъ къ землѣ, правительство вовсе не думало сдѣлать ихъ холопами, но оно также не думало опредѣлить ихъ отношенія къ помѣщику. Отношеніе крестьянъ къ землѣ было

чисто фактическое. Прикрѣпляя крестьянъ къ землѣ, правительство хотѣло дать дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ постояннаго работника, но оно вовсе не думало измѣнять нормальнаго отношенія. Земли вотчинныя принадлежали владѣльцу потомственно, а земли помѣстныя принадлежали государству. Если помѣщикъ продавалъ крестьянина безъ земли, то его преступленіе состояло не въ томъ, что онъ лишилъ его земли, а только въ томъ, что онъ давалъ его труду другое назначеніе, на которое дало ему право государство. Крестьянинъ не былъ прикрѣпленъ ни къ землѣ, ни къ лицу; онъ былъ, если можно такъ выразиться, прикрѣпленъ къ государству; онъ былъ сдѣланъ государственнымъ работникомъ, при посредствѣ помѣщика. Въ силу этой особенности прикрѣпленія, правительство не думало законодательнымъ порядкомъ лишать его всѣхъ правъ свободнаго гражданина, потому что такая мѣра не входила совершенно въ кругъ его соображеній и нисколько не нужна была для спеціальной цѣли прикрѣпленія. Но когда крестьянинъ сталъ фактически въ полное и зависимое положеніе отъ помѣщика, то двусмысленность и шаткость его юридическаго положенія должна была имѣть какой нибудь опредѣленный исходъ: или правительство должно было строго опредѣлить его отношенія къ помѣщику, или предоставить его вполнѣ на его волю. Правительство не думало прибѣгнуть къ первой мѣрѣ, а потому оно должно было предоставить все естественному ходу дѣла. Въ 1675 году, оно разрѣшило продажу крестьянъ безъ земли и тѣмъ оно просто и ясно указало, какой исходъ оно дало двусмысленному положенію крестьянъ. Такимъ образомъ, при Алексѣѣ Михаиловичѣ, крестьяне потеряли, мало по малу, всѣ права свободныхъ людей.

Перейдемъ теперь къ остаткамъ свободныхъ крестьянъ.

Дворцовые крестьяне составляли естественный переходъ отъ крестьянъ помѣстныхъ и вотчинныхъ къ черносошнымъ крестьянамъ, слабымъ остаткамъ прежняго быта. Съ одной стороны, они принадлежали къ вотчиннымъ крестьянамъ, потому что ихъ доходы шли на содержаніе государева двора, но, съ

другой стороны, они приближались и къ свободнымъ черносошнымъ крестьянамъ, потому что ихъ вотчинникомъ былъ царь, въ лицѣ котораго частные интересы совпадали съ государственными интересами.

Дворцовыя волости управлялись прикащиками, посылаемыми изъ приказа Большаго Дворца. (Котош. гл. XI, ст. 1). Въ какихъ отношеніяхъ находился прикащикъ къ крестьянамъ дворцовыхъ селъ, это трудно сказать по недостатку документовъ. Въ приказѣ прикащику дворцоваго села Дунилова о сборѣ орѣховъ и сырныхъ губокъ, ничего не говорится о старостахъ, а прямо приказывается взыскать ихъ самому прикащику (Д. А. И. т. IV, № 61). Другой приказъ, о выборѣ косцовъ въ другія царскія слободы, также относится къ одному прикащику (Д. А. И. т. V, № 88). Вѣроятно, въ тѣхъ дворцовыхъ селахъ, гдѣ существовали торжки и кабаки, для сбора таможенныхъ пошлинъ выбирались головы и цѣловальники, но иногда прикащикъ отдавалъ таможенную пошлину съ торговъ (Д. А И. т. IV, № 61, т. V, №№ 74, 91). Прикащики были непосредственно подчинены Приказу Большаго Дворца. Всѣ эти факты показываютъ, что дворцовыя села, по управленію, были гораздо ближе къ помѣстнымъ и вотчиннымъ селамъ, чѣмъ къ черносошнымъ крестьянамъ, только здѣсь не были возможны такія злоупотребленія, какія были возможны тамъ, такъ какъ вотчинникомъ здѣсь былъ самъ Царь.

Вторымъ отдѣломъ крестьянъ, которыхъ нельзя отнести ни къ крестьянамъ свободнымъ, ни къ владѣльческимъ — были ямщики.

Очень замѣчательно, что естественнымъ, логическимъ слѣдствіемъ закрѣпленія крестьянъ—было закрѣпленіе ямщиковъ. Ямы устроивались по большимъ дорогамъ для возки Государя, гонцовъ, перевозки оружія и запасовъ для служилаго сословія. Первоначально ямскую повинность исправляло само общество, посредствомъ выборныхъ ямщиковъ; потомъ, эту обязанность взяло на себя правительство, сбирая ямскія деньги въ видѣ подати. Тогда оно стало платить ямщикамъ

жалованье и хлѣбы (А. И. т. III, №№ 57, 78, 86 и 106). Въ царствованіе Алексѣя ямщиковъ стали селить въ особыя слободы и надѣлять пашнями (А. И. т. IV, №№ 22 и 23). Ямщики, естественно, могли бы остаться свободны, еслибы правительство требовало отъ нихъ исполненія умѣренныхъ службъ, такъ что положеніе ямщиковъ было бы лучше положенія другихъ крестьянъ. Но, такой образъ дѣйствій совершенно не согласовался бы съ общимъ характеромъ правительственныхъ дѣйствій. Ямщики стали бѣгать, какъ бѣгали вообще крѣпостные крестьяне, а правительство приказало возвращать бѣглыхъ на прежнее мѣсто и приказало лицъ, которыя женились на вдовахъ и дочеряхъ ямщиковъ, посадить на ямы (П. С. З. № 564).

Остатки прежней свободы крестьянъ сохранились еще въ черносошныхъ слободахъ, но ихъ было уже очень мало; Котошихинъ считаетъ только 20,000 дворовъ крестьянъ, которые сохранили свою свободу. И въ настоящій періодъ полнаго закрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ, черные крестьяне не были вполнѣ прикрѣплены и доставляли вольныхъ гулящихъ людей, но понятіе вольнаго гулящаго человѣка съуживается. Въ грамотѣ Верхотурскому воеводѣ, отъ 1670 года, приказывается подбирать въ слободы изъ вольныхъ гулящихъ, а не изъ тяглыхъ людей и изъ крестьянскихъ дѣтей отъ семей, и бобылей, и захребетниковъ (Д. А. И. т. VI, №№ 1 и 89). Эти выраженія грамоты показываютъ, что въ настоящее время свободными черносошными крестьянами были только младшіе члены семей, бобыли и захребетники; дѣти крестьянъ, живущихъ въ тяглѣ, могли быть гулящими людьми, когда у крестьянина была большая семья и ему было возможно оставить на своемъ прежнемъ тяглѣ одного или двухъ сыновей, а прочіе могли идти, какъ вольные, гулящіе люди и наниматься въ помѣстные и вотчинные села или въ новыя слободы, которыя строила казна, стараясь колонизировать Сибирь. Черныя слободы и въ настоящій періодъ доставляли значительное количество крестьянъ, селившихся на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ по договорнымъ за-

*

писямъ. Въ почтенномъ трудѣ профессора Бѣляева приведено много такихъ договоровъ, заключенныхъ дѣтьми крестьянъ черносошныхъ (Крес. на Руси, ст. 170—176). Замѣчательно, что въ настоящее время эти нарядные пишутся съ гораздо большею опредѣленностію и въ нѣкоторыхъ прямо обозначается плата наемщику и назначается опредѣленное количество работъ. Но, на этотъ способъ увеличенія владѣльческихъ крестьянъ государство смотритъ подозрительно. Въ 1666 году, Тобольскому воеводѣ велѣно было отписать отъ Тюменскаго Преображенскаго монастыря всѣхъ вольныхъ гулящихъ людей, которые поселились послѣ переписныхъ книгъ. „А впредь указали мы, великій Государь, говорится въ грамотѣ, въ тѣ монастыри и въ Преображенскій прихожихъ, и посадскихъ людей и пашенныхъ крестьянъ и нижнихъ людей не принимать и во крестьяне, и въ бобыли, и въ половники на монастырскія вотчины не сажать“ (Д. А. И. т. IV, № 115). Неизвѣстно, было ли распространено это правило на всѣ монастыри или оно относилось только къ Сибирскимъ монастырямъ, гдѣ правительство нуждалось въ крестьянахъ для поселенія черныхъ слободъ.

Въ отношеніи гражданскихъ правъ личности и способѣ управленія черносошными крестьянами произошло очень мало измѣненій. Нѣкоторыя черныя волости въ Росси и теперь сохранили полное самоуправленіе и выбирали своихъ судей (Кот. гл. XI, ст. 1). Въ Сибирскихъ слободахъ колонизація и управленіе поручались особымъ слободчикамъ, которые отводили крестьянамъ земли, давали имъ подмогу, судили ихъ отъ 5 до 10 руб., собирали торговыя пошлины, давали разрѣшенія на извѣстныя пошлины на варенье браги и меду и наблюдали за ихъ работами (Д. А. Ис. т. VI, № 1). Рядомъ съ ихъ властію существовали иногда старосты и цѣловальники, но не видно, чтобы они присутствовали на судѣ слободчика; ихъ обязанностію было удерживать крестьянъ отъ всякаго воровства и отъ побѣга. Въ тѣхъ слободахъ, гдѣ были старосты, сборъ торговыхъ доходовъ поручался имъ, вмѣстѣ съ слободчикомъ (ib. №№ 7 и 89). Въ нѣкото-

рыхъ подгородныхъ селахъ не было слободчиковъ, а слободой завѣдывали воеводы (Д. А. И. т. IV, № 84 и 92).

Вмѣсто того, чтобы давать читателямъ нѣкоторыя данныя относительно экономическихъ условій крестьянскаго быта и количества государственныхъ налоговъ, я считаю болѣе полезнымъ разсказать исторію мѣдныхъ денегъ, какъ самого страшнаго зла, которое уничтожало экономическое благосостояніе крестьянъ и другихъ сословій и, по мнѣнію Котошихина, едва не разорило Россію. Кромѣ закрѣпленія крестьянъ, мѣдныя деньги, по моему мнѣнію, были главною причиною, вызвавшею нѣсколько частныхъ бунтовъ, а наконецъ и страшное возстаніе Стеньки Разина. Въ исторіи мѣдныхъ денегъ чрезвычайно ярко очерчиваются отношенія правительства къ экономическимъ средствамъ страны вообще и каждаго гражданина въ отдѣльности. Правительство Алексѣя Михайловича, сдѣлавъ столько рѣшительныхъ мѣръ, пришло къ убѣжденію, что оно можетъ сдѣлать все, встрѣчая всюду полное повиновеніе. Оно также мало понимало финансовую науку, какъ и общество, и думало, что ему стоитъ только приказать, чтобы деньги ходили по назначенной имъ цѣнѣ, то онѣ и будутъ ходить такимъ образомъ. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, правительство не обращало ни малѣйшаго вниманія на рыночныя цѣны. Покупая вещи у иностранныхъ торговцевъ, оно думало само назначить имъ цѣны, приказывая крестьянамъ сдѣлать поставку лыкъ, вѣниковъ для государевыхъ бань, дровъ для заводовъ, оно назначило цѣны продуктовъ; выписывая себѣ для построекъ каменьщиковъ, плотниковъ, кузнецовъ, оно само назначало имъ плату за работу, уничтожая всякое понятіе о свободѣ труда. Эти мѣры правительству удавались, потому что оно здѣсь имѣло дѣло только съ извѣстными мѣстностями и лицами, которыя несли такимъ образомъ тяжелый налогъ своими работами, не имѣя средствъ ускользнуть отъ него. Но теперь, чеканя монету для цѣлой Россіи, оно думало, что можетъ приказать принимать монету по указанной цѣнѣ—и всѣ будутъ принимать ее. Въ указѣ 1656 г., когда

правительство выпустило большое количество низкопробной монеты, оно говорило: „Будетъ кто сего Государева указа слушать не учнетъ, за Государевы всякія пошлины серебряныхъ полтинниковъ и четвертинъ, и мѣдныхъ полтинниковъ, и алтынниковъ, и грошевиковъ, и мѣдныхъ копѣекъ, и денегъ съ признаками, за всякія пошлины, и за кабацкое питье, и за товары, и за съѣстное чинить не учнетъ, и тѣмъ людямъ чинить наказаніе, чтобы въ томъ мѣстѣ отъ торговыхъ, служилыхъ и всякихъ людей смутъ не было" (А. А. Э. т. IV, № 40).

Стоимость денегъ, какъ и всякаго товара, опредѣляется запросомъ и предложеніемъ металла съ одной стороны и стоимостію производства денегъ—съ другой. Въ цѣнѣ товаровъ нужно отличать два элемента, а-именно: мѣновую цѣнность одного товара, по отношенію другихъ товаровъ, и мѣновую цѣнность товаровъ въ отношеніи металловъ. Въ каждый данный моментъ, мѣновая стоимость всѣхъ товаровъ, относительно другъ друга, не можетъ подняться, а могутъ подняться въ цѣнѣ только одни товары въ отношеніи другихъ, смотря по стоимости ихъ производства и запроса на эти товары. Еслибы мы предположили, что всѣ товары возвысились въ цѣнѣ, то это равнялось бы полному неизмѣненію цѣнъ. Но если цѣнность всѣхъ товаровъ, въ отношеніи другъ друга, не можетъ подняться, то можетъ подняться цѣнность всѣхъ товаровъ, въ отношеніи къ деньгамъ, потому что цѣнность всѣхъ предметовъ, идущихъ на потребленіе въ извѣстное время, равняется цѣнности всѣхъ металловъ или денегъ, идущихъ на расплату. Еслибы количество денегъ, пущенныхъ въ оборотъ, удвоилось, то всѣ товары должны были бы увеличиться въ цѣнѣ, если только количество всѣхъ товаровъ осталось прежнее, а не удвоилось. Правительство Алексѣя Михайловича, выпуская огромное количество мѣди, по возвышенной цѣнѣ противъ дѣйствительной стоимости мѣди, подвергалось двоякой опасности: во-первыхъ, огромное количество денежныхъ знаковъ, при неизмѣ-

нившемся количествѣ товаровъ, должно было значительно понизить ихъ цѣну, а во–вторыхъ, оно сдѣлало легкою поддѣлку монеты, такъ какъ фальшивымъ монетчикамъ съ прибылью возможно было поддѣлывать настоящія мѣдныя деньги съ такимъ же вѣсомъ, какъ выпускало само правительство, а увеличеніе денежныхъ поддѣльныхъ знаковъ должно было еще болѣе уменьшить стоимость денегъ. При выпускѣ денегъ, правительство выигрывало всю разницу, которая была между дѣйствительною стоимостію мѣди и цѣнностію ея въ монетѣ, но послѣ оно само же проигрывало, потому что должно было платить за всѣ предметы по возвысившейся цѣнѣ, должно было прибавлять жалованье чиновникамъ и войску, или прибѣгать къ худшимъ и отяготительнѣйшимъ изъ всѣхъ налоговъ,—къ насильственному сбору продуктовъ по установленной имъ цѣнѣ.

Всѣ эти политико-экономическіе законы подтвердились на практикѣ. Въ 1656 году, мѣдь ходила наравнѣ съ серебромъ, т. е. ходила по номинальной цѣнѣ; въ 1657 она пала на 10 ден., въ 1658 на 28 ден., въ 1659 на 135 ден., въ 1670 на 10 руб., въ 1671 на двѣнадцать рублей (А. А. Э. т. IV, № 144). Между тѣмъ, какъ деньги падали въ цѣнѣ, а товары дорожали, правительство и общество все еще не понимало причины явленія. Правительство созываетъ торговыхъ людей Москвы и спрашиваетъ ихъ, почему хлѣбъ вздорожалъ и какъ помочь служилымъ людямъ, которые наиболѣе страдали отъ этого? Московскіе торговцы отвѣчали, что онъ вздорожалъ отъ винокуренія, пивныхъ варь и отъ многихъ закупщиковъ, какъ будто всего этого не было прежде. Гости предложили выдавать стрѣльцамъ жалованье хлѣбомъ, а хлѣбъ взять у волостей и монастырей, если у нихъ окажется лишній хлѣбъ; во всѣхъ городахъ запретить перекупщикамъ покупать хлѣбъ. Черныя сотни и слободы тоже отвѣчали, что дороговизна хлѣба происходитъ отъ закупщиковъ. Тогда Великій Государь приказалъ имъ всѣхъ закупщиковъ и весь ихъ хлѣбъ переписать. Подавая жалобы на закупщиковъ хлѣба, черныя сотни кстати прибавляли, чтобъ Государь не велѣлъ закуп-

щикамъ покупать и рыбу, потому что рыба очень дорожаетъ (П. С. З., № 286). Въ октябрѣ 1661 года, были выражены торговыми людьми эти мнѣнія о причинѣ упадка денегъ, а въ декабрѣ былъ изданъ указъ, по просьбѣ ратныхъ людей, въ которомъ повелѣно было продавать четверть хлѣба по 3 рубля, четверть овса по 1 р. 50 к. „Велѣно въ Смоленскій уѣздъ, во всѣ станы и волости, послать дворянъ и дѣтей боярскихъ добрыхъ, и велѣли съ хлѣбомъ и съ сѣномъ выслать въ Смоленскъ изъ уѣздовъ тотчасъ, и будетъ въ городъ не повезутъ и въ уѣздѣ безденежно, гдѣ кто найдетъ и за рожь и за овесъ платить по указной цѣнѣ." (П. С. З., № 317). Между тѣмъ какъ правительство принимало эти страшныя мѣры, въ Москвѣ вспыхнулъ бунтъ, который былъ потушенъ только жестокими казнями и сильнымъ напоромъ войскъ на безоружныя толпы народа (Котош. гл. VII, стр. 8). Въ 1663 году, правительство было вынуждено объявить, что оно будетъ принимать деньги по курсу. Слѣдствіемъ этого объявленія былъ новый страшный упадокъ денегъ, потому что цѣна ихъ держалась тѣмъ, что правительство принимало ихъ по номинальной цѣнѣ. Въ 1663 году, оно объявило, что будетъ уплачивать жалованье войскамъ серебряными деньгами (П. С. З., №№ 342, 343 и 344). Но уплачивая жалованье серебромъ, правительство должно было прибѣгнуть снова къ страшному налогу въ одну пятую имущества торговыхъ людей, а съ крестьянъ по 50 коп. съ двора (П. С. З., №№ 322 и 329). Но и этотъ налогъ былъ еще недостаточенъ по страшной дороговизнѣ хлѣба. Въ 1672 году, съ дворцовыхъ селъ, съ которыхъ прежде сбиралось по $^3/_8$ четв., стали сбирать по $2^2/_8$ четв. ржи и овса; съ патріаршихъ, митрополичьихъ и монастырскихъ вотчинъ, съ которыхъ прежде сбиралось по 2 четв., стали сбирать по $3^7/_8$ четв.; съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, съ которыхъ сбиралось по $1^7/_8$ четв., стали сбирать по $3^5/_8$ четв. (А. А. Э. т. IV, № 189). Эти страшные налоги и новый упадокъ монеты, которая стала теперь въ шестнадцать разъ дешевле номинальной цѣны, вызвали страшное возстаніе, извѣстное подъ именемъ бунта Стеньки Разина.

Въ заключеніи этой главы, скажемъ нѣсколько словъ о холопахъ.

Но если правительство, въ царствованіе Михаила и Алексѣя Михайловича, понемногу шло къ полному укрѣпленію крестьянъ, то нельзя сказать, чтобы оно принимало мѣры къ развитію холопства, класса, который былъ безполезенъ правительству, еслибы оно обращало вниманіе даже только на военныя потребности государства. Правда, Уложеніе оставляло неприкосновенными прежнія мѣры въ отношеніи холоповъ. Всякій, проживши три мѣсяца у помѣщика, долженъ быть записанъ въ кабальные холопы, иначе правительство не взыскивало съ него за покражу (Ул. гл. XX, стр. 16 и 17). Но рядомъ съ этимъ суровымъ постановленіемъ. Уложеніе допускаетъ службу по ряднымъ записямъ, на урочные годы (ib. стр. 44 и 45). Оно запрещало писать кабалы болѣе чѣмъ въ 3-хъ рубляхъ и тѣмъ облегчало возможность выкупа (ibid. стр. 19). Лицамъ, отданнымъ въ холопы за долги, оно опредѣляетъ годовую заработную плату — для мужчины въ пять, а для женщины въ 2 р. 50 коп. (ibid. стр. 40). Кабальный холопъ, послѣ смерти своего господина, дѣлается свободнымъ, и дѣти умершаго не могли удержать его въ холопствѣ Количество лицъ, имѣющихъ право брать кабалы, было значительно съужено и тѣмъ уменьшена возможность возрастанія кабальнаго холопства. По Уложенію, кабальныхъ холоповъ могли удержать только члены служилаго класса и священники, а прочіе классы могли держать людей по кабальнымъ записямъ только урочные годы (ibid. стр. 83). Еще замѣчательнѣе попытка Михаила Ѳедоровича совершенно прекратить возможность развитія холопства. Въ грамотѣ 1640 года, писанной къ Сибирскому воеводѣ, ему велѣно было отобрать всѣхъ кабальныхъ людей и впредь не дозволять никому брать кабальныхъ крѣпостей (А. А. Э., № 213).

ГЛАВА XI.

Города.

Городской классъ есть точно такой же служилый классъ, какъ дворяне и дѣти боярскіе.—Монополіи, казенныя службы и налоги дѣлаютъ положеніе посадскаго человѣка весьма тяжелымъ. — Незначительное число посадскихъ въ городахъ. — Начало великихъ реформъ въ городскомъ устройствѣ, измѣняющее совершенно отношеніе правительства къ городамъ. — Составъ городскаго населенія.

Въ XVII вѣкѣ нашей исторіи, какъ мы уже видѣли, всѣ классы русскаго общества были на службѣ государства. Всѣхъ членовъ высшаго сословія можно, съ полной справедливостію, назвать служилыми, потому что они были обязаны служить до смерти, до истощенія силъ. Если государство давало имъ право владѣть помѣстьемъ и вотчиной, то только подъ необходимымъ условіемъ службы. Во имя службы государству, были прикрѣплены крестьяне къ помѣщикамъ и вотчинникамъ и ихъ трудъ также безгранично отданъ на волю помѣщиковъ, въ какой степени трудъ помѣщика всецѣло принадлежалъ государству. Эта же идея поглощенія всѣхъ общественныхъ интересовъ государствомъ еще полнѣе, если это возможно, выражается въ отношеніи городскаго класса къ государству. Время и имущество горожанина въ такой же мѣрѣ принадлежатъ государству, какъ жизнь и трудъ служилаго человѣка. Государство позволяетъ горожанину торговать и даже наживаться, но только съ тѣмъ, чтобъ большая часть его богатства шла на его пользу. Горожанинъ не сражается за государство, онъ не привязанъ къ помѣщику, но за то онъ обязанъ служить у государевыхъ таможенъ,

государевыхъ кабаковъ, продавать государевы товары, работать на пользу государства, гдѣ это нужно—словомъ жертвовать на пользу государства всѣмъ, что въ его силахъ. Государство переводитъ его изъ одного города въ другой, также мало обращая вниманія на его личные интересы, какъ на интересы служилаго человѣка или крестьянина. Мало того, что государство отягощаетъ его службой, оно отнимаетъ у него всѣ доходнѣйшіе его промыслы, ставитъ его въ самое безвыходное положеніе; но, если горожанинъ въ отчаяніи бѣжитъ, то оно поступаетъ съ нимъ гораздо строже, чѣмъ оно поступаетъ съ сыномъ боярскимъ, если онъ бѣжитъ съ поля сраженія. Горожанинъ также прикрѣпленъ къ городу, въ которомъ онъ родился, какъ прикрѣпленъ къ своему полку сынъ боярскій, какъ прикрѣпленъ къ своему помѣщику крестьянинъ.

Но если городское сословіе подвергается общей участи всѣхъ сословій, т. е. прикрѣпленію, то оно первое видитъ зарю новой жизни. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что прикрѣпленіе крестьянъ совершилось не вдругъ и что самыя тяжелыя мѣры, довершившія это прикрѣпленіе, совершились только въ царствованіе Алексѣя. Въ исторіи городовъ совершается обратное движеніе; самое тяжелое время городскаго сословія относится къ царствованію Михаила, а царствованіе Алексѣя Михаиловича старается, на сколько возможно, сдѣлать участь горожанина болѣе легкою, потому что общество начало понимать, что тяжелые налоги и монополіи скорѣе уменьшаютъ, чѣмъ увеличиваютъ государственные доходы. Конечно, общій характеръ отношеній государства къ горожанину нисколько не измѣнился въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Горожанинъ, съ точки зрѣнія закона, былъ еще болѣе прикрѣпленъ къ городу, но это прикрѣпленіе было для него теперь выносить далеко легче, чѣмъ прежде.

Чтобы понять положеніе горожанина, займемся объясненіемъ тѣхъ условій, въ которыя была поставлена его жизнь. Въ предыдущей главѣ мы видѣли какъ произвольно обращалось государство съ финансовыми интересами страны; но

это еще рельефнѣе выражается въ стремленіи государства почти всѣ доходные предметы сдѣлать своей монополіей. Почти трудно найти предметы, которые бы не отдавались на откупъ, если являлся охотникъ снять ихъ, платя казнѣ болѣе или менѣе изрядную сумму. На откупъ отдавались слѣдующіе предметы: квасъ, сусло, масло коровье и конопляное, ветчинное сало, солодоращеніе, овсяная труха, хмѣлевая труска, хлѣбный, соляной и бережной извозъ, сѣнная труска, шелкъ, зола, мыльное рѣзанье, ворванье сало, сальныя свѣчи, смолы брусковые, нарѣсь, деготь, уголье и рогожный товаръ, шлеи, хомуты, проруби, воскобой, бани (П. С. З. № 122).

На югѣ Россіи, въ Астрахани, жители вели выгодную торговлю травой мареной, которую Персы покупали для краски, но въ 1650 г. правительство взяло эту торговлю въ свою монополію и, скупая у жителей траву, по указнымъ цѣнамъ, отправляло ее въ Персію (А. И. т. IV, № 40). Въ 1662 г., правительство, замѣтя, что русскіе купцы ведутъ выгодную торговлю съ иноземцами юфтью, льномъ, пенькой, говяжьимъ саломъ, объявило эти товары государственной монополіей и запретило русскимъ купцамъ продавать эти товары иностранцамъ, а приказано продавать эти товары только выбраннымъ имъ самимъ людямъ, повольною настоящею цѣною. А если кто эти товары утаитъ и послѣ будетъ продавать ихъ, то быть имъ въ жестокомъ наказаніи и разореніи (Д. А. И. т. IV, № 123; А. А. Э. т. IV, № 130). Но правительство, взявъ товары въ свою монополію, вѣроятно, такъ возвысило цѣны на нихъ, что иностранцы не стали покупать ихъ. Въ 1663 году сборъ указныхъ товаровъ былъ отмѣненъ, а вмѣсто него была вдвое увеличена таможенная пошлина (А. А. Э. т. IV, № 139). Но для жителей въ этомъ не было ничего отраднаго, потому что большое число не проданныхъ указныхъ товаровъ было отдано земскимъ старостамъ съ приказаніемъ: продать указные товары, чтобы они не залежались, а въ противномъ случаѣ правительство грозило взыскать съ выборныхъ людей тройную стоимость товаровъ (ib. № 148). Когда персидскіе

купцы въѣзжали въ Россію, то воеводы осматривали привезенные ими товары и всѣ узорочные товары, которые могли бы пригодиться для Царя, купцы должны были отдавать по своей цѣнѣ (А. И. т. IV, № 12). Въ Верхотурьѣ купцамъ было запрещено продавать хлѣбъ, чтобы цѣна его не возвысилась для мѣстныхъ войскъ (А. И. т. III, № 107). По всей Сибири было запрещено купцамъ покупать у инородцевъ дорогіе лисьи и собольи мѣха, которые покупало само правительство (см. многоч. наказы Сибир. воевод.). Само же правительство вело съ иностранцами торговлю хлѣбомъ, поташемъ, шелкомъ, сырцомъ, смалчюгой; послѣдніе три товара составляли исключительную монополію казны. Правительство отдавало на откупъ дѣланіе поташа и смальчюги, но съ условіемъ, чтобы кромѣ откупной суммы ему платить десятую долю товаровъ (Котош. гл. XII). При этомъ стремленіи монополизировать товары, выгодные для продажи, старые пошлинные сборы остались во всей силѣ. По прежнему сбирались мытныя пошлины, помѣрныя, вѣсчія, привозныя, тамга и пр. (А. И. т. III, № 98; А. А. Э. т. III, № 139 и 241). Не менѣе тяжело было для русской торговли привилегіи англичанъ. Въ 1646 г., русскіе купцы подали челобитную, въ которой они пишутъ, что разорились отъ англичанъ. Царь Ѳедоръ Ивановичъ, говорятъ купцы, далъ торговую привилегію безпошлинной торговли только двумъ англійскимъ гостямъ. При возшествіи на престолъ Михаила, англичане, подкупивъ дьяка, получили привилегію безпошлиннаго торга для 23 человѣкъ, но и эту привилегію они преступили, потому что послѣ этого они начали являться въ числѣ 60 и 70 человѣкъ. Англичане построили теперь дворы въ Архангельскѣ, Холмогорахъ, Вологдѣ, Ярославлѣ и другихъ городахъ и, закабаля русскихъ людей, посылаютъ ихъ покупать русскіе товары въ города и уѣзды, а потому мы лишились всякой торговли. Многіе изъ насъ, привезя товары въ Архангельскъ, принуждены были, „плачучи“, продавать ихъ за безцѣнокъ, потому что „мы люди должные“, а иностранцы, стакнувшись между собой, страшно поднимаютъ цѣны на свои товары,

чтобы отучить насъ ѣздить въ Архангельскъ. Англичане грозили русскимъ торговцамъ, что они заставятъ ихъ торговать лаптями. Недовольствуясь тѣмъ, что продавали безпошлинно свои товары, они подъ своимъ именемъ продавали товары другихъ иностранцевъ. Кромѣ того, англичане, откупивъ себѣ привилегію покупать у русскихъ и торговать съ другими иноземцами, помимо русскихъ, ворвенымъ саломъ, понизили втрое и даже вчетверо цѣну ворваньяго сала, а потому поморцы обнищали и разбрелись врознь (А. А. Э. т. IV, № 13).

Не менѣе тяжелы были для горожанъ службы, которыя они несли по сбору и продажѣ монополизированныхъ товаровъ, или, какъ цѣловальники при откупщикѣ, съ тою цѣлью, чтобы онъ не бралъ пошлинъ свыше опредѣленныхъ грамотами. Всѣ торговыя пошлины отдавались или на откупъ, или сбирались на вѣру, т. е. поручалось горожанамъ выбрать лицъ, которыя бы сбирали пошлины и отдавали въ казну. Трудно сказать, какой порядокъ вещей былъ менѣе обременителенъ для горожанъ. При отдачѣ на откупъ случались удивительные безпорядки и произволъ откупщиковъ. Въ 1623 году, Иванъ Пашинъ обязался собрать съ Углича таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ 1,300 руб. и потому правительство дозволило ему сбирать ихъ. Но Угличане послали къ Царю челобитную, въ которой они объясняли Царю, что Паншинъ съ тою цѣлью откупилъ сборъ, чтобы насъ бѣдныхъ сиротъ твоихъ и достальныхъ разорить и погубить до конца, а городъ запустошить по прежнему, какъ погубилъ насъ сиротъ твоихъ отецъ его и сослалъ въ Сибирь 60 семей (А. А. Э. т. III, № 150). Но если правительство не отдавало таможенные сборы на откупъ, а отдавало ихъ на вѣру, то и тогда городу было не легче, потому что за недоборъ сначала отвѣчали сборщики, а потомъ избравшіе ихъ. Такъ, напримѣръ, въ 1618 г. съ Бѣлоозерцевъ взыскивались таможенныя недоборныя деньги и взысканіе производилось съ такою суровою строгостію, „что многіе лутчіе съ правежовъ разбѣглися безвѣстно, съ женами и съ дѣтми, покиня домы свои пусты“

(А. А. Э. т. III, № 99). Этотъ страшный обычай существовалъ до 1673 г., когда было постановлено, что если головы и цѣловальники не были замѣчены въ воровствѣ и утайкахъ, то недоборныхъ денегъ на нихъ не взыскивать (П. С. З. № 555). Впрочемъ, Котошихинъ говоритъ, что недоборныя деньги на головахъ и цѣловальникахъ взыскивались лишь тогда, когда недоборъ произошелъ отъ ихъ небрежности (гл. X, ст. 9). Ежегодно до 3,000 лицъ во всѣхъ городахъ исполняло городскія таможенныя службы, но эти 3,000 лицъ принадлежали къ самымъ богатымъ гражданамъ, такъ что богатые купцы чрезъ три–четыре года должны были отправлять службы. Въ 1674 г., нижегородцы подали челобитную, въ которой они писали слѣдующее: „по указу великаго Государя служатъ они въ Нижнемъ–Новгородѣ и Нижегородскомъ уѣздѣ въ таможняхъ и на крупичныхъ дворахъ въ головахъ, и въ земской избѣ въ старостахъ, и въ приказной избѣ для всякія покупки, и на уксусномъ дворѣ, и великаго Государя у оханной низовой рыбной ловли, и въ ловцахъ, и про великаго государя изъ посадовъ у рыбнаго выбору и за отдачами, и у свѣжія рыбы, и на конской площадкѣ, и у Пермскаго лодейнаго солянаго промысла, и у бань въ цѣловальникахъ, и у тюремъ въ сторожахъ, бываютъ по вся годы человѣкъ по 30 и больше... и отъ того–де многіе посадскіе люди изъ Нижняго врознь бредутъ, а достальные въ конецъ погибаютъ“ (Д. А. И. т. V, № 98). Въ Москвѣ гостиная и суконная сотни отправляли, кромѣ своихъ службъ, тяжелыя службы на Архангельской ярмаркѣ. Ярославцы отправляли службы въ Казани, Нижнемъ и Астрахани, кромѣ своихъ ярославскихъ службъ (А. А. Э. т. IV, № 28).

Но не только правительство налагало на посадскихъ тяжелыя службы, оно, смотря по надобности, переводило посадскихъ изъ одного города въ другой, или прямо употребляло различныхъ мастеровыхъ на свои работы. Въ 1630 г., къ Чердынскому воеводѣ былъ присланъ Государевъ указъ, чтобы онъ отдалъ посланному двухъ посадскихъ людей, которыхъ Государь приказалъ посадить въ суконную сотню

(А. И. т. III, № 164). Муромскіе посадскіе просили не брать отъ нихъ для московскихъ отъѣзжихъ службъ изъ Мурома посадскихъ людей въ гостиную и суконную сотни, потому что оставшимся посадскимъ было бы очень тяжело отправлять мѣстныя службы (А. А. Э. т. IV, № 28). Еще тяжелѣе были государевы службы для мастеровыхъ. Въ 1630 г. велѣно было выслать изъ Чердыни всѣхъ каменщиковъ, кирпичниковъ и гончаровъ для Вяземскаго и Можайскаго городоваго дѣла (А. И. т. III, № 188). Въ 1658 г. велѣно было выслать изъ Бѣлоозера по два человѣка изъ десяти портныхъ и скорняковъ (А. А. Э. т. IV, № 102). Въ 1670 году въ Архангельскѣ строился каменный гостиный дворъ и для постройки его велѣно было выслать каменьщиковъ изъ Соль-Галича, Переяславля, Ростова, Ярославля, Костромы, Вологды и Бѣлоозера, причемъ воеводамъ было сказано, что если каменьщики будутъ хорониться, то женъ ихъ и дѣтей метать въ тюрьму (Д. А. И. т. VI, № 5). Подобнымъ же образомъ высылались, когда было нужно, кузнецы, плотники, иконописцы.

Кромѣ всѣхъ этихъ службъ, на посадскихъ людяхъ тяжело ложились чрезвычайные и обыкновенные налоги. Въ 1613, 1614, 1615 и 1662 годахъ они заплатили пятую часть имущества; въ 1654 г. десятую часть имущества (А. А. Э. т. III, №№ 5, 70 и 68; А. И. т. IV, № 93; А. А. Э. т. IV, № 137). Въ 1658 г., Шуяне платили со 154 дворовъ, оброку стараго и новаго 18 рублей, 7 алтынъ, 2 деньги, т. е. нѣсколько болѣе 4 алт. на дворъ; кромѣ того, Шуяне сняли мельницу и перевозъ, за что платили оброку 46 руб., 4 алт., т. е. почти по 10 алт.; полоняничныхъ денегъ 99 р., 28 алт., т. е. болѣе 21 алт. на дворъ. Торговые люди, занимавшіе лавки, платили незначительный оброкъ, такъ что съ 46-ти шуйскихъ лавокъ, 37-ми шалашей и 8-ми полковъ взималось всего 1 р. оброку (Опис. Шуи, стр. 79). На Бѣлоозерѣ въ 1674 г. было 228 дворовъ посадскихъ и рыболововъ съ 771 чел. жителей, 112 дворовъ посадскихъ старыхъ и уличныхъ и нищихъ бродягъ, 86 пустыхъ мѣстъ, на которыхъ жили

19 челов. нищихъ. Они платили 32 алт. оброку, 24 алт. на кормъ закладнымъ мурзамъ, 9 р. 4 алт. полонинячныхъ денегъ, 33 р. 29 алт. 2 д. ямскихъ, съ лавочныхъ мѣстъ и анбаровъ оброку 9 р. 14 алт., съ посадскихъ оброчныхъ дворовъ 26 р. 20 алт., съ поженъ 50 р. (А. Ю., № 231).

Положеніе посадскихъ еще ухудшилось тѣмъ, что они должны были выдерживать невыгодную конкуренцію въ торговлѣ съ стрѣльцами и крестьянами патріаршихъ и монастырскихъ слободъ, которые, не платя тяжелыхъ податей и не исправляя городскихъ службъ, могли съ выгодою для себя соперничать съ отягощенными посадскими. Правительство позволяло стрѣльцамъ вести торговлю, какъ подспорье къ ихъ незначительному жалованью. Въ 1624 г., стрѣльцамъ было дозволено продавать свое рукодѣлье отъ полтины и отъ рубля (А. И. т. III, № 92, ст. V). Патріархъ, митрополиты и монастыри, пользуясь своимъ вліятельнымъ положеніемъ, подстроивали слободы къ самому городу, такъ что крестьяне этихъ слободъ легко могли вести торговлю въ городѣ и нерѣдко имѣли въ немъ лавки и анбары. Въ 1648 году, жители, нѣкогда богатаго и знаменитаго Новгорода, подали Царю слѣдующую челобитную: „послѣ разоренья, въ Великомъ Новгородѣ осталось посадскихъ людей немного: разбрелися, а иные померли, а вновь де не прибыло ни одного человѣка, а изъ достальныхъ изъ нихъ выбраны къ денежнымъ сборамъ въ таможенную избу, и въ отхожія, и въ иныя многія наши въ городовыя службы, а люди всѣ бѣдные и скудные, и впередъ къ нашимъ дѣламъ выбрати будетъ изъ нихъ нѣкого; а въ Великомъ же, де, Новгородѣ и въ Новгородскомъ уѣздѣ многіе казаки, и стрѣльцы, и митрополичніе, и монастырскіе, и всякихъ чиновъ нетяглые люди торгуютъ всякими товары, сидятъ въ лавкахъ, и отхожими торговыми многими промыслы промышляютъ, а у нихъ торговые промыслы отняли, а нашихъ никакихъ податей и мірскаго тягла съ ними не платятъ и службъ не служатъ, живутъ въ прибылехъ" (А. А. Э. т. IV, № 24).

Если мы примемъ во вниманіе всѣ вышеприведенныя усло-

вія, то для насъ станетъ понятно, что народонаселеніе стремилось не въ городъ, а изъ города.

Города и въ этотъ періодъ не утратили своего военнаго характера: изъ 120 посадовъ, въ 1678 г. въ 49 совсѣмъ не было посадскихъ (Ист. Солов. т. XIII, прилож.). Большую часть городскихъ жителей составляли военные классы, живущіе въ городѣ на случай осады, какъ дворяне, дѣти боярскіе, стрѣльцы, казаки, пушкари, затинщики, воротники, разсыльщики. Въ лицѣ представителей администраціи въ городахъ жили воеводы, губные старосты, приказные люди, подъячіе, площадные писцы, недѣльщики. Митрополиты, архіепископы и монастыри имѣли на своихъ дворахъ подъячихъ, прикащиковъ, служекъ, дворниковъ, бобылей. Въ 1618 году, во всѣхъ городахъ, кромѣ Москвы, Новгорода и Нижняго, число по адскихъ было не болѣе 6.000 человѣкъ (Разр. т. I), между тѣмъ какъ общее число жителей въ этихъ городахъ простиралось до 57 тысячъ. Въ 1668 г., посадскихъ было въ городахъ до 24.000, а общій составъ городскихъ жителей доходилъ до 73.000 (Ист. Сол. т. XIII, прилож.). Въ 1631 году, въ Москвѣ было: гостиной и суконной сотни 60 чел., суконной сотни 30 чел., гостиной сотни 11 чел., торговыхъ людей казеннаго двора 37 чел., тяглыхъ сотенъ: Устюжской 144 чел., Новгородской 226, Арбатской 62, Дмитровской 330, Мясницкой 175, Покровской 149, черныхъ сотенъ 3,715 челов. (Разр. т. I).

Во все время царствованія Михаила и Алексѣя Михайловича, посадскіе старались убѣжать изъ посадовъ и заложиться за властей или монастырей, въ кабальные холопы, словомъ всюду. Они продавали и закладывали свои посадскіе тяглые дворы дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, духовенству, которые по привилегіямъ своихъ сословій не платили городскихъ повинностей и дѣлали свои дворы бѣлыми. Всякій выходъ посадскихъ, всякій обѣленный дворъ, ложился на остальныхъ посадскихъ, потому что правительство не думало убавлять службъ и налоговъ, если горожанъ становилось меньше. По всѣмъ этимъ причинамъ очень по-

нятно, что сами горожане просили государя запретить посадскимъ оставлять посады и обѣливать свои дворы (С. Г. Г. Д. т. II). Въ 1613 г., по приговору Думы Боярской, велѣно было бѣглыхъ посадскихъ возвращать снова въ Москву (Дворц. Разр. т. I, ст. 1174). На соборѣ 1619 года было рѣшено: всѣхъ посадскихъ, которые заложились за митрополитовъ и за весь освященный соборъ, и за монастыри, за бояръ и вообще всѣхъ членовъ служилаго класса, возвратить обратно на посады (А. А. Э. т. III, № 105). Въ 1623 г., устюженцы послали сыщиковъ во всѣ города возвращать бѣглыхъ устюженцевъ обратно въ посадъ съ женами и дѣтьми (ib. № 141). Въ 1638 г. приказано было отыскивать и сажати на старыя мѣста всѣхъ посадскихъ, которые вышли изъ посадовъ до московскаго разоренія, хотя бы они дали на себя служилыя кабалы и иныя крѣпости. Поэтому указу возвращались даже лица, которыя въ городѣ не имѣли своего двора, жили въ прикащикахъ у торговцевъ, а послѣ пошли въ казаки и стрѣльцы (А. А. Э. т. III, № 279). Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, это прикрѣпленіе посадскихъ къ городу было проведено съ систематической послѣдовательностію. Уложеніемъ было запрещено посадскимъ переходить изъ одного посада въ другой (гл. XIX, ст. 19). Всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя сами или отцы ихъ были посадскими, свести въ посады, гдѣ кто будетъ сысканъ (ib. ст. 20). Если вдова посадскаго, имѣющаго въ городѣ тягло, вышла за вольнаго человѣка, то его съ женой перевести на посадское тягло (ib. № 21). Вольные люди, женившіеся на посадскихъ дочеряхъ и взятые своими зятьми въ домы, должны по смерти отцевъ наслѣдовать ихъ тягло (ib. ст. 22). Вольные люди, жившіе прежде въ городѣ, а послѣ сдѣлавшіеся стрѣльцами, снова возвращаются въ городъ съ двумя своими сыновьями, а третій, буде онъ есть, можетъ остаться въ стрѣльцахъ (ib. ст. 27). Всѣ посадскіе, вышедшіе изъ посадовъ и поступившіе въ пушкари, затинщики, воротники, казенные кузнецы, солдаты, механики возвращаются въ посадъ (ib. ст. 28). Возвращаются въ посадъ казаки. которые

поступили послѣ Смоленскаго похода. Въ 1658 г. была постановлена смертная казнь за переходъ изъ посада въ посадъ, за женитьбу посадскаго на крестьянкѣ безъ отпускной, за выходъ замужъ посадской дѣвушки за крестьянина безъ отпускной отъ города (А. А. Э. т. IV, № 101). Въ 1667 г. снова отыскивали бѣглыхъ посадскихъ, вышедшихъ послѣ 1649 г. (ib. ст. 158).

Также систематически дѣйствовало правительство въ оба царствованія противъ передачи точныхъ посадскихъ дворовъ бѣломѣсцамъ, которая давала возможность посадскому ускользнуть изъ посада. Въ 1634 г. было запрещено безъ разрѣшенія Государя продавать и закладывать дворы въ Бѣломъ Каменномъ городѣ и за городомъ (А. И. т. III, № 92, ст. XXIV). Въ 1635 г., по просьбѣ черныхъ сотенъ и слободъ, было запрещено продавать и закладывать тяглые дворы и тяглыя мѣста дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ (ibid. № XXV). По Уложенію (гл. XIX, стр. 16) всѣ не посадскіе, пріобрѣтшіе тяглые дворы въ городахъ куплею или просроченнымъ залогомъ посадскихъ должны продать ихъ посадскимъ тяглымъ людямъ. Это запрещеніе было снова повторено въ 1672 году, по отношенію всѣхъ посадовъ (П. С. З. № 272).

Но если царствованіе Алексѣя Михайловича строго и систематически преслѣдовало бѣглыхъ посадскихъ, то, надо отдать ему справедливость, оно заботилось и объ облегченіи участи посадскихъ. Прежде всего, правительство старается удалить не выгодную для посадскихъ конкуренцію стрѣльцевъ, патріаршихъ и монастырскихъ крестьянъ. Въ 1648 г., по просьбѣ новгородцевъ, было постановлено: 1) дѣтей духовныхъ лицъ, имѣющихъ въ городѣ лавки, взять въ посадъ; 2) торгующіе крестьяне обязаны нести городскія службы на равнѣ съ посадскими; 3) стрѣльцовъ и пушкарей, торгующихъ на 500 р., взять въ тягло, а торгующихъ на сумму менѣе 100 р., если они не захотятъ идти въ посадъ, оставить на службѣ безъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья (А. А. Э. т. IV, № 24). Въ 1648 г. было постановлено взять за Государя всѣ слободы, кому бы они не принадлежали, если

въ нихъ живутъ торговые и ремесленные люди, и если они выстроены послѣ 1613 года. Всѣ помѣщичьи крестьяне, имѣющіе въ городахъ лавки и анбары, должны продать ихъ тяглымъ людямъ. Стрѣльцамъ и козакамъ, имѣющимъ торгъ, велѣно платить таможенныя пошлины, и съ лавокъ оброкъ, и службы не служить (ibid. № 32, 35, 39). Всѣ эти мѣры были подтверждены Уложеніемъ. Въ 1654 г. произошли замѣчательныя реформы въ условіяхъ торговли, которыя указываютъ на новый взглядъ на торговлю и промыслы. „Подражающе Божественныхъ повелѣній" говоритъ Алексѣй Михайловичъ, приклонихомъ милостиво уши наша въ міръ слышанія, и слышахомъ нѣчто не полезно: яко во мнозѣхъ градѣхъ невѣмы, какое многое злодѣйство привниде въ обычай человѣческіе, еже отдавати изъ нашихъ приказовъ, въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всѣхъ градѣхъ на откупъ мытъ, и мостовщику, и на рѣкахъ перевозы, и съ людей головщину, и ядомые всякіе харчи, и иные всякіе мелкіе промыслы. Такое злодѣйство повсюду въ градѣхъ и въ селахъ упраздните, отъ сего времени, повосчинныхъ проѣзжихъ пошлинъ и мытовъ, по рѣкамъ съ судовъ посаженнаго, и привальнаго, и грузоваго, и съ людей головщины, и съ саней полозоваго, и съ телѣгъ и на гостиныхъ дворѣхъ съ рыбныя складки въ лавки и въ погреба, и съ раздѣлки, и съ мытья, и съ рыбныхъ бочекъ, съ бою и съ выборни не имати, *и въ откупы не отдавати*, и ядомыхъ харчей всякихъ *и иныхъ мелкихъ промысловъ на откупъ* не *отдавать, кромѣ воскобоя и леданаго и банныхъ откуповъ* (П. С. З. № 122). Еще годомъ ранѣе была произведена реформа въ сборѣ таможенныхъ пошлинъ, по просьбѣ торговыхъ людей. Вмѣсто всѣхъ разнообразныхъ пошлинъ, которыя существовали до сихъ поръ, была введена однообразная рублевая пошлина, съ продавцевъ по 10 денегъ съ рубля, а съ покупщика, если онъ купитъ на деньги, по 5 денегъ съ рубля (А. А. Э. т. IV, № 64). Наконецъ, въ 1667 г., былъ введенъ ново-торговый уставъ, по которому въ Архангельскѣ гости и товарищи ихъ не подчинялись воеводамъ;

съ товаровъ не проданныхъ пошлина была уничтожена; русскимъ купцамъ было дозволено держать въ домахъ вѣсы до 10 пудовъ; товары послѣ Архангельска нигдѣ не осматривались, чтобъ не было задержки, и наконецъ, для торговыхъ людей было обѣщано устроить особый приказъ, чтобъ имъ не волочиться по старымъ приказамъ (П. С. З., № 408). Всѣ эти реформы вмѣстѣ показываютъ, что для городовъ близится новая эра, которая дастъ имъ возможность заключить въ своихъ стѣнахъ народонаселеніе и богатства, о которыхъ не смѣлъ мечтать горожанинъ временъ Алексѣя Михайловича. А это процвѣтаніе городовъ, приготовленное постепеннымъ улучшеніемъ законодательства, даетъ возможность освобожденію крестьянъ, величайшей реформѣ настоящаго великаго царствованія.

Перейдемъ теперь къ составу городскаго класса. Городской классъ состоялъ изъ гостей, гостиной и суконной сотенъ, изъ чорныхъ сотенъ и слободъ. Гости составляли привилегированный классъ, который могъ поспорить честью даже съ думными дьяками. Чиномъ гостя жалуетъ Государь изъ гостиной и суконной сотенъ за ревностное и усердное исполненіе вѣрныхъ должностей въ головахъ и цѣловальникахъ (Кот. гл. X. стр. 1). Это же видно изъ самыхъ актовъ на званіе гостя. „Въ прошломъ въ 137 году, (1629 г.) пожалованъ гостинымъ именемъ, за прибыль хлѣбныя покупки, Галандеръ торговый иноземецъ Андрей Денисовъ, сынъ Вингусъ. Въ прошломъ въ 163 году (1653 г.) пожалованъ гостинымъ именемъ города Любка житель Яганъ фонъ–Горнъ, за то что онъ Новгородцу Петру Микляеву въ поимкѣ вора Тимошки Анкудимова вспоможенье чинилъ. Во 168 г. (1660) пожалованы гостинымъ же именемъ Голандцы, торговые иноземцы, Петръ фонъ-Людстынъ, Данило да Иванъ Бернарцы за то, что они, царскаго величества комисару, Ивану Гебдону во всякихъ государскихъ дѣлахъ вспоможенье чинили и въ займы ефимки давали (Д. А. И. т. IV № 53).

Дворы гостей въ городахъ освобождались отъ всѣхъ повинностей и военнаго постоя. Гости не принадлежали къ

числу обыкновенныхъ посадскихъ и не тянули вмѣстѣ съ ними ни какія подати и повинности, не исполняли никакихъ службъ; они почти всегда торговали безъ таможенныхъ и мытныхъ пошлинъ во всѣхъ городахъ, имѣли право держать вино для себя и гостей, но не на продажу; топить лѣтомъ избы и мыльни. Иноземные гости судились только въ Посольскомъ приказѣ и не были подсудны мѣстнымъ воеводамъ; русскіе судились тоже у особаго боярина, назначеннаго Царемъ, и были тоже изъяты отъ мѣстнаго суда. (С. Г. Г. и Д. т. III, №№ 14, 17, 49. Д. А. И. т. IV, 56). Безчестья Аѳонасію Ѳедотову полагалось въ 50 рублей, а дѣтямъ его братьямъ и племянникамъ по 20 рублей. Гости имѣли право владѣть землей и имѣть крестьянъ. Такимъ образомъ гости составляли классъ совершенно особый, не имѣющей ничего общаго съ прочими посадскими, кромѣ занятія торговлей.

Гостиная и суконная сотни существовали только въ Москвѣ; хотя въ настоящій періодъ были купцы, принадлежащіе къ гостиной и суконной сотнямъ и въ другихъ городахъ, но такія лица, кажется, платили двойныя повинности. Самое названіе Московскихъ сотенъ показываетъ, что ихъ члены были переведены изъ городовъ. По Котошихину въ гостиной и суконной сотнѣ было всего 200 человѣкъ. Они служили въ Москвѣ и въ городахъ у сборовъ царской казны, бывали съ гостьми въ товарищахъ и цѣловальникахъ (Кот. гл. X., стр. 2). По судебнику Михаила Ѳедоровича, суконная сотня раздѣлялась на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей, изъ которыхъ первые получали за безчестіе 15 рублей, вторые десять рублей и третьи пять рублей. (А. И. т. III, № 92, ст. XLII). По Уложенію гостиная и суконная сотня раздѣлялась на три статьи, судя по платѣ за безчестіе: людямъ большой статьи гостиной сотни за безчестье платили по 20 р., большой статьи суконной сотни по 15 р.; средней статьи гостиной сотни по 15, суконной по 10 рублей; меньшой статьи гостиной сотни по 10 р., суконной по 5 рублей. Посадскіе казенныхъ слободъ получали за безчестье по 5 рублей.

Кромѣ гостиной и суконной сотенъ, во всѣхъ городахъ

были чорныя сотни, которыя раздѣлялись на 3 разряда; лучшимъ платилось безчестья семь рублей, среднимъ — шесть рублей, меньшимъ—пять рублей (Улож. гл. X., стр. 94). Гостиная и суконныя сотни имѣли право держать для себя вино, но не продавать его. Эти чорныя сотни не имѣли, кажется, никакихъ особенныхъ правъ.

Важнѣйшимъ правомъ городскаго сословія было право выбора земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, которые занимались раскладкой податей и повинностей,—чрезвычайно важный остатокъ эпохи самоуправленія. Въ царствованіе Михаила въ раскладкѣ податей и повинностей еще принимали, какъ мы видѣли, участіе и крестьяне. Но въ царствованіе Алексѣя Михайловича, какъ это видно изъ наказовъ, это право осталось только за городами. Въ 1654 г. при сборѣ десятой деньги, и въ 1662 году при сборѣ пятой деньги города выбирали окладчиковъ, а налогъ съ крестьянъ, по полтинѣ съ двора, сбиралъ самъ воевода (А. И. т. IV, № 93. А. А. Э. т. IV, № 137. П. С. З., № 329). Но обо всемъ этомъ мы еще поговоримъ въ главѣ объ управленіи провинціями.

ГЛАВА XII.

Областное управленіе.

Измѣненіе соціальныхъ условій влекло за собою измѣненіе областнаго управленія. — Правительство старается только косвенно оградить общество отъ воеводскихъ злоупотребленій, не уменьшая власть воеводы. — Власть воеводы и его разнообразныя права. — Государство смотрѣло на личность, какъ на податную единицу или рабочую силу. — Характеръ управленія воеводъ въ Сибири.

Когда радикально измѣнилось отношеніе государственной власти къ общественнымъ классамъ, то естественнымъ послѣдствіемъ этого факта было измѣненіе формъ областнаго управленія. Во время Іоанна IV, когда государственная власть поддерживала свободу крестьянъ и горожанъ, тогда она должна была поддерживать самоуправленіе, какъ лучшее средство для этой цѣли. Но когда государство принуждено было закрѣпить крестьянъ за помѣщиками и вотчинниками, а горожанъ прикрѣпить къ городскимъ обществамъ, тогда областное самоуправленіе не могло долѣе держаться, потому что свободныя формы управленія не мыслимы при крѣпостномъ состояніи общественныхъ классовъ.

Управленіе областями посредствомъ чиновниковъ, назначаемыхъ государственною властью, а не избираемыхъ обществомъ, было естественнымъ послѣдствіемъ новаго отношенія государственной власти къ обществу. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могло существовать общественное управленіе, когда государство почти не признавало существованія самого общества? Если государственная власть сдѣлала служебными всѣ классы

общества, то она должна была создать вполнѣ зависимыхъ отъ себя чиновниковъ, которые могли бы способствовать исполненію этой цѣли.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе этихъ причинъ, областное самоуправленіе было уничтожено и вмѣсто него почти повсюду были поставлены воеводы, избираемые правительствомъ, вполнѣ независимые отъ общества, съ громадными правами и еще болѣе громадною властію. Воеводы стали имѣть почти такую же власть, по отношеніи управляемыхъ ими провинцій, какую имѣлъ Царь, по отношеніи ко всей Россіи. Государство, сосредоточивъ въ себѣ управленіе всѣми общественными интересами, распоряжаясь для своихъ цѣлей личностію каждаго, его имуществомъ, его религіозною жизнью, естественно должно было передать всѣ свои права воеводѣ, какъ своему непосредственному представителю. Государство должно было все болѣе и болѣе усиливать власть воеводъ, хотя оно ясно видѣло вредныя стороны этой политики. Правда, создавая въ настоящій періодъ страшную власть воеводъ для управленія провинціями, оно старалось, косвенными мѣрами, ограждать общество отъ злоупотребленій, но это было невозможно, потому что дѣйствительный контроль власти можетъ быть сдѣланъ только обществомъ. Въ 1620 г. былъ, напримѣръ, посланъ указъ во всѣ города, „чтобы воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлали по нашему указу и служилымъ бы, и посадскимъ, и уѣзднымъ, и проѣзжимъ никакимъ людямъ насильствъ и продажъ не дѣлали, и посуловъ, и поминковъ ни отъ какихъ дѣлъ и кормовъ съ посадовъ и уѣздовъ на себя не имали, и лошадей, и товаровъ, опроче съѣстнаго, не покупали, и на дворѣ у себя денщикамъ, дѣтемъ боярскимъ, и стрѣльцамъ, и казакамъ, и пушкарямъ, и затиньщикамъ, и съ посадовъ бы, и съ слободъ водовозомъ, и всякимъ дѣловымъ людемъ быть и хлѣба молоть и толочь, и печь, и никакого издѣлья дѣлати на себя во дворѣ и въ посадѣхъ, и слободахъ не велѣли, и городскими, и уѣздными людми пашенъ не пахали и сѣна не косили“. Такія и подобныя имъ запрещенія встрѣчаются почти во

всѣхъ наказахъ воеводъ въ оба царствованія. Если воеводѣ и было дозволено позднѣе покупать для себя необходимые товары, то онъ долженъ былъ покупать ихъ на торгу и тутъ же платить деньги и не приглашать торговыхъ людей къ себѣ на дворъ (А. И. т. III, № 134). Но достаточно даже бѣглаго взгляда на такія мѣры, чтобы убѣдиться въ ихъ крайней безполезности.

Еще болѣе старались ограничить власть Сибирскихъ воеводъ, гдѣ было легко поживиться, но это ограниченіе было сдѣлано въ видахъ правительственныхъ, чѣмъ общественныхъ интересовъ. Сибирскимъ воеводамъ было запрещено покупать лисицъ черныхъ и чернобурыхъ и бурыхъ; запрещена была вообще всякая торговля и отнято право давать займы и брать кабалы (Д. А. И. т. IV, № 59). Не только сами воеводы, но даже дѣти ихъ, братья, племянники и вообще всякіе родственники не имѣли права торговать и брать кабальныя записи (ib. № 138). На границѣ Сибири была сдѣлана таможня, гдѣ таможенныя головы и цѣловальники должны были тщательно осматривать проѣзжающихъ изъ Сибири воеводъ, ихъ женъ, дѣтей, родственниковъ, чтобы они не вывозили изъ Сибири запрещенныхъ мѣховъ (А. И. т. III, № 184; т. IV, № 147).

Всѣ эти мѣры ясно показываютъ, что правительство понимало возможность злоупотребленія воеводъ, но понимало также необходимость этой власти и невозможность поручить контроль надъ ней самому обществу.

Правительство принимало еще другія, болѣе серьезныя мѣры для ограниченія возможности воеводскаго произвола, не касаясь самой сущности воеводской власти. Оно почти всегда посылало въ значительные города по два воеводы и по два дьяка, а въ менѣе значительные города—воеводу съ дьякомъ, съ тѣмъ, „чтобъ они всякія дѣла дѣлали вмѣстѣ, за одинъ“ (А. И. т. III, №№ 134, 154 и д.). Такимъ образомъ, бюрократическое начало было ослаблено коллегіальнымъ, хотя это коллегіальное начало не было развито строго и послѣдовательно. Воеводы смѣнялись почти каждые два

или три года и каждый новый воевода производилъ ревизію дѣйствіямъ своего предшественника (см. всѣ вообще наказы). Общество имѣло право принести челобитную на злоупотребленія воеводъ и правительство часто смѣняло ихъ по жалобамъ жителей.

Но всѣ эти мѣры показываютъ, что правительство только косвенно старалось ограничить воеводскую власть, но не считало возможнымъ ни уменьшить объема ея, ни допустить контроль общества.

Перейдемъ къ подробному обозрѣнію правъ и обязанностей воеводъ.

Географическіе предѣлы дѣятельности воеводъ обыкновенно составляли городъ, съ принадлежащимъ къ нему уѣздомъ, дѣлящимся, какъ и въ прежнюю эпоху, на станы и волости. Всѣ уѣздные воеводы были независимы одинъ отъ другаго и прямо сносились съ приказами или даже прямо писали самому Царю. Изъ этого общаго правила было, впрочемъ, нѣсколько исключеній. Пригороды Новгорода и Пскова были подчинены Новгородскимъ и Псковскимъ воеводамъ; въ Сибири нѣсколько городовъ, какъ Верхотурье, Пелымъ, Тара, Березовъ, Туринскъ, были подчинены Тобольскому воеводѣ (А. А. И. т. IV, № 138). Терскъ и Черный Яръ были подчинены Астраханскимъ воеводамъ (А. И. т. IV, №№ 40 и 181). Въ подчиненныхъ городахъ управляли также воеводы, назначенные Государемъ, но они во всѣхъ дѣлахъ должны были сноситься съ воеводами главнаго города.

Предметы, входящіе въ кругъ дѣятельности воеводъ, были чрезвычайно разнообразны. Для удобства обозрѣнія этой дѣятельности, я буду сначала говорить о той части воеводскаго управленія, гдѣ въ ихъ дѣятельность совершенно не вмѣшивалось общество, а потомъ перейду къ другому отдѣлу этой дѣятельности, гдѣ правительство допускало общественное участіе.

Прежде всего, воеводы были военными начальниками всѣхъ вооруженныхъ силъ, которыя были въ городѣ и уѣздѣ. Пріѣзжая въ городъ, воевода принималъ отъ прежняго воеводы

острогъ, нарядъ, зелье, свинецъ и всякіе пищальные запасы. Онъ пересматривалъ по спискамъ всѣхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, козаковъ, пушкарей, затинщиковъ, вообще всѣхъ военныхъ людей города. Если время было опасное, онъ долженъ былъ расписать по стѣнамъ наличныхъ военныхъ людей и назначить имъ головъ; точно также росписывались по стѣнамъ и посадскіе люди, и горные люди, если опасность осады была достаточна велика (А. А. Э. т. III, № 94; Разр. т. I и II). Если оказывалось, что нарядъ и острогъ нужно укрѣпить, то воевода высылалъ изъ уѣзда крестьянъ, которые, вмѣстѣ съ городовыми служилыми и жилицкими людьми занимались этимъ дѣломъ (А. И. т. III, №№ 116 и 134). При дѣйствительномъ нападеніи непріятелей, воевода долженъ былъ надъ ними промышлять, прося у Бога милости, и посылать воинскихъ людей, по скольку пригоже". Воевода судилъ и наказывалъ стрѣльцовъ, если у нихъ не было особаго головы. Онъ долженъ былъ наблюдать, чтобы между стрѣльцами не было корчемства, игры, распутства, пьянства (Д. А. И. т. IV, № 138). Если даже у стрѣльцовъ были особыя головы для суда и расправы, то воевода долженъ былъ наблюдать за ними, чтобы они стрѣльцовъ не притѣсняли, не отпускали ихъ въ дома, не давали имъ ложныхъ отставокъ, на основаніи старости и увѣчья (А. И. т. III, № 154). Наборъ новыхъ дѣтей боярскихъ и назначеніе имъ помѣстій производились особыми окладчиками, выбираемыми самими дѣтьми боярскими. Наборъ новыхъ стрѣльцовъ и назначеніе имъ жалованья не рѣдко поручалось воеводамъ (А. А. Э. т. III, №№ 149 и 199).

Второю обязанностію воеводъ и, быть можетъ, самою важнѣйшею для поддержанія настоящаго порядка вещей, была обязанность сыскивать и возвращать всякаго члена общества, отказывающаго исполнять возложенную на него службу. Воеводы обязаны были высылать на службу дѣтей боярскихъ и вообще всякихъ нѣтчиковъ; за неисполненіе этого указа былъ назначенъ въ 1650 году огромный штрафъ, въ 50 рублей (П. С. З. №№ 50, 51, 52, 100, 121 и д.). Воеводы должны

были ловить бѣглыхъ дѣтей боярскихъ и, наконецъ, посылать ихъ снова въ полки (П. С. З. №№ 128, 143, 144 и д.). Безъ сомнѣнія, одною изъ самыхъ трудныхъ вещей была необходимость ежегодно собирать въ полки разсыпанныхъ по всей Россіи дворянъ и дѣтей боярскихъ и, вѣроятно, воеводы успѣшнѣе, чѣмъ кто либо, могли исполнить эту обязанность. Отысканіе бѣглыхъ посадскихъ и возвращеніе ихъ на старое тягло также лежало, по большей части, на обязанности воеводъ. Въ 1623 г. Устюженскому воеводѣ было писано, чтобы онъ, для отысканія бѣглыхъ устюженцевъ, „давалъ пушкарей, сколько пригоже, чтобъ затѣмъ сыскное дѣло про посадскихъ людей не стало" (А. А. Э. т. III, № 141). Впрочемъ, для отысканія посадскихъ были особые сыщики, но въ 1642 г. сыщики были удалены, а сыскивать посадскихъ и устроивать ихъ дворами было поручено воеводамъ и приказнымъ людямъ (ib. № 311). Отыскиваніе и возвращеніе бѣглыхъ крестьянъ, обыкновенно, исполнялось воеводами. Въ 1629 г. Чердынскій воевода сыскивалъ крестьянъ, бѣжавшихъ изъ Вятки и Шестакова (А. И. т. III, № 160). При Алексѣѣ Михайловичѣ воеводы должны были дѣятельно заниматься этимъ дѣломъ (А. А. Э. т. IV, № 158; А. И. т. IV, № 30), хотя для этой цѣли посылались иногда особые сыщики (ib. № 60). Воеводы высылали, по требованію Государя, различныхъ ремесленниковъ, которые нужны были для государева дѣла. Такъ, въ 1623 г., въ Верхотурьѣ высылались плотники, въ 1666 г. каменьщики, скорняки, въ 1658 г. кузнецы (А. И. т. III, № 117, т. IV, № 186; А. А. Э. т. IV, №№ 62 и 102). Нужно ли было совершить насильственный переводъ посадскихъ изъ уѣздовъ въ Москву, то отправляется приказъ объ этомъ воеводѣ (А. И. т. III, № 164).

Если мы примемъ во вниманіе только эту сторону воеводской дѣятельности, то мы убѣдимся, что существованіе воеводъ съ сильной властію было настоятельной потребностію государства.

Третьею важнѣйшею отраслью воеводской дѣятельности былъ судъ и расправа въ гражданскихъ искахъ и судъ по

проступкамъ и преступленіямъ уголовнымъ, кромѣ разбоевъ и грабежа, принадлежащихъ вѣденію губныхъ учрежденій, единственнаго остатка отъ прежняго широкаго самоуправленія. Суду воеводы были подчинены посадскіе и черносошные крестьяне, если они не имѣли своихъ выборныхъ судей, а прочіе общественные классы, по большей части, имѣли своихъ судей. Стрѣльцы, по большей части, судились своими головами (А. А. Э. т. III, №№ 34 и 167). Отъ суда воеводъ освобождались, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, гости, торговые люди и иноземцы. Монастырскіе слуги и крестьяне были подсудны монастырскимъ властямъ, если судились между собою, а въ случаѣ смѣстнаго суда монастырскихъ крестьянъ съ городскими или волостными людьми, устроивался общій судъ, состоящій изъ воеводы и представителя монастыря (А. А. Э. т. III, №№ 133, 89 и 114; А. И. т. III, №№ 119 и 120). Въ случаяхъ смертоубійства и татьбы, всѣ жители уѣзда вообще судились у воеводы (А. А. Э. т. III, №№ 84, 89 и 133). Крестьяне помѣстныхъ и вотчинныхъ земель судились у своего помѣщика, исключая случаевъ смертоубійства (Ул. гл. XIII, ст. 7). По аналогіи съ монастырскими крестьянами, нужно думать, что въ смѣстныхъ искахъ вотчинныхъ крестьянъ съ черными назначался смѣстный судъ. Судъ надъ начальниками монастырей и прикащиками, по большей части, принадлежалъ приказу Большаго дворца, но иногда это право давалось и воеводамъ (А. Э. т. III, № 89).

Размѣръ исковъ, которые имѣли право судить воеводы на мѣстѣ, не сносясь съ приказами, трудно опредѣлить. Жалованная грамота псковичамъ, данная въ 1633 г., дозволяетъ судить всякія дѣла воеводамъ; но прежде этого времени, процессы, на сумму болѣе ста рублей, судились въ Москвѣ (А. А. Э. т. III, № 227). По Уложенію, воеводы судили въ городахъ иски, цѣною не болѣе 20 руб. (гл. XIII, ст. 3). Но въ грамотахъ воеводамъ цѣна исковъ не опредѣляется. Котошихинъ утверждаетъ, что въ тѣхъ городахъ, гдѣ были дьяки, воеводы могли судить иски даже до 10,000 руб. Изъ

всего этого разнообразія данныхъ, многоуважаемый авторъ „Областныхъ учрежденій“, г. Чичеринъ выводитъ заключеніе, что вообще цѣна исковъ, которые могъ судить воевода, была неопредѣлена, что и весьма вѣроятно. Воеводы давали судъ и расправу въ обидахъ и насильствѣ. Въ грамотахъ обыкновенно писалось: „которые люди учнутъ на кого въ обидахъ и насильствахъ бити челомъ Государю о у управѣ и воеводамъ да дьяку, тѣхъ людей по челобитнымъ судити и сыскивати всякими сыски накрѣпко, а по суду своему и по сыску межъ ихъ управу чинить безволокитно“ (А. И. т. III, №№ 111, 116, 168 и др.).

Губныя дѣла по разбоямъ и смертоубійству вообще подлежали вѣденію губныхъ старостъ, гдѣ они были; но тамъ, гдѣ ихъ не было, эти дѣла подлежали тоже вѣденію воеводы. Неизвѣстно, всѣ ли они, въ такомъ случаѣ, имѣли губное право смертной казни, или только нѣкоторые дальные воеводы Сибирскіе, Астраханскіе и Терскіе, какъ говоритъ Котошихинъ.

Въ настоящій періодъ правительство не хлопочетъ, какъ во время Іоанна IV, чтобы на судѣ воеводъ были представители отъ общества. Эта перемѣна вытекала изъ тѣхъ же общихъ причинъ, о которыхъ я говорилъ выше. Когда горожане и крестьяне были поставлены въ тѣсную зависимость отъ воеводъ, тогда правительству невозможно было допустить вмѣшательство общества въ судебную дѣятельность воеводы, чѣмъ уничтожалась бы вся полнота этой власти.

Четвертою обязанностію воеводъ было хозяйственное завѣдываніе казенными имуществами.

Воевода отдавалъ на оброкъ, съ разрѣшенія приказа, пустопорожнія казенныя земли и другія оброчныя статьи. Количество оброка вполнѣ зависѣло отъ воли воеводы, чему есть многіе примѣры. Одинъ крестьянинъ просилъ въ Московскомъ приказѣ отдать ему на оброкъ лѣсныя мѣста и воеводѣ предписывалось просто: „да будетъ дать доведется, ты и бы ему отдалъ, на сколько лѣтъ пригоже на льготу, а какъ льготные годы отойдутъ и ты бъ ему землю далъ въ

тягло, смотря по мѣрѣ, во что можно“ (А. А. Э. т. III, № 288). Другой случай, одинъ Чердынскій крестьянинъ просилъ наоброкъ рыбную ловлю по рѣкѣ Илычу и воеводѣ было предписано: „оброкъ съ той рѣки положить на него, какъ бы нашей казнѣ было прибыльнѣе“ (А. И. т. III, № 203). При Алексѣѣ Михайловичѣ, воеводамъ просто писалось: „на посадѣ и уѣздѣ его, Государевы, оброчныя пустыя земли и иныя всякія угодья, за кѣмъ на оброкѣ ни есть, или которыя лежатъ впустѣ, давать вновь на оброкъ изъ наддачи охочимъ людямъ на урочные годы, на два или на три, по самой большой мѣрѣ на пять лѣтъ, а больше пяти лѣтъ никакихъ государевыхъ оброчныхъ угодій никому отдавать не велѣно„ (Д. А. И. т. IV, № 134, 140).

Въ пятыхъ, воеводамъ часто поручались дѣла, прямо относящіяся къ области церковнаго вѣденія. Государственная власть, по отношенію къ церкви, проявлялась въ разныхъ видахъ. Государь былъ покровителемъ церкви, давая средства для церковнаго благоустройства, а потому, чрезъ своихъ представителей, воеводъ, онъ хотѣлъ знать, въ какомъ положеніи находились церковныя имущества. Если Государь хотѣлъ соорудить гдѣ либо церковь, то дѣло поручалось воеводѣ. Въ 1627 году, Чердынскому воеводѣ велѣно было устроить церковь Николая чудотворца образами и книгами“ (А. И. т. III, № 162). Воеводамъ поручалась иногда опись монастырскаго имущества; они же раздавали ругу монастырямъ (А. А. Э. т. III, № 282; А. И. т. IV, № 212). Государь, являясь покровителемъ лицъ, притѣсненныхъ церковными властями, извѣщаетъ чрезъ воеводу, что онъ оставляетъ на мѣстѣ лицъ, смѣненныхъ духовными властями (А. А. Э. т. III, № 316). Наконецъ, Государь, по отношенію своихъ подданныхъ, былъ блюстителемъ соблюденія религіозныхъ обрядовъ и эта власть всецѣло перешла къ воеводѣ. Верхотурскій воевода приказывалъ жителямъ Ирбитской слободы: „чтобы мірскіе всякихъ чиновъ люди, и жены ихъ, и дѣти, въ воскресенье и Господскіе дни, и великихъСвятыхъ, къ церквамъ Божіимъ, къ пѣнію приходили,

и въ церкви Божіи стояли межъ себя смирно" (А. И. т. IV, № 35).

Наконецъ, даже часто, полицейская дѣятельность воеводъ была обширна и разнообразна. Воеводы должны были оберегать жителей отъ пожаровъ, наблюдать, чтобы не было корчемства, т. е. торговли виномъ, которая составляла привилегію казны; наблюдать, чтобы не было игры зернью, пьянства и распутства.

Пожары были страшнымъ бичемъ общества и ясно показывали всю его слабость и несостоятельность. Строеніе въ городахъ состояло изъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ, сплоченныхъ въ кучу, такъ что при пожарѣ выгорали цѣлые города, почти безъ остатка. Только въ концѣ столѣтія правительство и частные люди начали строить каменные дома, но строить ихъ было затруднительно, потому что каменьщиковъ было чрезвычайно мало и правительство принуждено было, для постройки каменныхъ амбаровъ, вызывать каменьщиковъ чуть не со всѣхъ концевъ Россіи. Частные люди, говоритъ Котошихинъ, боялись строить каменные дома, чтобы не казаться богатыми и не дать воеводамъ повода къ чему нибудь придраться. Жители были такъ бѣдны, что даже москвичи, въ 1628 году, просили Государя освободить ихъ отъ покупки мѣдныхъ пожарныхъ трубъ, говоря, что они едва могутъ содержать 60 человѣкъ пожарныхъ и 6 лошадей (А. И. т. III, № 92, ст. IV). Если уже москвичи не могли содержать пожарной команды, то что можно сказать о массѣ другихъ городовъ, гдѣ было 200 или 300 дворовъ. Такимъ образомъ, пожары въ старой Руси были зломъ, вытекающимъ изъ всего строя общества. Правительство противъ нихъ не нашло другаго средства, кромѣ запрещенія во все продолженіе лѣта топить избы и бани, за исключеніемъ чрезвычайныхъ семейныхъ событій, какъ, напримѣръ, родовъ, во время которыхъ дозволялось топить печи съ разрѣшенія воеводы. При Алексѣѣ Михайловичѣ была сдѣлана, впрочемъ, уступка общественнымъ потребностямъ и было дозволено топить избы и бани въ указные дни (Д. А. И. т. IV,

№ 134). Нѣкоторымъ городамъ, по настоятельной просьбѣ, было дозволено топить лѣтомъ избы и мыльни, но это было только исключеніе (А. А. Э. т. III, № 2). Такимъ образомъ, главная дѣятельность воеводы состояла не столько въ тушеніи пожаровъ, сколько въ наблюденіи за жителями, чтобы они не топили избъ.

Правительство, присвоивъ себѣ исключительное право торговли крѣпкими напитками, преслѣдовало всякую торговлю и приготовленіе водки частнымъ образомъ. Впрочемъ, гости, а также дворяне, пользовались правомъ приготовлять вино для себя, но не на продажу. Даже посадскимъ и крестьянамъ было дозволено, съ разрѣшенія воеводъ и съ платежемъ пошлинъ, варить вино, пиво и медъ къ семейнымъ праздникамъ (Д. А. И. т. IV, №№ 59, 134 и 138). За незаконную продажу водки назначались штрафы съ виноторговца и посѣтителей его заведенія. Въ 1623 году положено штрафа, за незаконное куреніе водки: за первый разъ — 2 руб., за второй — 6 руб., за третій — бить батогами (А. А. Э. т. III, № 146). По Уложенію: за первый разъ—5 руб., за второй—10 руб., а за третій—20 руб. (Ул. гл. XXV).

Защита жителей противъ различныхъ разбоевъ и грабежей, наблюденіе, чтобы не было ссоры и распутства, лежало на обязанности воеводъ. Въ наказахъ воеводамъ обыкновенно приказывалось наблюдать, „чтобы никто не билъ и не грабилъ, и разбойникамъ, и татемъ ни къ кому приходу и пріѣзду не было, и корчемъ, и блядни никто у себя на подворьяхъ не держалъ и никакимъ инымъ воровствомъ не воровали“ (А. А. Э. т. III, № 94). Въ пособіе воеводамъ, для исполненія ихъ полицейскихъ обязанностей, въ городахъ были объѣзжіе головы и городовые прикащики (А. И. т. III, №№ 116, 134, 154).

Наконецъ, воеводамъ поручались различныя хозяйственныя дѣла, такъ какъ государство въ это время начало заботиться объ отысканіи новыхъ отраслей производства. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, правительство поручило Астраханскимъ воеводамъ разведеніе винограда и шелка (А. И. т. IV,

*

№№ 63 и 132). Въ 1660 году, правительство старалось развить тамъ же сабельное производство (ib. № 147). Воевода Верхотурскій занимался отыскиваніемъ лекарственныхъ травъ и кореньевъ (ib. № 257). Воеводамъ поручалось отыскиваніе рудъ, слюды, извести и проч.

Изъ всего предыдущаго можно видѣть, какъ обширна была власть воеводы въ отношеніи личности и имущества гражданъ, заключая въ себѣ право распоряжаться военными людьми, право суда, полицейскаго надзора за исполненіемъ религіозныхъ обязанностей. Давая громадную власть воеводѣ надъ личностію гражданъ, правительство не думало опредѣлять ни общими законодательными мѣрами, ни инструкціями воеводамъ, за какія преступленія какое они должны были класть наказаніе, ни какими уликами они должны руководствоваться, чтобы убѣдиться въ дѣйствительно совершенномъ преступленіи. Воеводамъ просто предписывалось наказывать, „смотря по винѣ, кто чего заслужилъ". Въ этомъ также ярко проявляется общее начало нашего тогдашняго устройства, въ которомъ государство заботилось только объ общемъ порядкѣ и мало интересовалось страданіемъ личности. Разумѣется, если воевода сталъ злоупотреблять своими правами въ широкихъ размѣрахъ, то правительство его накажетъ, но въ этомъ случаѣ нарушались бы уже не интересы личности, а интересы общіе, государственные; вслѣдствіе такихъ притѣсненій, граждане могутъ быть доведены до того, что они будутъ не въ состояніи платить податей, а это первый интересъ государства. Можно сказать положительно, что государство смотрѣло на личность, какъ на податную единицу, или какъ на рабочую силу. Всего рельефнѣе это выражается въ хозяйственной дѣятельности воеводъ (А. И. т. III, № 123). „Воеводы пользовались такими правами, говоритъ Чичеринъ, которыя въ развитомъ государствѣ могутъ принадлежать только центральной власти: они вводили новые откупа, установляли новые способы управленія; князь Сулешевъ установилъ новый порядокъ въ выдачѣ жалованья, князь Голицынъ—новый порядокъ въ сборѣ ясака; Астраханскому вое-

водѣ было предоставлено ввести по усмотрѣнію казенную монополію или не вводить" (Област. учрежд., стр. 261).

Дѣйствительно, государственные люди только въ концѣ царствованія Алексѣя начали понимать, что богатство государства не отдѣлимо отъ богатства гражданъ. Воеводамъ, въ царствованіе Михаила, предписывалось: „государевой казнѣ прибыли во всемъ искати, *смотря по тамошнему* дѣлу и какъ *ихъ Богъ* вразумитъ" (А. И. т. III, № 134). Иногда же говорилось: „искати передъ прежнимъ во всемъ прибыли" (ib. № 123). Понятное дѣло, что, получивъ подобный наказъ, воевода хлопоталъ только о томъ, чтобы донести Государю, что во время его управленія въ казну было собрано больше, чѣмъ при его предшественникѣ. Громадная масса разнообразныхъ монополій, которыя мы видѣли выше, только и можетъ быть объяснима правомъ воеводъ вводить новыя монополіи, потому что еслибы всѣ эти монополіи были введены разомъ во всемъ государствѣ, то тогда была бы невозможна никакая торговля и промышленность. Правда, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, къ извѣстной фразѣ: „искать передъ прежнимъ во всемъ прибыли", стали прибавлять: „чтобы эта прибылъ была прочна и стоятельна, а людямъ не въ тягость", но на дѣлѣ порядокъ вещей остался прежній.

Всего рельефнѣе характеръ управленія того времени выражался въ Сибирскомъ управленіи. Сибирь давала громадный доходъ. По Котошихину, цѣнность мѣховъ, ежегодно вывозимыхъ изъ Сибири правительствомъ, равнялась стоимости въ 600,000 р., суммѣ, составлявшей половину государственнаго дохода. Вслѣдствіе такого богатства мѣховъ, въ Сибирь ежегодно отправлялись промышленники и купцы, которые обмѣнивали русскіе товары, какъ хлѣбъ, платье, обувь на мѣхи инородцевъ и посредствомъ этой торговли, естественно, большая часть мѣховъ уходила въ руки купцовъ. Инородцы вели торговлю мѣхами съ Китаемъ и Бухарой. Правительство стремилось, по своему обыкновенію, получить себѣ какъ можно большую часть мѣховъ изъ всей добычи

инородцевъ, но для этой цѣли оно должно было бороться съ громадными трудностями. Сборъ съ инородцевъ ясака могъ быть сдѣланъ только служилыми людьми, а служилыхъ людей въ Сибири было мало. Но еслибы правительство и могло отправить служилыхъ людей, то надо было для нихъ приготовить хлѣбъ, а хлѣба было тамъ мало.

Самый сборъ и повѣрка его были чрезвычайно затруднительны, потому что инородцы были разбросаны по всей Сибири и число ихъ даже приблизительно было неизвѣстно. Сборъ нужно было поручать служилымъ людямъ, подъ надзоромъ воеводъ, а служилые люди и воеводы сами могли наживаться и наживались. Самый сборъ мѣхами былъ вещь очень неопредѣленная, потому что цѣнность одного и того же мѣха была чрезвычайно различна, а еще болѣе потому, что инородцы имѣли обычай, кромѣ узаконеннаго числа мѣховъ, давать поминки и правительству, и воеводѣ, и сборщикамъ. Было бы гораздо проще и справедливѣе уничтожить всякія поминки, какъ это было уже сдѣлано въ Россіи, но правительство боялось, что такимъ образомъ оно лишится большой массы мѣховъ, которые, все-таки, пойдутъ къ воеводамъ, сборщикамъ, купцамъ, за границу. Такое неопредѣленное положеніе вещей предоставляло полнѣйшій просторъ воеводской дѣятельности. Прежде всего воеводы старались добыть хлѣбъ для служилыхъ людей и для этой цѣли постоянно заселяли новыя земли и произвольно назначали оброки, льготы, повинности. У поповъ, діаконовъ, дьячковъ, подъячихъ, торговыхъ и всякихъ неслужилыхъ людей брали выдѣльной хлѣбъ. Все это они дѣлали, руководствуясь правиломъ: „искать передъ прежнимъ во всемъ прибыли“ и другимъ: „чтобъ въ избылыхъ никто не былъ“. Князь Сулешевъ собралъ много хлѣба, передъ прежними воеводами. Но прибыль хлѣба учинилась бы и тогда, когда бы убавили хлѣба у служилыхъ людей. Князь Сулешевъ, замѣтя, что служилые люди сами обзавелись пашнями, а потому пересталъ имъ выдавать хлѣбное жалованье, „чтобы они даромъ пашнями не владѣли“ (Д. А. И. т. IV, № 138). Приборъ новыхъ лицъ

въ дѣти боярскіе, стрѣльцы, казаки и назначеніе имъ жалованья въ Сибири почти во все царствованіе Михаила и Алексѣя вполнѣ зависѣло отъ воеводъ (А. И. т. IV, № 209). Но если легко было убавить жалованье служилымъ людямъ, то не легко было имъ прибавить. Въ Тобольскѣ воеводамъ, бывшимъ послѣ Сулешева, строго было запрещено: „прибавливать царскаго жалованья" (Д. А. И. т. IV, № 138). Воеводы отправляли служилыхъ людей сбирать ясакъ и приказывали имъ: „сбирати по людямъ и по промыслу". А воеводамъ приказывалось „съ ясачныхъ людей ясачную и поминочную рухлядь сбирати неоплошно, съ великимъ радѣньемъ, чтобъ имъ въ мягкой рухляди передъ прежнимъ окладомъ учинить прибыль". Князь Сулешевъ и здѣсь выказалъ дѣятельность: онъ установилъ новый ясакъ (ib.). Вся эта дѣятельность Сулешева удостоилась похвалы и слѣдующему за нимъ воеводѣ было наказано: „ко всякимъ дѣламъ разсмотрѣнье свое показать, по своему высмотру и во всемъ великому Государю въ деньгахъ, и въ хлѣбѣ, и въ пашняхъ, и во всякихъ сборахъ передъ прежнимъ учинить прибыль". Если же воеводы чинили убыль въ сборѣ ясака, то ея доправливали на нихъ самихъ. Воеводы должны были обыскивать сборщиковъ, по пріѣздѣ ихъ въ городъ, развѣдывая, не провезли ли они лишняго ясака, не записаннаго въ книги, и стараться узнать: не помѣтали ли они его гдѣ нибудь дорогой, не отдали ли купцамъ, за что приказывалось воеводѣ бить ихъ батогами и кнутомъ нещадно. Привезенная рухлядь оцѣнивалась воеводами по сибирскимъ цѣнамъ, причемъ имъ приказывалось, чтобы они оцѣнили такъ, чтобы по московской оцѣнкѣ училась прибыль (Д. А. И. т. IV, №№ 59, 137 и 138). Затѣмъ воевода долженъ былъ принять мѣры, чтобы чрезъ сибирскую торговлю не особенно наживались русскіе купцы. Прежде всего, купцамъ запрещалось торговать до тѣхъ поръ, пока соберется ясакъ. Купцамъ строго запрещалось покупать, а инородцамъ продавать дорогіе соболи и лисицы; съ привезенныхъ ими товаровъ бралась десятая пошлина, а съ куп-

ленныхъ товаровъ бралась снова десятая пошлина (Д. А. И. т. IV, № 81).

Понятно, что при такой организаціи воеводскаго управленія, злоупотребленіе, со стороны воеводъ, особенно въ Сибири, было дѣломъ неизбѣжнымъ. Сибирскіе воеводы строили новыя заставы, кромѣ правительственныхъ, и брали здѣсь большіе поборы съ проѣзжающихъ купцовъ. Такъ, одинъ подъячій въ Енисейскѣ, взялъ съ купцовъ, за проѣздъ чрезъ устроенную имъ заставу, 1,000 руб. (А. И. т. IV, № 8). Ростовскіе посадскіе люди жаловались митрополиту: „что воевода чинитъ всякіе большіе налоги и спрашиваетъ поминокъ большихъ“ (А. И. т. IV, № 175). Поминки невеликія были дѣломъ столь обыкновеннымъ, что объ этомъ не стоило говорить. Въ росписи деньгамъ, собраннымъ старостою, рядомъ со всякимъ сборомъ, стоятъ воеводскія поминки. „Въ 127 г., Сентября въ 11 день, бралъ язъ староста съ обжи по 4 алтына на ратнаго человѣка, да боярину въ поминокъ... съ обжи по 10 денегъ. Того же 127 году, Генваря въ 16 день, бралъ язъ староста на ратныхъ людей... съ обжи по 10 денегъ, да Несмяну Ивановичу Чапликову въ поминокъ, съ обжи по 2 алтына“ (А. Ю., № 374). Было въ обычаѣ на новый годъ, т. е. 1–го сентября, приносить воеводѣ и всѣмъ его подъячимъ по пирогу. Воевода позоветъ обѣдать на новый годъ, а за эту честь нужно поблагодарить деньгами и боярина, и боярыню, и боярскихъ боярынь передъ обѣдомъ, да и на другой день. Различные семейные праздники воеводъ и подъячихъ также требовали подарковъ (Солов. т XIII, стр. 112). Все это было такъ обыкновенно, что почти не считалось обществомъ за злоупотребленіе. Но были такіе воеводы, какъ знаменитый Голохвастовъ, которые отдавали на откупъ зернь и карты, устроивали публичные дома и научали развратныхъ женщинъ обвинять въ измѣнѣ купцовъ, торговыхъ людей, чѣмъ, разумѣется, пользовался знаменитый воевода (А. И. т. IV, № 182).

Перейдемъ теперь къ той части воеводской дѣятельности, гдѣ она соприкасалась съ самодѣятельностію общества. Это

было въ сборѣ податей и налоговъ въ русскихъ городахъ и въ сборѣ таможенныхъ пошлинъ.

Въ началѣ царствованія Михаила, сборъ налоговъ былъ дѣланъ особыми сборщиками, что было до такой степени тягостно для жителей, что они иногда убивали сборщиковъ. Въ 1618 г., такіе разсыльщики такъ правили налоги на Бѣлоозерѣ, что почти всѣ посадскіе разбѣжались (А. А. Э. т. III, 97). И дѣйствительно, было отъ чего бѣжать, потому что одинъ изъ нихъ писалъ царю: „я, холопъ твой, правилъ на нихъ (Бѣлоозерцахъ) твоихъ государевыхъ всякихъ доходовъ нещадно, побивалъ на смерть.“ Послѣ Земскаго Собора 1621 года, эта система была оставлена. Послѣ этого собора, во все царствованіе Михаила, денежные сборы были дѣланы земскими старостами и цѣловальниками, которые выбирались, кажется, изъ посадскихъ и крестьянъ безразлично. Въ наказѣ 1639 г. было сказано: „а въ уѣздѣ бы потому жъ велѣли сбирати старостамъ, и цѣловальникамъ, и всѣмъ крестьянамъ, разложить промежъ себя, чтобы бѣднымъ людемъ передъ прожиточными въ тягости не быть“ (А. И. т. III, № 201). Но при Алексѣѣ Михайловичѣ окладчики выбирались только изъ посадскихъ людей, а они уже окладывали и крестьянъ всѣхъ владѣльцевъ (А. И. т. IV, № 93; А. А. Э. т. IV, № 137). Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ не было помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянъ, было легко устроить выборное управленіе для цѣлаго уѣзда. Въ 1641 г., Чердынскіе уѣздные крестьяне, выборные отъ цѣлаго уѣзда, производили разверстку доходовъ для платежа денежныхъ доходовъ и сибирскихъ отпусковъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда личность крестьянина не была еще совершенно закрѣплена, даже помѣстные и вотчинные крестьяне могли участвовать въ раскладкѣ повинностей. Въ 1620 г., при устройствѣ Псковскаго яма, были собраны воеводою: дворяне, дѣти боярскіе и уѣздные люди и имъ было предложено разложить ямскую повинность. Въ привилегіяхъ монастырямъ говорилось: „что ямскія деньги монастыри должны платить съ сошными людьми вмѣстѣ“ (А. А. Э. т. III,

№№ 133, 139; А. И. т. III, №№ 111, 119, 129). Но владѣльцы помѣстій и вотчинъ старались платить деньги сами, прямо въ приказы, даже при Михаилѣ (А. И. т. III, № 95; А. А. Э. т. III, № 93). При Алексѣѣ Михайловичѣ едва ли крестьяне имѣли какое-либо участіе въ раскладкѣ податей. При построеніи, напримѣръ, Новгородскаго острога, раскладка была произведена прямо въ Приказѣ, и оттуда была послана грамота митрополиту, чтобы онъ велѣлъ доставить опредѣленное количество бревенъ. Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, что при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, въ выборѣ земскихъ старостъ участвовали и крестьяне, а при Алексѣѣ Михайловичѣ они выбирались только посадскими, или, можетъ быть, для уѣздовъ были свои „все уѣздные земскіе старосты", названіе встрѣчающеея въ нѣкоторыхъ актахъ.

Земскій староста и цѣловальники имѣли особое присутственное мѣсто, которое называлось „Земская Изба". При выборѣ въ земскіе старосты, община давала ему запись: „чтобъ вѣдати ему всякія мірскія дѣла, а во всякихъ мірскихъ дѣлахъ радѣти, а намъ мірскимъ людямъ его во всякихъ мірскихъ дѣлахъ слушати; а не учнемъ, мірскіе люди, его слушати, и ему насъ волею и неволею къ мірскому дѣлу нудити" (А. Ю. № 282). Цѣловальники были помощниками земскаго старосты. Кромѣ того, на счетъ земства нанимался дьячекъ, занимающійся письмоводствомъ (А. Ю. №№ 285 и 286). Земскій староста былъ представителемъ городской, а иногда, и уѣздной общины и ходатаемъ за нее предъ правительствомъ. Обыкновенно во всѣхъ челобитныхъ писалось: „бьютъ челомъ сироты твои шуяне, земскій староста (имя рекъ) и во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто" (Оп. Шуи, №№ 35, 39, 40 и пр.).

Въ Земской Избѣ, у земскаго старосты и цѣловальниковъ, хранились документы, относящіеся къ посаду и посадскимъ. Въ 1660 г., при передачѣ дѣлъ новому старостѣ и цѣловальникамъ, въ Шуйской Земской Избѣ были слѣдующія грамоты: „двѣ земляныя, да уставная государева грамота, да подымная государева грамота, да что меньши дву сотъ

посадскихъ людей несудить, да съ государевыхъ грамотъ списки, да сорокъ семь грамотъ государевыхъ, да отписи платежныя во всякихъ государевыхъ доходѣхъ прошлыхъ годовъ и въ 163 г., описи губныхъ цѣловальниковъ въ подможныхъ деньгахъ, выписи съ Писцовыхъ книгъ Аѳанасья Вѣкова, списокъ межевальной книги своднымъ людемъ, книги дворовыя, и лавочныя, и тягольныя, о мельницахъ государева грамота, о мыльномъ и о дехтярномъ промыслу, поручныя записи по новыхъ людѣхъ, списокъ съ таможенной грамоты и книга уложенія, отписи платежныя всякихъ государевыхъ доходовъ на прошлые годы и нынѣшній 163 г., росписи, что около посаду земля дѣлена" (Оп. Шуи, № 34). Я нарочно сдѣлалъ эту длинную выписку, чтобы наглядно показать, какого рода дѣла непосредственно относились къ Земской Избѣ. Очевидно, что въ Земскую Избу присылались всѣ законодательныя грамоты, относящіяся къ посадскимъ: книги, относящіяся къ описанію городскихъ дворовъ, лавокъ и вообще тяглъ и городскихъ промысловъ; книги, относящіяся къ всевозможнымъ сборамъ съ земства.

Земское управленіе тѣсно связывалось съ таможеннымъ и вѣрнымъ управленіемъ, распродавало монополизированныя въ пользу государства имущества, потому что, какъ мы видѣли выше, земство отвѣчало иногда за недоборы и растрату государевыхъ денегъ. Подъ руководствомъ земскихъ старостъ производились выборы въ таможенные головы и цѣловальники (Д. А. И. т. IV, № 140).

Наконецъ, земство должно было наблюдать, чтобы не было разбоевъ и грабежей. Въ 1665 году, среди посаду, былъ убитъ одинъ посадскій, за что на всемъ посадѣ велѣно было взять пѣню, по рублю съ двора. Въ 1667 году было повелѣно однимъ указомъ, разосланнымъ во всѣ города, чтобы старосты и цѣловальники смертныхъ убойцевъ и вѣдуновъ не таили и за ослушаніе указа назначалась смертная казнь (Д. А. И. т. V, № 62).

Самая важная дѣятельность старостъ и цѣловальниковъ заключалась въ раскладкѣ, сборѣ и, нерѣдко, доставленіи

въ Москву различныхъ налоговъ и повинностей. Многоуважаемый профессоръ Чичеринъ, на основаніи нѣкоторыхъ актовъ. (А. А. Э. т. III, № 159 и т. IV, № 146; А. И. т. III, № 123, 202, и т. IV № 43) мнѣ кажется, ошибочно утверждаетъ, что вѣдомство старостъ и цѣловальниковъ простиралось только на черныя сохи (Обл. Учрежд. стр. 537). Мнѣ кажется, этого нельзя вывести даже на основаніи грамотъ, имъ самимъ приведенныхъ. Въ первой жалованной грамотѣ Черкасскаго онъ освобождается „отъ всѣхъ сборовъ, и, опричъ того, что емлютъ съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель“ (А. А. Э. т. III, № 159). Въ другой жалованной грамотѣ говорится о томъ, „чтобы черныхъ монастырскихъ вотчинъ со властелинскими и Верховскихъ монастырей бѣлыхъ земель верстать и даточныхъ людей имать не велѣно, и ни съ чѣмъ ихъ съ жалованными монастыри бѣлыми землями не верстать, потому что они съ тѣхъ *монастырскихъ* черныхъ тяглыхъ деревень *всякіе наши* Великаго Государя подати и мірскіе разметы отпущаютъ съ черными волостными крестьянами вмѣстѣ“. Изъ этой грамоты видно, что были бѣлыя монастырскія земли и черныя монастырскія земли, которыя отличались тѣмъ, что бѣлыя земли, какъ видно, освобождались почти совершенно отъ всякихъ постоянныхъ, исключая случайныхъ налоговъ, тогда какъ другія платили нѣкоторыя повинности съ черными землями, какъ ямскую гоньбу, строеніе остроговъ, стрѣлецкіе хлѣбные запасы. Земли такихъ „жалованныхъ“ монастырей нужно бы назвать бѣлѣйшими (А. А. Э. т. IV, № 146). Въ слѣдующей грамотѣ, по жалобѣ игумена маленькаго монастырька, какъ видно изъ грамоты, освобожденнаго отъ всѣхъ налоговъ, ради грабежа его разбойниками, воеводѣ было велѣно разобрать, на какомъ основаніи крестьяне Тосной волости притягиваютъ пустынку въ мірскіе разметы (А. И. т. III, № 202). Очевидно, крестьяне не признавали этого полнѣйшаго обѣленія пустынки. Изъ другихъ грамотъ видно, что раскладкой податей занимались выборные люди отъ посада и уѣзда, какъ, напримѣръ, Чердынскій уѣздъ расписывали выборные уѣзд-

ные люди (А. А. Э. т. IV, № 6). Мостовой сборъ, напримѣръ, дѣлался посадомъ и уѣздомъ. „А на Москвѣ и во всѣхъ нашихъ городахъ, говорится въ одной грамотѣ, такія дѣла (т. е. мостовой сборъ) дѣлаютъ посады и уѣзды всѣми сохами, бѣлыми и черными людьми, потому жъ всѣ безъ выбору (т. е. безъ исключенія) (А. А. Э. т. III, № 145).

Но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было разложить повинности на сохи, такія дѣла дѣлались не старостами, но воеводами, по писцовымъ и дозорнымъ книгамъ, или, наконецъ, монастыри, на основаніи жалованныхъ грамотъ, платили свои повинности прямо въ приказъ, тоже на основаніи писцовыхъ книгъ. Воеводамъ давалось право надзора надъ земскими старостами, цѣловальниками и денежными сборщиками, чтобы они вмѣстѣ съ мужиками богатыми, мелкимъ людямъ обидъ и насильствъ не дѣлали и не сбирали лишнихъ денегъ (Д. А. И. т. IV, № 134).

Земскіе старосты вѣдали ямскіе отпуски тамъ, гдѣ не было правильныхъ ямовъ. Для этой цѣли иногда выбиралися особые старосты (А. А. Э. т. III, № 144). Эта область дѣятельности иногда совершенно освобождалась отъ надзора воеводъ, „чтобъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ отъ того утѣсненія не было“ (Д. А. И. т. V, № 53). Здѣсь опять, очевидно, посадскіе и уѣздные люди дѣйствуютъ вмѣстѣ.

Отношенія земскихъ старостъ къ воеводамъ были весьма неопредѣленны: иногда они совершенно освобождались отъ надзора воеводъ (Д. А. И. т. IV, № 53), но, по большей части, эта независимость не была точно опредѣлена для всѣхъ старостъ. Разумѣется, въ рукахъ старостъ было право жалобы Государю, что значительно ограничивало возможность произвола.

Въ ближайшемъ отношеніи къ Земской Избѣ состояло таможенное и вѣрное управленіе. Изъ предыдущей главы мы знаемъ, что многочисленные предметы казенныхъ монополіи отдавались или на откупъ, или продажа ихъ ввѣрялась выборнымъ людямъ отъ общины, подъ именемъ вѣрныхъ го-

ловъ и цѣловальниковъ, которые должны были безвозмездно продавать казенные товары. Кромѣ того, горожане выбирали сборщиковъ таможенныхъ пошлинъ при покупкѣ и продажѣ товаровъ. Въ обоихъ случаяхъ, недовыручки часто доправлялись на горожанахъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они избрали лицъ недостойныхъ довѣрія правительства. Воевода, при выборѣ таможенныхъ головъ, долженъ былъ сказать земскому старостѣ что если горожане выберутъ не надежныхъ цѣловальниковъ, то недоборы взыщутся на нихъ (А. И. т. IV и 12. Д. А. И. т. IV, № 157). Таможенные и кабацкіе головы обыкновенно избирались правительствомъ изъ гостей и посадскихъ другихъ городовъ, а цѣловальники избирались жителями города (А. И. т. III, № 185, 100); посредствомъ этого сочетанія оберегались какъ интересы горожанъ, такъ и интересы правительства. Таможенные головы обыкновенно назначились на одинъ годъ. Таможенные цѣловальники избирались въ Земской Избѣ и приводились къ присягѣ воеводою. Таможеннымъ головамъ и цѣловальникамъ давался казенный дворъ близко таможеннаго и гостинаго двора; имъ отдавались прежними головами книги и грамоты, на основаніи которыхъ они должны были собирать пошлины. Таможенные головы находились подъ надзоромъ воеводъ, хотя не были вполнѣ подчинены имъ. Они должны быди доставлять воеводамъ черновыя и бѣловыя книги своихъ приходовъ и расходовъ; ежемѣсячно, а иногда и по полугодамъ представлять ему собранныя ими деньги (А. И. т. III, № 196. А. А. Э. т. III и 143). Воевода долженъ былъ наблюдать, чтобы кабацкіе головы не пили, и сродниковъ не поили и государевыхъ таможенныхъ пошлинъ по свойству и по дружбѣ не уменьшали, цѣня низшею цѣною товары (Д. А. И. т. IV, № 137, 138). Кромѣ того таможенные головы должны были, по полугодно, а съ 1660 года только разъ въ годъ, отдавать отчетъ Московскимъ приказамъ (Д. А. И. т. IV, № 149). Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, воеводы были совершенно устранены отъ пря-

маго учета таможенныхъ головъ и они были непосредственно подчинены приказамъ.

Третьимъ важнымъ учрежденіемъ, состоящимъ въ нѣкоторой зависимости отъ общества, были губные старосты. Губныя учрежденія были самымъ важнымъ остаткомъ эпохи самоуправленія. Губные старосты и цѣловальники, какъ и въ предшествующую эпоху вѣдали исключительно уголовныя дѣла по разбоямъ и грабежамъ. Въ отдѣленіи этой важной отрасли управленія изъ вѣденія воеводъ, выражается заботливость правительства объ общественномъ благосостояніи. Въ самомъ дѣлѣ, въ истребленіи грабежей и разбоевъ было заинтересовано столько же общество, сколько и само правительство, а потому правительству не было нужды устранить совершенно общество отъ участія въ этомъ дѣлѣ и безъ нужды еще болѣе усиливать власть воеводы, безъ пользы для себя и ко вреду общества. Правительство очень ясно сознавало, что если къ обширной власти воеводы будетъ присоединено право казнить смертію обвиняемыхъ въ разбояхъ и грабежахъ, тогда мѣстное народонаселеніе будетъ въ полной и безусловной зависимости отъ воеводы, который легко можетъ воспользоваться своимъ положеніемъ для личнаго обогащенія.

Губнымъ округомъ былъ обыкновенно уѣздъ, но если уѣздъ былъ великъ, тогда въ немъ устраивался и другой губной станъ. Такъ, напримѣръ, въ Новгородскомъ уѣздѣ губные старосты были въ каждой пятинѣ (А. А. Э. т. III, № 126). Губное управленіе состояло изъ губнаго старосты, цѣловальниковъ, тюремщика, земскаго дьячка и палача. Губной староста выбирался всѣмъ обществомъ округа, какъ духовенствомъ, служилымъ классомъ, посадскими и крестьянами (А. А. Э. т. III, № 171; А. И. т. III, № 167 стр. 56). Но, если въ выборѣ губнаго старосты участвовали всѣ классы, то выбраннымъ могъ быть только дворянинъ, или сынъ боярскій, гдѣ дворянъ не было (Улож. гл. XXI, стр. 4). Выборы производились въ городѣ въ день, назначенный воеводою (А. А, Э. т. III, № 171). При выборахъ воевода объявлялъ отъ царскаго имени, чтобы жители выбирали лучшаго человѣка, го-

раздаго грамотѣ, или, въ противномъ случаѣ, Государь самъ пришлетъ губнаго старосту (ibid.). Губные цѣловальники и тюремный сторожъ выбирались сошными людьми изъ посадскихъ и крестьянъ всѣхъ именованій (А. И. т. III, № 167 стр. 56 и Ул. гл. XXI, стр. 97). Губный дьячекъ избирался также всѣми классами общества (А. И. т. III, № 167, стр. 57). Всѣ эти лица, какъ губной староста, цѣловальники и земскій дьячекъ были изъяты отъ суда воеводъ и судились въ Разбойномъ Приказѣ (А. И. т. III, № 167 стр. 60; Ул. гл. XXI, стр. 6).

Содержаніе губнаго суда, какъ постройка Губной Избы, тюрьмы, наемъ палача, расходы на свѣчи, бумагу, на содержаніе земскаго дьячка, подмога тюремному сторожу и цѣловальникамъ, должны были разлагаться поровну на всѣ сохи (А. А. Э. т. III, № 271 стр. 152). Всѣ эти расходы были столь тяжелы, что монастыри и даже дворяне старались избавиться отъ нихъ. Нѣкоторые монастыри, въ числѣ своихъ привилегій, имѣли привилегію не посылать своихъ цѣловальниковъ въ губу и не платить имъ подмоги (А. И. т. I, № 169). Но, правительство рѣдко давало подобные привилегіи монастырямъ, а по большей части приказывало брать губныхъ цѣловальниковъ насильно, если монастыри отказывались давать ихъ добровольно (А. А. Э. т. IV, № 92).

Въ губномъ судѣ староста имѣлъ преобладающее значеніе и цѣловальники были едва ли чѣмъ-либо болѣе служителей его. Отсюда легко могли произойти злоупотребленія, такъ какъ въ рукахъ губнаго старосты была власть казнить смертію разбойниковъ. Губные старосты иногда пользовались своею властію для выжиманія взятки и поборовъ съ жителей губнаго округа. Въ 1635 году, напримѣръ, жители Шуи были до такой степени раздражены на своего губнаго старосту, что обратились съ просьбою къ государю, чтобы въ губныхъ дѣлахъ, рядомъ съ губнымъ старостою, судили воеводы и приказные люди (Оп. Шуи Гр., № 18). Но если въ отдѣльныхъ случаяхъ губные старосты могли злоупотреблять своею властію, то вообще существованіе особыхъ губныхъ судовъ

было учрежденіемъ благодѣтельнымъ, потому что безъ этаго учрежденія власть воеводъ была бы безгранична.

ГЛАВА XIII.

Отношеніе церкви къ обществу и государству.

Въ XVII-мъ столѣтіи произошло важное измѣненіе какъ во внутренней религіозной жизни общества, въ области религіозныхъ идей, такъ и въ характерѣ церковнаго устройства и управленія.—Умственное движеніе прошлаго вѣка произвело три религіозныя направленія въ обществѣ: немногочисленный классъ религіозныхъ радикаловъ, умѣренныхъ религіозныхъ новаторовъ и партію безусловныхъ приверженцовъ старины.—Существенная необходимость и великое значеніе Никоновой реформы.—Устройство и управленіе церковью: соборы и ихъ значеніе, центральные патріаршіе приказы, мѣстные епархіальные приказы и десятинники. — Состояніе монастырей. — Приходскія церкви и бѣлое духовенство. — Отношеніе царской власти къ церкви.

Какъ во внутренней жизни церкви, въ сферѣ ея религіозныхъ идей, такъ и во внѣшнемъ ея устройствѣ, въ организаціи церковнаго управленія, въ XVII вѣкѣ произошли многозначительныя измѣненія.

Великое умственно-религіозное броженіе XVI вѣка въ XVII столѣтіи произвело религіозную реформу, извѣстную подъ скромнымъ именемъ исправленія церковныхъ книгъ. Эта церковная реформа, какъ она не кажется незначительной въ наше время, была великимъ шагомъ впередъ въ исторіи нашего умственнаго развитія: она дала нашей религіозной жизни новое направленіе и сдѣлала возможнымъ послѣдующую великую реформу Петра, которая безъ нея едвали бы состоялась.

Но, на сколько предшествующее умственно-религіозное развитіе повліяло благопріятно на внутреннюю жизнь церкви, на столько же вредно отозвалась на ея организаціи новая политическая организація государства. Прикрѣпленіе крестьянъ и посадскихъ неминуемо повело за собою образованіе особаго класса — духовенства, потому что государство не дозволяло теперь церкви выбирать себѣ служителей изъ всѣхъ классовъ общества. Образованіе такого отдѣльнаго духовнаго сословія должно было неблагопріятно отозваться на жизни церкви по многимъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что оно значительно съуживало кругъ лицъ, могущихъ достойнымъ образомъ исполнять церковныя обязанности; во-вторыхъ, дѣлая церковный санъ какъ бы наслѣдственною собственностію, оно не заставляло человѣка дѣлаться достойнымъ его; наконецъ, выдѣляя духовенство изъ всякой связи съ обществомъ, оно заставляло общество съ непріязнью и недовѣріемъ смотрѣть на новое привилегированное сословіе.

Новое, вынужденное обстоятельствами, развитіе государственной власти и полное уничтоженіе областнаго самоуправленія, также неблагопріятно отразились и на церковной жизни. Всемогущее государство, сдѣлавшись полноправнымъ распорядителемъ всѣхъ сторонъ народной дѣятельности, теперь присвоило себѣ право наблюдать за исполненіемъ обществомъ религіозныхъ обрядовъ и наказывать неисполняющихъ религіозныхъ предписаній. Это новое расширеніе государственной власти было вредно и для религіозной и для политической жизни государства, задерживая естественный ходъ религіозной жизни. Уничтоженіе участія общества въ областномъ управленіи и усиленіе власти воеводъ, естественно, повело за собою и въ церковномъ управленіи уничтоженіе участія священно- и церковно-служителей и расширеніе власти епископовъ. Въ каждый моментъ историческаго развитія народной жизни, обществомъ управляетъ идея, которую можно назвать идеей вѣка; эта идея вѣка проникаетъ во всѣ отрасли государственной, общественной и церковной жизни. Въ XVI столѣтіи, этой идеей вѣка было самоуправ-

леніе и съ этой точки зрѣнія совершилось преобразованіе церковнаго и государственнаго устройства. Въ XVII столѣтіи прикрѣпленіе сословій вызвало необходимость новаго усиленія государственной власти и введеніе единоличной администраціи въ областное управленіе и та же идея въ церковномъ устройствѣ выразилась расширеніемъ епископской власти. Разсмотримъ теперь совершившееся измѣненіе, какъ во внутренней религіозной жизни общества, въ области религіозныхъ идей, такъ и во внѣйшней сферѣ, въ отношеніи устройства и управленія церкви.

Смѣлыя мысли религіозныхъ реформаторовъ XVI столѣтія уходили слишкомъ далеко отъ общаго уровня умственнаго развитія общества, чтобъ ихъ идеи принялись имъ вполнѣ, всецѣло, но ихъ вліяніе тѣмъ не менѣе было громадно. Подъ вліяніемъ этихъ идей, общество раздѣлилось на три класса, рѣзко отличавшихся одинъ отъ другаго. Первый классъ, весьма немногочисленный, но все-таки растущій съ каждымъ поколѣніемъ, были прямые наслѣдники религіозныхъ радикаловъ XVI столѣтія, которые хотя теперь не осмѣливаются выходить на открытую борьбу съ господствующимъ вѣроученіемъ, но продолжаютъ тайно свою пропаганду и образуютъ тайныхъ протестантовъ. Отъ времени до времени проявляются факты, доказывающіе ихъ существованіе, но о нихъ не слышно ни на соборахъ, ни въ духовныхъ посланіяхъ пастырей церкви. Мы уже видѣли въ смутное время, въ посланіи неизвѣстныхъ лицъ къ народнымъ воеводамъ, прямыхъ наслѣдниковъ идей XVI вѣка. Въ 1623 году, въ Кириловскій монастырь былъ сосланъ на покаяніе князь Иванъ Хворостининъ, „для исправленія христіанскія вѣры, о ней же сомняся не мало и въ чужая приникъ о истиннѣ погрѣши, и воскресеніе мертвымъ лжю быти вмѣни, о немъ же и непщева яко мертвенное и тлѣнное и разшедшееся въ тлѣніе естество тѣлесное въ первую красоту, но и паче же во славу безсмертія, возстати не можетъ.“ (А. А. Э. т. III, № 147). Но князь Хворостининъ на этотъ разъ не долго просидѣлъ въ монастырѣ, не болѣе мѣсяца, покаялся или, вѣрнѣе, притворился

раскаяннымъ и былъ освобожденъ. Но вскорѣ послѣ этого, князь Хворостининъ былъ, вѣроятно, снова сосланъ, потому что въ 1632 году его снова возвратили. Въ грамотѣ, написанной по этому поводу, говорится, что Хворостининъ не держалъ въ своемъ домѣ ни образовъ, ни священныхъ книгъ славянскихъ; говорилъ не пригожія слова про православную вѣру; билъ своихъ людей, которые отправлялись въ церковь, говоря, что молиться не для чего, такъ какъ воскресенія мертвыхъ не будетъ; всю страстную недѣлю ѣлъ скоромное и пилъ безъ просыпу; про москвичей говорилъ, что это все народъ глупой, сѣютъ землю рожью, а живутъ будто все ложью; русскихъ государей не по достоинству называлъ „деспотами.“ (С. Г. Г. и Д. т. III, № 90). Олеарій разсказываетъ, что во время своего путешествія по Россіи, онъ встрѣтилъ богатаго русскаго купца, который не побоялся высказать ему, что онъ не одобряетъ той формы поклоненія иконамъ и святымъ, которую онъ находитъ у своихъ соотечественниковъ, онъ смѣялся надъ суевѣрнымъ обожаніемъ бороды, усовъ и отечественныхъ костюмовъ, говоря, что онъ охотно бы выбрился и бросилъ свое платье въ огонь. Онъ высказалъ, что въ чтеніи священнаго писанія онъ находитъ болѣе духовнаго утѣшенія, чѣмъ въ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ. На вопросъ Олеарія, почему онъ не распространяетъ свои мнѣнія въ средѣ русскаго общества, онъ отвѣчалъ, что въ этомъ отношеніи нужно быть очень осторожнымъ, потому что его уже и такъ зовутъ еретикомъ (Олеарій, стр. 354). Еще замѣчательнѣе другой фактъ, о которомъ также сообщаетъ Олеарій. „Не очень давно, говоритъ Олеарій, одинъ изъ важнѣйшихъ московскихъ священниковъ, Иванъ Нероновъ, созвалъ многочисленное общество и открыто объявилъ себя противъ поклоненія иконамъ, называя идолослуженіемъ поклоненіе дереву и краскамъ. Онъ говорилъ, что если нужно воздавать почитаніе иконамъ, то еще большаго почтенія заслуживаетъ живописецъ, творецъ иконъ. Этотъ священникъ былъ вскорѣ схваченъ, по приказанію патріарха, и сосланъ въ Каменной монастырь, стоящій на берегу Волги (Олеарій,

стр. 355). Князь Никита Ивановичъ Романовъ, близкій родственникъ государя, по сказанію Олеарія, любилъ одѣваться въ французское и нѣмецкое платье, въ особенности, когда онъ отправлялся на охоту. Но патріарху чрезвычайно не нравилась такая вольность, въ особенности потому, что князь Никита неуважительно говорилъ о религіи, такъ что патріархъ запретилъ ему говорить объ этомъ предметѣ. (Олеарій, стр. 202). Этотъ же князь Никита Ивановичъ съумѣлъ отстоять своихъ музыкантовъ, во время страшнаго гоненія на музыку, когда во всѣхъ домахъ производились обыски музыкальныхъ инструментовъ, которые бросались въ кучи и сожигались (Олеарій, стр. 359). Въ русскихъ источникахъ тамъ и сямъ разбросаны указанія на существованіе религіозныхъ раціоналистовъ. Въ 1632 году, въ Корельскій монастырь былъ сосланъ священникъ Нижегородскаго Воскресенскаго монастыря, „за его гордость и *высокую* мысль, въ изступленіи ума бысть и нынѣ не въ совершенномъ разумѣ, и въ людѣхъ многую смуту чинилъ, и людей училъ безъ нашего благословенія, и священникомъ лаялъ и еретиками называлъ, отъ своего безумства. (А. А. Э. т. III, № 198). Въ 1661 году, у одного царицынскаго діакона были выняты „богоотступныя письма", за что діаконъ былъ сосланъ въ монастырь (Д. А. И. т. IV, № 99). Въ 1665 г. былъ сосланъ въ Кириловъ монастырь стольникъ Милославскій, потому что онъ пришелъ въ „иступленіе ума" и было велѣно его приводить къ цѣломудрію и страху Божію (Д. А. И. т. VI, № 2). На увеличеніе партіи религіозныхъ раціоналистовъ имѣли, безъ сомнѣнія, большое вліяніе нѣмцы, жившіе во множествѣ въ Москвѣ. Крыжаничъ говоритъ, что нѣкоторые русскіе, мало по малу, заражаются нѣмецкимъ нечестіемъ и ересями, стремятся преобразовать церковное устройство и стремятся отличиться отъ другихъ особенной чистотой жизни, за что Крыжаничъ упрекаетъ ихъ въ фарисействѣ (Крыж. т. I., ст. 217)

Второй классъ, болѣе многочисленный и еще болѣе вліятельный, составляли умѣренные религіозные новаторы, отличные какъ отъ радикаловъ, такъ и отъ массы народа. Партія

эта была сильна, потому что къ ней принадлежали оба благочестивыхъ Царя, Михаилъ Ѳедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, большая часть придворной аристократіи и многіе члены высшаго духовенства. Занимая средину между религіозными радикалами и народомъ, эта партія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, заимствовала свои идеи отъ религіозныхъ радикаловъ, а въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ ея идеи нисколько не отличались отъ идей и понятій народной массы. Безъ всякаго сомнѣнія, эта партія образовалась посредствомъ вліянія религіозныхъ реформаторовъ на умы высшихъ классовъ общества, которые, по своимъ экономическимъ условіямъ, могли отдавать часть своего времени на религіозныя бесѣды. Но отвлеченныя идеи религіозныхъ радикаловъ могли только отчасти быть понятыми большинствомъ членовъ высшаго общества, потому что даже въ обществѣ безъ всякаго сравненія болѣе подготовленномъ, чѣмъ было умственно подготовлено русское общество XVII вѣка, новыя идеи и понятія развиваются чрезвычайно медленно и понимаются весьма односторонне. Даже, при усвоеніи обществомъ новыхъ идей оно очень часто сохраняетъ рядомъ съ ними старые предразсудки, хотя они должны были бы мгновенно исчезнуть, еслибъ общество могло логически вывести всѣ слѣдствія, вытекающія изъ новой идеи. Умѣренные религіозные новаторы XVII вѣка все еще вѣровали въ глубокое религіозное значеніе бороды, усовъ, стародавняго костюма, хотя все это казалось смѣшнымъ такимъ людямъ, какъ князь Никита Ивановичъ или либеральный купецъ, встрѣтившійся съ Олеаріемъ. Въ Требникѣ, изданномъ при патріархѣ Филаретѣ, помѣщено слѣдующее осужденіе брадобритія: „Проклинаю богоненавидимую блудолюбнаго образа прелѣсть, душегубительныя помраченныя ереси, еже остригати браду, ей же бысть начальникъ беззаконный Петръ Гугнивый, Римскій папа. Во царехъ же тоя ереси начальникъ, Константинъ Ковалинъ, иконоборецъ; и въ той ереси и прочіе римстіи папы погрязоша, и всѣ латинстіи епископи и попове, мнози же и мірстіи человѣцы, умъ погубивше, ниспадше въ таковое прокаженіе, лица

своего губяще доброту, Богомъ созданнаго имъ образа, его же добротою украси Богъ человѣка, по своему образу и по подобію (Розыскъ. Дм. Рост. стр. 326). Мнѣніе о душевредности нѣмецкаго платья и нѣмецкихъ обычаевъ держалось во все царствованіе Алексѣя Михайловича. Еще въ 1675 г. былъ изданъ слѣдующій указъ: „Стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ указалъ Великій Государь указъ сказать, чтобъ они иноземныхъ нѣмецкихъ извычаевъ не перенимали, волосовъ у себя не подстригали, такожъ и платья, кафтановъ и шапокъ, съ иноземныхъ образцовъ не носили, и людямъ своимъ потому жъ носитъ не велѣли“. За неисполненіе указа предписывалось понижать чинами (П. С. З. т. I, № 607). Люди этой партіи считали грѣховодными всякія развлеченія, а въ особенности музыку и танцы; они преслѣдовали пляски скомороховъ, скаканье на доскахъ, качели, игру на бубнѣ, свирѣли и вообще игру на всякихъ музыкальныхъ инструментахъ; свѣтскіе пѣсни считалось ими также грѣховными (А. И. т. III, № 92, ст. X; А. А. Э. т. III, № 234 и т. IV, № 98). Но рядомъ съ этими предразсудками, прямыми остатками предшествовавшаго періода, люди этой партіи заимствовали отъ религіозныхъ радикаловъ привычку доискиваться смысла и значенія тѣхъ религіозныхъ обрядовъ и обычаевъ, которые прежнее поколѣніе принимало на вѣру, не размышляя. Хотя мыслительная дѣятельность людей этой партіи и останавливалась съ выраженіемъ ужаса передъ бритьемъ бороды и иноземными костюмами, но, во многихъ случаяхъ, они умѣли уже отличать истинные православные догматы и обряды отъ наноса суевѣрной старины, чѣмъ они рѣзко отличались отъ третьей партіи, считавшей все старое святымъ и боящейся мысли, какъ грѣха. Для лучшей характеристики религіозныхъ понятій этой партіи, я считаю за лучшее разсказать религіозные обычаи, соблюдавшіеся во дворцѣ, потому что оба благочестивыхъ царя были лучшимъ украшеніемъ этой партіи.

Царскій дворецъ окружали церкви, которыя были соединены съ нимъ сѣнями и переходами. Многіе монастыри и

церкви въ городѣ и за городомъ пользовались особою любовію государей. Такъ, въ день своихъ имянинъ, Алексѣй Михайловичъ обыкновенно бывалъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Три раза въ году, Государь бывалъ въ Архангельскомъ соборѣ (8 ноября, 15 мая, 19 октября). Въ Благовѣщенскомъ соборѣ Государь обыкновенно бывалъ въ день Благовѣщенія, Архангела Гавріила, св. Василія, Вербное Воскресеніе, день св. Іосафа, въ дни имянинъ царицы и царевенъ, недѣлю сыропустную, Великую Пятницу и многіе другіе праздники. Въ Богоявленскомъ монастырѣ Государь бывалъ въ день Богоявленія, день Сергія и др. Почти не было святаго, во имя котораго бы не было церкви въ Москвѣ, куда Государь обыкновенно отправлялся на праздникъ. Болѣе 100 дней въ году были праздниками, въ которые Царь бывалъ у заутрени, обѣдни, вечерни. Михаилъ Ѳедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ ежегодно отправлялись 25 сентября въ Троицкую Лавру, сопровождаемые огромною свитой изъ бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей. На дорогѣ они останавливались въ царскихъ селахъ, лежащихъ на пути къ Троицѣ, въ которыхъ бывали обыкновенно обѣдъ и служба, такъ какъ въ каждомъ селѣ было двѣ, а не рѣдко и три церкви. (Выходы Указ. подъ слов. селы). Въ село Воздвиженское, стоящее не далеко отъ Троицы, обыкновенно являлись архимандритъ и келарь лавры и просили Государя посѣтить ихъ. Въ монастырѣ Государь обѣдалъ вмѣстѣ съ братіею и на другой день возвращался въ Москву. До насъ дошло чрезвычайно любопытное распоряженіе Никона къ пріему Царя во вновь выстроенный имъ Тверской монастырь. Церковь и образа, приказывалъ Никонъ, чтобъ были убраны, да и все бы у васъ въ монастырѣ было чисто, пригоже и стройно, и кельи бы токоже всѣ были стройны и со всѣмъ уряжены и въ кельяхъ бы было убрано.

„Да и къ пустынникамъ бы кельямъ велѣть дорогу прочистить, сажени въ три, чтобъ Государю можно идти безъ нужды, да и тѣмъ бы вамъ порадѣть, чтобъ пустынниковъ пріумножить, человѣкъ бы хотя до десятка.“ На всѣхъ дво-

рахъ, гдѣ долженъ остановиться Царь, было приготовлено по 100 четв. овса, 200 возовъ сѣна, свѣжей рыбы по 2 воза, по бочкѣ сиговъ, по 2 быка, по 3 барана, да по два пива. Въ самомъ монастырѣ къ прiѣзду царскому ставились квасы малиновые, и черемховые и вишневые, готовились яблоки въ патокѣ, свѣжая рыба, словомъ, по выраженiю Никона, „чтобъ всего было съ лишкомъ“ для царскихъ лошадей было заготовлено 500 возовъ сѣна, 500 чет. овса. Царя и патрiарха встрѣчали двѣнадцать отроковъ, которые должны были говорить орацеи краткiя, благословенныя и похвальныя; эти отроки должны были быть убраны такъ, „чтобъ было весьма дивно.“ При встрѣчѣ Государя, Никонъ приказалъ зажечь болѣе ста свѣчей, „чтобъ свѣтлѣе того сдѣлать, какъ насъ Великаго Государя, встрѣчали“. Заботясь о великолѣпiи, Никонъ позаботился и о томъ, чтобы не вышло какой нибудь непрiятности, которая бы разстроила великолѣпiе прiема. Онъ требуетъ, чтобы монахи съ сосѣдями помирились во что бы то ни стало, чтобы ни отъ кого челобитья не было. Всѣхъ „мутныхъ“ старцевъ приказываетъ онъ отослать подале, гдѣ пригоже (А. И. т. IV, № 109).

Кромѣ благочестивыхъ путешествiй, особенною торжественностью отличались посвященiе патрiарха, митрополитовъ и епископовъ, такiя событiя были настоящими праздниками, во время которыхъ были торжественные обѣды, сопровождаемые молитвами и рѣчами; особенною торжественностiю отличались встрѣча и проводы св. иконъ; во время этихъ церемонiй выходили Царь и весь его дворъ въ блестящихъ костюмахъ и на улицахъ бывала такая давка, которая заставляетъ предполагать, что тогда въ Москву собирались сотни тысячъ народа (А. А. Э. т. IV, № 57). Въ 1626 году была получена Государемъ отъ Абасъ-Шаха риза Господня. Государь, придворные и всѣ власти собрались посмотрѣть присланный золотой ковчегъ съ драгоцѣнною вещью. По осмотру, въ немъ оказалась часть нѣкая, и въ длину и поперегъ пядь, полотняна, кабы красновата, похо-

дила на мѣли, или будетъ съ давнихъ лѣтъ и лице измѣнило, и ткана во льну.“ Но нельзя было принять за истину слова иновѣрнаго Царя. Рѣшили установить постъ и покрывать ризою болящихъ. Тогда открылась чудодѣйственная сила ризы Господней и она была признана за дѣйствительную (А. А. Э. т. III, № 168). Кромѣ этихъ исключительныхъ случаевъ, были и каждагодныя торжества 1-го сентября на площади, близь Архангела Михаила, ставили два налоя съ поволоками, а отъ Архангела Михаила выносили налой, съ образомъ Симеона Столпника, да противъ праздника ставили мѣсто царское, а другое для патріарха съ коврами. Здѣсь происходитъ торжественный молебенъ, послѣ котораго патріархъ, окропилъ водою Царя, бояръ и весь народъ. Въ недѣлю праотецъ устроивалось пещное дѣйство, которое совершалось такимъ образомъ, Царь приходилъ въ соборъ безъ звона, предшествуемый халдѣями съ горящими свѣтильниками. До прихода Царя, все духовенство уже было въ полномъ облаченіи; тотчасъ халдѣй брали приготовленныхъ отроковъ за полотно, которымъ обвязаны ихъ шеи и вели къ патріарху, который благословивъ ихъ, давалъ имъ по свѣчѣ, а затѣмъ уже халдѣи отводили ихъ въ печь, которая освѣщалась бенгальскимъ огнемъ. Въ печи отроки пѣли священные стихи до тѣхъ поръ, когда ключарь, испросивъ благословеніе у патріарха, „спущалъ въ печь Ангела съ великимъ шумомъ“, отроки взявъ Ангела за крыло, ходили съ нимъ вокругъ печи (Д. Р. В. т. VI, стр. 125).

Въ Вербное Воскресеніе, патріархъ ѣхалъ на осляти, а Царь, въ знакъ смиренія, касался своею рукою до поводьевъ осла. Кромѣ этого, ежегодно бывали дѣйства православія и дѣйство страшнаго суда. Все духовенство и власти часто бывали у Царя. На Рождество, протопопы ходили къ Царю славить Христа и въ этотъ день бывалъ нерѣдко обѣдъ для властей. Власти приглашались къ столу на пасху, царскіе имянины и въ поминальные дни, отправлявшіеся въ день имянинъ и кончины членовъ царскаго дома. Въ царскомъ дворцѣ была особая панихидная палата, гдѣ кормили властей.

Во всѣ монастыри также отправлялись деньги, чтобы устро-ить кормы для монаховъ. Существовалъ особый панихидный приказъ, который занимался исключительно панихидными дѣлами. Ежегодно изъ всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ монастырей привозилась святая вода, освѣщенная во время мѣстныхъ праздниковъ. Особенно строго соблюдались посты. Во вторникъ, на первой недѣлѣ поста обыкновенно привозили изъ монастырей и раздавали всѣмъ придворнымъ хлѣбъ, капусту и квасъ (А. А. Э. т. IV, № 125). Во весь великій постъ, Царь Алексѣй не кушалъ даже съ постнымъ масломъ. У Царей было особое платье для причащеній и особое платье для благочестивыхъ путешествій, которое называлось „смирнымъ".

Отношеніе Царя къ патріарху всего лучше видно изъ письма Алексѣя Михайловича, въ которомъ онъ разсказываетъ о смерти патріарха Іосифа. Услышавъ о болѣзни патріарха, Царь пошелъ къ нему; чрезъ нѣсколько времени патріарха едва вывели къ Царю. „Посидя немного, пишетъ Алексѣй Михайловичъ, я всталъ и его поднялъ и такъ его начало знобить, не могъ и Достойно проговорить, Славу проговорилъ съ отпустомъ насилу; до почелъ ко мнѣ прощенье говорить, что говорятъ въ среду на страстной, и я ему отвѣчалъ по уставу, да самъ почелъ прощенье къ нему говорить, да поклонился въ землю ему, а онъ малый поклонъ сотворилъ да благословилъ меня, да велѣлъ себя есть провожать меня, а ноги волочить на злую силу; и я сталъ и учалъ его ворочать: „воротися, Государь, ей пуще будетъ" и онъ мнѣ говоритъ: „ино я тебя и въ другорядь благословлю"; и я молвилъ: „пожалуй же, Государь великій святитель благослови и третицею". И онъ пожаловалъ и въ третій благословилъ, да какъ благословитъ и руку даетъ цѣловать и въ херувимъ; и я, благословясь, да поклонился въ землю и поцѣловалъ въ ногу, и онъ, смотря на меня, благословляетъ и прощаетъ". На другой день, услыша, что патріархъ умираетъ, онъ снова отправился къ нему. Придя къ постели патріарха, Царь замѣтилъ, что патріархъ все смотритъ въ

одну сторону, „тогда, говоритъ Алексѣй, я узналъ, что онъ видѣніе видитъ. Не упомню, гдѣ я читалъ, что передъ разлученіемъ души отъ тѣла видитъ человѣкъ вся своя добрыя и злыя дѣла" (А. А. Э. т. IV, № 57).

Такимъ образомъ, жизнь благочестиваго человѣка, временъ Михаила и Алексѣя, шла строго по заведенному порядку. Церковная служба, праздники, панихиды, посты составляли все ея содержаніе. Ходя въ священной однорядкѣ, нося священную бороду, соблюдая священные обычаи, умываясь священной водой, человѣкъ, можно сказать, не жилъ, а исполнялъ обрядъ жизни. Уже прежде его рожденія, вся его жизнь была размежевана, опредѣлена. Казалось, еще одно, два поколѣнія, въ которыя этотъ порядокъ бы устоялся, тогда изъ Россіи бы образовался Китай или Индія, но этого не случилось, вслѣдствіе многихъ причинъ. Въ христіанской вѣрѣ было слишкомъ много глубокаго содержанія, чтобы такое даровитое племя, какъ наше, могло навсегда остановиться только на внѣшнемъ его пониманіи. Великое умственно-религіозное движеніе прошлаго вѣка, хотя наружно было подавлено, но данный имъ толчекъ не могъ остановиться. Кромѣ того, постоянныя столкновенія съ Европой, въ лицѣ нѣмецкихъ полковъ, служащихъ въ Россіи, постоянно толкало насъ впередъ. Если мы глубже всмотримся въ эту жизнь, то найдемъ въ ней много новаго, чего не было въ прежнее время. Самый прогрессивный изъ прежнихъ царей, Борисъ, кончилъ жизнь монахомъ, но этого уже не сдѣлали ни Михаилъ, ни Алексѣй. При самомъ вступленіи на престолъ, Михаилъ запретилъ москвичамъ отправляться въ поминальные дни на Ваганьково, гдѣ они, по обычаю предковъ, ставили на могилахъ покойниковъ разныя блюда изъ овощей и другихъ запасовъ (А. И. т. III, № 92). Въ концѣ своей жизни, Алексѣй дошелъ до такого либеральнаго взгляда, что онъ вмѣстѣ съ своимъ дворомъ присутствовалъ въ балетѣ, который давали иностранные актеры и, хотя нерѣшительно, но дозволилъ танцы сопровождать музыкой, тогда какъ въ началѣ своего царствованія, во время его первой

свадьбы, онъ позволилъ только хору пѣвчихъ распѣвать духовные гимны (Ж. М. Н. П. 1839 г., Іюль). Это же измѣненіе въ религіозномъ пониманіи вѣка ярко выступаетъ въ жизни замѣчательныхъ людей, какимъ былъ, напримѣръ, Ѳеодоръ Ртищевъ. Ртищевъ родился въ 1635 году и умеръ въ 1673 г., слѣдовательно развивался и жилъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Онъ былъ такъ религіозенъ и набоженъ, что въ прежнее время онъ непремѣнно сдѣлался бы монахомъ, но теперь онъ понимаетъ иначе религію. Онъ говоритъ, что всѣ силы религіознаго человѣка должны быть направлены къ тому, чтобы истребить въ себѣ чванство и высокомѣріе. Его мягкость къ крестьянамъ и заботливость о ихъ благѣ была изумительна, такъ что одинъ купецъ продалъ ему крестьянъ гораздо дешевле обыкновеннаго, потому что онъ зналъ, что крестьяне найдутъ въ немъ отца. Передъ смертію онъ распустилъ всѣхъ домочадцевъ на волю, призвалъ жену и дочерей къ своему смертному одру и умолялъ ихъ не налагать на крестьянъ тяжелыхъ и обременительныхъ работъ, потому что они братья наши. Онъ построилъ на свои деньги богадѣльню и отовсюду призывалъ туда нищихъ, болящихъ, бесѣдовалъ съ ними и лѣчилъ ихъ. Его любимой поговоркой было изрѣченіе св. Павла: „въ церкви хощу пять словесъ умомъ моимъ глаголати, нежели тьмы словесъ языкомъ“. Хотя онъ употребилъ громадныя деньги на постройку монастыря, но онъ изъ этого монастыря сдѣлалъ школу, гдѣ учили латинскому и греческому языку и переводили книги (Д. Р. В. т. X, гл. X). Потребность знанія чувствовалась уже такъ сильно, что въ слѣдующемъ поколѣніи мы находимъ людей, подобныхъ Палладію Роговскому, который, начавъ учиться латынѣ уже въ діаконскомъ чинѣ, бѣжалъ въ Польшу, гдѣ принялъ католичество, чтобы учиться философіи; затѣмъ былъ въ Римѣ, чтобы окончить богословское образованіе (Д. Р. В. т. XVIII, стр. 148). Передовые люди общества, какими были благочестивые Цари, строили многочисленныя богадѣльни и даже существовалъ особый приказъ для строенія богадѣленъ. Приказы книгопечатнаго дѣла и Верхной

типографіи показывали, что правительство начало понимать пользу книгопечатанія. Этотъ прогрессъ даже замѣтенъ въ мелочахъ. Монахамъ было велѣно являться со святой водой только разъ въ годъ; греческимъ монахамъ были опредѣлены сроки, когда они должны являться за милостыней (А. А. Э. т. IV, № 99). Третій классъ русскаго религіознаго общества былъ классъ чрезвычайно многочисленный по числу своихъ членовъ, потому что къ нему принадлежало почти все низшее духовенство, дворяне и дѣти боярскіе, большая часть городскаго и сельскаго населенія. Отличительнымъ признакомъ этого третьяго класса была полная неспособность понимать отвлеченныя религіозныя идеи и чрезвычайная, почти первобытная, грубость нравовъ и обычаевъ. Недостатки, въ которыхъ упрекаютъ общество грамоты духовныхъ властей въ существѣ остались тѣ же, какъ и въ прежнемъ періодѣ. Тогда какъ передовые люди достигли совершенства внѣшней набожности, большая часть общества даже внѣшне не исполняла религію и не выучилась обыкновенному благочинію. Поповы и пономаревы дѣти безчинствовали въ алтаряхъ; во время службы по церкви ходили нищіе и юродивые, производя полнѣйшій безпорядокъ и иногда доходя до драки, иногда ползали, „пискъ творяще". Нѣкоторые, для сбора милостыни, притворялись юродивыми, или другіе разыгрывали роль пустынниковъ, прося на построеніе храма (А. А. Э. т. III, № 264). Многіе не приходили никогда даже причащаться и исповѣдываться, другіе, придя въ церковь, смѣялись и безчинствовали (ib. т. IV, № 188). Городскіе и сельскіе священники отличались такой лѣностію, что не отправляли службъ, даже въ воскресные дни (ib). Пьянство было развито въ духовномъ сословіи до страшныхъ размѣровъ. Жители Шуи жаловались преосвященному, что соборный дьяконъ въ кабакѣ и по улицамъ валяется, и по харчевнямъ скитается и, приходя пьянъ къ соборной церкви, въ колокола бьетъ и всегда по улицамъ ходитъ, неистовыя слова говоритъ и бранитъ всякихъ людей (Оп. Шуи, № 52). Въ другой Шуйской церкви попъ дѣлалъ удивительныя вещи.

Мало того, что вслѣдствіе его пьянства церковь часто оставалась пустою и его нельзя было дозваться на требы, но онъ прибралъ своихъ родственниковъ въ церковники и пропивалъ всѣ церковныя деньги. Напившись пьянъ, попъ Григорій отправлялся по городу и бранилъ скверными словами попадающихся ему мужчинъ и женщинъ и для большаго скандала показывалъ всему народу... (Опис. Шуи, № 55). Третій Шуйскій священникъ страдалъ запоемъ, который продолжался по нѣскольку недѣль (ib., № 25). Про четвертаго Шуйскаго священника пронесся слухъ, что онъ ѣздилъ верхомъ на медвѣдѣ (ib., № 33).

Всѣ эти факты тѣмъ болѣе поразительны, что они относятся къ одному и тому же городу. Разумѣется, что умственный уровень образованія этого класса былъ пропорціоналенъ его нравственнымъ качествамъ. Не будучи въ состояніи возвыситься далѣе внѣшняго пониманія христіанства, вожди этихъ классовъ общества, а за ними и само общество создавали особую религію, въ которой христіанскаго было одно названіе. Каждый ходилъ въ церковь съ своей иконой, которую послѣ служенія уносилъ обратно домой. Въ церквахъ нерѣдко бывали ссоры изъ–за мѣста для постановленія иконъ (Д. А. И. т. VI, № 102, стр. 475).

Нѣкоторымъ святымъ была присвоена особая помощь и заступничество въ нѣкоторыхъ человѣческихъ недугахъ. При болѣзни глазъ, напримѣръ, молились мученикамъ Минѣ, Антипу и Логину; при болѣзни зубовъ — св. Антипу; въ лихорадкѣ — преп. Маріѣ; въ запоѣ — муч. Виѳантію; въ оспѣ— Конону Саврійскому; въ грыжѣ—велик. Артемію (Рус. Арх. 1853 г., стр. 34).

Въ такомъ же родѣ было и догматическое пониманіе христіанства. Еще въ XV вѣкѣ русское общество было занято вопросомъ: нужно ли двоить или троить аллилуіа. Въ житіи преп. Евфросима разсказывается, что онъ считалъ этотъ вопросъ до того важнымъ, что пѣшкомъ отправился въ Константинополь, чтобы убѣдиться лично, нужно ли двоить или троить аллилуіа. Принеся изъ Константинополя убѣжденіе,

что нужно двоить аллилуіа, онъ ввелъ этотъ обычай въ своемъ монастырѣ. Когда такое нововведеніе начало тревожить псковитянъ, они отправили къ нему пословъ, съ вопросомъ: почему онъ двоитъ аллилуіа? Преп. отвѣчалъ имъ: „явѣ рцити ми: что есть сила и что утаенная глубина пресвятыя аллилуіа? кая есть премудрость лежитъ въ ней и запечатлѣнъ образъ тайно? они же отвѣщаху святому: невѣдуще, чѣмъ отвѣчати. Въ другомъ мѣстѣ житія, св. Евфросимъ говоритъ о двукратномъ аллилуіа: „Выше не начинайте мудрости вещи сіа: выше мѣры вышеа есть се; но иже хощетъ, Богъ единъ своими судьбами можетъ открыть ю рабомъ своимъ“ (Ист. раск. Макар., стр. 35). Другимъ важнымъ вопросомъ, возникшимъ тоже въ XV столѣтіи, считался вопросъ, какъ нужно ходить: по солнцу или противъ солнца? На митрополита Геронтія жаловались Великому Князю Іоанну III, что онъ ходитъ противъ солнца. Іоаннъ разсердился на митрополита и сказалъ: „яко того ради гнѣвъ Божій приходитъ“ (ib. стр. 12).

Религіозная философія людей этой партіи нисколько не подвинулась и чрезъ два столѣтія послѣ Евфросима, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ проповѣди Аввакума, предводителя раскола. Вотъ, напримѣръ, какъ говоритъ Аввакумъ о Святой Троицѣ: „Несѣкомую сѣки по равенству, не бойся едино существо, тожде и естества; не рци по Арію: три естества не равные, а равные три естества или существа; добре, не шевели больше того. Комуждо особое сидѣніе: Отцу, Сыну и Духу Святому? не спрятавшись сидятъ три Царя небесные“. О воплощеніи онъ говоритъ слѣдующее: „Азъ Аввакумъ сице исповѣдую и вѣрую свойство недвижимо, но изліявъ себе Богъ Слово въ утробу дѣвыя, силу существа естественную, сирѣчь благодать совершенную, припряжена бо къ Божію хотѣнію сила, восхотѣвъ бо и изліявъ себе неизреченно, а самое существо отнюдь не поступно“. О введеніи четырехконечнаго креста Аввакумъ говоритъ: „какъ такъ обманулъ діаволъ русскихъ людей бѣдныхъ: явно идутъ въ пагубу: римскую бл... возлюбили—крестъ четверо-

конечный, паче истиннаго креста, отъ трехъ древъ сотвореннаго: отъ кипариса, певка и кедра, да на немъ же четвероконечномъ пишутъ распятіе Христово. Такъ и сталъ крышъ польскій, выбл..... римскаго костела (Розыскъ, стр. 41, 51, 52, 65 и 387). О треперстномъ знаменіи Аввакумъ говоритъ: „тогда возрыдаетъ никоніанскій родъ, не исповѣдовавше чистѣ Единороднаго стекшимся двуестествомъ Божества и человѣчества, нашего ради спасенія, но знаменующеся тремя персты въ три духи нечистые, суть бо духи демонстіи, яко жабы исходятъ на всю вселенную; блаженъ бдяй и блюдый ризы своя, да не нагъ обрящется. Ей отцы и братія моя, треперстная ересь есть нагота душевная и тѣлесная, сохранимся отъ нея всяцѣмъ образомъ" (ib. стр. 487).

Видя такую, почти первобытную грубость и дикость массы общества, не только религіозные радикалы, съ презрѣніемъ отворачивающіеся отъ общества, но и люди средней партіи, къ которой принадлежалъ почти весь правящій классъ, видѣли крайнюю необходимость исправить зло и уничтожить застарѣлые предразсудки и суевѣрія. Передовыхъ людей средней партіи умственное движеніе прошлаго вѣка коснулось на столько, что они начали смутно сознавать, что кругомъ ихъ творится что-то недоброе. Уже въ царствованіе Михаила Өеодоровича начинаются робкія попытки исправить священныя книги, для чего собираются въ Москву старыя рукописи изъ монастырей и вызываются туда два образованныхъ монаха, Арсеній и Діонисій, которымъ было поручено исправить священныя книги (А. А. Э. т. III, №№ 238, 290 и 302). Но эти попытки не привели ни къ какимъ результатамъ, потому что въ главѣ этого движенія не было человѣка, съ такимъ общественнымъ положеніемъ и такимъ характеромъ, какъ патріархъ Никонъ. Изувѣрные вожди низшихъ классовъ, какъ головщикъ Логинъ, считавшій всякую хитрость грамматическою ересью, и уставщикъ Филаретъ, успѣли обвинить Діонисія и Арсенія въ ереси и заточить въ монастыри. Со вступленіемъ на царскій престолъ Алексѣя Михайловича и на патріаршій—Никона, дѣло Арсенія и Діонисія попало

въ энергическія руки. Никонъ былъ человѣкъ такой необычайной силы воли и характера, что разъ задавшись цѣлью, онъ не отступилъ бы не на шагъ отъ ея исполненія. Часъ реформы пробилъ, потому что передовое общество, — люди средней партіи, были достаточно къ ней приготовлены, но можно было предсказать, что эта реформа будетъ слабой и нерѣшительной, потому что какъ ея вожди, такъ и ея защитники, принадлежали къ людямъ средней партіи. Но, не смотря на свою слабость и недостаточность, съ точки зрѣнія настоящаго времени, эта реформа была громаднымъ шагомъ впередъ, была рѣзкимъ поворотомъ на новый путь, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ образованіе раскола. Дѣйствительно, Никонъ измѣнилъ только мелочи, какъ напримѣръ: ввелъ треперстное знаменіе, троекратное аллилуіа и многія другія незначительныя измѣненія, не имѣющія въ себѣ ничего существеннаго и важнаго; глубокое значеніе бороды и долгополыхъ кафтановъ все еще продолжало считаться предметомъ религіозной важности, котораго не коснулся Никонъ. Но реформа, тѣмъ не менѣе, была велика. Глубокое значеніе этой реформы заключается въ томъ, что она выставила новый принципъ—совершенствованіе и отвергла старое положеніе, глубоко врѣзавшееся въ жизнь общества, которое говорило: „все старое свято". Самъ Никонъ сдѣлалъ мало шаговъ по этому пути, но, съ необыкновенною рѣшительностію, онъ оставилъ старую дорогу и указалъ на новый путь, въ чемъ заключается его великая заслуга предъ русскимъ обществомъ. Никонъ расчистилъ дорогу Петру Великому; еслибы не было никоніанской реформы, едва ли бы удалось Петру Великому, чрезъ четверть вѣка, смѣло напасть на религіозный предразсудокъ, завѣщанный стариной—обрить бороду и усы своихъ подданныхъ и нарядить ихъ въ иноземные кафтаны. Великая реформа до того отдѣлила насъ отъ этого времени, что мы почти не можемъ себѣ представить, что борода и кафтанъ были частью вѣры, что перемѣна костюмовъ для изувѣровъ почти равнялась перемѣнѣ вѣры. Но оно было дѣйствительно такъ. Петръ

былъ смѣлымъ продолжателемъ никоновой реформы и раскольники не даромъ называли его антихристомъ; его реформа носила болѣе религіозный, чѣмъ политическій характеръ, и этимъ-то болѣе всего объясняется страшная исторія ея. Будучи для насъ только реформой политической, для того времени она была реформой религіозной, а потому она сопровождалась страстной борьбой, какъ всѣ религіозныя реформы.

Перейдемъ къ устройству и управленію церковію въ теченіи XVII вѣка.

Церковное устройство и управленіе даже въ XVII вѣкѣ оставалось сложнымъ и запутаннымъ, а потому трудно представить его ясно и отчетливо, не сдѣлавъ ошибокъ, болѣе или менѣе важныхъ.

Во главѣ церковнаго управленія стояли соборы, которые созывались царскою властію. На соборахъ присутствовали: патріархъ, если таковой былъ, митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены важнѣйшихъ монастырей, протопопы важнѣйшихъ соборовъ и иногда члены боярской думы. На соборѣ предсѣдательствовалъ Царь или патріархъ Московскій, или какіе либо другіе патріархи восточной церкви, бывшіе въ Москвѣ. Соборъ рѣшалъ всѣ вопросы, касающіеся догмы, церковнаго устройства и управленія, какія вызывались потребностію времени. Въ оба царствованія было три чрезвычайно важныхъ собора, бывшіе въ 1654, 1666 и 1667 годахъ. Важнѣйшимъ дѣломъ перваго собора было исправленіе церковныхъ книгъ, а послѣдніе два собора занимались вопросами церковнаго устройства, управленія и суда.

Въ текущихъ дѣлахъ судъ и управленіе принадлежали патріарху, митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ. На соборѣ 1667 года было рѣшено установить семь митрополитовъ: въ Новгородѣ, Казани, Астрахани, Ростовѣ, Крушицахъ и Тобольскѣ; десять архіепископовъ: въ Вологдѣ, Суздалѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Смоленскѣ, Рязани, Устюгѣ, Черниговѣ, Псковѣ и Твери; двѣнадцать епископовъ: въ Псковѣ, Ржевѣ, Володимировѣ, Вяткѣ, Бѣлоозерѣ, Коломнѣ,

Брянскѣ, Дмитровѣ, Перми, Архангельскѣ, Томскѣ и на Ленѣ. Патріархъ избирался соборомъ духовенства, на которомъ присутствовали митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, настоятели важнѣйшихъ монастырей, соборные протопопы и даже священники. Но, не смотря на существованіе собора, Царь имѣлъ огромное вліяніе на выборъ. О постановленіи Филарета Никитича патріархомъ, грамота прямо говоритъ: „Лѣта 7127 (1619), іюня въ 21 день, въ понедѣльникъ, Великій Государь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ, всея Россіи Самодержецъ, совѣтовавъ съ отцемъ своимъ и богомольцомъ, съ преосвященнымъ Филаретомъ Никитичемъ, приговорилъ быти нареченію его святительскому на патріаршество Московское и всея Россіи, іюня въ 22 день" (Д. Р. В. т. VI, стр. 125). Дѣло избранія патріарха въ 1640 году Государь предоставилъ собору. Выборъ происходилъ слѣдующимъ образомъ: Соборъ избралъ 6 достойнѣйшихъ лицъ, имена которыхъ были написаны на особыхъ билетикахъ и завернуты въ восковые шарики равной величины, изъ которыхъ рѣшено вынуть одинъ жребій и тому лицу быть патріархомъ, кого Богъ избираетъ. Такимъ образомъ, судьба сдѣлала патріархомъ Іосифа, архимандрита Симонова монастыря (ib. стр. 236). Патріархъ Никонъ былъ избранъ по желанію Государя. Патріархъ Іосифъ II былъ избранъ Государемъ изъ трехъ лицъ, предложенныхъ ему Соборомъ (Д. Р. В. т. VI, стр. 295). Такимъ образомъ, почти всегда на избраніе патріарховъ Государь имѣлъ громаднѣйшее вліяніе, если онъ хотѣлъ имъ воспользоваться.

Еще менѣе выборное начало сохранилось въ избраніи епископовъ. Когда умиралъ епископъ, тогда патріархъ созывалъ въ Москву всѣхъ наличныхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ и, поговоря съ ними, приказывалъ келейнику написать три или четыре имени, изъ которыхъ Царь потомъ назначалъ одного на вакантную должность.

Подъ вѣденіемъ патріарха состояли высшія церковныя учрежденія для суда и управленія церковью, какъ–то: Па-

тріаршій разрядъ, Казенный патріаршій приказъ, Патріаршій дворъ, Патріаршій судный приказъ, Тіунская изба. Патріарху принадлежало право суда и расправы во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ разбоя, по отношеніи всего чернаго и бѣлаго духовенства, церковныхъ причтовъ, церковныхъ и монастырскихъ крестьянъ этихъ городовъ. Судебная власть патріарха проявлялась или по жалобамъ членовъ самого духовенства, или по жалобѣ сторонних лицъ, на обиды и злоупотребленія, причиненныя лицами, подвѣдомственными суду патріарха. Но если эти подвѣдомственныя патріарху лица захотѣли бы бить челомъ на посторонних людей, тогда бы они судились съ ними въ общихъ приказахъ (А. А. Э. т. III, № 164).

Патріаршій разрядъ былъ одинъ изъ важнѣйшихъ административныхъ и судебныхъ мѣстъ Россіи. Все черное и бѣлое духовенство, по духовнымъ дѣламъ, находило здѣсь высшую инстанцію суда. Здѣсь же судились и свѣтскія лица по нѣкоторымъ преступленіямъ, которыя съиздавна принадлежали духовному суду. Здѣсь рѣшались дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ, по ссорамъ между всѣми членами семейства; дѣла по жалобамъ холоповъ на господъ въ преступленіяхъ противъ 9-й заповѣди; жалобы священниковъ на прихожанъ въ неповиновеніи; дѣла о незаконнорожденныхъ и объ усыновленіи, бракоразводныя дѣла по родству (А. А. Э. т. I, № 155). Кромѣ того, этому приказу было поручено административное вѣденіе огромной области патріарха. Здѣсь же давались настольныя грамоты для бѣлаго духовенства патріаршей области и рѣшались вопросы о построеніи въ ней новыхъ церквей и образованіе новыхъ приходовъ.

Вторымъ патріаршимъ приказомъ былъ патріаршій казенный приказъ. Въ этомъ приказѣ завѣдывали сборомъ пошлинъ. По его распоряженію обыкновенно отправлялись патріаршіе дворяне описывать въ городахъ и уѣздахъ приходскіе церкви, количество церковнаго причта, количество пашни, сѣнныхъ покосовъ и угодій, принадлежащихъ къ церквамъ и имена прихожанъ. Сообразно этой описи, накладывались пошлины:

съ попова двора по 4 д., съ діаконова по 2 д., съ дьячкова, пономарева и просвирнц по 1 д.; съ дворовъ, принадлежащихъ членамъ служилаго класса по 1 д.; съ посадскихъ дворовъ, съ дворовъ старостъ и цѣловальниковъ по 4 д.; съ казачьихъ и стрѣлецкихъ по 2 д. Всѣ эти суммы поступали въ казенный приказъ (А. И. т. IV, № 195).

Третьимъ приказомъ былъ патріаршій дворъ. Онъ завѣдывалъ судомъ и управленіемъ всѣми недвижимыми имѣніями патріаршаго приказа съ ихъ населеніемъ. Въ немъ же судили приказныхъ и дворовыхъ людей и вообще всѣхъ, живущихъ въ патріаршихъ домовыхъ вотчинахъ (Ул. гл. XII, стр. 1—3).

Патріаршій судный приказъ былъ четвертымъ приказомъ. Въ немъ, вѣроятно, вѣдали судомъ по духовнымъ дѣламъ всѣхъ членовъ служилаго сословія. Я дѣлаю это заключеніе на томъ основаніи, что въ перечисленіи дѣлъ патріаршаго разряда эти дѣла не упомянуты, а казенный приказъ и патріаршій дворъ имѣли, какъ мы видѣли выше, свои спеціальныя дѣла. Патріарху принадлежало исключительное право суда по духовнымъ дѣламъ, въ отношеніи всего служилаго сословія, потому, „что московскаго чина за людьми помѣстья и вотчины бываютъ во многихъ городахъ и разныхъ епархіяхъ, и потому одинъ человѣкъ у многихъ архіереевъ будетъ подъ судомъ“ (А. И. т. IV, № 253).

Къ патріаршимъ же приказамъ нужно причислить мірскую избу, въ которой судили духовенство города Москвы. Въ Тіунскую (мірскую) избу каждое воскресенье собирались поповскіе старосты Москвы для обсужденія по дѣламъ благочинія (А. А. Э. т. III, № 264).

Изъ всѣхъ этихъ приказовъ только въ патріаршемъ разрядѣ, гдѣ судились дѣла высшаго и низшаго духовенства, должны были непремѣнно засѣдать духовные люди (Д. А. Э. т. IV, № 204, стр. 4). Во всѣхъ прочихъ сидѣли свѣтскіе бояре патріарха.

Подобнымъ же образомъ было устроено управленіе митро-

политовъ, архіепископовъ и епископовъ, въ ихъ епархіяхъ, только съ меньшимъ кругомъ дѣйствія. При каждомъ епархіальномъ архіереѣ было учреждено два суда для духовныхъ и свѣтскихъ лицъ епархіи. Въ судѣ, назначенномъ для духовныхъ лицъ, судились архимандриты, протопопы, священники, церковный причетъ и монахи всей епархіи. Въ судѣ для свѣтскихъ людей судились всѣ свѣтскіе люди епархіи по дѣламъ о духовныхъ завѣщаніяхъ и бракѣ въ близкихъ степеняхъ родства.

Для суда и сбора пошлинъ всѣ епархіи, митрополіи и патріаршая область дѣлились по прежнему на десятины, въ которыхъ десятинники сбирали съ поповъ подъѣздъ, десятину, благословенныя, поминочныя и перехожія гривны и вѣнечныя памяти. Знаменитыя грамоты Царя Ивана и Бориса, запрещающія въѣздъ десятинниковъ, были уничтожены при Василіѣ I. и снова былъ введенъ прежній порядокъ. Такъ быстро уничтожились и пропали безъ слѣда всѣ великія реформы Іоанна IV. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, послѣ соборовъ, снова начинаетъ движеніе въ пользу поповскихъ старостъ. Въ 1674 году, патріархъ пишетъ прикащику Рогозину: „тыбъ Бѣлозерскаго уѣзда нашихъ дворцовыхъ селъ попамъ и дьяконамъ велѣлъ выбрать межъ себя поповскаго старосту къ нынѣшнему 183 (1674) году, попа добраго и животомъ прожиточна, и велѣлъ на него взять выборъ, всѣхъ поповъ за руками.“ Поповскому старостѣ снова стало предоставляться право суда и расправы, сборъ всѣхъ даней, окладныхъ и неокладныхъ сборовъ (А. А. Э. № 198). Въ это же время, а именно въ 1673 году, были введены старосты и въ Новгородской митрополіи, потому, какъ сказано въ грамотѣ, что они, десятинники, ѣздили для сбору церковныхъ даней, попамъ съ причетниками чинили убытки большіе, сверхъ указныхъ десяти алтынъ писали доходы лишніе, „ѣзду и подводы“ (А. И. т. IV, № 240). Такимъ образомъ, въ оба царствованія Михаила и Алексѣя Михайловича почти до самаго конца ихъ, бюрократическій элементъ преобладалъ и въ духовномъ управленіи. Попытка Іоанна IV ввести вы-

борное начало въ духовное управленіе и судъ,—осталась безъ всякаго результата. О присутствіи поповскихъ старостъ въ судѣ епархіальныхъ архіереевъ теперь нѣтъ и помину, не говоря уже объ участіи выборныхъ отъ земства. Посмотримъ теперь на экономическое условіе и характеръ жизни духовныхъ властей, монастырей и бѣлаго духовенства.

Въ матеріальномъ отношеніи, положеніе высшихъ духовныхъ властей было не только вполнѣ обезпечено, но оно было блестяще. По Катошихину, патріархъ имѣлъ 7,000 дворовъ крѣпостныхъ крестьянъ, кромѣ всѣхъ другихъ доходовъ. Въ 1619 году, въ вѣдомство патріарха Филарета было отдано 40 городовъ, которые прежде судились въ приказѣ Большаго дворца (А. А. Э. т. III, № 164). Домовая патріаршая Карашинская волость была освобождена отъ всѣхъ податей, повинностей и службъ (А. И. т. IV, № 73). Кромѣ того, патріархъ и вообще всѣ власти получали огромныя суммы пошлинами съ церквей, монастырей и частныхъ лицъ епархіи. Митрополиты, архіепископы и епископы имѣли также громадныя имѣнія съ большими доходами, потому что крестьяне этихъ имѣній освобождались также отъ всѣхъ повинностей государевыхъ (А. А. Э. т. III, № 139). У патріарха были свои бояре, дворецкій, стольники, которые считались только степенью ниже стольниковъ Государя. У прочихъ властей были бояре, дворецкій и дѣти боярскіе. За безчестье патріарха полагалась торговая казнь, за безчестье митрополита и архіеписковъ и епископовъ били батогами (Ѣ. гл. X, № 31).

Монастыри все еще пользовались страшною силою, но въ обществѣ уже начинали складываться иные взгляды, которые отразились и на монастырскомъ бытѣ, на управленіи монастырей и ихъ привилегіяхъ. Поземельная собственность монастырей достигала до громадной цыфры: 525,000 четвертей; судя потому, что въ 1633 году монастыри представили 1,750 даточныхъ людей, когда они обязаны были представлять ихъ по одному ратнику съ 300 четвертей. По этимъ даннымъ, Троицкій монастырь владѣлъ 10,000 десятинъ; Кирило-Бѣлоозерскій и Волоколамскій по 12,000 десятинъ; 6 мо-

настырей владѣли по 7,000 десятинъ; 10 монастырей отъ 3-хъ до 6-ти т. десятинъ; 17 отъ 3-хъ до 6-ти тысячъ; 14 отъ 1,500 до 3,000 десят.; 81 отъ 150 до 800 десят. (Разр. т. II, 1632 г.). И теперь, какъ и въ прежнее время, монастыри пользовались значительной ругой. Какъколичество этой руги, такъ и распредѣленіе ея, такъ интересны, что я считаю необходимымъ сдѣлать выписку руги одного монастыря; надѣясь, что она дастъ наглядное понятіе объ отношеніи царя къ монастырямъ.

Вотъ перечень царскихъ даровъ:

Игумену, келарю и сестрамъ за заздравныя милостыни	18	р.
На поминальные дни	29	„
За рыбу, которая посылалась на праздники	40	„
Служкамъ монастыря	76	„
Властямъ за службу въ монастырѣ, во время праздниковъ	57	„
Игумену и протопопамъ за провозъ святой воды . .	6	„
Дань патріарху и епископамъ съ монастырскихъ земель.	1	„
Стряпчему, вѣдающему монастырскія дѣла	27	„
Протопопу на молебны и заздравныя	4	„
Въ государевы поминки	6	„
Двумъ попамъ, ѣздящимъ со святой водой, на дорогу.	1	„

Кромѣ того давался хлѣбъ, солодъ и другіе припасы священникамъ, причту, просвирнѣ, дворникамъ. Игуменьѣ на праздники выдавалось 20,000 яицъ (А. И. т. IV, № 47).

Хотя монастыри еще пользовались, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ старыми льготами, но въ этомъ отношеніи начинается уже обратное движеніе. Грамоты 1615 и 16 годовъ еще освобождали монастырскихъ крестьянъ отъ всѣхъ повинностей (А. А. Э. т. III, № 84 и 86; А. И. т. III, № 60 и 61). Но грамоты позднѣйшаго времени исключаютъ уже изъ этого общаго освобожденія стрѣлецкіе хлѣбные запасы, ямскія деньги, городовое и острожное дѣло. Прежде монастыри пользовались безпошлинной продажей и покупкой товаровъ на неопредѣлен-

ныя суммы, но теперь это количество начинаетъ опредѣляться въ 600, 400 и 200 р., смотря по количеству братіи (А. И. т. III, № 104, 119, 123, 126 и 129). Въ 1638 году была сдѣлана попытка совершенно уничтожить эти льготы, но это преобразованіе дѣйствительно совершилось въ 1672 году (А. А. Э. т. III, № 283; А. И. т. IV, № 224).

Точно также произошла рѣзкая перемѣна во внутренней жизни монастырей. Правда, и теперь встрѣчаешь тѣже безпорядки: игумены мотали монастырское имущество (А. А. Э. т. III, № 9); монахи бродили по улицамъ и пьяные безчинствовали (А. А. Э. т. III, № 285); сродники монаховъ пили и ѣли монастырскій хлѣбъ. Особенными безпорядками пьянства отличался Соловецкій монастырь, оказавшій исключительную привязанность къ расколу (А. А. Э. т. III, №№ 269, 331). Но правительство, общество и церковныя власти теперь иначе смотрѣли на эти безпорядки. При Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1660 году, было рѣшительно запрещено курить вино духовнымъ лицамъ и всѣмъ живущимъ въ монастырскихъ вотчинахъ и церковныхъ земляхъ (А. А. Э. т. IV, № 118). Въ 1668 году было запрещено даже инокамъ по кельямъ держать напитки (ibid. № 165). На соборѣ, въ 1667 году, было строго воспрещено принимать старцевъ съ одного монастыря въ другой. Вышедшіе изъ монастыря старцы были подчинены не только церковнымъ, но и гражданскимъ законамъ. Строго было воспрещено монахамъ всякая торговля и исполненіе чужихъ порученій (П. С. З., № 412). Въ томъ же духѣ происходило измѣненіе и въ управленіи монастырями. Въ предшествующемъ періодѣ монастыри стремились освободиться отъ подчиненія духовнымъ властямъ по всѣмъ дѣламъ и подчинялись исключительно только приказу Большаго Дворца. Но въ настоящій періодъ совершается обратное движеніе. Еще въ началѣ царствованія Михаила были уничтожены грамоты, освобождающія отъ суда Новгородскаго митрополита монастыри его епархіи (А. А. Э. т. III, №№ 123 и 139). Вѣроятно, въ это же время были уничтожены эти грамоты и въ другихъ епархіяхъ. Такимъ образомъ, въ ду-

ховныхъ дѣлахъ монастыри были поставлены въ полнѣйшее подчиненіе епархіальнаго начальства. Но изъ этого правила, до собора 1667 года, все еще существовало одно важное исключеніе: во всѣхъ епархіяхъ были домовые монастыри, принадлежащіе къ домовымъ вотчинамъ патріарха или другихъ властей, которымъ они и были непосредственно подчинены. Въ 1675 году, такое разнообразіе въ подчиненности монастырей было совершенно уничтожено и всѣ монастыри, въ духовныхъ дѣлахъ, были подчинены мѣстному епископу. Изъ этого правила было сдѣлано только одно исключеніе— право посвящать новыхъ лицъ въ такіе монастыри осталось за владѣльцемъ монастыря (А. И. т. IV, № 253; А. А. Э. т. IV, № 204).

Семнадцатый вѣкъ былъ эпохою образованія бѣлаго духовенства, какъ особаго сословія. Къ этому результату неминуемо и должно было придти общество, послѣ закрѣпленія крестьянъ и горожанъ. Какъ, съ одной стороны, было естественно, что дѣти священниковъ и причетъ старались остаться при церквахъ, чѣмъ идти въ крѣпостные крестьяне, такъ, съ другой стороны, помѣщики старались удержать своихъ крестьянъ даже отъ перехода въ духовное званіе. Права и преимущества этого новаго сословія слагались постепенно. Въ 1659 году, правительство хотѣло назначить наборъ съ дѣтей и родственниковъ бѣлаго духовенства и распорядилось указомъ взять изъ дѣтей священно и церковно-служителей отъ двухъ третьяго, и отъ четырехъ двухъ (П. С. З. т. I, № 288). Но этотъ указъ былъ скоро измѣненъ новымъ указомъ, по которому дозволялось брать только тѣхъ дѣтей священно и церковно-служителей, которые захотятъ идти въ службу добровольно (ibid. № 291). Соборъ 1667 г. и въ этомъ вопросѣ имѣетъ большую важность. На этомъ соборѣ было запрещено архіереямъ посвящать въ священники, діаконы, причетники и монахи лицъ, принадлежащихъ къ крѣпостному сословію, безъ отпускныхъ (П. С. З. т. VII, № 402). Тогда же было постановлено, что если, съ согласія вотчинника, одинъ изъ его крестьянъ посвящается въ священники,

то дѣти, родившіяся до священства, остаются въ крестьянахъ, а родившіяся послѣ относятся къ духовному званію. Такимъ образомъ, послѣ собора 1667 года, право сдѣлаться служителемъ церкви стало принадлежностью одного класса, который былъ избавленъ отъ всѣхъ государственныхъ повинностей и рекрутства.

Образованіе особаго духовнаго сословія и закрѣпленіе крестьянъ естественно вело къ уничтоженію права общинъ избирать себѣ священниковъ. Общинные выборы встрѣчаются теперь только въ должности дьячковъ, потому что они нерѣдко исполняли должность письмоводителей въ Земской и Губной избѣ. Съ дьячковъ брали подписки, чтобы имъ мірскихъ людей во всемъ слушать и въ письмѣ у всякаго государева дѣла и у ихъ мірскихъ людей всегда быть (А. Ю. № 285, 286 и 302).

Церкви и въ настоящую эпоху имѣли земли, которыя простирались иногда отъ 50 до 100 обежъ (А. А. Э. т. III, № 139, ст. 199). Многія церкви и соборы получали ругу деньгами и хлѣбомъ. Члены Новгородскаго Софійскаго собора, въ числѣ 40 человѣкъ, получали руги до 130 рублей, кромѣ значительнаго количества хлѣба (ib. № 282). Вологодскому Софійскому собору, вмѣсто руги, дано было 200 четвертей земли (А. И. т. III, № 84). Московскій Успенскій соборъ владѣлъ 10 селами съ деревнями съ правомъ суда надъ живущими въ селахъ крестьянами (ib. № 133). Простыя церкви иногда тоже получали грамоты, по которымъ право суда надъ причетниками и крестьянами, живущими на церковныхъ земляхъ, предоставлялось протопопу; такъ, напримѣръ, къ одной ружной церкви принадлежалъ погостъ въ 8 дворовъ съ крестьянами, освобожденными отъ всѣхъ повинностей (А. А. Э. т. III, №№ 25, 67, 149). Но большинство церквей были бѣдны; положеніе сельскаго священника съ причтомъ было вполнѣ безотрадно.

Тяжелыя испытанія нужно было пройдти священнику при поставленіи, но еще тяжелѣйшее испытаніе ожидали ихъ впереди. Возьмемъ для примѣра, какія мытарства должны

блыи пройдти ставленники въ патріаршей области. Прежде всего ставленникъ являлся къ патріарху, который приказывалъ подписывать на его челобитной: „благословенъ во діаконы или въ попы“. Послѣ этого, ставленникъ отправлялся къ крестовому попу на исповѣдь, послѣ которой ставленникъ приходилъ въ Казенный Приказъ, гдѣ онъ записывался въ книги и платилъ пошлины по рублю. Потомъ съ тѣми же челобитными ставленникъ ходилъ къ ризничему, который подписывалъ: „отослать къ наставленію къ такому-то митрополиту“; за поставленіе митрополиту платилось тоже по рублю или больше, у какого владыки, какъ приказано; съ этой же челобитной послѣ постриженія ставленникъ отправлялся въ Казенный Приказъ, гдѣ записывали его ставленую въ книги, послѣ чего ставленника отдавали—попа къ попу, дьякона къ дьякону. Послѣ изученія, ставленникъ отправлялся къ пѣвчимъ дьякамъ, которые писали ставленную грамоту и, написавъ, отдавали ея ризничему. Потомъ грамота относилась въ Патріаршій Казенный Приказъ, гдѣ она записывалась въ книгу, за что платилась новая пошлина. Затѣмъ грамота поступала въ Тіунскую избу. При каждомъ изъ этихъ мытарствъ, ставленникъ долженъ былъ платить (А. И. т. IV, № 259).

Попы, получившіе уже мѣсто, платили, какъ мы видѣли, пошлины и должны были отдавать лучшій свой доходъ, свадебныя деньги мѣстнымъ властямъ. Всѣ эти сборы отягощались еще тѣмъ, что ихъ собирали десятинники, которые не упускали случая положить въ карманъ и лишнія деньги, не довольствуясь законными поборами.

Объ образованіи духовенства и его нравственности я не стану говорить, потому что выше были представлены яркіе примѣры того и другаго.

Обратимся теперь къ вопросу объ отношеніяхъ царской власти къ церкви и обществу. Въ настоящій періодъ, точно также какъ и въ предшествовавшей, Царь былъ первымъ представителемъ и защитникомъ православія, имѣющимъ громадное вліяніе на всѣ церковныя дѣла. Онъ созывалъ соборы,

рѣшающіе всѣ важные церковные вопросы. Онъ имѣлъ огромное вліяніе на выборъ патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Государь вмѣшивался иногда въ управленіе высшихъ духовныхъ властей и измѣнялъ ихъ распоряженіе; такъ, въ 1642 году, Государь велѣлъ оставить на своихъ мѣстахъ протопопа Ивана и дьякона Исаака, отрѣшенныхъ митрополитомъ (А. А. Э. т. III, № 316). Государь посылалъ свѣтскихъ лицъ производить ревизію въ монастыри, если архимандриты или игумены управляли безпорядочно. Въ 1639 году, въ Суздаль былъ отправленъ Михаилъ Ладыгинъ и дьякъ Иванъ Ѳедоровъ, которымъ было велѣно архимандрита Діонисія и келаря, казначея и слугамъ, которые были при его архимандритствѣ по службамъ, счесть, а про его архимандричье монастырское разоренье и про всякое безчинство сказать" (ib. № 294). Другой архимандритъ Спасскаго монастыря за безпорядочное управленіе монастыремъ былъ сосланъ, по царскому повелѣнію, въ Сейской монастырь, гдѣ его приказано было посадить въ цѣпи и желѣза (А. И. т. III, № 190). Монастырскіе уставы, установляющіе подробности монастырскаго управленія, нерѣдко опредѣлялись грамотами Царя (А. А. Э. т. III, № 198). Царскія грамоты указывали монастырскимъ властямъ безпорядки и требовали ихъ немедленнаго исправленія (А. А. Э. т. III, №№ 285, 331). Царской грамотой, напримѣръ, было запрещено держать напитки въ кельяхъ монаховъ.

Вліяніе государственной власти на церковную администрацію, въ продолженіи всего взятаго нами періода, было несомнѣнно благодѣтельнымъ. Іоаннъ IV внесъ въ церковное управленіе великія начала самоуправленія; Михаилъ и Алексѣй Михайловичъ поддерживали церковную реформу всей силой государственной власти. Но, при Алексѣѣ Михайловичѣ государственная власть сдѣлала еще шагъ на этомъ пути и начала прямо вмѣшиваться въ религіозную жизнь общества. Съ той же самой точки зрѣнія, по которой царская власть, какъ представительница православія, считала своимъ правомъ вмѣшиваться въ церковныя распоряженія духовныхъ

властей, она стала считать своей обязанностью наблюдать за исполненіемъ обществомъ религіозныхъ обрядовъ. Такое чрезмѣрное расширеніе царской власти въ дѣлѣ вѣры, безъ сомнѣнія, было вредно, но оно неизбѣжно вытекало изъ всего строя общественной и государственной жизни.

ГЛАВА XIV.

Отношеніе царской власти къ центральному управленію.

Избраніе на царство Михаила Өедоровича Романова.—Какія причины заставили вновь избраннаго Царя созывать соборы. — Почему общество не могло воспользоваться этими соборами, чтобы навсегда увѣковѣчить свое участіе въ дѣлахъ государства. — Земскіе Соборы царствованія Михаила и Алексѣя Михайловича и ихъ результаты.—Боярская Дума, ея составъ и предметы вѣденія. — Административные приказы и характеръ управленія государствомъ.—Финансовые приказы и государственный бюджетъ. — Войско и военные приказы. — Судебные приказы.—Полицейскіе приказы.

Пятнадцать лѣтъ смутъ и междоусобій, послѣ смерти Царя Өеодора, убѣдили общество въ необходимости сильной царской власти. Посланные отъ собора къ Михаилу просто и ясно высказали всеобщее убѣжденіе, говоря, „что безъ Государя ни на малое время быть не можно.“ Но какой родъ долженъ получить высокое преимущество: сдѣлаться царскимъ родомъ, — этотъ вопросъ долженъ былъ рѣшить соборъ. Но и этотъ вопросъ, кажется, обстоятельства уже предрѣшили. Непопулярность бояръ во время собора и еще болѣе неудавшаяся попытка создать боярскаго Царя, въ лицѣ

Василія, доказали боярамъ, что они должны отложить всякую надежду избрать Царя по родовому превосходству. Когда депутаты собора потеряли этотъ послѣдній критеріумъ для выбора Царя, то, очевидно, имъ необходимо было руководиться другимъ, — близостью избираемаго рода къ умершему царскому роду. Этотъ принципъ имѣлъ ту неоцѣненную выгоду, что онъ обезоруживалъ личное самолюбіе и вносилъ примиряющій элементъ права. Инструкціи, данныя депутатамъ избирателями, точно опредѣляли только одинъ вопросъ—Царь долженъ быть избранъ изъ московскихъ родовъ. Послѣ долгихъ совѣщаній, сопровождаемыхъ многочисленными Богослуженіями, 21 февраля 1613 года, всѣ собрались въ церковь Успенія Богородицы и здѣсь, говоритъ грамота, какъ бы внезапно Богъ вложилъ мысль избрать на престолъ племянника Өедора Ивановича и внука царицы Анастасіи, Михаила Өедоровича Романова.

Какъ долженъ былъ отнестись новый Царь къ старымъ общественнымъ элементамъ и въ какое отношеніе они стали къ нему самому. Новый Царь былъ царемъ народнымъ, земскимъ, а не боярскимъ, потому что, по родовому старшинству, многіе роды могли бы поспорить съ нимъ стариною. Можетъ быть, что и новый Царь далъ запись боярамъ, но эта запись не могла имѣть для него большаго значенія, потому что дѣло бояръ было не популярно. Мы уже видѣли прежде, съ какимъ недовѣріемъ относилось къ боярамъ народное движеніе конца смутнаго періода. Бояре должны были отступить предъ этимъ выраженіемъ народной воли. Вслѣдствіе этого, очевидно, бояре не могли и думать, чтобы снова, какъ при Василіѣ, можно было сдѣлать Думу боярскую учрежденіемъ, ограничивающимъ царскую власть. Но тѣ же самые причины, которыя отодвигали на заднiй планъ Думу боярскую, должны были побуждать Царя чаще обращаться за совѣтомъ къ земству и его соборамъ. Власть новаго царскаго рода еще не окрѣпла, не срослась съ народнымъ сознаніемъ. Недавніе примѣры смутнаго времени были такъ поучительны, что было бы слишкомъ рискованнымъ, слишкомъ

нерасчетливымъ дѣломъ быстро забыть ихъ. Кромѣ всего этого, у новаго Царя было еще много опасныхъ враговъ. Владиславъ еще не отказался отъ царскихъ правъ на Москву; сѣверные города присягнули шведскому королевичу; на югѣ грозилъ Заруцкій; всюду бродили и грабили козаки; казна была пуста и государство истощено. При такихъ обстоятельствахъ, едва ли бы нашелся смѣлый человѣкъ, который бы рѣшился все взять на свою отвѣтственность и сталъ бы распоряжаться всѣмъ отъ своего имени. Если есть вѣроятность, что Михаилъ далъ грамоту боярамъ, то эта причина была новымъ важнымъ побужденіемъ для созванія соборовъ. Земскій Царь долженъ былъ искать опору въ земствѣ, которое такъ единодушно выбрало его. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, должны были заставить Царя не рѣдко прибѣгать къ совѣту народному для рѣшенія важныхъ дѣлъ. Необходимость Земскихъ Соборовъ будетъ для насъ ясна, если мы станемъ на точку зрѣнія Царя, но если мы посмотримъ на это дѣло съ другой стороны и зададимся вопросомъ: могъ ли народъ воспользоваться этимъ положеніемъ дѣлъ и упрочить свои права, тогда мы придемъ къ другимъ результатамъ.

При поверхностномъ взглядѣ на отношенія монарха къ подданнымъ вся сила многочисленности, кажется, заключается въ рукахъ подданныхъ; но всматриваясь ближе въ дѣло, обманчивость первичнаго заключенія становится несомнѣнной. Многочисленной коалиціи державъ рѣдко удавалось побѣдить одну хотя и сильную, державу, но силы которой всетаки далеко уступали силѣ союзниковъ. Можно сказать утвердительно, не дѣлая крупной ошибки, что чѣмъ болѣе союзниковъ, тѣмъ менѣе крѣпости въ самомъ союзѣ. Каждая держава, входящая въ союзъ, старается какъ можно менѣе рисковать своими силами и какъ можно болѣе свалить тяжесть дѣла на другихъ. Чѣмъ болѣе количество союзниковъ, чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе интересы, которые они вносятъ въ союзъ, тѣмъ труднѣе согласное и дружное дѣйствіе ихъ. Тѣже самыя причины ослабляютъ силу націи въ

ея отношеніи къ Государю. Союзники являются здѣсь въ такомъ множествѣ, ихъ интересы такъ разнообразны, что соглашеніе между союзниками становится почти невозможнымъ. Очевидно, что для того, чтобы этотъ союзъ состоялся, нуженъ какой нибудь сильный общій интересъ, во имя котораго члены союза жертвовали бы своими личными интересами. Государству, въ которомъ существуютъ сословія, имѣющія свои исключительные интересы и права трудно создать общую конституцію, въ особенности, если интересы однихъ классовъ противуположны другимъ. Такое государство должно предварительно посвятить нѣсколько столѣтій, чтобы сгладить и уничтожить сословную рознь, прежде чѣмъ всѣ члены общества будутъ въ состояніи дѣйствовать единодушно, въ виду общей цѣли. Примѣры Англіи и Франціи подтверждаютъ, какъ нельзя болѣе, эти общія положенія. Англичане, въ средніе вѣка, успѣли положить прочныя основанія своей конституціи, потому что аристократія съумѣла привлечь къ себѣ всѣ сословія, отказавшись отъ всѣхъ своихъ личныхъ преимуществъ.

Развитіе англійской конституціи шло паралельно съ освобожденіемъ всѣхъ классовъ общества. Въ 1215 году бароны получили право контролировать короля, а въ концѣ столѣтія они пригласили къ участію въ этомъ правѣ рыцарей и горожанъ. Въ XIII столѣтіи, лорды, собственники земли, на которой стояли города, бравшіе съ горожанъ аренду, стали раздавать свои участки въ лены и такимъ образомъ создали многочисленный классъ фриголдеровъ (Gneist, т. I, стр. 227). Въ теченіи этого же столѣтія крестьяне изъ крѣпостныхъ переходятъ въ званіе copyhold'еровъ, т. е. крестьянъ, которыхъ повинности къ помѣщику строго опредѣлены (Hall. moy. âges. т. II, стр. 427). Рядомъ съ этими реформами въ центрѣ, въ провинціяхъ создается самоуправленіе и отдѣленіе суда отъ администраціи. Результатомъ этого совмѣстнаго движенія всѣхъ частей государственнаго организма была крѣпкая конституція. Другой ходъ имѣло французское средневѣковое государственное устройство и пришло къ инымъ результатамъ.

Въ 1303 году, Филиппъ IV Красивый призвалъ на совѣтъ сословія своего государства; послѣ этого начала въ теченіи 300 лѣтъ они собирались 34 раза, изъ которыхъ въ XIV вѣкѣ было 15 собраній, въ XV вѣкѣ—10 собраній и въ XVI вѣкѣ 9 собраній. Но, собранныя вокругъ трона, сословія Франціи не переставали оставаться разъединенными въ своихъ интересахъ. Они только разъ собирались въ общую залу для открытія засѣданій королемъ или особымъ коммисаромъ, послѣ чего каждое сословіе удалялось въ свою палату. Каждое сословіе получало подробныя инструкціи отъ своихъ избирателей, отъ которыхъ депутаты не могли отступать и каждое сословіе представляло королю свои протоколы отдѣльно отъ другихъ (Schäffner, т. II, стр. 295 и 296). Дворянство и духовенство не думало отказываться отъ своихъ привилегій. На крѣпостномъ сословіи, вплоть до революціи, лежала масса повинностей, которыя были уничтожены только французской революціей. Рядомъ съ созваніемъ соборовъ, шло усиленіе централизаціи и введеніе закрытыхъ судовъ. Всѣ эти причины повели къ тому, что въ началѣ XVII столѣтія эти соборы умерли, не оставивъ послѣ себя слѣда.

Принимая во вниманіе конституціонную исторію двухъ націй, не трудно понять причину возникновенія и паденія нашихъ соборовъ. Выросшіе не изъ потребности народной, но созданные временными обстоятельствами, окружающими тронъ вновь избраннаго царя, они естественно замерли, когда эти временныя обстоятельства прекратились. Всѣ условія нашей жизни не благопріятствовали соборному управленію. Наши соборы идутъ рядомъ съ прикрѣпленіемъ крестьянъ и горожанъ. Городское сословіе было такъ ничтожно, что оно не могло имѣть никакого вѣса въ государствѣ. Оба могущественныя сословія, бояръ и вообще высшихъ сановниковъ государства и дѣтей боярскихъ, не имѣли большой нужды въ соборахъ, потому что они почти не несли прямыхъ налоговъ. Ихъ интересъ заключался не въ томъ, чтобы, сближаясь съ горожанами и крестьянами, защитить себя отъ непомѣрныхъ налоговъ, но въ желаніи закрѣпить крестьянъ и горожанъ, и свалить на

нихъ всѣ налоги. Достиженіе этой цѣли они естественно могли болѣе ожидать отъ всемогущей воли царя, чѣмъ отъ созванія сословій, которыя все-таки не стали бы добровольно класть свою голову въ ярмо. Наконецъ, дѣятельность соборовъ идетъ рядомъ съ усиленіемъ централизаціи и почти полнымъ уничтоженіемъ прежняго, широкаго самоуправленія. Участіе общества въ судѣ не только не развивается, но почти совершенно исчезаетъ. Послѣ всего этого очевидно, что пока новая династія чувствовала себя еще не окрѣпшей, она должна была прибѣгать къ соборамъ, но когда этотъ фактъ совершился, ей не для чего было уже прибѣгать къ нимъ. Послѣ 1649 г., когда совершилось полное закрѣпленіе крестьянъ и горожанъ, было-бы весьма странно призывать ихъ на соборъ, чтобы услышать отъ нихъ нескончаемыя жалобы, которыя правительство не могло облегчить.

Разсмотримъ теперь подробнѣе составъ и дѣятельность нашихъ соборовъ. Наши соборы, временъ Михаила и Алексѣя Михайловича, были трехъ родовъ. Большое число соборовъ составлялось только изъ высшаго духовенства и членовъ служилаго сословія; таковы были соборы 1618, 1632, 1637 и 1653 годовъ. На соборы втораго рода, кромѣ духовенства и служилаго сословія, приглашались и торговые люди преимущественно московскіе; таковы были соборы 1619, 1634 и 1643 годовъ. Наконецъ, третій разрядъ составляютъ соборы, на которыхъ, кромѣ бояръ и духовенства, присутствовали выборные изъ городовъ, отъ городскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и посадскихъ; таковы были важные соборы: 1613, 1614, 1616, 1621, 1649 годовъ.

Сдѣлаемъ обзоръ дѣятельности Соборовъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Первые три Собора XVII вѣка были Соборами, на которыхъ присутствовали выборные отъ всѣхъ классовъ. На Соборѣ 1613 года, избравшемъ Михаила Ѳедоровича, присутствовало 32 представителя высшаго духовенства, властей и настоятелей монастырей, 130 лицъ придворной и чиновной аристократіи и, кромѣ того, здѣсь были выборные отъ 26

уѣздовъ изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, посадскихъ, стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ и даже уѣздныхъ людей (С. Г. Г. и Д. т. III, стр. 1). О предметахъ совѣщанія этого Собора мы уже говорили. На второмъ важномъ Соборѣ 1614 года, судя по соборной грамотѣ, посланной Заруцкому, присутствовали, кромѣ придворныхъ чиновъ и духовенства, также приказные люди, дворяне изъ городовъ, и отъ головъ, и отъ сотниковъ стрѣлецкихъ, отъ дѣтей боярскихъ, атамановъ, стрѣльцовъ, казаковъ, гостей и торговыхъ людей. Въ этомъ перечнѣ не упоминаются выборные отъ посадскихъ людей, а потому можно думать, что правильной системы выборовъ по городамъ не было, а были сдѣланы выборы изъ лицъ, присутствующихъ въ Москвѣ. Соборъ открылся рѣчью Государя, который предложилъ на обсужденіе Собора вопросъ о томъ, что дѣлать съ бродячими казаками и чѣмъ вознаградить всѣхъ вообще служилыхъ людей. Соборъ опредѣлилъ: послать увѣщаніе Заруцкому, чтобы онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и казаки, отъ воровства отстали; отъ всѣхъ классовъ общества, присутствующихъ на Соборѣ, отправить пословъ по казакамъ, бушующимъ въ уѣздахъ, чтобы они постояли за образъ пресвятыя Богородицы; отправить въ Ярославль Суздальскаго архіепископа и Чудовскаго архимандрита для уговора казаковъ и боярина Лыкова, чтобы собрать изъ поволжскихъ и вообще сѣверныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, охотниковъ изъ всякихъ боярскихъ людей, прикащиковъ, монастырскихъ слугъ, даточныхъ людей и съ ними промышлять надъ ворами и разбойниками; наконецъ, что самое важное, на этомъ Соборѣ было опредѣлено собрать пятую деньгу (С. Г. Г. и Д. т. III, № 22; А. А. Э. т. III, №№ 29 и 31). Третій Соборъ, 1616 года, состоялъ, вѣроятно, изъ всѣхъ классовъ, потому что здѣсь были даже выборные изъ городовъ (А. А. Э. т. III, № 77), но о рѣшеніяхъ его ничего неизвѣстно. По всему вѣроятію, на этомъ Соборѣ рѣшались финансовые вопросы, потому что на этомъ соборѣ было опредѣлено взыскать съ Строгановыхъ 56,000 руб. на жалованье ратнымъ людямъ (ib. № 79 и 81).

Слѣдующіе два Собора, 1618 и 1619 годовъ, по всѣму вѣроятію, были составлены только изъ московскихъ чиновъ. Первый Соборъ состоялся по поводу опаснаго нашествія Владислава. На немъ московскіе чины рѣшили стоять противъ него всѣми силами и разсуждали о способѣ защиты города Москвы (С. Г. Г. и Д. т. III, № 40, стр. 169). Второй Соборъ, 1619 года, состоялся по предложенію Филарета. Патріархъ со всѣмъ высшимъ духовенствомъ отправился къ Царю и, указывая на страшное экономическое положеніе государства, просилъ созвать на совѣтъ государственные чины. „Послѣ польскаго разоренія, говорилъ патріархъ, подати и повинности стали ложиться чрезвычайно неравномѣрно. Дозорщики, посланные описать настоящее положеніе дѣлъ, изъ корыстолюбія, составили неправильныя писцовыя книги, отъ чего нѣкоторые живутъ въ покоѣ и во льготѣ, а другіе пришли къ конечному разоренію. Воеводы и приказные люди, посланные по городамъ для управленія, разоряютъ и грабятъ горожанъ". По этому предложенію состоялся соборъ, который, очевидно, былъ собранъ изъ московскихъ людей, потому что на немъ было рѣшено собрать слѣдующій Соборъ изъ выборныхъ отъ городовъ, которые бы могли разсказать обиды, причиненныя горожанамъ боярами и приказными людьми. Не смотря на то, что на этомъ Соборѣ не было выбранныхъ отъ городовъ, на немъ были рѣшены чрезвычайно важные вопросы: 1) было рѣшено послать въ города новыхъ дозорщиковъ; 2) посадскихъ людей, которые заложились за бояръ и духовенство, возвратить на прежніе мѣста; 3) сдѣлать точный счетъ всѣмъ наличнымъ суммамъ, которыя остались въ городахъ послѣ разоренія (С. Г. Г. и Д. т. III, № 47; А. А. Э. т. III, № 105, стр. 144). Жалобы на административныя злоупотребленія, вѣроятно высказанныя на соборѣ, побудили Государя, въ 1620 году, разослать во всѣ города знаменитую грамоту, въ которой говорилось, „чтобъ воеводы не брали посуловъ и поминковъ и не заставляли дѣлать на себя издѣлья посадскихъ людей (А. А. Э. т. III, № 115). Соборъ 1621 года былъ открытъ рѣчами Государя и патрі-

арха, въ которыхъ они высказали всѣ неосновательныя притязанія и несправедливые поступки Польши въ отношеніи Россіи. „Поляки, говорили государи, ставятъ слободы и села въ Русскихъ областяхъ, жгутъ тамъ золу, варятъ селитру и побиваютъ Русскихъ людей; паны рада присылаютъ къ намъ грамоту, въ которой имя Государя вовсе не упомянуто". Соборъ рѣшилъ стоять противъ враговъ (С. Г. Г. и Д. т. III, стр. 227). Замѣчательно, что о специальной цѣли собора, для которой онъ былъ собранъ, нѣтъ ничего въ грамотѣ. Вѣроятно Государи находили достаточной грамоту прошлаго года, чтобы искоренить взяточничество и притѣсненія воеводъ.

Три слѣдующіе Собора, 1632, 1634 и 1637 годовъ, были составлены изъ духовенства, служилой и придворной аристократіи, приказныхъ людей, гостей, гостиной и суконной сотенъ и черныхъ сотенъ. На Соборѣ 1632 года было рѣшено объявить войну полякамъ и для этой цѣли Государь и святѣйшій патріархъ „указали", по приговору Собора, взять съ торговыхъ людей пятую деньгу. На Соборѣ 1634 года было рѣшено, для продолженія войны съ поляками, снова собрать пятую деньгу. На этомъ Соборѣ, въ присутствіи Царя, была прочтена рѣчь, въ которой подробно излагались неправды польскаго короля; въ ней же была изложена жалоба, что, по приговору прошлаго Собора, патая деньга была сбирана неправдою. Наконецъ, Государь обратился съ просьбою къ Собору о новомъ сборѣ пятой деньги, съ интересною прибавкою, что эта снисходительность Собора „всегда будетъ памятна и николи не забытна" (А. А. Э. т. III, № 242; С. Г. Г. и Д., стр. 342; Двор. Разр. т. II, стр. 620). Соборъ 1637 года былъ собранъ по поводу нападенія Крымскаго хана. На этомъ соборѣ чины рѣшили: стоять за Великаго Государя, а Государь „указалъ" взять съ дворцовыхъ селъ ратныхъ людей съ 20 дворовъ по человѣку; съ патріарха, большихъ монастырей, съ 10 дворовъ по человѣку; съ середнихъ и меньшихъ монастырей, съ 10 дворовъ по 4 лошади; съ посадскихъ и уѣздныхъ людей съ двора по 2 рубля (Э. III. 275).

Очень замѣчателенъ Соборъ 1642 года, послѣдній Соборъ царствованія Михаила. Въ дѣятельности этого Собора мы увидимъ результаты, до которыхъ дошло общество. Кромѣ того, этотъ Соборъ о которомъ сохранились болѣе подробныя данныя, укажетъ намъ, какимъ образомъ велись дѣла и на другихъ Соборахъ. Въ 1642 году, Государь приказалъ выбрать изъ большихъ статей отъ 8 до 20 человѣкъ, а изъ меньшихъ статей отъ 3 до 6 человѣкъ. Кромѣ духовенства и придворной аристократіи, на Соборѣ присутствовало 11 стольниковъ, 22 дворянина московскіе, 125 человѣкъ дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ; торговые люди представлялись выборными изъ московскихъ сотенъ. Присутствія выборныхъ отъ посадовъ совсѣмъ не видно.

Собору былъ предложенъ важный вопросъ: взять ли, по предложенію казаковъ, завоеванный ими Азовъ и, слѣдовательно, рѣшиться по этому поводу на войну съ турками, или, если начинать войну трудно, то снова отдать городъ Крымцамъ.

У насъ, вѣроятно, точно также, какъ и во Франціи, общее собраніе было только одинъ разъ, когда всѣ классы выслушивали царскую рѣчь. Послѣ этого, всѣ присутствовавшіе на Соборѣ раздѣлялись по классамъ въ особыя группы и каждая группа подавала свое мнѣніе отдѣльно, или лучшіе дьяки, нарочно приставленные для этой цѣли, записывали мнѣніе каждой группы. Была ли баллотировка внутри каждой группы,—это неизвѣстно. По всей вѣроятности, такой баллотировки не было. На предложенный вопросъ духовенство отвѣчало: „то дѣло ратное, разсмотрѣніе Твоего Царскаго Величества и Твоихъ Государевыхъ бояръ и думныхъ людей, а намъ то все не за обычай“. Это мнѣніе было подано 14 января. Стольники, „помысля“, отвѣчали: „пусть Государь велитъ быть въ Азовѣ тѣмъ же Донскимъ казакамъ, а къ нимъ въ прибавку взять изъ охочихъ военныхъ людей, а гдѣ взять деньги, на то Его Государева воля. Мнѣніе было подано 10 января. Московскіе дворяне подали свое мнѣніе 4 января, въ которомъ было высказано то же самое, что

было сказано стольниками, съ тою прибавкою, что если охочихъ людей будетъ мало, то пусть имъ помогутъ жители украйныхъ городовъ. Головы стрѣлецкіе во всемъ положились на волю Государя. Дворяне и дѣти боярскіе, выборные отъ городовъ, подавали свои мнѣнія по городамъ, или нѣсколько городовъ вмѣстѣ. Они совѣтывали Государю послать казакамъ на помощь стрѣльцовъ, да стараго сбора солдатъ и дать имъ для поспѣшенія денегъ изъ своей Государевой казны; изъ всѣхъ городовъ прибрать стрѣльцовъ и солдатъ и ото всѣхъ безъ разбора собрать хлѣбные запасы. Въ особенности они совѣтовали взять денегъ съ бояръ, ближнихъ людей и высшаго духовенства, которымъ пожалованы многія помѣстья, и съ дьяковъ, которые, будучи у Твоихъ Государевыхъ дѣлъ, обогатились многимъ богатствомъ, накупили домы и вотчины и состроили себѣ такіе дома, что при прежнихъ государяхъ и у великородныхъ людей такихъ домовъ не было. А насъ, бѣдныхъ и раззоренныхъ людей, прибавляли дворяне, вели взыскать своею милостію. Гостиная и торговая сотни высказали Государю, что стоять за государство—это дѣло служилыхъ людей, которые за это получаютъ Твое Государево жалованье, а въ городахъ всякіе люди обнищали и раззорились отъ Твоихъ Государевыхъ воеводъ (С. Т. Т. и Д. т. III). Точно то же высказали и черныя сотни: обнищали, говорятъ они, отъ Твоихъ Государевыхъ податей и многихъ службъ.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича было два Собора: въ 1649 и 1653 годахъ. По совѣту съ патріархомъ Іосифомъ и, поговоря съ бояры, Государь повелѣлъ выбрать изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ и жильцовъ по 2 человѣка; изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ большихъ городовъ по 2 человѣка, а меньшихъ — по 1 человѣку; изъ гостей—3 человѣка; изъ гостиной и суконной сотни—2 человѣка; изъ посадовъ черныхъ слободъ—1 человѣкъ. По собраніи Собора, было поручено: боярамъ Одоевскому и Прозоровскому, окольничему Волконскому и дьякамъ: Левонтьеву и Грибоѣдову представить на утвержденіе Собора правила

святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и градскіе законы Греческихъ царей, которые пригодны, а также указы и боярскіе приговоры вмѣстѣ съ статьями старыхъ Судебниковъ (П. С. З. т. I. Ул.). Я не нахожу необходимымъ говорить здѣсь подробно объ Уложеніи, что заставило бы меня повторять то, что сказано было уже прежде. Достаточно сказать, что на этомъ Соборѣ совершилось полное закрѣпленіе посадскихъ и крестьянъ, и такимъ образомъ, послѣдній важный Соборъ выдвинулъ только интересы служилаго сословія. На Соборѣ высказалось недовольсто всѣхъ классовъ общества на злоупотребленія духовенства своими привилегіями и, по просьбамъ сословій былъ созданъ особый монастырскій приказъ, который бы завѣдывалъ судомъ и расправою въ гражданскихъ дѣлахъ всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ монастырю. Въ 1653 году былъ послѣдній Соборъ, состоящій изъ духовенства и придворныхъ чиновъ; на этомъ Соборѣ было рѣшено принять подданство Малороссіи.

Обозрѣвая всю дѣятельность Соборовъ, не трудно замѣтить, какъ мало было общаго между всѣми классами, созываемыми на Соборы, и какъ мало было надежды, чтобы изъ этихъ Соборовъ могло выдти прочное государственное устройство. На Соборѣ 1642 года выразилась вполнѣ рознь и ненависть всѣхъ классовъ общества. Дворяне и дѣти боярскіе враждуютъ и ненавидятъ бояръ и приказныхъ людей. Торговое сословіе и черныя сотни враждуютъ съ дворянами и дѣтьми боярскими.

Правительство окончательно пожертвовало интересами крестьянъ въ пользу служилаго класса и прикрѣпило городской классъ. Послѣ этого послѣдняго шага были ненужны и невозможны Земскіе Соборы, да и къ чему бы они повели. Теперь нужно было стараться, чтобы раздѣлать все, что было сдѣлано. Слушать жалобы соборовъ на воеводскія злоупотребленія—тоже не повело бы ни къ чему, потому что, какъ мы видѣли выше, необходимость почти неограниченной власти воеводъ вытекала изъ того же строя общества, который былъ утвержденъ соборомъ. Созывать соборъ по поводу Ни-

коновой церковной реформы было бы неблагоразумно, потому что реформа встрѣтила бы скорѣе оппозицію, чѣмъ поддержку собора. На послѣднемъ Земскомъ Соборѣ Старая Русь высказала все, до чего она доработалась и передала дѣло въ руки царской власти, которая одна могла теперь вести общество впередъ.

Перейдемъ къ другимъ учрежденіямъ, въ которыхъ сосредоточивалось управленіе общества.

Боярская Дума была высшимъ законодательнымъ, административнымъ и судебнымъ учрежденіемъ. Она состояла, какъ я уже говорилъ въ VIII-й главѣ, изъ бояръ, окольничихъ, казначея, ясельничаго, думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. Знатнѣйшія фамиліи, получая боярство и окольничество по праву рода, были также и наслѣдственными засѣдателями Думы Боярской, но право засѣдать въ ней они получали только со времени пожалованія царемъ въ принадлежащіе имъ, по родовому праву, чины. Думные дворяне принадлежали къ среднимъ родамъ и представляли въ Думѣ Боярской новый элементъ личной заслуги, рядомъ съ родовымъ правомъ аристократіи. Думные дьяки были еще болѣе представителями этого новаго элемента, потому что они нерѣдко происходили изъ гостей и изъ подъячихъ. Всѣ члены Боярской Думы садились по степени должностей, окольничіе подъ боярами, казначей подъ окольничими и т. д., а лица, имѣющія одну степень, садились по родовому старшинству, не обращая вниманія на время пожалованія чина. Думные дьяки, по большей части, стояли, но иногда и ихъ Государь приглашалъ садиться (Кот. гл. IV).

Въ грамотахъ съ боярскимъ приговоромъ обыкновенно пишется: Царь указалъ и бояре приговорили, фраза, которая показываетъ, что и въ этомъ періодѣ право иниціативы принадлежало царской власти, а Дума Боярская давала приговоры только по тѣмъ дѣламъ, которыя предлагалъ Царь. По различнымъ названіямъ комнатъ, гдѣ засѣдали — Боярская Дума, какъ Золотая, Золотая Меньшая, Передняя или просто Палата, многоуважаемый профессоръ Дмитріевъ вы-

сказалъ мнѣніе, что Дума раздѣлялась на отдѣленія, но ничего точнаго и опредѣленнаго объ этомъ сказать нельзя. Мнѣ кажется, эти различныя названія не имѣютъ особеннаго значенія и происходятъ просто потому, что Боярская Дума не имѣла опредѣленнаго зданія для своихъ занятій и помѣщалась часто въ различныхъ комнатахъ. Въ царскомъ дворцѣ были три золотыя палаты, изъ которыхъ одна называлась Большая или Грановитая, вторая Середняя или Государева, третья Меньшая или Царицына, собственно названіе золотой придавали обыкновенно середней палаты. Она служила для пріема пословъ, патріарховъ, властей; въ ней дѣлались праздничные столы. Особая комната во дворцѣ называлась Переднею, въ которой тоже иногда принимались послы, бывали праздничные столы, раздавались имянинные пироги, отправлялись часы, вечерни, всенощная, совершались пріемы властей (Цар. вых. прибавл.). По различному назначенію этихъ палатъ въ разное время, можно справедливо заключить, что Боярская Дума засѣдала то въ одной, то въ другой палатѣ. Только одно отдѣленіе, вѣроятно, существовало дѣйствительно,—это Золотая Расправная Палата. Точно также нельзя спорить о способѣ подачи мнѣній въ Боярской Думѣ, потому что этой опредѣленности несуществовало и въ дѣйствительности. Уложеніе предписываетъ боярамъ: „всѣ дѣла дѣлать вмѣстѣ“ въ томъ же родѣ, какъ это предписывалось и воеводамъ. Не существовало ничего подобнаго Уставу или Регламенту, гдѣ бы подробно обозначалось, что нужно дѣлать въ случаѣ разногласія.

Гораздо болѣе можно сказать о дѣлахъ, разсматривавшихся въ Думѣ. На разсмотрѣніе Боярской Думы предлагались почти всѣ законодательные вопросы по Гражданскому или Уголовному праву. Всѣ статьи о разбойныхъ дѣлахъ были утверждены боярскимъ приговоромъ (А. И. т. III, № 167). Законы о поклажахъ, займахъ, о обязательствахъ, о срокѣ отысканія бѣглыхъ, распредѣленіи службъ посадскихъ бѣглыхъ крестьянъ, были также утверждены боярскимъ приговоромъ (А. И. т. III, № 92, ст. I, III, XIV, XXXIII;

А. А. Э. т. III, № 350 и т. IV, № 28). Но многочисленныя законодательныя мѣры принимались царемъ безъ видимаго участія бояръ и посылались прямо памятями въ приказы (ib). Безъ боярскаго приговора, напримѣръ, была постановлена смертная казнь за пероходъ посадскаго изъ города въ городъ (А. А. Э. т. IV, № 101).

Дѣла первой политической важности, какъ объявленіе войны, заключеніе мира, обсуждались, какъ мы видѣли, не только въ Думѣ Боярской, но и въ Земскихъ Соборахъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича; въ царствованіе Алексѣя Михаиловича они подлежали обсужденію только Думѣ Боярской. Финансовыя мѣры, большей частію, рѣшались тоже въ Думѣ Боярской. Здѣсь были, напримѣръ, рѣшены слѣдующія мѣры: количество сбора хлѣбныхъ запасовъ, поставка подводъ съ съѣстными запасами для ратныхъ людей, знаменитыя соляныя пошлины 1646 года, учрежденіе Архангельской ярмарки, монополія указныхъ товаровъ (А. А. Э. т. III, №№ 93 и 212; т. IV, №№ 5, 133, 139, 141 и 189). Но не видно боярскаго приговора при указѣ о сборѣ пятой и десятой деньги; также безъ боярскаго приговора была пущена въ обращеніе мѣдная монета, нанесшая столько бѣдъ государству (А. А. Э. т. IV, №№ 90 и 137; А. И. т. IV, № 93).

Важныя административныя мѣры принимались, вѣроятно, тоже по приговорамъ Думы Боярской. Вѣроятно, для этой цѣли думные дьяки были вмѣстѣ съ тѣмъ и дьяками приказовъ: Посольскаго, Разряднаго, Казанскаго дворца, Помѣстнаго приказа, Печатнаго приказа, Новгородской четверти.

Наконецъ, Боярская Дума была мѣстомъ судебнымъ для многихъ очень важныхъ дѣлъ. Знаменитое дѣло боярина Шуйскаго и окольничаго Измайлова, царь слушалъ „со всѣми бояры“ (А. А. Э. т. III, № 251). Въ Думу Боярскую вносились всѣ дѣла, которыхъ, почему либо, нельзя было вершить въ приказахъ (Ул. Гл. X, ст. 2). Жалобы на судей или воеводъ въ несправедливомъ рѣшеніи, дѣла по посуламъ и взяткамъ разбирались въ Думѣ Боярской (ib. ст. 7). Также жалобы мірянъ на патріаршіе приказы.

Таковы были дѣла, въ рѣшеніи которыхъ участвовала Дума Боярская. Безъ сомнѣнія, она имѣла огромное вліяніе на управленіе государствомъ. За совѣтомъ въ Думу Боярскую Царь прибѣгаетъ въ важныхъ вопросахъ внѣшней политики и важныхъ финансовыхъ мѣрахъ внутри государства; она оберегаетъ общество отъ воеводскаго и приказнаго произвола. Но, помимо всего этого, нужно сказать, что дѣйствительное управленіе государствомъ сосредоточивалось не въ Думѣ Боярской, но въ приказахъ, которые прямо сносились съ самимъ Царемъ и отъ него получали распоряженія. Конечно, между приказами и Думой Боярской была связь: тѣже лица, которые засѣдали въ приказахъ, были и членами Думы Боярской. Думные дьяки также завѣдывали нѣкоторыми приказами, какъ мы видѣли выше; изъ приказовъ вносились важнѣйшія дѣла въ Думу Боярскую. Но эта связь только внѣшняя, кажущаяся, пока члены законодательнаго собранія, имѣющаго какую либо долю самостоятельности, остаются только членами этого собранія, не имѣя какой либо особой правительственной должности, они, естественно, сохраняютъ нѣкоторый духъ безпристрастнаго отношенія къ дѣламъ. Но если всѣ они или большая часть изъ нихъ есть въ то же время чиновники по разнымъ вѣдомствамъ, которыхъ судьба зависитъ вполнѣ отъ правительства, могущаго лишить ихъ доходнаго мѣста, тогда эти же лица, ничего не пріобрѣтая, какъ чиновники особыхъ приказовъ, много теряютъ, какъ члены законодательнаго собранія. Бояринъ, окольничій или думный дворянинъ, выходя изъ законодательнаго собранія, обсуждающаго общіе вопросы и становясь начальникомъ приказа, ни чѣмъ не разнился отъ всякихъ другихъ чиновниковъ, которыхъ бы поставило правительство. Даже можно сказать, общій интересъ всѣхъ чиновъ Думы Боярской, бывшихъ въ тоже время и начальниками приказовъ, долженъ былъ вести ихъ къ тому, чтобы они какъ можно менѣе дѣлъ вносили на общее собраніе и тѣмъ дали себѣ болѣе простора, какъ начальники приказовъ. Само правительство, въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, начало стремиться, чтобы

большая часть дѣлъ переходила въ Боярскую думу, что служитъ признакомъ сознанія неудобства приказной системы самимъ правительствомъ (П. С. З. т. I, №№ 460, 462 и 582). Въ 1669 году было уже распредѣлено, изъ какихъ приказовъ и въ какіе дни вносить дѣла въ Думу. Но всѣ эти мѣры едва ли могли вести къ какимъ нибудь результатамъ. На самомъ дѣлѣ, приказъ былъ всемогущимъ, всѣмъ заправляющимъ учрежденіемъ, а Дума Боярская была только учрежденіемъ совѣщательнымъ.

Обратимся къ системѣ приказовъ и посмотримъ, какіе тамъ велись дѣла.

Для удобства общаго обозрѣнія, я раздѣляю всѣ приказы на слѣдующіе отдѣлы:

1) приказы административные, въ которыхъ сосредоточивалось управленіе большей части городовъ и уѣздовъ Россіи;

2) приказы финансовые, собирающіе большую часть государственныхъ доходовъ и занимающіеся составленіемъ государственнаго бюджета;

3) приказы военные, завѣдывающіе всѣми наличными военными силами государства;

4) приказы судные, которымъ принадлежало право суда и расправы надъ нѣкоторыми отдѣльными классами общества;

5) приказы, завѣдывающіе полицейскими дѣлами;

6) Приказы для различныхъ дѣлъ, которыми правительство интересовалось;

7) Приказы дворцовые, завѣдывающіе всѣмъ управленіемъ надъ лицами и имуществами, относящимися ко двору Великаго Государя.

Приказы административные были, можно сказать, важнѣйшими приказами, въ которыхъ сосредоточивалось все управленіе Россіи. Сюда относятся: Четверти: Костромская, Галицкая, Владимірская, Устюжская, Новгородская; Приказы: Казанскаго Дворца, Сибирскій Приказъ, Малороссійскій Приказъ. Новгородской Четверти были подчинены: Новгородъ съ пригородами, Псковъ съ пригородами, Нижній-Новгородъ, Архангельскъ, Вологда и вообще поморскіе города

(Кот. гл. VIII, стр. 16; А. И. т. III, № 13). Устюжской Четверти: Устюгъ–Великій, Соль–Вычегодскъ (А. И. т. III, № 93). Костромской чети: Ростовъ, Кострома и нѣкоторые другіе города. Галицкой чети: Галичъ съ уѣздомъ (Котош. гл. VIII, стр. 18 и 19). Казанскому Дворцу были подчинены: Казань, Астрахань и всѣ понизовые города (П. С. З. т. I, № 526). Сибирскому Приказу были подчинены сибирскіе города, а Малороссійскому малороссійскіе города. Еслибы эта система была доведена до послѣднихъ результатовъ, то административнымъ приказамъ должны были бы быть подчинены всѣ города Россіи, въ административномъ отношеніи. Но общество еще не развилось до такой правильности управленія. Нѣкоторымъ приказамъ, имѣющимъ спеціальное назначеніе, какъ Разрядъ, Посольскій Приказъ, были даны въ управленіе города просто, какъ средство для покрытія издержекъ этихъ приказовъ, или вслѣдствіе военныхъ или политическихъ соображеній. Сами финансовые приказы не завѣдывали, какъ бы можно ожидать, финансовою частью во всѣхъ городахъ, но, кромѣ своего спеціальнаго назначенія, управляли многими городами въ томъ же родѣ, какъ и административные приказы. Города, причисленные для какихъ либо цѣлей къ другимъ спеціальнымъ приказамъ, управлялись въ административномъ отношеніи такимъ же образомъ, какъ и всѣ города, состоящіе въ вѣденіи административныхъ приказовъ, а потому все, что я буду говорить объ общемъ порядкѣ управленія городовъ, состоящихъ въ вѣденіи административныхъ приказовъ, относится также и къ тѣмъ городамъ, которые были отданы въ управленіе спеціальныхъ приказовъ, ради какихъ либо частныхъ цѣлей.

Воеводы, отправляясь для управленія какимъ либо городомъ, получали подробную инструкцію изъ того приказа, въ завѣдываніи котораго состоялъ городъ. Новый воевода, принявъ отъ стараго денежную казну, собранный хлѣбъ, долженъ былъ сейчасъ–же увѣдомить объ этомъ приказъ и послать туда самую приходо–расходную книгу, за своею подписью и подписью прежняго воеводы (Д. А. И. т. IV, №№ 134,

137 и 138; А. И. т. III, №№ 134 и 154). Довольно обширная власть была предоставлена воеводѣ, когда дѣло касалось прихода, такъ что они вводили даже новыя монополіи, но власть ихъ дѣлать расходъ была чрезвычайно ограничена; безъ дозволенія Приказа воевода не могъ сдѣлать самаго незначительнаго расхода, если дѣло не касалось посольскихъ и разрядныхъ скорыхъ дѣлъ (А. А. Э. т. III, № 143; Д. А. И. т. IV, №№ 134, 137 и 140). Всѣ приказанія о расходахъ шли изъ Приказа административнаго, даже если дѣло касалось вѣдомства спеціальнаго приказа; напримѣръ, прибавка стрѣлецкаго хлѣба была сдѣлана по приказанію административнаго приказа, который извѣщалъ объ этомъ Стрѣлецкій приказъ (А. А. Э. т. III, № 148). Ежегодно воевода долженъ былъ представлять въ приказъ приходо–расходныя книги съ подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ расходовъ (А. А. Э. т. IV, № 6; Д. А. И. т. IV, № 134). Все таможенное управленіе городовъ находилось въ полной зависимости отъ административныхъ приказовъ. По большей части, воеводы сами назначали таможенныхъ головъ, но объ избранномъ имъ лицѣ онъ долженъ былъ дать тотчасъ знать приказу (Д. А. И. т. IV, № 134; А. И. т. III, № 185). Ежегодно или по полугодамъ таможенные головы съ собранными деньгами и отчетными книгами должны были являться въ приказъ, гдѣ производилась ревизія книгъ и отчетовъ (ib). Оброчныя статьи въ городахъ отдавались иногда по грамотамъ изъ приказовъ, иногда отдача ихъ поручалась воеводамъ, но оброчныя книги они всегда должны были присылать въ приказъ (ib). Важнѣйшія дѣла по судопроизводству, которыя не могъ рѣшить на мѣстѣ воевода, отсылались въ приказъ (А. А. Э. т. III, № 188). Изъ административныхъ приказовъ выходили распоряженія о сыскѣ бѣглыхъ, о высылкѣ работниковъ и другія многочисленныя сыскныя дѣла этого времени (А. А. Э. т. III, № 188; А. И. т. III, № 160). Такимъ образомъ, административные приказы были мѣстами, которыя непосредственно завѣдывали всѣмъ управленіемъ государства. Административная централизація была доведена

до такихъ размѣровъ, далѣе которыхъ не можетъ пожелать и самый страстный бюрократъ новаго времени.

Вторыми, по своей важности, были финансовые приказы, какъ: Приказъ Большаго Прихода, Приказъ Большой Казны, Новая Четь, Счетный Приказъ. Я называю эти приказы общимъ именемъ финансовыхъ, потому что ихъ спеціальною цѣлью былъ сборъ государственныхъ доходовъ, чеканка монеты и контроль надъ приходами и расходами государства. Приказъ Большаго Прихода завѣдывалъ таможенными сборами, мытною, перевозною и мостовою пошлиною, оброчными, лавочными и неокладными сборами съ Москвы и многихъ другихъ городовъ, которые, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, были подчинены административнымъ приказамъ. Въ случаѣ подчиненія таможенныхъ сборовъ приказу Большаго Прихода, вся отчетность головъ шла уже прямо въ этотъ приказъ, помимо административныхъ приказовъ (П. С. З., № 824; Д. А. И. т. IV, № 149; Кот. гл. VIII, стр. 10). Приказу Большой Казны былъ подчиненъ монетный дворъ, гдѣ производилась чеканка монеты, и большое число городовъ въ административномъ отношеніи. Кромѣ того, подъ вѣденіемъ его состоялъ тульскій оружейный заводъ и надзоръ за разработкою рудниковъ (Кот. гл. VII, стр. 9). Въ Новой Четверти были вѣдомы, многихъ городовъ и волостей, кружечные дворы и слѣдовательно отчетность кабацкихъ головъ. Этотъ же приказъ имѣлъ наблюденіе за корчемствомъ (ib). Счетный приказъ служилъ контрольною палатой, сводящей приходы и расходы государства. Вѣроятно, ежегодно составлялся общій отчетъ государства. Въ 1623 году, въ Псковъ пришла царская грамота, въ которой было сказано: „какъ къ вамъ сія наша грамота придетъ, и вы-бъ тотчасъ велѣли сдѣлать Псковскимъ денежнымъ и хлѣбнымъ окладнымъ и неокладнымъ всякимъ доходомъ приходу и расходу нынѣшнего 131 году смѣтные списки и окладную роспись по 132 году, сколько Псковскихъ денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ въ 132 году въ сборѣ будетъ и что въ расходъ дати, а, сдѣлавъ тѣ смѣтные списки нынѣшнего 131 году и оклад-

ную роспись по 132 году и написавъ въ тетради, прислали къ намъ къ Москвѣ тотчасъ... чтобы за тѣмъ наша годовая большая смѣта и приходная и окладныя книги не стали“ (А. А. Э. т. III, № 142). Я считаю умѣстнымъ, прежде чѣмъ перейти къ изложенію дѣятельности приказовъ другихъ отдѣловъ, остановиться здѣсь и попытаться опредѣлить наши тогдашніе приходы и расходы, на сколько позволяетъ это Котошихинъ.

Приходъ государства.

Таможенныхъ доходовъ, полавочныхъ сборовъ, мыти и перевозовъ.	500,000	руб.
Сбора съ гостей, гостиной и суконной сотни и многихъ городовъ торговыхъ людей .	315,000	„
Полоняничныхъ денегъ	150,000	„
Стрѣлецкихъ денегъ со всѣхъ классовъ. .	150,000	„
Окладныхъ и неокладныхъ сборовъ со всѣхъ городовъ, вѣдаемыхъ въ административныхъ приказахъ.	192,000	„
Съ городовъ, вѣдаемыхъ въ Приказѣ Большаго Дворца.	120,000	„
Съ монастырскихъ крестьянъ	20,000	„
Различныхъ печатныхъ и судебныхъ пошлинъ	15,000	„
Ямскихъ денегъ со всѣхъ классовъ . . .	50,000	„
Съ кружечныхъ дворовъ	100,000	„
Съ городовъ, подчиненныхъ разнымъ приказамъ.	7,000	„
Отъ продажи сибирскихъ мѣховъ. . . .	600,000	„
Пошлинъ отъ пятна	10,000	„
Итого . . .	2,229,000	руб.

*

Расходъ государства.

На содержаніе царскаго двора, на строеніе церквей и богадѣленъ, на ругу церквамъ .	125,000 руб.
На жалованье стрѣльцамъ	150,000 „
На окупъ плѣнныхъ	150,000 „
На приготовленіе ружей, пушекъ и другихъ снарядовъ.	100,000 „
На жалованье боярамъ и ближнимъ людямъ, и начальнымъ людямъ, рейтаръ и солдатъ	162,000 „
На кормовыя деньги иностраннымъ солдатамъ, на пріемъ пословъ и греческихъ властей	500,000 „
На содержаніе ямовъ.	50,000 „
На содержаніе приказовъ и жалованье подъячимъ	15,000 „
Итого . .	1,252,000 руб.

Такимъ образомъ, 977,000, или немного менѣе половины всѣхъ расходовъ у Котошихина не опредѣлены съ точностію. А между тѣмъ, еслибы было возможно составить полный перечень расходовъ, то онъ объяснилъ бы многое въ русской жизни. Посредствомъ этого бюджета, можно было бы съ математической точностію указать причины прикрѣпленія крестьянъ, необходимость помѣстной системы для содержанія дѣтей боярскихъ и строгія мѣры, принятыя въ оба царствованія, въ отношеніи городовъ. Но отчасти, это можно сдѣлать и теперь, такъ какъ, безъ всякаго сомнѣнія, почти вся масса государственныхъ доходовъ уходила на содержаніе войска, то, дѣлая приблизительный разсчетъ, чего стоило бы содержаніе арміи, еслибы ея услуги оплачивались день-

гами, мы поймемъ необходимость многихъ тяжелыхъ мѣръ этого времени.

Самое важное войско, послѣ дѣтей боярскихъ, составляли стрѣльцы. Число ихъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ доходило до 18,000 ч. (Кот. гл. VII, ст. 5), но очень вѣроятно, эта цифра менѣе дѣйствительной. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, во время войны съ поляками въ 1634 году, на однихъ только южныхъ границахъ было 22,000 стрѣльцовъ, въ тоже время, какъ подъ Смоленскомъ ихъ было до 4,500 человѣкъ (Разр. т. II). Стрѣльцы были конные и пѣшіе и получали жалованье деньгами и хлѣбомъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, до 1632 года, въ стрѣльцы могли поступать вторые и третьи сыновья крестьянъ, если первый занялъ отцовское тягло. Съ 1632 года, стрѣльцы стали пополняться только дѣтьми самихъ стрѣльцовъ. По Уложенію было дозволено поступать въ стрѣльцы только третьему сыну горожанина, если два первые заняли городское тягло. Стрѣлецкіе полки раздѣлялись на приказы по 500, 800 и 1,000 человѣкъ. Приказы управлялись головами, сотниками, пятидесятниками, десятниками. Въ 1623 году, сотникъ получалъ 10 р. жалованья, при Алексѣѣ Михайловичѣ отъ 40 до 50 р.; пятидесятники, въ томъ же году, 2 р. и семь четвертей ржи, при Алексѣѣ Михайловичѣ—15 рублей; десятники 2 р. и 6 четвертей ржи, при Алексѣѣ Михайловичѣ 12 р. и 18 четв. ржи; рядовые 2 р. и 6 четвертей ржи, при Алексѣѣ Михайловичѣ 10 р. и 15 четв. ржи. Скудное содержаніе стрѣльцовъ въ 1623 году объясняется тѣмъ, что правительство дозволило имъ безпошлинную торговлю на не большія суммы, что было прекращено въ 1649 году. По этому разсчету, содержаніе стрѣльцевъ при Алексѣѣ Михайловичѣ требовало до 250,000 рублей денежнымъ жалованьемъ, 346,000 четвертей хлѣба и 48 тысячъ пудовъ соли.

Кромѣ стрѣльцевъ, были казаки. При Царѣ Михаилѣ было до 1,500 казаковъ, надѣленныхъ землями и до 5,000 получающихъ денежное и хлѣбное жалованье. Не имѣющее земелѣ при Михаилѣ получали по 4 р. жалованья (Разр. т. II, стр.

423—427). Принимая туже цифру козаковъ и при Алексѣѣ Михайловичѣ и возвышая цифру ихъ жалованья до жалованья стрѣльцовъ, мы получимъ сумму въ 50 или 60,000 руб.

При Михаилѣ Ѳедоровичѣ уже начинается стремленіе образовать полки солдатъ, драгунъ и рейтаръ по европейскому строю, потому что была сознана неудовлетворительность настоящихъ войскъ. Для обученія войскъ по иностранному образцу, нужно было выписать иностранныхъ офицеровъ и солдатъ, что и было исполнено въ довольно широкихъ размѣрахъ. При осадѣ Смоленска, нѣмецкихъ наемныхъ людей было 3,650 человѣкъ; кромѣ рядовыхъ, было 4 полковника, 3 поручика, 4 маіора, 17 капитановъ, 32 прапорщика. Содержаніе этого войска обходилось государству до 377,000 р. въ годъ (Разр. т. II, стр. 446 и 447), что составляетъ болѣе 100 рублей па человѣка. Очень естественно, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича содержаніе иностранныхъ войскъ обходилось въ 500,000 рублей.

Въ 1639 году начали образовываться полки изъ русскихъ драгунъ и солдатъ. Они набирались изъ дѣтей боярскихъ, иноземцевъ и татаръ не верстанныхъ, а также изъ стрѣльцовъ, казаковъ и всякихъ чиновъ людей. Желающимъ выдавалось на платье по 3 р., да поденнаго корма по 8 д. въ сутки; такимъ образомъ, годовой окладъ солдата или драгуна обходился въ 18 рублей (А. А. Э. т. III, № 287). Въ 1659 году. рейтарамъ велѣно было платить по 30 р. человѣку, (П. С. З. № 261). Въ 1661 г., во время войны съ польшей за каждаго ратника, котораго ставили дворяне и дѣти боярскіе, платилось по 30 рублей, (ib. № 306). Въ 1672 г., на нашихъ южныхъ границахъ было 6500 драгунъ, 9,500 рейтаръ, 3,600 солдатъ и 1,500 копѣйщиковъ. Разсчитывая содержаніе всѣхъ конныхъ ратниковъ въ 30 рублей, а солдатъ въ 20 рублей, содержаніе этихъ войскъ должно было обходиться въ 597,000 рублей.

Такимъ образомъ, денежное содержаніе арміи, кромѣ дѣтей боярскихъ, обходилось правительству въ 1,300,000 руб. Если бы государство захотѣло оплачивать службу дѣтей бояр-

скихъ въ размѣрѣ рейтарской, тогда стоимость содержанія 34,000 дѣтей боярскихъ, исправлявшихъ службу при Алексѣѣ Михайловичѣ, обходилась бы въ 1,020,000 рублей, а вся сумма денежныхъ издержекъ на войска превышала бы всю сумму годовыхъ доходовъ. Прибѣгая къ помѣстной системѣ и крѣпостному праву, правительство не только сберегало почти половину государственныхъ доходовъ, но оно легко оплачивало помѣстьями содержаніе всей администраціи и начальныхъ людей въ войскѣ. Такимъ образомъ, эти данныя снова подтверждаютъ намъ, что помѣстная система и крѣпостное право было государственною необходимостью. Обратимся къ прерванной нами дѣятельности приказовъ.

Все управленіе войсками сосредоточивалось въ военныхъ приказахъ, каковыми были приказы: Разрядный, Стрѣлецкій, Пушкарскій, Иноземный, Рейтарскій, Оружейный и Бронный. Изъ Стрѣлецкаго приказа дѣлались назначенія стрѣлецкихъ головъ и выдавались имъ грамоты, относительно суда и расправы стрѣльцовъ. Всѣ судныя пошлины, которыя собирали головы, записывались въ особыя книги и отправлялись въ Стрѣлецкій приказъ (А. А. Э. т. III, № 13). О наборѣ новыхъ стрѣльцовъ и выдачѣ имъ жалованья писалось къ воеводѣ изъ административнаго приказа, но обо всемъ этомъ онъ долженъ былъ сообщать въ Стрѣлецкій приказъ (ib. № 148 и 199). Стрѣлецкій приказъ составлялъ смѣты необходимаго количества хлѣбныхъ запасовъ для стрѣльцовъ и для взысканія хлѣба отправлялъ грамоты въ тѣ приказы, которымъ были подчинены города (ib. № 94). Пушкарскій приказъ завѣдывалъ выдѣлкою и береженіемъ огнестрѣльныхъ снарядовъ (ib. № 205); онъ управлялъ пушкарской слободой и давалъ инструкціи сотнику пушкарскому, который долженъ былъ доносить о всякихъ дѣлахъ въ приказъ (ib. № 9). Въ Иноземномъ и Рейтарскомъ приказахъ были вѣдомы служилые иноземцы и рейтары. Въ Иноземномъ приказѣ судились по всѣмъ дѣламъ не только сами иноземцы, но и ихъ крестьяне (А. И. т. III, № 183). Жалованье иноземцамъ, не имѣющимъ помѣстій, выдавалось изъ большаго прихода. Рейтарскій приказъ производилъ на-

боръ рейтаръ и выдавалъ имъ жалованье (Кот. гл. VII, стр. 15). Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича существовалъ еще приказъ Казачій, завѣдывавшій судомъ и управленіемъ казаковъ (А. И. т. III, № 92). Кромѣ того, къ военнымъ приказамъ нужно отнести: Оружейный, завѣдывавшій выдѣлкою ружей и судомъ надъ мастеровыми людьми, набиравшимися погодно изъ промышленныхъ людей всего царства; Бронный, завѣдывавшій выдѣлкою броней и судомъ надъ мастеровыми людьми (Кот. гл. VII, стр. 21; Вивл.).

Но самымъ важнымъ изъ военныхъ приказовъ былъ Разрядный приказъ или Разрядъ. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ приказовъ вообще, вслѣдствіе чрезвычайнаго значенія военно-служилаго класса въ государствѣ. Разрядный приказъ завѣдывалъ всѣми служилыми людьми въ государствѣ, начиная съ бояръ и кончая казаками и солдатами. Ему не были непосредственно подчинены только стрѣльцы, пушкари, рейтары и служилые иноземцы, состоящіе въ вѣденіи своихъ спеціальныхъ приказовъ. Разрядный приказъ распоряжался всѣми военными назначеніями, всѣмъ движеніемъ войскъ въ военное время. Вознагражденія за службы, повышенія, прибавка жалованья,—все это зависѣло отъ Разряда. Отправляясь въ походъ и сдѣлавъ осмотръ войскъ, воеводы должны были донести Разряду о результатахъ (А. А. Э. т. III, № 220). Обо всѣхъ военныхъ вѣстяхъ, добытыхъ посредствомъ лазутчиковъ или какимъ либо другимъ способомъ, воевода долженъ былъ извѣщать Разрядъ. Точно также воевода долженъ былъ извѣщать Разрядъ о количествѣ въ его городѣ военныхъ запасовъ, денегъ и хлѣба. Въ военное время въ городахъ, стоящихъ близь непріятельскихъ границъ, воеводы не могли выдавать хлѣбъ безъ приказа изъ Разряда (А. И. т. III, № 116). Грамоты объ отсрочкѣ суда служилымъ людямъ шли изъ Разряда (П. С. З. № 544)

Кромѣ всѣхъ этихъ приказовъ, для военныхъ потребностей иногда устраивались на время особые приказы, какъ приказъ Сбора даточныхъ людей, Денежной раздачи, Нѣмецкихъ кормовъ, Хлѣбнаго сбора.

Отправленіе суда и расправы было раздѣлено между множествомъ приказовъ. Обыкновенно тѣже приказы, которые завѣдывали администраціею, завѣдывали и судомъ; такъ, административные приказы завѣдывали судомъ всѣхъ посадскихъ и черныхъ крестьянъ, живущихъ въ управляемыхъ ими уѣздахъ, военные приказы судили военныхъ людей, различные дворцовые приказы судили всѣхъ лицъ, находящихся въ услуженіи двора. Но существовали и особые приказы, которымъ порученъ былъ исключительно судъ нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ и кромѣ того, нѣкоторые спеціальные приказы имѣли право суда тоже надъ нѣкоторыми общественными классами. Приказами, съ исключительно судебнымъ характеромъ, были приказы Судные и Разбойный. Разбойный приказъ былъ верховнымъ уголовнымъ судилищемъ. Онъ имѣлъ верховный надзоръ и судилъ всѣхъ губныхъ старостъ, цѣловальниковъ, губныхъ дьячковъ, потому что эти лица были неподсудны воеводамъ (А. И. т. III, № 167, стр. 56—61; Ул. гл. XXI, стр. 6). Онъ могъ требовать къ себѣ всѣ дѣла, производящіяся въ губныхъ станахъ, и окончательно рѣшать ихъ. Приказы судные, Московскій и Владимірскій, были созданы для служилаго класса, потому что они вѣдали только гражданскіе иски служилаго сословія. Въ нѣкоторыхъ другихъ приказахъ судебная дѣятельность была присоединена къ другой спеціальной дѣятельности. Сюда относятся нѣкоторые приказы, о спеціальномъ значеніи которыхъ я уже говорилъ. Такъ приказъ Большой Казны завѣдывалъ судомъ гостиной и суконной сотни и серебрянаго дѣла мастеровъ (Кот. гл. VII, стр. 9). Приказъ Большаго Прихода судилъ откупщиковъ и таможенниковъ. Ямской приказъ завѣдывалъ судомъ ямщиковъ и дѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія относительно ямовъ.

Къ этой же категоріи я отношу приказы, которые, вмѣстѣ съ судебной дѣятельностію, имѣли еще другую, административную дѣятельность. Монастырскій приказъ, созданный по жалобамъ всѣхъ классовъ на духовенство въ 1649 году, управлялъ монастырями и судилъ по жалобамъ на духо-

венство и монастырскихъ крестьянъ. Холопій приказъ служилъ для записки желающихъ идти въ холопство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для суда по холопьимъ дѣламъ (Кот. гл. VII, стр. 31). Помѣстный приказъ велъ книги всѣмъ помѣстьямъ и вотчинамъ; чрезъ него совершались пожалованія помѣстными и вотчинными землями (А. А. Э. т. III, № 222; т. IV, № 21). Здѣсь совершалась записка крѣпостей на купленныя помѣстья и вотчины и здѣсь же производился судъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ (П. С. З. №№ 475 и 476). Въ 1672 году велѣно было въ Помѣстномъ приказѣ судить духовныхъ и свѣтскихъ особъ патріаршаго вѣдомства (ib. № 505). Челобитный приказъ назначался для подачи прошеній на имя Государя и онъ же производилъ судъ надъ дьяками и подъячими. Въ Земскомъ приказѣ, о которомъ я буду говорить въ слѣдующемъ отдѣлѣ, судились извощики (А. И. т. III, № 92, стр. XVI).

На основаніи полицейскаго характера государства, можно было бы думать, что полицейскія учрежденія будутъ особенно развиты, но на самомъ дѣлѣ существовали только три приказа, которые имѣли полицейскій характеръ: приказъ Тайныхъ дѣлъ, Сыскной приказъ и Земскій приказъ. Приказъ Тайныхъ дѣлъ возникъ вскорѣ послѣ бунтовъ 1651 г. и имѣлъ цѣлью спеціальный надзоръ за политическими преступленіями. Изъ этого приказа посылались подъячіе для надзора за распоряженіями воеводъ во время военныхъ дѣйствій. Такъ какъ этотъ приказъ находился въ особенно близкихъ отношеніяхъ ко двору, то ему была поручена царская лѣтняя потѣха. Кромѣ того, приказъ завѣдывалъ гранатнымъ дѣломъ. Приказъ Сыскной имѣлъ очень важное значеніе, что вытекало изъ общаго строя государства. Онъ распоряжался отысканіемъ бѣглыхъ крестьянъ и посадскихъ, высылкою мастеровыхъ для нужныхъ дѣлъ. Обо всѣхъ распоряженіяхъ, касательно розыска посадскихъ, воеводы давали знать въ Сыскной приказъ (А. А. Э. т. III, №№ 279 и 311; А. И. т. III, № 164; т. IV, № 29). Земскій приказъ завѣдывалъ всѣми дѣлами Московской полиціи, такъ какъ въ

Москвѣ не было особеннаго воеводы. Подъ вѣдомствомъ Земскаго Двора находились пожарные инструменты (А. И. т. III, № 92, ст. IV, XVII, XVIII). Продажи и покупки всѣхъ посадскихъ дворовъ въ Москвѣ записывались въ этомъ приказѣ (ib. ст. XXVII).

Но, кромѣ всѣхъ этихъ приказовъ, въ Москвѣ существовали еще особые приказы, которые имѣли разнообразное назначеніе, а потому ихъ нельзя причислить не къ однимъ изъ предшествовавшихъ рубрикъ, и нельзя составить особую рубрику, на основаніи ихъ общаго характера. По этой причинѣ я называю ихъ приказами съ различнымъ назначеніемъ. Изъ этихъ приказовъ самый важный былъ Посольскій приказъ, чрезъ который шли всѣ сношенія съ иностранными государствами. Онъ принималъ и отправлялъ пословъ и писалъ всѣ необходимыя грамоты для сношенія съ иностранными державами. Въ приказѣ была большая государственная печать. Къ этому приказу присоединялись иногда разнообразныя дѣла, какъ управленіе покоренными городами, донскіе казаки и татары съ своими вотчинами, вѣдались тоже въ этомъ приказѣ, онъ производилъ пріемъ греческихъ властей. Другіе приказы, относящіеся къ этому разряду, не имѣютъ большаго значенія. Таковы были: Каменный приказъ, завѣдывавшій всѣми постройками, производимыми на счетъ государства; дѣятельность приказовъ Богадѣльнаго, Книгопечатнаго дѣла, видны изъ ихъ названія.

Въ заключеніе этой главы намъ остается сказать о жизни во дворцѣ и Дворцовыхъ приказахъ.

Царскій дворъ считался священнымъ мѣстомъ, гдѣ никогда не должно слышаться бранное слово, тѣмъ болѣе здѣсь не могла произойти драка или вообще буйство. Къ крыльцу Царскаго Дворца не могъ подъѣхать даже бояринъ, менѣе чиновныя лица, какъ подъячіе не могли даже въѣзжать въ Кремль. Царскій Дворецъ состоялъ изъ множества комнатъ, имѣющихъ особое назначеніе. Тамъ было три золотыхъ палаты, о назначеніи которыхъ мы уже говорили; Столовая изба, назначаемая для чиновныхъ обѣдовъ; Панихидная па-

лата, назначаемая для пріема патріарха и властей; Отвѣтная палата, гдѣ принимали пословъ; Передняя палата назначалась для засѣданія Думы Боярской и для разныхъ церковныхъ церемоній.

Украшеніемъ своего дворца служили оба Великіе Государя, слѣдовавшіе одинъ за другимъ на Русскомъ тронѣ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, по своему характеру, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ въ наше время называютъ практическими людьми. Въ его душѣ не было ни порывовъ, ни постоянной внутренней борьбы, которую мы видимъ въ Іоаннѣ IV; онъ никогда не увлекался, ни отъ чего не приходилъ ни въ восторгъ, ни въ отчаяніе. Постоянно ровный и покойный, онъ терпѣть не могъ никакихъ излишествъ. Онъ былъ, можетъ быть, единственный человѣкъ своего времени, который былъ постоянно трезвъ и терпѣть не могъ пьяныхъ. Никогда не прибѣгая къ суровымъ наказаніямъ, въ которыхъ всегда выражается гнѣвъ, онъ никогда не пропускалъ проступка безъ наказанія и, въ этомъ отношеніи, былъ не чуждъ понятій своего времени. Однажды, подъячаго за прописку титула онъ велѣлъ наказать нещадно батогами (А. И. т. III, № 214). Въ Верхотурьѣ, во время имянинъ царевны Анны, у воеводы обѣдали: игуменъ Никольскаго монастыря и приходскіе попы; во время пѣнія надъ чашей, соборный попъ Клементій поспорилъ съ приходскимъ о томъ, какъ нужно пѣть величаніе. Великій Государь приказалъ поповъ посадить на двѣ недѣли на цѣпь (А. И. т. III, № 223). Въ религіозномъ отношеніи онъ никогда не возвышался надъ понятіями своего времени, но и тутъ, какъ и во всемъ, любилъ порядокъ. У него было опредѣлено, въ какіе дни онъ пойдетъ въ какую церковь и не пропускалъ ни одного праздника, въ который бы онъ не былъ у заутрени, обѣдни, вечерни. Но если Михаилъ былъ чуждъ глубины религіознаго мышленія, то онъ все-таки стоялъ выше грубаго пониманія толпы. Онъ запретилъ шумъ и разные языческіе обряды на Ваганьковомъ кладбищѣ (А. И. т. III, № 92, ст. VIII). Въ государственныхъ дѣлахъ онъ не отличался силою генія, быстро

понимающаго темныя стороны настоящаго, но судилъ положеніе дѣлъ практически вѣрно и не сдѣлалъ промаха, который бы былъ особенно вреденъ. Онъ былъ по преимуществу хозяинъ, который смотрѣлъ за государственной казной, какъ хорошій хозяинъ смотритъ за своей собственной. Посылая, напримѣръ, запасы подъ Смоленскъ, онъ заранѣе опредѣляетъ все: какія у телѣгъ должны быть колеса, какъ укрыть возы, какъ прочнѣе, словомъ все до мельчайшей подробности. Посылая въ Чердынь новопечатныя книги, онъ предписываетъ воеводѣ, чтобы взялъ съ торговыхъ людей деньги за книги, коробъ, рогожи и веревки (А. И. т. III, № 199). Онъ даже доходитъ до остроумія, когда другіе поступаютъ не хозяйственно; однажды Чердынскій воевода не хотѣлъ посадить въ тюрьму за проступокъ сторожей, потому что въ эту тюрьму сажаютъ татей и разбойниковъ, на что Михаилъ отвѣчалъ ему: „только для сторожей ставить новыя тюрьмы и то будетъ не дешево, да и нечего для этого тюрьмы ставить, что мужика на день вкинуть въ тюрьму“ (А. И. т. III, № 163).

Сынъ Михаила Ѳедоровича, Алексѣй Михайловичъ, былъ по природѣ далеко даровитѣе своего отца. Его не даромъ называли государемъ „тишайшимъ“, потому что, въ самомъ дѣлѣ, въ его характерѣ было много мягкости и нѣжности. Въ одномъ письмѣ къ Никону, онъ пишетъ: „да пожаловати бы тебѣ Великому Святителю помолиться, чтобы Господь умножилъ лѣтъ живота дочери моей, а по тебѣ она, Святителю, добре ласкова; да за жену мою помолись, чтобы ради твоихъ молитвъ разнесъ Господь ребеночкомъ; а уже время спѣетъ, а какой грѣхъ станется, и мнѣ, ей, пропасть съ кручины“ (А. А. Э. т. IV, № 57). Получивъ воспитаніе въ домѣ религіознаго отца, онъ всю жизнь оставался набожнымъ, но, будучи по природѣ энергичнѣе и впечатлительнѣе отца, онъ доводилъ свою набожность до такихъ размѣровъ, до которыхъ, вѣроятно, никогда не доходилъ его отецъ. Во время первой свадьбы, онъ не дозволилъ играть музыкѣ, во весь великій постъ онъ не ѣлъ съ масломъ, часто вставалъ по

ночамъ и пѣлъ религіозные гимны (Mayerberg, стр. 207). Но эта же впечатлительность натуры помѣшала ему остаться всю жизнь тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ молодости. Начавъ съ того, что онъ цѣловалъ ноги патріарха Іосифа, онъ кончилъ сверженіемъ Никона, человѣка замѣчательнаго ума и характера. Хотя его теоретическіе взгляды были не далеки и онъ всю жизнь былъ увѣренъ, что борода и однорядка необходимы для благочестія, но, быстро понявъ положеніе дѣлъ, онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ реформы и провелъ ее, не смотря на страшную оппозицію. Та же энергія отличала его и въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ умѣлъ понять и приблизить къ себѣ людей, какъ Ордынъ-Нащекина и Матвѣева, хотя по рожденію они далеко не имѣли права на такое возвышеніе. Онъ умѣлъ понять планы Ордынъ-Нащекина и содѣйствовалъ имъ. Нельзя не сознаться, онъ сдѣлалъ величайшую ошибку, пустивъ монету дурнаго чекана, но въ то время никто не понималъ ничего въ финансовыхъ дѣлахъ. Конечно, его отецъ, по свойственной ему осторожности, не сдѣлалъ бы этого, но онъ не присоединилъ бы и Малороссіи. Ту же страстность и энергію, которыя онъ высказывалъ въ важныхъ дѣлахъ, онъ высказывалъ и въ развлеченіяхъ. Онъ до страсти предавался соколиной охотѣ. Однажды онъ писалъ Сибирскимъ воеводамъ: „Ямщикамъ приказать накрѣпко, чтобъ они наши птицы дорогою везли бережно и сани осматривали съ великимъ береженьемъ, и везли тѣхъ птицъ къ Москвѣ не скоро, чтобъ отъ того нашимъ птицамъ порухи не было; а буде ямщики учнутъ сани осматривать небережно, то ямщиковъ бить кнутомъ“ (А. И. т. IV, № 164). Съ подданными онъ обходился деликатно, хотя былъ вспыльчивъ; но въ гнѣвѣ онъ не заходилъ далѣе удара ногой или кулакомъ (Mayerberg, стр. 217)—что было рѣдкостію въ это время, если подданные назвали его „тишайшимъ“. Сообразно тому высокому значенію, которое народъ соединялъ съ особой Государя, онъ долженъ былъ жить великолѣпно, какъ представитель громаднаго государства. Дѣйствительно, азіатская пышность и великолѣпіе окружали его дворецъ. На со-

держаніе двора издерживалось ежегодно десятая часть государственныхъ доходовъ, а въ важныхъ случаяхъ дворцовой жизни, какъ на свадьбы или похороны царя, царицы или царевень, выходила сумма, равняющаяся съ годовымъ или полугодовымъ доходомъ государства. Множество приказовъ было назначено для управленія различными отраслями дворцоваго хозяйства. Въ главѣ всѣхъ дворцовыхъ приказовъ стоялъ Приказъ Большаго Дворца, безъ сомнѣнія; одинъ изъ важнѣйшихъ приказовъ вообще. Ему были подчинены многочисленные города, слободы, села и деревни, доходъ которыхъ шелъ на содержаніе дворца. Для управленія дворцовыми городами и слободами, приказъ назначалъ воеводъ и приказщиковъ, которые отдавали ему отчетъ въ своемъ управленіи и получали отъ него приказанія. Во все царствованіе Михаила, въ этомъ приказѣ сосредоточивались всѣ дѣла по многочисленнымъ ружнымъ церквамъ и не менѣе многочисленнымъ монастырямъ, которыя получили привилегію судиться въ приказѣ. Вѣдомству Приказа Большаго Дворца были подчинены 6 приказовъ, которые завѣдывали различными отдѣлами дворцоваго хозяйства, какъ Казенный дворъ, Сытенный дворъ, Кормовый дворъ, Хлѣбный дворъ, Житенный дворъ, Конюшенный дворъ. На Казенномъ дворѣ хранилась золотая и серебряная посуда, бархаты, камки, атласы, сукна и пр. Всѣ эти вещи употреблялись на раздачу въ награду придворнымъ чинамъ, греческому духовенству, пріѣзжающему за милостыней, московскимъ и городскимъ священникамъ, придворнымъ служителямъ всѣхъ родовъ, стрѣльцамъ и казакамъ. Въ 1670 году было куплено для этой цѣли: 539 арш. бархату, 657 арш. объяри, 947 арш. атласу, 5,810 арш. камки, 3,018 арш. тафты, 12,227 арш. суконъ кармазинныхъ и 9,085 арш. англійскихъ. Всѣ эти вещи стоили 47,897 р. (Д. А. И. т. VI, № 18). Деньги, необходимыя для покупки этихъ вещей, составлялись изъ доходовъ приказа, ежегодныхъ пожертвованій Царю въ день рожденья и сюда же шли пошлины за ввозъ иностранныхъ товаровъ.

Въ Сытенномъ дворѣ хранились питья всѣхъ родовъ и за-

пасы, необходимые для царскаго обихода. Изъ Сытеннаго двора Царь ежедневно посылалъ блюда и вина: греческому духовенству, бывшему въ Москвѣ, кизилбашскимъ купцамъ, придворнымъ ближнимъ людямъ и многочисленной прислугѣ, живущей при дворѣ Царя, царицы и царевень. Каждый день изъ Сытеннаго двора выходило по 100 ведеръ вина и около 400 ведеръ пива и меда; въ праздники выходило до 500 ведеръ вина и 3,000 ведеръ пива и меда (Кот., стр. 60). Виноградныя вина и фрукты во дворецъ доставлялись иногда изъ Астрахани. Когда покупали эти запасы на дворецъ, жителямъ запрещалось покупать что нибудь на свой обиходъ; закупивъ товары, воевода отправлялъ ихъ наскоро во дворецъ днемъ и ночью, чтобы никакихъ остановокъ не было (Д. А. И. т. IV, № 60). Особенно громадное число истреблялось рыбы. На Бѣлоозерѣ и Бѣлоозерскомъ уѣздѣ нѣсколько селъ и деревень занимались исключительно ловлею рыбы на царскій дворецъ (Д. А. И. т. IV, № 38). Въ Нижнемъ покупалось ежегодно до 40 бочекъ рыбы, цѣнностію отъ 2,000 до 6,000 руб. (Д. А. И. т. VI, № 60). Изъ Нижняго же отправляли до 400 бочекъ икры и сиговъ. Изъ Вологды отправлялось до 20,000 берковцевъ семги и лососины Стоимость всей рыбы, истребляемой при дворцѣ, доходила до 100,000 рублей.

Кормовой дворецъ завѣдывалъ отпускомъ блюдъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ. Ежедневно изъ дворца отпускалось до 3,000 блюдъ всѣмъ этимъ лицамъ, въ знакъ царской милости.

Царскій хлѣбный дворецъ раздавалъ хлѣбные запасы дворовымъ всякихъ чиновъ людямъ.

Житенный дворъ обнималъ собою до 300 анбаровъ, въ которые ссыпались хлѣбные запасы изъ царскихъ дворцовыхъ селъ и понизовыхъ городовъ.

ВЕЛИКОЛУЦКАЯ БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВЕННАЯ

КОНЕЦЪ.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	ДОЛЖНО БЫТЬ.
1	12	крѣпостнаго духа	корпоративнаго духа
2	28	съ пригородомъ	съ пригородами
15	1	но посредственные	непосредственные
16	8	служатъ	послужили
17	4	вдовыя	родовыя
23	1	Хворостъ	Хворостининъ
24	7	случаяхъ	суммахъ
35	33	доторовый сборъ	торговый сборъ
36	36	въ 1656 году	въ 1556 году
50	1	эта цифра	эти цифры
60	33	денегъ на дворъ	деньги на дворъ
61	35	помѣстниковъ	намѣстниковъ
67	30	Еще сильнѣе и рѣшительнѣе идетъ Судебникъ противъ рабства, образовавшагося займомъ или кабалой, съ обязанностью служить за ростъ, чтобы не допустить даже презумпціи 15 рублей (Суд. ст. 78) холопства, вытекающей изъ факта долголѣтпяго пребыванія въ домѣ кредитора. Судебникъ объявляетъ, что лица, взявшія деньги должны жить отдѣльно; если кредиторъ заставитъ должника жить у себя, то, чтобы онъ ни укралъ и ни унесъ законъ не взыскиваетъ, даже не разбираетъ этого дѣла.	Еще смѣлѣе и рѣшительнѣе идетъ Судебникъ противъ рабства, образовавшагося займомъ или кабалой. Онъ запрещаетъ кабалы съ обязанностью служить за ростъ съ суммы болѣе 15 р. (Суд. ст. 78). Чтобы не допустить даже презумпцій холопства, вытекающаго изъ факта долголѣтняго пребыванія въ домѣ кредитора, Судебникъ объявляетъ, что лицо, взявшее, деньги должно жить отдѣльно; если же кредиторъ заставитъ жить у себя....

88	28	, когда	. Когда
89	28	изъ городовъ	изъ города
92	17	ятскаго	вятскаго
93	29	Керсти и Кавуѣ	Кереті и Ковнѣ
102	14	они уступили	она уступила
102	25	tulagium	talagium
126	19	Право-Макарія	преосв. Макарія
140	31	, когда	. Когда
155	11	сильны	смѣлы
177	19	повѣрялось	говорилось
189	30	Michelt	Michlet
192	1	благоцвѣтъ	благоросленный цвѣтъ
200	4	въ прежнихъ своихъ несчастіяхъ	въ причинахъ своихъ несчастій
202	15	лично	мочно
211	1	овои	двои
211	3	и понеже	и поселяне
238	21	выдвигается званіе, особое дворянина	выдвигается особое званіе дворянина,
242	28	«сами руды»	«сами худы»
244	12	съ обычаями,	съ событіями
244	7	, это	. Это
264	11	деньга	деньги
272	32	кабалъ	побѣги
280	10	и въ уѣздъ безденежно,	и въ уѣздѣ безденежно брать
287	15	крупичныхъ	кружечныхъ
289	6	ухудшилось	ухудшалось
294	24	Галандеръ	Голандецъ,
301	7	и горные люди	и черные люди
306	2	часто	чисто
331	25	есть	весть
341	21	9-й заповѣди	7-й заповѣди
350	12	слугамъ	слугъ
363	34	гдѣ засѣдали—Боярская дума, какъ	, гдѣ засѣдала Боярская Дума, какъ:
365	11	Думѣ Боярской	Думы Боярской
366	16	, пока	. Пока
363	36	пожертвованій	поминокъ